

Беларусь в исторической, государственной и церковной ЖИЗНИ.

Архиепископ Афанасий Мартос, инок Почаевской лавры
магистр православного богословия Варшавского университета,
бывший епископ Витебский и Полоцкий.

“Сей труд посвящаю любимой родине,
быть может навсегда потерянной для меня,
как равно потерян и я для нее.”
Афанасий Мартос.

Издание третье, исправленное и дополненное, 2003 год.
Интернет-версия под общей редакцией
Его Преосвященства Александра (Милеанта),
Епископа Буэнос-Айресского и Южно-Американского.

Оглавление.

Предисловию к третьему изданию 2003 года.
Предисловие ко второму изданию 2000 г.
Предисловие Архиепископа Афанасия Мартоса.
Прадмова Архієпіскапа Афанасія Мартаса.

Часть первая. Гражданская.

1. Название “Беларусь.”

Общие сведения об этой стране. Происхождение названия “Беларусь.” Слово “Русь.” Беларусь — название старинное. Белорусский язык.

2. Беларусь и Литва.

Древнее население Беларуси. Происхождение названия “Литва.” Беларусь названа Литвой.

3. Беларусь и Великое Княжество Литовское.

Покорение Беларуси. Расширение границ Великого Княжества Литовского. Государственная власть в Великом Княжестве Литовском.

4. Великое Княжество Литовское и Польша.

Династическая уния. Попытки разрыва династической унии. Политика поляков в отношении Великого Княжества Литовского. Люблинская уния. Причины успеха Люблинской унии.

5. Беларусь под властью Польши.

Административное деление. Законодательство. Полонизация края.

6. Беларусь и Россия.

Раздел Польши. Национальный облик Беларуси. Российское правление в Беларуси. Возрождение белорусского самосознания. Попытка создания Белорусской республики. Польско-большевицкий раздел Беларуси. Примечания к 1-ой части.

Часть вторая. Церковная.

1. Христианство в Беларуси

Крещение Руси. Устройство Церкви на Руси. Учреждение Киевской митрополии. Первые епископы в Беларуси. Духовно-религиозное состояние народа и святые в Беларуси. Храмы и монастыри.

2. Литовско-Наваградская митрополия.

Разорение Киева и переселение митрополитов. 2. Учреждение Галичской митрополии. Учреждение Литовской митрополии. Образование Галичско-Литовской митрополии. Попытка Феодорита возглавить Киевскую митрополию. Восстановление Литовской митрополии. Судьба Литовской митрополии. Путешествие митрополита в Москву. Ходатайство о возведении в сан литовского митрополита Феодосия. Избрание литовского митрополита без согласия патриарха.

Митрополит Герасим. Кафедра литовских митрополитов.

3. Литовская митрополия.

Митрополит Исидор — насадитель унии. Литовская митрополия под властью митрополита Ионы. Униатский митрополит Григорий Болгарин. Разделение Русской Церкви на две митрополии. Литовско-наваградские (киевские) митрополиты.

4. Каноническое положение Киевской и Литовской митрополии.

Органы церковной власти. Власть митрополитов и епископов на Руси. Каноническая зависимость от Константинополя. Основы существования Литовской митрополии. Взаимоотношение властей церковных и государственных. Положение Православной Церкви под властью польских королей. Раздача королем епископских кафедр — противоканоническое действие. Церковные соборы. Недвижимое имущество Церкви.

5. Католичество и католическая уния в Беларуси.

Распространение католичества. Наступление римо-католиков на православных. Приготовление к церковной унии. Поездка в Рим для оформления унии. Созыв униатского собора в Бресте. Религиозно-нравственное состояние православной иерархии перед унией.

6. Беларусь под властью униатов.

Противодействие православных церковной унии. Насильственные меры введения Брестской унии. Братства и их деятельность. Восстановление иерархии. Переход полоцкого епископа в унию. Новое положение о Православной Церкви и избрание митрополита Петра Могилы. Могилевско-белорусские епископы. Минская епархия. Мероприятия России в защиту православных в Беларуси. Каноническое положение Белорусской епархии и Киевской митрополии.

7. Католическая униатская церковь в Беларуси.

Создание этой Церкви. Униатские епархии и епископы. Базилиане и униатские монастыри. Ополяченность униатского духовенства. Уничтожение Брестской унии.

8. Протестантизм и социанство в Беларуси.

Протестантизм. Кальвинизм. Антитринитаризм.

9. Церковная жизнь Беларуси под властью России.

Церковное правление. Состояние белорусских православных епархий.

10. Римско-католическая церковь в Беларуси под властью России.

Общее положение. Административное положение. Литература.

Часть 3.

1. Беларусь между двух мировых войн.

Беларусь под властью Советов. Белорусская митрополия. Западная Беларусь в границах Польской республики.

2. Белорусская православная церковь.

Советская оккупация Западной Беларуси. Германско-советская война. Начало организации Церкви в Восточной Беларуси. Хиротония новых епископов. Заточение митрополита Пантелеймона в монастырь. Белорусские деятели и архиепископ Филофей. Общий церковный собор. Возвращение митрополита и посвящение новых епископов. Епископский собор.

3. Положение Беларуси под немецкой оккупацией.

Бедствия населения. Вмешательство светского белорусского актива в церковные дела. Положение католиков и Католической Церкви.

Предисловию к третьему изданию 2003 года.

Третье издание, Интернет-версия, осуществленное Свято-Троицкой Миссией преследовало цель исправить досадные ошибки, вкравшиеся во второе издание, а также дополнить книгу вновь обретенными сведениями.

В нынешнем издании польский текст Адама Мицкевича снабжен литературным русским переводом.

Так как во втором издании неправильно был указан год издания Скориновской Библии, дата указа о веротерпимости Николая II и целый ряд географических названий был написан неправильно – например, Плогойск вместо Логойск – проверены и уточнены все исторические даты и географические названия. Так же были уточнены местоположение Барколабовского монастыря (находящегося в 10 километрах севернее Быхова, а не в 3 от Жлобина), название Чонско-Макарьева Успенского (во втором издании Чонско-Марьев) — монастыря в окрестностях Гомеля, Покровского Оршанского мужского монастыря; нынешнее местонахождение Чудотворной Барколабовской Иконы Божией Матери.

Сведения по этим монастырям и чудотворной Барколабовской Иконе Божией Матери взяты нами из книги Булгакова “Настольная книга церковно-священно-служителя.” Добавлены сведения о судьбе Креста святой Ефросиньи Полоцкой и мощей святого отрока Гавриила Белостоцкого, к моменту написания книги владыкой Афанасием не имевших

достоверных источников. Текст дополнен фотографией и описанием истории Креста святой Ефросиньи Полоцкой и репродукцией чудотворной Барколабовской Иконы Божией Матери. Также внесен целый ряд историко-биографических ссылок, облегчающих восприятие текста.

Предисловие ко второму изданию 2000 г.

Впервые эта книга увидела свет в 1966 году в Буэнос-Айресе в Аргентине, ее составил и издал архиепископ Афанасий Мартос, инок Почаевской Лавры, Магистр Православного богословия Варшавского университета, бывший епископ Витебский и Полоцкий. В Беларуси в 1990 году было выпущено репринтное издание. В 2000 году в Издательстве Беларускаго Экзархата вышло исправленное издание.

Предисловие Архиепископа Афанасия Мартоса.

Проф. Коялович начал цикл своих лекций в Варшавском университете о Беларуси следующими словами: “Я буду говорить о такой стране, в которой я родился, вырос и из которой вынес задатки настоящей моей деятельности. Все, что я знаю и думаю об этой стране, я могу назвать моим, родным, как потому что все это касается моей родины, так и потому, что не могло быть усвоено ни случайно, ни легко. Следовательно, я не могу относиться равнодушно к моему предмету” (Лекции по истории Запад. Руси, Москва, 1864, стр. 4-5).

Я повторяю эти слова проф. Кояловича, как близкие мне, ибо они выражают мои чувства и мои мысли. В исторической литературе имеется весьма мало печатных трудов о Беларуси. Этот недостаток объясняется тем, что эта страна долгое время находилась в границах Польши либо России и не была предметом специального изучения историков. О ней писали или вспоминали при изучении истории Польского или Российского государства. Но отдельного специального исторического исследования о Беларуси не было. Нашей задачей ныне является восполнить этот пробел и по мере возможности представить ее историческую государственную и церковную жизнь на основании документальных данных в главнейших ее событиях.

Историческая жизнь Беларуси весьма интересна и заслуживает внимания не одних только историков. Один из историков Беларуси, Адам Киркор, писал: “Белоруссия — край могил, курганов, городищ, городков, урочищ, замков, замковищ, — край, где чуть не на каждом шагу вы встретите следы минувшего в памятниках, сказаниях, песнях.” Это свидетельство указывает на многочисленность древних исторических памятников, веками хранившихся на Беларуси, но учеными не исследованных в надлежащей степени и не упомянутых в печати.

Примечание: Киркор (Адам-Гонорий Карлович, 1812-1886) – белорусско-литовско-польский ученый и литератор, уроженец Могилевской губернии. Учился в могилевской гимназии и виленском дворянском институте. Издал сборники “Радегаст” (1843), под псевдонимом Jana z Sliwina (родина Киркора), и “Pam. Umyslowe” (1845-46). В 1850-54 г. редактировал “Памяти князя Виленской губернии.” Часть его статей вышла под заглавием: “Историко-статистические очерки Виленской губернии” (1853). Вместе с П. Кукольниким, издали “Черты из истории и жизни литовского народа” (1854). В 1858 г. назначен консерватором Виленского музея древностей. Напечатал множество статей по литовской археологии, этнографии и статистике, из которых важнейшие: “Монетное дело в Литве” (1869, “Древности,” том II, выпуск 2) и “Этнографический взгляд на Виленскую губернию” (“Вестник Императорского русского географического общества,” 20-21, 1857-1858). Киркор был издателем целого ряда сборников и журналов: “TeKa Wilenska,” “Pismo zbiorowe Wilenskie,” на рус-

ском и польском языках, “Виленского Вестника” — в 1867-72 годы. В 1872 г. переселился в Краков, где посвятил себя археологии, исследованиям и экскурсиям в Галиции и на Покутье (сейчас это часть Тернопольской и Ивано-Франковской областей Украины, его административным центром была крепость Коломыя). Напечатал в III томе “Живописной России” Вольфа обширную монографию о “Литве и Белоруссии.” Последний труд его – “Bazylika Litewska” (1886). Его “Przewodnik po Wilnie” вышел в 1880 г. 2 изданием. Его труды по галицкой археологии помещены в “Zbiór wiad. doantrop. Krajowej” (1-8, 1877-1884 годы), издание Краковской Академии Наук, при которой он состоял хранителем археологических коллекций и заведующим секцией раскопок. Он первый познакомил ученый мир с литовскими и белорусскими древностями и возбудил на месте любовь к изучению родной старины, как литовской, так и белорусской. Как журналист и политик, подвергался сильным нападениям крайних партий польских и русских; как неутомимый труженик и полезный местный археолог-этнограф, он останется незабвенным в истории национального возрождения литовско-белорусского края. Немалы также его заслуги для славянской археологии Галиции и Подолии. См. Янчук, “А.К. Киркор” (Москва, 1888); Kunasewicz, “Archeologia polska,” в брошюре Stan. Krzyzbnowskiego: “Eustachy hr. Tyszkiewicz i jego prace” (Львов, 1873); Пыпин, “Русская Этнография.” Э. Вольтер. *Прим. ред.*

Моя скромная работа о Беларуси задумана была еще в Германии в 1945 году. Но тогда условия моей жизни не позволяли разыскать необходимую литературу. Собранные мною сведения позволили мне издать на ротаторе в 1947 году труд по истории Белорусской Православной Церкви, созданный в годы войны 1941-1944 гг. Эта небольшая работа содержала краткие исторические сведения о Беларуси. Издана она была на белорусском языке для белорусских эмигрантов и быстро разошлась. Вторая редакция этой работы, значительно исправленная и дополненная, была подготовлена в 1953 году, но ее издание не было осуществлено вследствие недостаточности денежных средств. Нынешнее же издание коренным образом переделано и дополнено историческими данными, взятыми из указанной здесь литературы.

Я буду благодарен тем, кто со вниманием прочитает этот скромный труд о моей родине.

Прадмова Архіепіскапа Афанасія Мартаса.

З заморскага краю чулае сэрца рвецца на родныя гоні, а думка імкнецца ў мінулае, шукаючы там супакою. Туга па роднай краіне мацнее на далакай чужыне.

И вспоминаю я свои былые годы,
Как мирно здесь и счастливо я жил,
Как улыбался я красотам всем природы
И в дебрях с эхом говорил.

Апухтин.

Польскі паэт Адам Міцкевіч моцна сумаваў па радзіме, як страціў яе, і свой жаль апісаў у наступных словах:

Litwo! Ojczyzno moja, ty jesteś jak zdrowi.
Pe cię trzeba cenić, ten tylko się dowie kto cię stracił.
Dziś piękność twą w całej ozdobie
Widzę i opisuję, bo tęsknię po tobie.

Pan Tadeusz

Отчизна милая, Литва! Ты как здоровье,
Тот дорожит тобой, как собственной кровью,
Кто потерял тебя. Истерзанный чужбиной,
Пою и плачу я лишь о тебе единой.

Адам Міцкевіч нарадзіўся ў Наваградчыне. За старадаўнім звычаем ён назваў радзімую Наваградчыну Літвою. Але Наваградчына — з давен даўна зямля беларуская. З пакон ваякоў тут жылі беларусы. Літвою празвалі яе таму, што тут некалі гаспадарылі літоўскія князі, якія стварылі магутную дзяржаву — Вялікае Княства Літоўскае.

У XVI стагодзьдзі ў Беларусь панаехалі чужынцы палякі, ды сілаю забралі ўладу ў свае рукі. Трыста гадоў яны тут панавалі, але беларусаў палякамі зрабіць не змаглі.

Адам Міцкевіч паходзіў з беларускага роду, але польскае выхаванне зрабіла яго польскім шляхецкім паэтам. Свайго прыгнечанага і забітага беларускага народу ён не разумеў і не адчуваў яго цяргеньня.

Пры канцы XVIII стагодзьдзя Беларусь прылучылі да Расеі. За расейскім часам нарадзіўся беларускі паэт Якуб Колас. Сапраўднае яго прозьвішча было Міцкевіч, а імя Кастусь. З польскім Адамам Міцкевічам радніла яго Наваградчына і супольнае прозьвішча. У жылах іх абодвух цякла беларуская кроў, а розныя нацыянальныя перакананьні пачужылі іх меж сабою.

Наваградчына — мая радзіма. Завітая была маёю нянькаю, а Нясьвіж — настаўнікам. Тут прашлі мае маладыя гады. Старэнькі дзед Макаш казаў мне казкі пра былое, а Завітанскі лес прабудзіў у маім сэрцы любоў да красы прыроды, ды навучыў Богу маліцца у адзіноце. Ня раз вячэрняю парою ясныя зоркі мне “тайну Божую вяшчалі і жар малітвы ўзмацнялі.” У экстазе гарачай малітвы здавалася мне, што ў нябёсах я бачу Бога. У Завітой я навучыўся верыць і маліцца. Адсюль жыцьцёвы шлях павёў мяне ў шырокі сьвет служыць Богу й людзям у духоўным стане.

Цяпер з далекай чужыны думкі мае імкнуцца да роднага краю і памяць малое мілыя сэрцу незабыўныя вобразы радзімы. Прад вачыма ўсплываюць беларускія векавечныя пушчы і дрымучыя лясы з багаццем птушынага царства і разналікай зьвярыны, якія некалі вабілі польскіх каралёў і расейскіх цароў на паляванне. Прыпамінаюцца неабсяжныя далі і старадаўнія шырокія гасьцінцы з сыпучымі пяскамі і плакучымі сталетнімі бярэзінамі, пасаджанымі паабапал дарогі. І хто не таптаў гэтыя гасьцінцы-дарогі на іх доўгім вяку? Былі тут татары й палякі, швэды й французы, немцы й расейцы. Кожны з іх нешта пакінуў беларусам: татары — бізун, палякі — халеру, французы — пранцы, немцы — штунду, расейцы — зьянагу маці ў ляянцы.

“Беларусь, Беларусь залатая,” сьвежа зьвіняць словы юнацкай песьні і чаруюча дзеюць на душу, распалючы агонь любові да радзімы. Але каб моцна яе любіць, трэба беларусам радзіцца і беларусам памерці, бо хто аброс чужым мясам ня ўмее любіць Беларусь.

Часть первая. Гражданская.

1. Название “Беларусь.”

Общие сведения об этой стране.

Точные границы Беларуси никогда никем не были установлены. Этнографические границы ее определил ученый Е. Ф. Карский, написавший капитальный трехтомный труд под заглавием “Белоруссы,” изданный в 1903 году. В первом томе названного сочинения он установил, что белорусы искони жили и на своем языке разговаривали в следующих губерниях бывшей Российской империи: Виленской, Витебской, Гродненской, Минской, Могилевской и в уездах: Городнянском, Мглинском, Новгород-Северском, Новозыбковском, Стародубском и Суражском Черниговской губернии; Дорогобужском, Ельнинском, Красненском, Поречском, Рославльском и Смоленском Смоленской губернии; Зубцовском, Осташковском и Ржевском Тверской губернии; Великолуцком, Опочком и Торопецком Псковской губернии; Августовском и Сейненском Сувалкской губернии; Жиздринском и Масальском Калужской губернии; Брянском и Трубчевском Орловской губернии; Илукстском Курляндской губернии Новоалександровском Ковенской губернии.¹

Примечание. Карский (Евфимий Феодорович) — филолог. Происходит из духовного звания, уроженец Гродненской губернии, родился в 1860 г., учился в минской духовной семинарии и Нежинском историко-филологическом институте, где занимался славяно-русской филологией под руководством профессора Р.Ф. Брандта. С 1894 г. состоял экстраординарным профессором Варшавского университета по кафедре русского и церковно-славянского языков. Ученые труды профессора Карского посвящены изучению его родного белорусского наречия и представляют заметное явление в науке. Для желающего познакомиться с белорусским наречием работы Карского — лучшее пособие. Важнейшие труды: “Обзор звуков и форм белорусской речи” (Москва, 1886, из “Известий Историко-филологического Института в Нежине,” том X); “К истории звуков и форм белорусской речи” (Варшава, 1893; магистерская диссертация); “К вопросу о разработке старого западнорусского наречия” (Вильна, 1893); “Два памятника старого западнорусского наречия: лютеранский катехизис 1562 г. и католический катехизис 1585 г.” (“Журнал Министерства Народного Просвещения” 1893, август); “О языке так называемых литовских летописей” (Варшава, 1894). Н. Т. *Прим. ред.*

На основании одного немецкого атласа, изданного до войны 1939 года, площадь Беларуси определена в 318 641 кв. километр. Но этнографическая площадь поселения белорусского населения превышает указанную в немецком атласе. Однако, если принять во внимание уменьшенную площадь Беларуси, то все же она больше Югославии, Румынии, Италии, Чехословакии, Греции, Болгарии и многих других существующих ныне государств.

Окружающие родственные соседи всегда посягали на белорусские земли и в любое время были готовы добиваться своих прав на владение ими с оружием в руках. Во избежание кровопролития вопрос о спорных областях требует справедливого решения без помощи военной силы.

Население Беларуси исчисляется в миллионах. Основываясь на статистических данных до 1939 года, на землях Беларуси проживало более 14 миллионов человек. Но вторая мировая война эти цифры сильно изменила.

Наиболее значительными городами являются: Минск, Вильно, Витебск, Могилев, Гомель, Бобруйск, Полоцк, Гродно и многие другие. Большое число городов Беларуси существует с самых древнейших времен, с X-XII веков. Первоначально столицей Беларуси и

¹ Карский: “Белоруссы,” т. 1, стр. 3-9.

Великого Княжества Литовского был Новогородок (Наваградок или Новогрудок). Новогрудком он назван поляками. Позднее в историческое время столицей государства было Вильно. В наше время столицей Беларуси является г. Минск.

По роду занятия большинства населения Беларусь представляется страной сельскохозяйственной. Ее население, преимущественно сельское, искони хранит свой народный быт, свои национальные традиции, вековой уклад жизни, свой язык, христианскую веру и религиозные обряды. Эти особенности определили национальный облик народа.

В вероисповедном отношении Беларусь — страна православная. Среди ее населения есть римо-католики, евреи израилиты, татары мусульмане, кальвинисты и сектанты разного названия. По переписи 1909 г. римо-католиков было: в Гродненской губернии 5%, в Виленской губ. 15%, в Витебской губ. 3%, в Минской губ. 4%, в Могилевской губ. 3%.² Остальные вероисповедания представляют незначительное число, кроме евреев, которых было много в Беларуси.

Почва в основном малоплодородная, требующая удобрения и большого ухода. Белорусские крестьяне всегда отличались трудолюбием, выносливостью и любовью к семье. Эти качества сильно привязывали их к родным очагам и удерживали их от отъезда в другие края для поисков труда и поселения. Жили они в больших деревнях, свои дома строили из дерева почти по одному образцу, а крыши покрывали соломой. Этот строительный материал был самый дешевый. Деревенские дома располагались по обеим сторонам улицы, что придавало специфический вид белорусской деревне, которая обычно была густо заселена. Постройки стояли вплотную одна к другой, вследствие малой площади, занимаемой ими. Бедность сельского населения и малоземельность были причиной скученности белорусской деревни.

По природе белорусские крестьяне миролюбивы, терпеливы и благожелательны. Благодаря таким качествам соседи жили в мире, в праздничные дни навещали друг друга, а в беде взаимно помогали. В советское время вековой быт и народный характер белорусов сильно изменился под влиянием соответствующей пропаганды, а вместе с этим изменилось и мировоззрение белорусского селянина. Создан новый тип человека, мало чем похожий по своему духовному облику на прежний, традиционный. Белорусская деревня под советской властью изменила свое лицо до неузнаваемости.

Природные богатства Беларуси надлежащим образом не исследованы. В недавнее время в недрах земли обнаружены залежи торфа; особого рода глины для выделки извести, цемента, бетона, канализационных труб, керамики; найдены слои каолина для фаянсовых и фарфоровых изделий, залежи каменной соли, нефти, бурого и каменного угля, железной руды, горючих сланцев, руды, цветных металлов, песка для выделки стекла и стеклянных изделий, а также открыты источники минеральных вод хлористо-натриевого типа. Эти природные богатства послужат на пользу развития страны.

Беларусь всегда славилась своими лесами. В древности в них водились туры, зубры, олени, лоси, кабаны, косули, россомахи, рыси, волки, лисицы, соболи, куницы, выдры и другие лесные звери, а также множество пернатых. Польские короли и российские императоры приезжали сюда на охоту. Вследствие бесконтрольного уничтожения лесов и алчного истребления диких и редких зверей многие виды их исчезли из белорусских лесов.

Страну орошают большие реки, из которых главными являются: верхний Днепр с притоками: Сож, Беседь, Березина, Друть и др.; Припять с притоками: Птичь, Случь, Лань, Ясельда; Неман с притоками: Вилия, Щара, Уша; Западный Буг с Наревом, Супраслью,

² Станкевич: “Судьбы народов России,” стр. 54.

Бобром; Западная Двина с притоками: Межа, Улла, Дисна, Полота; есть также много больших и малых озер. В реках и озерах водилось много рыбы, но рыбный промысел не был развит.

Происхождение названия “Беларусь.”

Это название составляется из двух слов: “Белая” и “Русь.” Исторически известно, что в старину существовали названия: Червонная Русь, Галичская Русь, Холмская Русь, Черная Русь, Белая Русь, Великая Русь, Малая Русь.

Некоторой аналогией в этом отношении служат названия морей. Морская вода везде по цвету и качеству одинакова, а между тем люди называют: Белое море, Черное море, Красное море, Желтое море. Очевидно, что цвет прибрежных скал и нависших грозных туч способствовали появлению этих названий.

Мнения в вопросе о причинах возникновения разных названий Руси существуют разные, но наиболее правдоподобными представляются те, которые высказывают следующие положения. “Белая Русь” получила свое название от шерстяной и холщовой самодельной ткани белого цвета, из которой местные жители изготавливали для себя одежды с незапамятных времен. “Черная Русь” названа от дремучих и темных лесов и пущ, покрывавших некогда огромные пространства этой области. От города Червеня, существовавшего с X века, произошло название “Червонная Русь.”

Примечание. Остатки крепости и города Червеня сохранились на правом берегу реки Гучвы возле селений Чермно и Турковицы на Холмщине.

Город Холм, основанный в XIII веке галичским князем Даниилом Романовичем на высоком холме в лесу, дал название “Холмская Русь.” “Галичская Русь” названа от древнего стольного города Галича. Эта область названа австрийцами Галицией. “Малая Русь” как название стало известно впервые в XIII веке, когда холмско-белжский князь Юрий Андриевич, владевший и Галичской Русью, именовал себя князем “Малой Руси.”

Примечание. Георгий или Юрий II, князь галицкий (умер в 1340 г.), тождество которого с Болеславом Тройденовичем доказано чешским ученым Ржебабком. У русских историков он называется и Георгием Болеславом, и Георгием Казимиром. Ср. статью А.В. Лонгинова “Грамоты малорусского князя Юрия II и вкладная запись князя Юрия Даниловича Холмского XIV века” в “Чтениях в Императорском обществе истории и древностей” 1887 г. книга II и статью Ржебабка (по-русски в “Записках Академии Наук” 1887 г.). *Прим. ред.*

Отсюда это название распространилось на Волынь и Киевскую Русь. Юго-восточные области Киевской Руси уже с XII века назывались Украиной.³ Название “Великая Русь” появилось с образованием Московского государства. Таким образом, все названия Руси сложились в далекие времена и имеют за собою историческую традицию.

Когда Московское государство стало называться Россией, то Беларусь называли “Белоруссией.” Но Белая Русь или Беларусь Россией или Руссией никогда не называлась в исторические времена. “Беларусь” или “Белая Русь,” и “Белоруссия” или “Белая Россия” понятия разные и неприменимы к одной и той же стране.

Коренные жители Белой и Черной Руси искони называют свою родину “Беларусь.” Это название правильно, и его мы употребляем в настоящем труде.

³ “Хрестоматия,” стр. 148; Соловьев: “История России,” т. 1, стр. 127.

Иностранцы ошибочно переводят на свои языки слово “Белая” и таким образом искажают собственное имя “Беларусь.” Так, например, поляки пишут “Бяларусь,” украинцы “Біларусь,” немцы “Вайссруслянд,” англичане “Уайтраша,” французы “Бляншрюсс.” Однако после второй мировой войны эта ошибка исправляется по почину Организации Объединенных Наций. По примеру этой организации Беларусь в международной политике стали называть “Bielorussia.” Этим термином пользуются газетные репортеры и журналы.

Некоторые белорусские националисты польско-католической ориентации пытались переименовать Беларусь в Кривию. Но это искусственное название не привилось в белорусских народных массах. Не нашло оно признания и за границей среди политиков и ученых разных европейских стран.

Примечание. По имени населявшего эти территории в древности племени кривичей. **Кривичи** — многочисленное восточнославянское племя, занимавшее верховья Волги, Днепра и Зап. Двины, юж. часть Озёрной области и часть бассейна р. Неман. Исследователи не относят кривичей ни к “словенам,” пришедшим с юга, ни к славянским племенам, переселившимся с запада, ни к “иным языкам.” Некоторые исследователи к кривичам причисляют и ильменск. словен. Кривичи были, вероятно, первыми восточными славянами, двинувшимися в VI в. из Прикарпатья на северо-восток. Ограниченные в своём распространении на северо-запад и запад, где они встретили сильные литовские и финские племена, кривичи продвинулись к северо-востоку и поглотили жившие там малочисленные финно-угорские и балтийские племена. На западе они вместе с дреговичами составили нынешнюю белорусскую народность. Поселяясь на вел. торг. пути “из варяг в греки,” кривичи принимали участие в торговле со Скандинавией и Византией. Император Константин Багрянородный говорит в своём соч. о том, что кривичи делают лодки, на которых русы ходят в Царьград. Кривичи, как племя подчинённое Киеву, участвовали в походах киев. кн. Олега Вещего и Игоря Старого на византийцев. В договоре Олега упомянут их город Полоцк. Древнейшими археологическими памятниками кривичей являются длинные курганы с трупосожжениями, относящиеся к VI-IX в. Племенной особенностью бытового инвентаря кривичи является характерный набор женских украшений: браслетообраз. височные кольца и стеклян. позолочен. бусы. Осн. занятием кривичей являлось земледелие. Развита была также животноводство, кузнеч. и ювелир. дело и др. ремёсла. Уже в эпоху образования Киев. Руси у кривичей существовали политич. центры: Изборск, Полоцк и Смоленск. Последний племенной князь кривичей Рогволод вместе с сыновьями был убит (980) новгородским князем Владимиром Святославовичем. *Прим. ред.*

Где-то во второй половине XIX в. Беларусь была названа “Северо-Западным краем.” Такое название, данное российскими государственными властями, имело чисто национально-политический характер. Его придерживались все российские историки, которые писали о Беларуси. После первой мировой войны оно отпало само собой и совершенно забылось, оставшись только в исторической литературе на русском языке.

Коммунистическая власть, завладевшая Беларусью в 1918 году, назвала ее “Белорусская Советская Социалистическая Республика,” сокращенно “БССР.” Верховная власть этой республики находилась в Москве. После второй мировой войны советская коммунистическая власть ввела в организацию Объединенных Наций отдельного делегата от Беларуси, который стал заседать там наравне с другими делегатами этой международной организации. В такой форме Беларусь вступила на арену мировой политической жизни.

Слово “Русь.”

Происхождение этого слова точно не установлено исторической наукой. Мнения ученых расходятся в этом вопросе. Одни производят его от варяжского племени, из которого вышли первые князья на Руси: Рюрик и Олег. Это мнение находит подтверждение в

старинной Ипатьевской летописи XIV века, где говорится: “И изгнаша Варягы за море и не даша им дани и почаша в себе володети и не бе в них правды и вѣста род на род и быша оусобице в них и воевати сами на ся почаша и рекоша: поищем сами в собе князя иже бы володел нами и рядил по ряду, по праву. Идоша за море к Варягом к Руси, сице бо звахут ты Варягы Русь.”⁴ Здесь идет речь о псковских и новгородских славянах. Другие историки доказывают славянское происхождение слова “Русь.”

Откуда бы это слово ни произошло, но на заре исторической жизни русско-го народа оно уже было известно. В древнем документе времен киевского князя Олега, в договоре его с греками в 911 году, записано: “Аще оукрадет Русин что либо оу крестьянина или паки хрестьянин оу Русина.”⁵ В договоре кн. Игоря с греками в 944 году говорится: “Аще убьет хрестянин Русина или Русин хрестянина... да убьют и.” (Там же.) Под “хрестянином” или “крестьянином” подразумевается православный грек. Греки в то время были христианами, а русины находились еще в язычестве. В “Омилиях” 51 и 52 Константинопольского патриарха Фотия (878-886) сказано: “Росы — народ скифский и грубый.”⁶ Приведенные летописные свидетельства подтверждают, что слова “Русь” и “русин” возникли очень рано в жизни славянских племен, которые прозваны Русью.

Примечание. Фотий, святитель, (ок. 820-ок. 891), византийский церк. деятель и богослов, патриарх Константинопольский. Род. в аристократич. семье. Получил разностороннее классич. образование. Занимал при визант. дворе ряд высоких должностей. В результате государств. переворота занял место смещенного патр. Игнатия (858). Позднее его самого дважды низлагали (867 и 886). Ф. был активным поборником церк. независимости Византии. Его столкновения с Римом привели к первому разделению христиан Востока и Запада. Ф. много способствовал христианизации слав. народов. Его учениками были свт. Кирилл и Арефа Кесарийский. Скончался Ф. в ссылке.

Фотий был одним из образованнейших людей своего времени. Для библейской науки немалое значение имеет его энциклопедич. труд “Мириобиблион” (“Множество книг”), который содержит обзор 280-ти рукописей (в 19 в. книга была переведена на рус. яз. свящ. Надеждиным Н., но напечатан пер. не был). Среди них утраченные произведения иудейского историка Юстуса Тиверийского, современника Флавия, и ряда раннехрист. писателей (Гегезипп, святой Иустин и др.). Ф. составил катены на Псалтирь и послания апостола Павла. Кроме того в своей книге “Ответы Амфилохию” он рассмотрел множество трудных мест Библии и объяснил ряд встречающихся в ней “противоречий” библейских. “Ответы” содержат и рассуждения о литературном характере евр. и греч. текстов свящ. книг. В полемическом труде, направленном против визант. павликианства (род манихейства), Ф. указал на духовное единство Библии, которое отрицалось этими еретиками. *Прим. ред.*

Это название появилось сперва в Киеве с приходом сюда на княжение Олега (ум. 912). Летописное сказание приписывает ему изречение о Киеве следующего содержания: “Се буди мати градом руським.” Из Ипатьевской летописи известно, что в дружине Олега служили: “Словены, и варязи, и прочи прозвашася Русью.”⁷ Отсюда видно, что вся разноплеменная дружина кн. Олега называлась “Русь.” Это название существовало также при его преемниках. В Лаврентьевской летописи говорится: “Иде Володимер к ляхом и зая грады их Перемышль, Червень и ины грады, иже суть и до сего дне под Русью.”⁸ Это свидетельство указывает, что слово “Русь” распространилось из Киева на все славянские племена, которые попали под власть киевских князей.

⁴ “Хрестоматия,” стр. 191; Полн. Собр. Рус. Летописей, т. 1, стр. 5.

⁵ Там же, стр. 150.

⁶ Огиенко: “Византия и Украина,” стр. 51.

⁷ “Хрестоматия,” стр. 170-171.

⁸ Там же, стр. 345.

Первоначально Киевское княжество называлось Русской землей. Так, например, великий князь Мстислав Владимирович писал о себе: “Се аз Мстислав Володемер сын держа Руську землю.”⁹

Киевское влияние особенно усилилось после крещения Руси в 988 году. Проповедь христианской православной веры была занесена во все концы обширного Великого Киевского княжества. Вместе с Христианством закреплялось название “Русь” среди славянских племен, объединенных церковным и княжеским центром в Киеве.

Название “Росия” появилось среди греков. Грекам было легче произнести слово “рос,” чем “рус.” От этого “рос” они произвели “Росия.” Греческие монахи, исправлявшие церковно-богослужебные книги в Москве в первой половине XVII века, распространили это название по Руси. По примеру греков начали писать слово “Росия” киевские богословы XVII в. в церковных книгах. Они же образовали название “росияне,” по образцу греческого “рос” вместо родного “русин” или “рус,” употреблявшихся с IX века на Руси. При имп. Петре Великом “Росия” стала общеупотребительным официальным названием. С того времени это название утвердилось за Русским государством, долгое время называвшимся Московским.

В названии “Россия” принято писать сдвоенное “с.” Известный русский ученый и издатель толкового словаря В. Даль писал в своем сочинении (том X) по этому поводу следующее: “Почему, землячок, ты пишешься Русский, а не просто Руский? Если тебя и смущают слова: Россия, российский екатерининских времен, то, во-первых, самое слово это — высокопарное сочинение любителей высокого слова взамен Руси и русского; во-вторых, сдвоенная буква “с” забрела в слово Россия из немцев... Встарь писали “руский” и поныне на всех славянских наречиях также.”¹⁰

От слова “Россия” производные слова: “российский,” “россияне,” “россиянин.” Если Россия, то и “российский язык,” “российское государство,” “российский народ,” а от слова “Русь” — русский язык, русский народ, русская история и т.д. Если придерживаться названия Россия, то от него следует производить и все прочие названия.

Беларусь — название старинное.

Российский академик В.И. Ламанский¹¹ указывает на древность названия “Белая Русь.” Он ссылается на немецкого поэта конца XIV — начала XV вв. Петра Сухенвурт, который в своих поэмах упоминает о Белой Руси, называя ее “Weissen Reuzzen.”(В. И. Ламанский, “Живая Старина,” 1891, вып. III, стр. 245-250.)

Примечание. В. И. Ламанский окончил историко-филологический факультет Петербургского университета со степенью кандидата в 1854 г. В январе 1860 г. он был удостоен степени магистра за рассуждение “Славяне в Малой Азии, Африке и Испании” (СПб., 1859 г.). С 1858 по 1862 г. Ламанский состоял на службе в Государственном Архиве. В 1862 г. он был отправлен за границу, а вернувшись в конце 1864 г. в Россию, был избран в доценты Университета по кафедре славянской филологии. В 1870 г. Ламанский удостоивается степени доктора за рассуждение “Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе” (СПб., 1870). В 1899 г. — избирается в действительные члены Академии наук. *Прим. ред.*

Польский писатель XIV века Ян Чарнковски, составивший интересные записки о своем времени, рассказывает о том, что литовский князь Ягайло был заключен со своей матерью

⁹ П. Шафарик: “Славянские древности,” стр. 63-64.

¹⁰ В. Даль, “Сочинения,” стр. 588-595.

¹¹

“in quodam Castro Albae Russiae Polozk dicto,”¹² т.е. в замок под арест в Белой Руси. Подобные же указания о названии Беларуси находились в письмах Витовта 1413-1442 гг. “Во всех перечисленных местах — говорит Карский — говорится о Белой Руси, как о чем-то вполне известном, всем понятном. Отсюда естественно следует заключение, что это название было общеизвестным, живым, народным, издавна употребительным выражением.”¹³ Академик Ламанский подтверждает, что с большой вероятностью можно полагать, что оно “древнее века Ольгердова и даже Гедиминова, что оно существовало уже в конце и даже в середине XIII века.”¹⁴

Примечание. Витовт — сын Кейстута, великий князь Литовский, во крещении православном и втором католическом — Александр, первом католическом — Виганд (1350-1430). Участвовал в походах отца на Москву (1368 и 1372 годов), Польшу и Пруссию. По смерти Ольгерда (1377) Витовт боролся с его наследником Ягайлом, сначала (1381-82) как помощник отца, а потом самостоятельно (1382-84). Когда, не имея средств для защиты своей власти на Литве, Ягайло задумал соединить посредством брака с Ядвигой Литву с королевством польским, Витовт примирился с ним и в качестве областного князя литовского участвовал в правительственной деятельности Ягайло (1384-90). По мере упрочения положения Ягайло, ставшего польским королем и введшего Литву в состав короны польской (1386), изменялось отношение его к Витовту; вопреки обещанию, он не отдал Витовту Троку. Для построенной на литовско-националистической почве оппозиции Витовта пригодные элементы нашлись без труда. В 1390 г. Витовт при помощи Тевтонского ордена стал отвоевывать Литву. В это же время (1390) произошло сближение Витовта с Москвою: великий князь Василий I женился на его дочери Софье. В 1392 г. заключен был мир; Витовт получил все наследство отца и признан был пожизненным великим князем литовским. В 1395 г. Витовт присоединил к Литве сравнительно слабый и территориально связанный с нею Смоленск; в 1395-96 годах удачно боролся с Рязанью; в 1397-98 годах Витовт успешно воевал с татарами; в 1398 г. у него просил помощи Тохтамыш. В 1399 г., при незначительной помощи ордена и Польши, Витовт организовал большой поход против татар в степь, неудачно окончившийся 12 августа того же года битвою на реке Ворскле. В 1415-16 годах западно-русские епископии были отделены от общерусской митрополии; митрополитом был избран Григорий Цамблак. Разделение продолжалось до 1419 г., когда Витовт примирился, по-видимому, с Фотием московским. Цамблак ездил на Констанцкий собор по делу соединения церквей, но безрезультатно (1418). Дружественные, а с 1423 г. покровительственные отношения к Москве, союзный договор с Тверью (3 августа 1427 г.), зависимость рязанского (1427) и других верхнеокских князей, мир с Новгородом (кроме несогласий 1412 — 14 годов и войны 1428 г.) и Псковом (кроме войны 1426 — 27 годов) — характеризуют русские отношения Витовта. На татарском Востоке Витовт усердно вмешивался в нестроения и победоносно отражал набеги (особенно в 1416, 21 и 25 годах). Вся правобережная степь до Черного моря признавала его власть. Умер 27 октября 1430 г. *Прим. ред.*

В начале XVII века это название было распространено в Москве. Там жителей Беларуси называли белорусцами. Патриарх московский Филарет, возвратившийся из польского плена, говорил на московском соборе в 1620 году: “Когда я был в Польском и Литовском государстве, я видел многие церковные несогласия у самих христиан православных, которые там называются белорусцами.”¹⁵ У патриарха Никона, в его монастыре “Новый Иерусалим” недалеко от Москвы, находились мастеровые белорусы. В старинном описании жития этого святителя говорится: “Много пребываху иноземцев: греков, поляков, черкес,

¹² Bielowski, August, Mon. Hist. Pol. T. II, str. 719; Prochaska, “Codex Epistolaris Vitoldi,” Cracoviae, 1882, str. 245.

¹³ Карский: “Белоруссы,” т. 1, стр. 115.

¹⁴ Ламанский, там же, стр. 245.

¹⁵ М. Богоявленский: “Петр I. Материалы для биографии,” стр. 72.

белорусцев, крещенных и некрещенных, немцев и жидов, в монашеском чину и в мирянах.”¹⁶

Это название пришло в Москву из Великого Княжества Литовского. В документах XVII века часто встречается слово “белорусцы.” В актах 1648 г., изданных в 1954 г. в Москве под названием “Отписки,” находятся следующие фразы: “Литва и белорусцы на королевство не ходят,” “белорусец Ивашко,” “о прииманье из-за рубежа белорусцев,” “ныне де в Путивле белорусцы и черкасы многия люди живут.”¹⁷ Эти данные указывают, что белорусов в XVII веке называли белорусцами.

Беларусь как страна имела важное значение для русских царей. Царь Алексей Михайлович, временно занявший город Вильно в войне с Литвою в 1655 г., присоединил к своему царскому титулу слово “Беларусь.” Его титул звучал: “Самодержец Великия, Малыя и Белья Руси.” Такой же титул имели его сыновья Иоанн и Петр Алексеевичи, восседавшие на царском престоле после своего отца. Этим титулом венчались все последующие цари, императрицы и императоры России.

Православные епископы могилевские в XVIII-XIX вв. титуловались епископами белорусскими. Во время господства церковной унии в Беларуси все полоцкие униатские епископы и униатский митрополит именовались белорусскими. В императорской России один из драгунских полков назывался белорусским. Это указывает, что название “Беларусь” существовало давно и имело важное значение в те времена.

Белорусский язык.

Белорусы имеют свой собственный разговорный язык. На этом языке они искони говорили в кругу своей семьи и друзей, слагали песни и былины, рассказывали сказки и легенды, писали летописи и сказания, составляли юридические акты и государственные грамоты, сочиняли стихотворения и повести. Этот язык объединял их в один народ белорусский.

В истории отмечается длинный многовековой период, когда белорусский язык был государственным в Великом Княжестве Литовском. На нем писали все акты государственного значения, административные и военные распоряжения, судебные протоколы и приговоры, дарственные грамоты, духовные завещания и торговые договоры. На нем произносили свои речи послы и сенаторы в сеймах, вели беседы и спорили между собою бояре и князья. Он был родным для них. Все слои населения, от князей до простых мещан и крестьян, говорили на своем родном белорусском языке. Великий князь литовский и весь его великокняжеский двор пользовались белорусским языком как родным. Таково историческое прошлое белорусского языка.

Исторических памятников того времени, писанных на белорусском языке, сохранилось много. Главнейшие из них: “Статут Казимера Ягеллона” 1492 г.; “Литовский статут” 1521-1529-1564-1566 и 1588 гг.; “Трибунал вел. кн. литовского” 1581 г.; “Библия” Ф. Скорины 1517-1519 г., его же “Апостол” 1515 г., его же “Псалтирь” и “Акафисты” изд. 1517-1522 г.; “Хроника” Быховца, изд. Нарбутом в 1846 г.; “Летописец литовский и русский,” изд. Даниловича 1827 г.; “Летописец” Феодора Евлашевского 1546-1604 гг.; “Устав на волюки” Сигизмунда Августа 1557 г.; “Катехизис” Симона Будного и его “Оправдание грешного человека” 1562 г.; “Евангелие” Тяпинского 1580 г.; “Казание на осмы артыкул веры и о Антыхристу” Стефана Зизания; “Апокризис альбо отповедь на книжки о Соборе Бере-

¹⁶ Митрополит Макарий: “История Русской Церкви,” т. XI, стр. 30-33.

¹⁷ “Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы,” т. II, Москва, 1954, стр. 61-62, 101, 103.

стейском именем людей старожитной религии греческой” 1597 г. и др. Литература на эту тему указана в “Энциклопедическом словаре” Брокгауза и Ефрона и в “Большой Энциклопедии.”

Старый белорусский язык отличается от современного белорусского разговорного языка. Старый язык находился под влиянием церковно-славянского языка. Образцом старого белорусского языка может служить следующий отрывок из “Литовского статута” 1529 г.: “Писарь земский маеть по-руску литерами и словы рускими вси листы, выписы и позвы писати, а не иным езыком и словы. А присягнути маеть на вряд свой писарский тыми словы: Я, н.[айме], присегаю Пану Богу, в Тройцы Единому на том, иж справедливе водле бога и того права писаного и водлуг мовенья и споров сторон, ничего не прикладаючи.”¹⁸

Этот образец характеризует белорусский язык XIV-XVI веков.

Когда Беларусь была присоединена к Польше после Люблинской унии 1569 г., белорусский язык стали засорять польскими и латинскими словами, особенно в писании государственных актов.

Примечание. Люблинская уния 28 июня 1569 года, соглашение об объединении Польши и Великого Княжества Литовского в одно государство — Речь Посполиту. Устанавливала единообразное государственное устройство, общий сейм, денежную систему. Остатки государственности Литвы (суды, казна, войско и др.) ликвидированы Третьего мая 1791 года конституцией, которая была принята Четырехлетним сеймом Речи Посполитой. Вводила наследственную монархию, укрепляла центральную власть, ликвидировала конфедерацию, либерум вето, остатки государственности Литвы. Отменена после 2-го раздела (1793) Речи Посполитой. *Прим. ред.*

Ополяченная шляхта переставала понимать свой белорусский язык в урядах и судах, потому что говорила только по-польски. Эта причина побудила литовско-белорусских послов в сейме в 1696 году внести предложение о замене белорусского языка польским в государственном употреблении в Беларуси. Предложение было принято всеми послами единодушно. Ни один голос не раздался в защиту белорусского языка. Таким образом, в XVIII веке язык, бывший в Беларуси в течение четырех столетий национальным и государственным, заменен польским языком, который стал господствующим во всех государственных учреждениях и в высших слоях общества.

После раздела Польши в конце XVIII века Беларусь была присоединена к России. На место польского пришел язык российский или русский. Во всех государственных учреждениях введен был русский язык. Скоро он занял почетное место в образованном обществе населения Беларуси. Поляки и ополяченные слои населения пользовались польским языком. Два языка — польский и русский — соперничали между собою в Беларуси. Белорусский язык остался достоянием только сельского простого люда или белорусского крестьянства, да еще некоторой части мещанства. Только после коммунистического переворота в России и создания Белорусской Советской Социалистической Республики белорусский язык был введен в школах и государственных учреждениях.

2. Беларусь и Литва.

¹⁸ Статут Великого Княжества Литовского 1529 года, раздел IV, арт. I. “О вольном обиранию вряду земского, судий, подсудков и писаров в каждой земли и повете.” *Прим. ред.*

Древнее население Беларуси.

Летописные свидетельства указывают на то, что древними обитателями на землях Беларуси были родственные славянские племена: кривичи, полочане, дреговичи, велеты-лютичи и киммеры. В процессе многовековой совместной жизни они ассимилировались и создали белорусский народ.

Кривичи-полочане. Это племя, жившее в области р. Полоты и по р. Двине, очень рано образовало свое княжество со столицей в Полоцке. Первым полоцким князем был Рогволод. Дружина киевского князя напала на Полоцк, убила Рогволода и двух его сыновей, а дочь Рогнеду увезла в Киев, где князь Владимир взял ее себе в жены. После своего крещения он отпустил Рогнеду на ее родину со своим сыном Изяславом, для которых построил город Изяславль и отдал им Полоцкое княжество во владение. Рогнеда постриглась в монахини с именем Анастасия и построила в Изяславле женский монастырь. Ее потомки Рогволодовичи-Всеславичи княжили в Полоцке и Минске, но впоследствии разделились на уделы и стали родоначальниками князей Витебских, Друцких, Мстиславских, Логойских, Лукомских, Оршанских и др.

Кривичи построили город Смоленск, где вскоре образовалось Смоленское княжество. В Лаврентьевской летописи говорится: “Кривичи иже седять наверх Волги и наверх Днепра, ихже град есть Смоленск: туд бо седять кривичи.”¹⁹

Дреговичи. Дреговичское племя жило в бассейне р. Припяти (ныне Полесье) и занимало области до реки Буг на западе и реки Неман на севере. Столицей их княжества был город Туров на р. Припять. В начале XII века Туровское княжество распалось на малые удельные княжества, которые известны под названием: Пинское, Клецкое, Несвижское, Берестейское, Гродненское и Свислочское. Князья некоторых из этих княжеств упоминаются в летописях в разное время. Так, например, в 1204 году был князь пинский Владимир, в 1127 году — князь клецкий Вячеслав Ярославич, в 1224 году — князь несвижский Юрий, в 1256 году — князь свислочский Изяслав. В первой половине XII века в Гродно княжил Всеволод Давыдович (ум. 1141) и его сыновья Борис, Глеб и Мстислав.

Исторические свидетельства указывают, что в пределах нынешней Беларуси существовали в древности следующие княжества: Борисовское, Витебское, Гродненское, Друцкое, Изяславльское, Клецкое, Логойское, Минское, Мозырское, Мстиславльское, Несвижское, Наваградское, Оршанское, Пинское, Полоцкое, Свислочское, Соломорецкое, Слуцкое и Туровское. Большинство из этих княжеств занимали малые области и не играли значительной роли в исторической жизни Беларуси.

Велеты-лютичи. В пределах нынешних Гродненщины и Виленщины проживало славянское племя велеты-лютичи. По представлению некоторых исторических данных, город Вильно был их крепостью (само это слово образовалось от вильда — крепость).²⁰ Когда впервые появились германские племена на Ливонском и Куронском побережье Балтийского моря в 1185 г., велеты уже жили в Виленской области.²¹

Велеты принадлежали к Палабским (Лаба, по-немецки — Эльба) славянам, продолжением которых были Привислинские (р. Висла) славяне. Первый древний писатель, упоминавший о велетах, был Птолемей. Проживая на большом отрезке побережья Балтийского моря, которое называлось Славянским, они очень рано столкнулись с германскими племенами, наступавшими на них. Имя велетов звучало в течение четырех столетий (798-

¹⁹ “Полн. Собр. Рус. Летописей,” т. II, Москва, 1962, стр. 5.

²⁰ П. Шафарик: “Славянские древности,” т. II, кн. III, стр. 110.

²¹ Там же.

1157) к западу от реки Одр. По своим природным качествам велеты отличались мужеством и воинственностью, что было причиной их упорной сопротивляемости германизации и христианизации. Однако впоследствии германцы одолели их и уничтожили, а оставшиеся германизировались.²² Уцелели от уничтожения те племена велетов, которые жили в области рек Неман и Вилия. Здесь они смешались с полочанами и дреговичами, ставши белорусами.

Велеты известны в истории народов под двумя названиями: велеты и лютичи. Вопрос о них исследовал чешский ученый Павел Шафарик. По его мнению, название “велеты” старше названия “лютичи.”

Оба эти названия образовались от старославянских слов: “велеки” (по-белорусски “вялікі”) и “люты” или “лют.” Слово “велеки” иноземцы исказили в “велеты,” не понимая его значения.²³ Название “велеки” указывает на многочисленность этого племени и на большую территорию, какую оно заселяло.

П. Шафарик в своем исследовании о славянах приводит свидетельства древних латино-германских летописцев Гермольда и Адама Бремена (ум. около 1076), которые писали о велетах, называя их сильным народом и именуя их “Wilzi” или “Lutici.”²⁴ “Вильци” на польском языке означает волки. Это указывает на то, что древние ляхи или поляки называли велетов “вильи,” т.е. волки. Возможно, что от поляков это слово приняли германцы. Слова “вильци” и “люты” дают точную характеристику волков, которые с древнейших времен известны своею лютостью и хищничеством. Отсюда эти два названия стали синонимами по отношению к велетам или лютичам.

Киммеры или цимбры. В старых греческих хрониках упоминается племя киммеры, по-славянски “цимбры.” Они жили близ Азовского моря между Азовом и Днепром. Племя принадлежало к семье славянских народов. Теснимые врагами, киммеры ушли дальше на запад, а часть из них отправилась, по свидетельству летописи, в далекие “полуночные страны.” На северо-западе они столкнулись с племенами жмудь, чудь и гофтами (германцами), а также с велетами-лютичами, которые жили в Виленской области. По свидетельству летописи, киммеры смешались с местными племенами и потеряли свое название. Славяно-русские летописи о них не упоминают, может быть потому, что к летописному времени они уже не существовали, как отдельное племя. Некоторые исследователи (Шафарик) предполагают, что от киммеров образовались фамилии Кимбар и Кимбаровичи, а также название деревни Кимбаровка в Минской области.²⁵ В этой области, вероятно, жили киммеры или находились их поселения.

Происхождение названия “Литва.”

Начиная с XII века, на кривичские и дреговичские земли нападали с запада грабительские банды велетов-лютичей. За их жестокость и свирепость кривичи и дреговичи прозвали их лютвой. Слово “лютва” в разговорной практике легко перешло в “литва.” Чешские ученые П. Шафарик и Любор Нидерле утверждают, что слово “лютва” преобразовалось в “литва.”²⁶ Это мнение ученых заслуживает внимания. Для нас оно является весьма важным и обоснованным свидетельством.

²² Там же, стр. 87-88.

²³ Там же, стр. 82-83, 86.

²⁴ П. Шафарик, стр. 40.

²⁵ Г. Татур: “Очерк археологических памятников,” стр. 75.

²⁶ П. Шафарик, стр. 40; Lubor Niderle: “Manuel de l'antiquet slave,” t. I, “L'Histoire,” Paris, 1923, str. 187.

В пользу этого мнения говорят исторические факты успешного продвижения литовских или лютовских князей с их дружинами на восток Беларуси в середине XII-XIII веков и их полная ассимиляция с покоренными ими славянскими белорусскими племенами. Литовские князья, заняв белорусские земли, смешались с белорусами до такой степени, что усвоили их религию, обычаи и язык, который сделали своим государственным языком. Эти факты свидетельствуют о том, что литовские завоеватели были чистокровными славянами и принадлежали к племени велетов-лютичей. Разговорный язык их был славянский, понятный белорусским племенам или совсем мало чем отличавшийся от их языка.

Что касается нынешних литовцев, то в давние времена они назывались жмудь. В латинских документах их область поселения известна под названием “Самогития.” Жмудь была историческим названием современных литовцев, которым летописцы ошибочно приписали это название, смешав их с лютичами.

Прародиной предков литовцев-жмуди, по мнению П. Шафарика, было Закарпатье. Оттуда они переселились на северо-запад и осели к северу от р. Неман. На новом месте они встретились с племенем чудь, которое не сумели изгнать, а смешались с ним.²⁷ Впоследствии большое влияние на них оказали велеты-лютичи, с которыми они жили по соседству, и тевтонские рыцари, под властью которых они находились продолжительное время. К славянам они не принадлежали. Свою народную особенность, свои обычаи, свою религию и свой язык они сохраняли. Эти их национальные качества не позволили им смешаться с другими соседними племенами.

Беларусь названа Литвой.

Об этом названии имеется много свидетельств. Вошло оно в практику еще с XV века, когда Беларусь была покорена литовскими князьями, которые создали великое государство — Великое Княжество Литовское. Известный польский ученый прошлого столетия А. Брюкнер говорит: “Всегда мы говорим “литовский,” “литовец,” но это только вместо “белорусский,” “белорус,” потому что в 1510 году даже не снилось о собственной этнографической Литве; еще Рэй в 1562 году называл белоруса литовцем, а в Москве и в XVII веке “литовский” означал то же самое, что и “белорусский.””²⁸

Название Беларуси Литвою было обычным в XVII-XIX веках. Польский поэт А. Мицкевич восклицает в своей поэме “Пан Тадэуш”: “Литва! Отчизна моя!” Но его отчизною была Наваградчина, где в фольварке Заос он родился и провел свои детские годы. Наваградчина входит в состав западной части Беларуси и Литвою в нынешнем понятии никогда не была. Но в те отдаленные времена Беларусь называли Литвою в государственной терминологии, имея в виду Великое Княжество Литовское.

В Москве тоже называли тогда Беларусь Литвою. А. Пушкин описал в поэтической форме сцену в своем произведении “Борис Годунов” и назвал ее “Корчма на литовской границе.” В действительности же действие в этой сцене происходило на границе Беларуси с Московским государством. П. Батюшков в изданной им книге под заглавием “Белоруссы и Литва” писал: “Доктор Ф. Скорина, уроженец города Полоцка, усердно занимался переводом славянских книг на литовский язык.”²⁹ Известно, что Ф. Скорина переводил Священные книги (Библию) на свой родной белорусский язык, а литовского языка он вовсе не

²⁷ П Шафарик, там же, стр. 280.

²⁸ А. Brückner: “Rusko-Polski rukopis roku 1510,” “Slavia,” VII, I. str. 10-11.

²⁹ П. Батюшков: “Белоруссия и Литва,” стр. 159.

знал. Путаница с названиями “Литва” и “Беларусь” продолжалась еще долгое время. Теперь каждый знает, что эти две страны разные по национальности и по языку.

Название “Литва” прочно вошло в житейскую практику, особенно среди поляков в западной Беларуси. Здесь некоторые города они назвали литовскими, например: Брест-Литовск, Новогрудок-Литовский, Минск-Литовский, Каменец-Литовск, Высоко-Литовск. И эти названия вошли в географические карты России, составленные до первой мировой войны 1914 года. Когда в 1919 году образовалось Польское государство, в состав которого вошла западная Беларусь, сами собою отпали названия “литовский” от городов: Бреста, Минска и Новогрудка или Наваградка, но остались Высоко-Литовск и Каменец-Литовск.

3. Беларусь и Великое Княжество Литовское.

Покорение Беларуси.

В начале XII в. на арену исторической жизни выступила Литва как новая государственная сила, которая сыграла весьма важную роль в судьбе белорусских племен. Дело началось с грабительских набегов, а закончилось полным покорением Литвою всей Беларуси.

От литовских набегов страдали в первую очередь Черная Русь (западная Беларусь) и Полоцкое княжество, но доставалось от них и Туровскому княжеству. Историк Соловьев указывает, что в течение первых 28 лет XII столетия отмечено в летописях восемь литовских набегов на Полоцкое княжество. До нашего времени не сохранились полоцкие или туровские летописи, из которых можно было бы узнать о тех опустошениях, которые причиняли эти набеги. Частично об этом можно узнать только из записей германских хроник и из “Слова о полку Игореве.”

О первых литовских князьях сохранились лишь легендарные сказания, не имеющие исторической ценности. В них повествуется о князе Кернусе, который около 1048 года завладел частью кривских земель и основал Завилейское княжество. В летописи, изданной Даниловичем в 1848 году, упоминается под 1246 г. князь Эрдвилл, покоривший опустошенные татарами при нашествии Батыя замки Новгородок (Наваградак), Берестье, Мельник, Дрогичин, Сураж, Гродно и Брянск (западно-белорусский). Литовско-наваградский князь Мингайло завладел в 1190 году Полоцком и посадил там на княжение своего сына Гинвилла, который принял православное крещение с именем Георгий. Князь литовский Скирмунт победил туровского князя Мстислава и утвердил свою власть в Турове, Пинске и Мозыре. В 1234 году князь Рингольт завладел Полоцким княжеством и Черною Русью. Однако все эти сведения не могут считаться достоверными, потому что не имеют обоснования в древних летописях.

Более определенная история Литовского государства начинается с Миндовга, владетеля Керновского княжества (1240-1263). Этот князь объединил владения своего отца и своего брата Эрдвилла (ум. 1242) и создал могущественное государство, известное в истории под названием “Великое Княжество Литовское.” В Новгороде (Наваградке) он установил свою резиденцию и сделал этот город столицей княжества. Отсюда он предпринял походы на восток и укрепил за собою города Полоцк, Витебск, Оршу, Друцк и Смоленскую область.

На западе сильно беспокоили Великое Княжество Литовское германские рыцари, орден которых папа Иннокентий III учредил в 1202 году под названием “Рыцари меча.” Эти рыцари обосновались у устья р. Двины в 1200 году и оттуда нападали на земли Великого Княжества Литовского. В надежде на то, что Римский папа прикажет Ордену прекратить нападения на Литву, Миндовг крестился в римо-католическую веру. Папа был очень доволен этим и прислал Миндовгу королевскую корону, которой хелминский польско-латинский епископ короновал его в Наваградке в 1252 году. Однако, не получив ожидаемой помощи от папы, Миндовг отказался от католичества, возвратился в язычество, а перед своею смертью, по свидетельству летописи, “прият веру христианскую оть восток со своими многими бояры.”³⁰ Он величал себя “Великим князем литовским, самодержцем всей земли литовской.” Его сватом был галичский князь Даниил Романович, владевший в то время Берестьем и Дрогичином. В 1255 году Даниил Романович короновался в Дрогичине присланной от Римского папы короной.

После Миндовга великим князем был Войшелк Миндовгович. Недовольный своим великокняжеским положением, он отдал престол своему зятю Шварну Даниловичу в 1268 году, а сам удалился в монастырь, сперва в Угровский (Холмщина), а затем основал свой монастырь на р. Неман недалеко от Наваградка и в нем принял монашество с именем Лаврентий. Этот монастырь стал называться Лавришевским.³¹

Могущественным великим князем был Гедимин, который прославился военными подвигами. Он утвердил свою власть в княжествах Минском и Туровском и подчинил себе землю Подляшскую, на которой обосновались ятвяги, грозные своими дикими набегами. В 1320 году Гедимин покорил Волынь, а в следующем году предпринял поход на Киев и занял его, поставив там своим наместником князя гольшанского Миндовга. Завоеваниями он сильно возвеличил свое могущество и умер в 1340 году, оставив после себя семь сыновей: Монтвида, князя керновского и слонимского; Нариманта-Глеба, князя туровского и пинского; Ольгерда, князя кривского и витебского, получившего Витебское княжество по своей жене; Кейстута, князя трокского; Любарта-Владимира, князя владимирово-волинского; Кориата-Михаила, князя наваградского, и Евнутия, князя виленского. Династия Гедиминовичей заняла все княжеские престолы в Беларуси, Волыни и Киевской Руси. Даже в Пскове и Новгороде княжили представители этой династии. От них произошли многие княжеские роды, такие как: Голицыны, Куракины, Хованские, Трубецкие и др.

Расширение границ Великого Княжества Литовского.

Главная заслуга создания этого государства принадлежала Миндовгу и Гедимину. Они расширили его границы и утвердили свою власть не только в Беларуси, но и на Волыни и во всей Киевской Руси. Продолжили их дело Ольгерд, присоединивший к своему государству Подолье и обширные степные области по нижнему течению р. Днепр, и Витовт, торжественно въехавший верхом на лошади в воды Черного моря в 1415 году, символизируя этим актом установление здесь своей власти. Витовт укрепил свою власть в Смоленске, который надолго остался в границах Великого Княжества Литовского.

Благодаря завоеваниям великих князей литовских, к концу XIV века Великое Княжество Литовское простиралось на запад почти до берегов Балтийского моря, а на юг — до берегов Черного моря. Оно включало в себя Беларусь, Украину, Подолию, Волынь,

³⁰ Полн. Собр. Рус. Летоп., т. II, стр. 341.

³¹ Филарет: “История Русской Церкви,” стр. 902.

Подлясье, Литву, а также части земель калужских, тульских и орловских. Российские историки называют это государство литовско-русским. Столицей его был сперва город Новогородок (Наваградок), а позднее — Вильно.

Символом государственной независимости Великого Княжества Литовского был герб, представлявший форму воинского щита, на котором изображен скачущий рыцарь на белом коне, держащий в правой руке копье, а в левой — поводья лошади. В верхней части копья развевается хоругвь с изображением православного креста греческой формы. Фон и поле герба представлены в светло-красных тонах. Этот герб украшал знамена воинов, изображался на государственной печати великого князя и монетах. Он существовал до Люблинской унии 1569 года, после которой Великое Княжество Литовское было присоединено к Польше.

Государственная власть в Великом Княжестве Литовском.

Во главе Литовского государства стоял великий князь, который обычно назывался “господарь.” Его положение в государстве было двоякое: одно в землях, находившихся в непосредственном его владении, и иное в удельных княжествах. В своих княжеских землях он был неограниченный самодержавный монарх, но в правление удельных князей не вмешивался. Удельные князья управляли своими княжествами самостоятельно и самодержавно, кроме княжеств Полоцкого и Смоленского, в которых искони существовали вече и княжеские советы, помогавшие князю в его государственных делах. Все удельные князья Великого Княжества Литовского признавали над собою власть великого князя. В случае войны великий князь становился во главе войска и был главнокомандующим всех военных сил. Под его командой находились удельные князья со своими войсками. Монарший титул Гедимина был: “Великий князь литовский и русский” — “Rex Litvinoꝝ rutenogumque.” Его преемники величались: “Великий князь Литвы и Руси” или “Великий князь Литвы, Руси, Самогитии и Киева.” Александр титуловался: “Божией милостью великий князь Литовский, Русский, Жомойтский и иных.”

Великий князь считал государство своей собственностью и делил его между сыновьями. Гедимин и Ольгерд, покорив русские княжества, удалили из них прежних владетельных князей Рюриковичей и посадили на их места своих сыновей и ближайших родственников. Таким образом князья из династии Гедимина завладели всеми княжествами, вошедшими в состав Великого Княжества Литовского. Роды этих князей с течением времени умножались и уже к концу XV века их насчитывалось более 70. Великий князь Витовт, опасаясь ослабления государственной монолитности, упразднил власть некоторых наиболее влиятельных удельных князей и заменил их своими наместниками, а позднее воеводами. Таким образом было упразднено княжество Смоленское в 1395 году, а вслед за ним и княжество Подольское. Полоцкое княжество обращено сперва в наместничество, а в 1500 г. переименовано в воеводство. Это княжество продержалось дольше прочих удельных княжеств Великого Княжества Литовского. С упразднением удельных княжеств Великое Княжество Литовское превратилось в монолитное государство во главе с монархом — великим князем.

4. Великое Княжество Литовское и Польша.

Династическая уния.

Великое Княжество Литовское заняло передовое место в истории юго-запада Руси. В XIV веке оно было могущественнее Московского государства и имело большие возможности укреплять свое могущество и силу. Однако ему не суждено было сохранить это достояние, приобретенное великими князьями Миндовгом, Гедимином и Ольгердом. По превратной воле Ягайло Ольгердовича, захватившего великокняжеский престол после своего отца коварным и насильственным образом, государство утратило свою независимость и могущество.

Заняв великокняжеский престол, Ягайло задумал жениться на польской королеве Ядвиге с целью стать польским королем и соединить Великое Княжество Литовское с Польшей. По его желанию начались переговоры сватов Ягайло и польских послов. Переговоры происходили в замке в Крево возле Вильно. В результате этих переговоров в 1385 г. был заключен договор, на основании которого Ягайло, став мужем Ядвиги и польским королем, обязался принять римо-католичество, крестить в католическую веру своих подданных литовцев-язычников и навсегда присоединить Великое Княжество Литовское к Польской короне. Этот акт известен в истории под названием “Кревская династическая уния.” Кревское соглашение было весьма выгодным актом для поляков и Польши, но для Великого Княжества Литовского это было предательством. Для личной выгоды и сомнительной государственной пользы Ягайло отдавал свое государство Польше.

В феврале 1386 года Ягайло принял римо-католичество с именем Владислав, обвенчался с Ядвигой и 5 марта того же года был провозглашен королем польским. Все эти торжества состоялись в Кракове, куда Ягайло прибыл в сопровождении своих братьев: Скиргайло, Свидригайло и двоюродного брата Витовта. Все они там приняли римо-католичество.

После коронации Ягайло в сопровождении многих поляков и польско-латинского духовенства прибыл в январе 1387 г. в Вильно. По их прибытии развернулась широкая миссионерская акция крещения в католичество литовцев-язычников. Ягайло принимал в этом деятельное участие: давал распоряжения и переводил проповеди миссионеров. Литовцы упорствовали, но их склоняли угрозами и подарками, раздачей сукна для одежды. Для крещеных литовцев в виленском и трокском районах открыли храмы и наделили их землями. В Вильно была учреждена епископская кафедра.

Ягайло пробыл в Вильно около года и возвратился в Краков, оставив вместо себя своего брата Скиргайло. Таким положением были недовольны князья и бояре Великого Княжества Литовского. Это недовольство использовал в своих интересах князь трокский Витовт Кейстутович, отца которого Ягайло уморил в тюрьме в Креве. Заручившись поддержкой крестоносцев, Витовт поднял восстание против Скиргайло и Ягайло. Под Гродно произошло сражение войск противников. Дело закончилось миром в Белзе в 1392 году. Ягайло уступил Витовту великокняжеский престол, а Киевское княжество дал Скиргайло, оставив за собой почетный титул верховного князя (Supremus dux) Великого Княжества Литовского.

Витовт оказался мудрым правителем. Он ревностно оберегал Великое Княжество Литовское от посягательства поляков и не позволял им вмешиваться в государственные дела. Когда королева Ядвига прислала Витовту письмо в 1398 году, в котором писала, что Ягайло, ее муж, отдал ей Великое Княжество Литовское в вено, вследствие чего она имеет право на ежегодную дань от него, Витовт созвал сейм в Вильно и спросил бояр, считают ли они себя подданными Польской короны в такой степени, что обязаны платить дань ко-

ролеве? Все единогласно ответили: “Мы не подданные Польши ни под каким видом; мы всегда были вольны, наши предки никогда не платили дани полякам, не будем и мы платить им, остаемся при нашей прежней вольности.”³²

Великое Княжество Литовское имело в это время общего с Польшей врага — орден немецких крестоносцев. Витовт, объединившись с польскими войсками, выступил войной против этих врагов. В 1410 году произошло большое сражение с крестоносцами под Грюнвальдом (Восточная Пруссия), во время которого литовско-польские войска разбили противника. Это сражение окончательно уничтожило силы крестоносцев, вследствие чего они перестали быть угрозой для Великого Княжества Литовского и Польши. В результате победы Витовт присоединил к своему государству Жмудь в 1411 году, а в 1422 году, по договору с Ягайло в Мельнике, занял Сувалки.

Укрепив западные границы Великого Княжества Литовского, Витовт занялся дальнейшими завоеваниями. Он пытался покорить Псков и Новгород, но успеха не имел. На юге его беспокоили татары. Он направил туда войска и освободил от них Подолье, а в 1415 году достиг берега Черного моря у лимана, где утвердил южную границу своего государства.

Под конец жизни Витовт задумал сделать Великое Княжество Литовское королевством, чтобы обеспечить полную независимость от Польши. Этим важным государственным актом он хотел уничтожить династическую Ягеллонскую унию, которая была большой угрозой для самостоятельности Великого Княжества Литовского. Его поддерживал германский император Сигизмунд, заклятый враг Польши. С целью осуществления этой идеи Витовт созвал в 1429 году съезд соседних монархов в г. Луцке. На съезд прибыли: великий князь московский Василий — зять Витовта, германский император Сигизмунд со многими немецкими князьями, польский король Ягайло, датский король, валашский воевода, магистр прусский, литовско-русские князья, ханы татарские и многие знатные лица. На съезде монархов обсуждался вопрос о мерах борьбы с турками. Витовт решил воспользоваться этим съездом для своей коронации. Император Сигизмунд исхлопотал королевскую корону у папы, и немецкие послы должны были привезти ее в Луцк Витовту. Днем коронации был назначен праздник Успения Божией Матери 15 августа, потом торжество отложили до праздника Рождества Богородицы 8 сентября. Ягайло и поляки были против коронации. Они закрыли границы и не пропустили в Польшу германских послов, везших корону. Из-за их интриг коронация не состоялась, и гости, не дождавшись ее, вынуждены были уехать в свои уделы. Главным деятелем польской политики был краковский архиепископ Збигнев Олесницки. Оскорбленный поведением поляков, Витовт объявил, что корону возложит на себя в Вильно, куда и пригласил гостей. Олесницки пытался убедить Витовта не делать этого, но безрезультатно. Дело закончилось смертью Витовта, последовавшей неожиданно в конце сентября 1430 г. Было подозрение, что его смерть ускорили поляки.

Попытки разрыва династической унии.

Первую такую попытку сделал Витовт, когда хотел возложить на себя королевскую корону. Но поляки не допустили этого. После его смерти князья и вельможи Великого Княжества Литовского, съехавшись в Вильно в 1430 году, провозгласили великим князем Свидригайло (Льва-Болеслава) Ольгердовича. Вступление на отцовский великокняжеский престол он ознаменовал тем, что занял своими людьми все замки в Великом Княжестве

³² Соловьев: т. III-IV, стр. 384.

Литовском и изгнал из них польских королевских служащих. Кроме того, он потребовал от Польши возвращения ему Подолья, которое поляки забрали самовольно. Поляки сильно обеспокоились такой политикой Свидригайло. Ягайло отправил к нему своего посла Володка, поручив сказать, что Свидригайло еще не действительный великий князь, потому что не утвержден на престоле поляками. Свидригайло возмутился словами Володка и ударил его по лицу, а затем приказал посадить в крепость. Ягайло выступил войной против Свидригайло. “Горче смерти была ему эта война против родной земли и родного брата,” — замечает польский историк Длугош, но она началась, велась с большим ожесточением, и пленным пощады не было. Жители Луцка с удивительным мужеством выдержали осаду королевского войска. Ягайло поспешил заключить перемирие, назначив срок и место для переговоров о вечном мире. Польские войска отступили от Луцка. Во время польской осады Луцка православные волыняне разрушили или сожгли все католические храмы в Луцкой области. Ненависть к полякам и католическому духовенству была очень сильна.

Съезд для заключения мира был назначен в Парчеве на Подлясьи, но Свидригайло туда не явился и своих послов не прислал. Поляки, не рассчитывая справиться с ним силой, так как на его стороне было православное население, решили коварством свергнуть Свидригайло с великокняжеского престола. Они послали своих агентов в Вильно уговаривать вельмож свергнуть Свидригайло и взять в великие князья Сигизмунда Кейстуовича, князя стародубского. Агенты имели успех: при их содействии был составлен тайный заговор, с помощью которого Сигизмунд стародубский неожиданно напал на Свидригайло и изгнал его из Вильно. Свидригайло отправился в Витебск и с помощью отрядов Смоленска, Луцка и других городов Великого Княжества Литовского продолжал войну с Сигизмундом и поляками. Когда войска его потерпели поражение под Вилькомиром, он решил искать помощи у западных королей, но для этого нужна была поддержка Римского папы. В надежде на эту поддержку Свидригайло согласился принять католическую унию и сделать ее государственной религией. На свою сторону он склонил смоленского епископа Герасима, для которого исхлопотал от Константинопольского патриарха сан митрополита. Но вскоре после этого он заподозрил Герасима в тайных сношениях с врагами и в 1435 году велел сжечь его в Витебске. Жестокая расправа с митрополитом отвернула православных от Свидригайло. Они перестали помогать ему в войне, которую он и проиграл.

После поражения Свидригайло король Ягайло созвал вельмож и католических прелатов в Вильно на совещание о делах Великого Княжества Литовского. Здесь было решено провозгласить великим князем Сигизмунда Кейстуовича. Заняв великокняжеский престол, Сигизмунд подчинил Великое Княжество Литовское Польше и замыслил ввести католичество по всей стране. Патриоты Великого Княжества Литовского были против политики Сигизмунда, они составили тайный заговор с целью убить его. Главными деятелями в заговоре были князья братья Иван и Александр Чарторыйские, виленский воевода Довгирд и трокский воевода Лелуша. Сигизмунд был убит в 1443 году в его замке в Вильно.

После Сигизмунда великолитоовцы избрали на своем съезде в Вильно на великокняжеский престол 13-летнего Казимира Ягайловича, младшего брата польского короля Владислава IV. Когда молодой избранник Казимир прибыл в Вильно в сопровождении большой свиты поляков, великолитоовцы, угостивши их до опьянения, ввели королевича ночью в кафедральный собор, возложили на него шапку Гедимина и великокняжескую мантию, подали в руку меч и провозгласили его великим князем литовским. Сделали они это тайно от поляков потому, что те и слышать не хотели о том, чтобы Казимир был вели-

ким князем литовским. У поляков были свои расчеты: они хотели сделать Казимира королевским наместником в Великом Княжестве Литовском и таким образом подчинить это княжество Польше. Но после провозглашения его великим князем поляки были поставлены перед свершившимся фактом. Они удалились в Польшу, а Казимир остался на княжестве в Вильно.

С избранием и провозглашением Казимира великим князем великолитовские патриоты надеялись иметь его суверенным государем или господарем в Великом Княжестве Литовском. В помощь ему для управления государственными делами они избрали особых министров, которые составляли “Тайную раду.” Эта рада немедленно приступила к исполнению своих обязанностей без всякой санкции и вмешательства польского короля и поляков. В это время династическая уния прекратила свое существование, и Великое Княжество Литовское стало независимым от Польши государством.

Однако такое положение продолжалось недолго. Король Владислав IV погиб в сражении с турками под Варной, и поляки избрали в 1447 году на польский престол великого князя литовского Казимира, что опять восстановило династическую унию. Великолитовские патриоты приняли это избрание с большим огорчением, так как оно разрушало их планы на отделение Великого княжества Литовского от Польского королевства.

Последняя попытка разорвать династическую унию была сделана через 80 лет. Тогда польским королем и великим князем литовским был Сигизмунд I. Великокняжеская литовская рада отправила к нему в 1526 году послов с просьбой прибыть в Вильно для решения неотложных государственных дел и отпустить своего сына Сигизмунда Августа для вступления на литовский престол. При этом Великокняжеская рада просила короля приказать полякам “абы они тую корону, которая послана Великому Княжеству Литовскому (при Витовте), вернули к князю великому его милости, сыну ваша милости.” Они напоминают королю, что поляки “давно замышляют присоединить княжество к короне польской,” но они не желают быть подданными короны и что “когда то князьство будет иметь корону, тогда не так легко уже будет присоединить его к короне Польской, потому что одна корона не может быть вцелена в состав другой короны.”³³ Из этих слов видно, что Великокняжеская рада имела намерение провозгласить Сигизмунда Августа королем Великого Княжества Литовского и этим актом объявить свое государство королевством. По их убеждению, корона могла бы спасти это княжество от поглощения его Польшей.

Король исполнил просьбу Великокняжеской рады, но сделал это в интересах и для пользы Польши. В 1529 году он принял 9-летнего королевича в Вильно, позволил торжественно провозгласить его великим князем, но на коронование его не согласился. Вскоре после этого он увез его в Польшу, где поляки на сейме в Петрикове избрали его на польский престол. Только на усиленные требования великолитовских послов на Берестейском сейме в 1544 году король согласился отпустить в Вильно своего сына, куда он и отправился прямо с сейма. В Вильно он занял великокняжеский престол и управлял государственными делами при помощи Великокняжеской рады. Когда в феврале 1548 года король Сигизмунд I скончался, общим государем для Польши и Великого Княжества Литовского стал Сигизмунд Август.

Политика поляков в отношении Великого Княжества Литовского.

Уже в начале княжения Витовта у поляков зародилось опасение, что он поведет свое государство по пути, который приведет к ослаблению или полному уничтожению ди-

³³ Чистович, ч. I, стр. 62.

настической унии двух государств: Великого Княжества Литовского и Польши. Чтобы не допустить этого, они добились на Виленском сейме в 1401 году в присутствии короля Ягайло и великого князя Витовта особого постановления: после смерти Витовта Великое Княжество Литовское должно быть возвращено под власть польского короля, великолитовцы не избирают себе великого князя без поляков и поляки не избирают себе короля без великолитовцев. Таким постановлением они хотели закрепить связь двух государств, имея в виду в дальнейшем полное их соединение.

В своей политике по отношению к Великому Княжеству Литовскому поляки сознавали, что на пути к осуществлению их плана лежат серьезные препятствия, которые надо упразднить. Препятствиями были различия в религии, национальности, языке и во всем укладе государственной, церковной и народной жизни. Господствующей религией в Великом княжестве Литовском была православная вера, а в Польше — римо-католическая; государственным языком в Великом Княжестве Литовском был белорусский или русский, а в Польше — польский; Великое Княжество Литовское было монархией наследственной, в то время как поляки избирали себе короля. Эти расхождения являлись большой помехой для объединения двух государств в одно.

В те времена важной государственной силой была аристократия и шляхта. В Великом Княжестве Литовском и в Польше эти слои общества играли великую роль в государстве. В своих унийных планах поляки решили обратить внимание на великолитовскую шляхту и аристократию. Первой их задачей было обратить в католичество шляхту и аристократию и полонизировать ее, чтобы таким образом сделать ее послушной в проведении своих планов. На польской стороне были король и фанатически настроенное польско-латинское духовенство. Эти силы действовали дружно, используя все возможности и средства. Первым этапом задуманного плана было проведение закона о том, чтобы все высшие государственные должности в Великом Княжестве Литовском занимали только лица римо-католического вероисповедания и чтобы великолитовской шляхте, принявшей католичество, предоставлены были привилегии, уравнивавшие ее с польской шляхтой. Такое узаконение было проведено в 1413 году на Городельском сейме. Польский король утвердил это узаконение вопреки протестам православных послов, присутствовавших на сейме. На этом же сейме было вынесено постановление, закрепляющее унию между Великим Княжеством Литовским и Польшей, а также введено административное деление Великого Княжества Литовского по примеру Польши на воеводства. Все эти мероприятия поляков на Городельском сейме были направлены против государственных и национальных интересов Великого Княжества Литовского, но зато служили на пользу Польше.

Поляки не ошиблись в своих планах, вводя городельские привилегии для великолитовской шляхты. В результате этого многие знатные роды княжеские и влиятельной шляхты перешли из православия в католичество в погоне за привилегиями и высшим положением в государстве, а потомки их при помощи католичества полонизировались.

Свою работу по созданию унии поляки проводили в Великом Княжестве Литовском разными путями. С одной стороны, они окатоличили и полонизировали великолитовскую аристократию и шляхту, а с другой стороны, сами устремлялись на земли этого княжества, получая от короля государственные должности, покупая там себе имения, женясь на православных богатых невестах, переводя их в католичество и приобретая их имения в приданое. Великолитовские православные послы жаловались королю на сейме в Бресте в 1542 году, что в “Литве и Руси уряды и тиунства розданы ляхам.” Король

обвинил во всем самих великолитовцев, обещал не давать полякам урядов, но на деле все осталось по-прежнему.

Государственные деятели Великого Княжества Литовского видели наплыв поляков на их родину, но остановить это не имели силы. При составлении “Литовского статута” в 1522-1529 годах они ввели пункты, запрещающие полякам, как иностранцам, приобретать земельные угодья и занимать государственные должности в Великом Княжестве Литовском. Но это запрещение королем и поляками игнорировалось. Полонизация стран княжества продолжалась.

Великолитовские патриоты относились к полякам с недоверием и энергично отражали их посягательства на суверенные права их государства. Они добивались от короля подтверждения независимости Великого Княжества Литовского выдачей особых королевских грамот. В некоторых случаях им это удавалось. Так, например, на сеймах в Вильно в 1401 году, в Городле в 1413 г., а также актами Казимира в 1447 г., 1452 г. и 1457 г., привилегиями Александра в 1492 и 1499 годах, Сигизмунда в 1506 году такие подтверждения выдавались.

Наиболее влиятельными государственными деятелями в Великом Княжестве Литовском были князья Радзивиллы, Острожские, Збаражские, паны Ходкевичи, Сапегы, Тышкевичи и многие другие. Они решительно были против присоединения своего отечества к Польше и ревностно оберегали его суверенные права: территорию, органы власти административной, законодательной и судебной. В представлении великолитовцев династическая уния была лишь союзом двух самостоятельных государств, которые обязаны были жить между собой в мире и согласии, оказывать взаимную помощь в войне с врагами, содействовать развитию благоустройства и мощи обоих государств. Поляки об этом думали иначе. Они стремились использовать династическую унию для присоединения Великого Княжества Литовского к Польше, полной полонизации его земель и введения католической веры среди православного населения.

При таком расхождении во взглядах нельзя было и думать о возможности достижения соглашения между поляками и великолитовцами об объединении двух государств. Поляки это понимали и решили действовать более испытанными и эффективными средствами. Они убедили короля Сигизмунда II Августа ускорить дело присоединения Великого Княжества Литовского к Польше, используя для этого свою королевскую власть. Король видел благополучие княжества только в его соединении с Польшей. В этом отношении он был на стороне поляков и защищал интересы Польского королевства. На сейме в Варшаве в 1563-1564 гг. он подписал заготовленный поляками акт об отречении от всех своих наследственных прав на великокняжеский престол в Великом Княжестве Литовском и о передаче этих прав польскому королю. Акт был внесен в конституцию сейма 1564 года и объявлен в форме особой королевской декларации. Все присутствовавшие на сейме послы и сенаторы Великого Княжества Литовского подписали этот акт, за исключением князя Радзивилла Черного, который один понимал, что этим актом предрешалась судьба Великого Княжества Литовского как самостоятельного государства.

Только после Варшавского сейма великолитовские государственные деятели увидели всю опасность для своего государства подписанного ими акта. На сейме в Гродно в 1568 году они подали королю в письменной форме свои пожелания о сохранении самостоятельности Великого Княжества Литовского.

В ответ на это король увещевал их согласиться на присоединение княжества к Польше. Но великолитовские послы не согласились на увещания короля, а потребовали

удовлетворения своих пожеланий. Король обещал им рассмотреть этот вопрос на предстоящем сейме в Вильно. Но не успели послы разъехаться из Гродно после сейма, как стало известно, что король созывает сейм не в Вильно, как обещал, а в Люблине в конце 1569 года.

Люблинская уния.

Королевские известительные грамоты о созыве в Люблине сейма были разосланы в конце октября 1568 года. Срок открытия его назначался на 23 декабря 1569 г., но открытие состоялось только 10 января 1570 года. На сейм прибыли король и около 160 послов и сенаторов из Польши и Великого Княжества Литовского. Маршалком сейма был избран дрогичинский староста Станислав Сендивой Чарнковский, поляк. После избрания он произнес речь, в которой восхвалял короля и польский народ, а затем перешел к делу унии. В заключение он просил короля завершить начатое дело объединения двух государств в одно тело и один народ. Затем в том же духе говорил католический краковский архиепископ, и после него произнес речь король.

Заседания сейма продолжались с малыми перерывами до 12 августа. Послы Великого Княжества Литовского отказались принимать участие в прениях по вопросу государственной унии. Король и поляки настаивали. Видя решительное наступление на них поляков, великолитовские послы перестали являться на общие заседания, а устроили свои заседания отдельно. Не находя возможным вести прения об унии, они разъехались по домам к началу марта. Перед отъездом они подали королю свои условия унии, которые состояли в следующем: Великое Княжество Литовское и Польша будут иметь общего государя, избранного на съезде равного числа представителей двух государств; избранный король коронуется сперва в Кракове, а затем — в Вильно, при этом подтверждает и там, и здесь права каждого государства, возглавляемого им; оба народа будут иметь общие сеймы, созываемые Польше и в Великом Княжестве Литовском по очереди; Великое Княжество Литовское и Польша будут иметь свои отдельные сеймы, свои сенаты, свои государственные печати; будет сохраняться территориальная собственность Великого Княжества Литовского, причем поселение поляков в этом государстве будет допускаться, но чины и должности сохраняются только за коренными гражданами Великого Княжества Литовского. Были и другие условия унии, менее важные в государственном отношении.

Эти условия проекта унии вызвали сильное негодование у поляков. Они постановили обсуждать дело унии без участия послов Великого Княжества Литовского. На очередном заседании они составили следующие условия инкорпорации Великого Княжества Литовского: упразднить все прежние привилегии, данные Великому Княжеству Литовскому и его шляхте; объявить королевским указом о принадлежности Волыни и Подлясья Польше; привлечь татар на сторону поляков, чтобы этого не сделала Литва; назначить гетмана и обеспечить границы, обдумав меры для безопасности короля, когда тот поедет в Литву. При этом король объявил, что отдает Польше Волынь и Подлясье и что теперь вторично дарит ей Великое Княжество Литовское, в том числе все свои литовские имения, как наследственные, так и приобретенные, сохраняя их за собою только пожизненно.

Исполнение пунктов инкорпорации Великого Княжества Литовского началось с присоединения Подлясья. Подляских послов заставили присягнуть на аннексию их родины в состав Польши 5 марта. Сделали они это под угрозой отнятия у них должностей и привилегий. Оформление затянулось до апреля.

Вслед за Подлясьем принялись за аннексию Волыни. На 15-е мая вызвали волынских послов, но те к сроку не прибыли. Отложили дело до 23 мая. Послали им угрозы отнятия их имений и баниций (изгнание). На этот вызов начали прибывать волынцы: кн. Збаражский, кн. Чарторыйский, кн. Острожский и другие волынские послы и сенаторы. Всех их заставляли присягать на аннексию Волыни. Эта процедура проходила в драматической обстановке.

За Волынью последовало оформление присоединения Подолья или Браславского воеводства. По очереди присягали: воевода Роман Сангушко, каштелян кн. Капуста и многие паны из этого воеводства.

Пришла очередь аннексии Киева и Киевского воеводства. Она началась 1 июня. Спор между поляками и киевскими послами был крайне возбужденный. Каждая сторона уверяла другую, что судит и говорит так, как внушает Бог и совесть, хотя мнения их были разными до противоположности. Киевские послы не соглашались на инкорпорацию Руси-Украины. Дело кончилось объявлением королевского декрета от 4 июня, которым Киев и вся Украина с городами: Черкасы, Канев, Белая Церковь, Остер, Любечь и др. города Киевской Руси присоединялись к Польше. Декрет был принят поляками с радостью и громкими рукоплесканиями. После этого началась присяга украинских послов. Первым присягнул воевода киевский князь К. Острожский. Все присягали под угрозой конфискации имущества за неподчинение королевской власти и польским законам. Характерно, что волынские послы шли заодно с поляками в требовании аннексии Руси-Украины.

Ободренные успешным оформлением присоединения украино-русских земель, поляки приступили к инкорпорации оставшейся части Великого Княжества Литовского: Белоруси и Литвы. Прения по этому делу возобновились в начале июня. На грозный вызов короля прибыли некоторые литовско-белорусские послы и сенаторы. Сильную речь произнес 7 июня на заседании сейма в присутствии короля и литовско-белорусских послов Иван Ходкевич, староста жмудский, от имени литовско-белорусских послов. Он говорил следующее: “Неприятель во время перемирия не нарушал собственности, а нас, живущих в вечном мире и братстве с вами, господа поляки, лишаете нас этого права. Справедливости мало на земле! Но Бог такой несправедливости с нами не потерпит: рано или поздно, но расчет будет.” Отвечал ему краковский архиепископ, увещевая белорусско-литовских послов согласиться на унию. Ходкевич ему ответил: “Не знаю, какая то будет уния, когда мы видим, что уже теперь между вами в сенате сидят литовские сенаторы. Вы уже обрезали нам крылья! Между вами сидят воеводы: волынский, киевский, подлясский, подольский, между вами и другие наши сенаторы-каштеляны. Впрочем, дайте нам привилегию на унию, мы ее обсудим.”³⁴ Ему дали текст условий присоединения Великого Княжества Литовского, выработанный поляками. Белорусско-литовские послы, ознакомившись с этими условиями, составили свои и предложили королю, но он и поляки их отвергли. Переговоры затянулись на несколько дней и были весьма утомительны, особенно тяжелы они были 24 и 25 июня. Белорусско-литовские послы заседали в отдельном от поляков зале. Убедившись в безуспешности своих усилий защитить независимость родного государства после аннексии Украины, Волыни и Подлясья, белорусско-литовские патриоты, истомленные физически и духовно, согласились на присоединение их к Польше, положившись на волю короля. Их крепкий фронт стояния за независимость Великого Княжества Литовского был разрушен отпадением от них русско-украинских послов и сенаторов. После этого литовско-белорусским послам было не с кем защищать самостоятельность свое-

³⁴ Батюшков. Памятники Русской Старины, т. VIII, стр. 181.

го государства. В этом заключалась их великая трагедия, которая впоследствии стала трагедией белорусско-литовского и русско-украинского народов.

Акт объявления унии Великого Княжества Литовского с Польшей назначен был на 28 июня. К 10 часам утра в этот день собрались в замке сенаторы и послы. От имени литовско-белорусских послов и сенаторов перед королем Сигизмундом Августом выступил с пламенной речью все тот же Ходкевич. В страстном выступлении он взывал сохранить привилегии Великого Княжества Литовского и государственную печать его “ради чести бывшего Литовского государства,” целость которого защищали кровью белорусы, литовцы и русины-украинцы. “Нам уже не к кому обратиться за помощью, — со слезами говорил Иван Ходкевич, — разве только к Богу и к вам, милостивый государь наш, как защитнику наших прав и Божию помазаннику... Приносим вам нижайшую просьбу: так провести к концу это дело, дабы оно не влекло за собою порабощения и позора нам и потомкам нашим... Мы теперь доведены до того, что должны с покорною просьбою пасть к ногам вашего величества.” При этих словах все литовско-белорусские послы и сенаторы пали на колени, а Ходкевич продолжал: “Именем Бога умоляем тебя, государь, помни нашу службу, нашу верность тебе и нашу кровь, которую мы проливали для твоей славы. Благоволи так устроить нас, чтобы всем нам была честь, а не посмеяние и унижение, чтобы сохранены были наше доброе имя и твоя государева совесть. Именем Бога умоляем тебя помни, что ты нам утвердил свою собственную присягою.” После речи Ходкевича литовско-белорусские сенаторы и послы встали с плачем. “Из нас, поляков, — замечает автор “Дневника,” — редко кто не плакал, или не был взволнован от жалости, потому что многие сенаторы плакали.”³⁵ Белорусам отвечал краковский архиепископ, утешая их унией. Краткую речь сказал и король, уверяя в своей полной благосклонности и заботливости об их благе, как только они исполнят его волю об унии. Поздно закончилось заседание, когда дело унии было утверждено и провозглашено.

На следующий день — праздник святых апостолов Петра и Павла — в люблинских костелах уже пели “Тэ Дзэум,” а польские ксендзы призывали своих прихожан благодарить Бога за счастливое для Польши событие. Литовско-белорусские патриоты тяжело скорбели и плакали о своей родине.

1 июля литовско-белорусские сенаторы и послы были приведены к присяге на верность унии, т.е. на включение своего государства в состав Польши. Все совершилось по воле короля и поляков, мечтавших об этом событии со времен Ягайло. Великое Княжество Литовское, в три раза превосходившее по размерам Польшу, опустилось до уровня придатка польской короны. В этом случае Польша оказалась на положении берущей, а Великое Княжество Литовское — дающей стороны. Великое Княжество Литовское перестало существовать после 350-летнего государственного бытия. Великолитовские государственные мужи в течение 175 лет энергично защищали самостоятельность своего государства от посягательства поляков, воевали за его независимость с Москвой и крестоносцами, но до конца не выдержали и сдались на милость короля и поляков. Но милость им не была оказана. Поляки имели собственные идеи и стремления, совершенно противоположные патриотическим чувствам литовско-белорусских патриотов.

Перед закрытием Люблинского сейма король подписал привилегию на унию, пункты которой сводились к следующему: 1) утверждается вечное слияние государств Великого Княжества Литовского и Польши в одно тело, один народ, одно государство — Ржечь Посполитую с одним всегда королем; 2) прекращается отдельное избрание и возведение

³⁵ Там же, стр. 185.

на престол великого князя литовского, но сохраняется название Великого княжества; 3) у соединенного государства должны быть общий сенат и общие сеймы под председательством общего короля; 4) отдельные государственные сеймы в Великом Княжестве Литовском упраздняются; 5) общие же сеймы созываются в Польше; 6) король сохраняет в целостности все права и привилегии, вольности, почетные и служебные должности, звания, княжеские титулы, шляхетские роды в землях соединенных государств и суды; 7) присяга будет приноситься одному Польскому королевству; 8) представители соединенных народов обязуются помогать один другому и поровну делить счастье и несчастье; 9) сношения и союз с другими народами должны вестись с согласия представителей обоих народов; 10) монета общая; 11) все таможенные водные и сухопутные пошлины упраздняются, кроме обыкновенных купеческих пошлин; 12) отменяются все постановления, запрещающие или ограничивавшие приобретение земельных владений обывателями одной страны в другой и др. Эти привилегии подписаны всеми присутствовавшими послами и сенаторами литовско-белорусскими, русско-украинскими и польскими с приложением подвесных печатей, как было тогда в обычае. На основании этого акта Беларусь перешла во власть Польши и поляков. Дальнейшая доля ее — католизация и полонизация.

Причины успеха Люблинской унии.

На фоне драматической борьбы за свободу и независимость Великого Княжества Литовского особенно ярко выделялись литовско-белорусские государственные деятели и патриоты. Среди них в первых рядах находились князья Радзивиллы: Николай Черный (умер в 1565 г.) и Николай Рыжий — воевода виленский, титуловавший себя: “Мы, Николай Радзивилл, Божию милостию князь Олотский и Несвижский”; Иван Ходкевич — староста жмудский, Евстафий Волович — староста берестейский, Николай Нарушевич — подскарбий литовский и Пац — каштелян витебский, которые вместе с другими великолитовцами смело и энергично защищали интересы своего государства до последней возможности. И если бы не выход из их рядов русско-украинских сенаторов и послов, перешедших на сторону поляков и присягнувших на присоединение их отечества к Польше, как например, князья: К. Островский — воевода киевский, Чарторыйский — воевода волынский, Сангушко — воевода браславский и винницкий и многие другие, то Люблинская уния 1569 года вызвала бы открытую войну Великого Княжества Литовского с Польшей. Литовско-белорусские патриоты, не желая отдавать Польше свое государство, готовились к такой войне и рассылали грамоты с призывом к ней. Поляки считались с возможностью войны и на Люблинском сейме обсуждали меры ее предотвращения. Эта военная угроза миновала лишь тогда, когда на сторону поляков перешли русины-украинцы, а белорусы предоставлены были сами себе. Без активной военной помощи Руси-Украины белорусы не в состоянии были воевать с Польшей, именно поэтому Иван Ходкевич с отчаянием воскликнул на Люблинском сейме, обращаясь к русско-украинским послам: “Вы уже резали нам крылья!”

Ив. Мальшевский, написавший монографию о Люблинской унии, выражает мнение, что волыняне и подлясьяне имели свои счёты с белорусами и тяготились их управлением, а также соблазнились польскими шляхетскими привилегиями, которыми хотели пользоваться. Подобные причины, по-видимому, существовали и в других областях Руси-Украины. Помимо того, волынцев тесно связывала с киевлянами общность национальных интересов. Они считали Киев своей столицей и не мыслили остаться без него, поэтому

дружно голосовали вместе с поляками за присоединение его к Польше.³⁶ Русины-украинцы предпочитали находиться под властью польского короля, чем великого князя литовского.

Роковую услугу в деле присоединения Великого Княжества Литовского к Польше оказала московско-русская война с Великим Княжеством Литовским, начавшаяся из-за Ливонии и Смоленска. В этой войне московские войска заняли в 1563 году Полоцк и опустошили северную часть Беларуси до самого Вильно. Истомленные войной великолито-вцы предложили царю Ивану Грозному мир, уступая ему Полоцк и Смоленск. Но Иван Грозный сказал великолито-вским послам в присутствии своих бояр: “За королем наша вотчина извечная: Киев, Волынская земля, Полоцк, Витебск и многие другие города русские, а Гомель отец его взял у нас во время нашего малолетства: так пригоже ли с королем теперь вечный мир заключать?” Война продолжалась. Великолито-вские войска и воеводы храбро сражались с московскими войсками, защищая свою родину.

Поляки со злорадством следили за ходом военных действий и радовались, что их союзники истекали кровью в войне и слабели. Они рассчитывали, что чем больше вое-вody Великого Княжества Литовского потеряют сил в войне, тем менее они будут опасны в деле присоединения их государства к Польше. Когда великолито-вцы просили поляков предоставить им военную помощь для продолжения войны с Москвою, те бесцеремонно предлагали им присоединиться к Польше. Поляки подстрекали к войне короля и велико-лито-вцев, но сами не спешили помогать. Они стали помогать, лишь когда слышали о притязаниях московского государя на Киев, Волынь, Подолию и даже Галицию, но помо-гали плохо, показывая больше задор, чем усердие и умение. Польская политика в отноше-нии своих союзников великолито-вцев в то время была коварной и велась ловко и нагло. Москва же своим военным нажимом толкала великолито-вцев прямо в объятия поляков. Впоследствии поляки откровенно говорили, что московско-лито-вская война пригнала Ве-ликое Княжество Литовское к унии с Польшей. Эта несвоевременная война окончательно погубила Великое Княжество Литовское. Москва помогла полякам подчинить это княже-ство себе. Не будь этой войны, государственные великолито-вские патриоты еще долго от-стаивали бы суверенные права своего государства и не пошли бы на унию с Польшей.

5. Беларусь под властью Польши.

Административное деление.

Первоначально существовали многие удельные княжества, во главе которых стоя-ли князья, управлявшие при помощи вече или бояр. Витовт сместил некоторых князей и посадил на их места своих наместников. На сейме в Городле в 1413 году постановили вве-сти административное деление Великого княжества Литовского на воеводства. Первые во-еводы после Городельского сейма были назначены в Троках и Вильно. Впоследствии на-значены воеводы в следующих городах: в 1504 г. в Полоцке, в 1507 г. в Наваградке, в 1508 г. в Смоленске, в 1511 г. в Витебске, в 1514 г. в Подлясьи, в 1513 г. в Минске, в 1569 г. в Берестье и Мстиславле. Кроме этого, были учреждены воеводства: Киевское, Подольское и Волынское. Таким образом, перед Люблинской унией Великое Княжество Литовское было разделено на воеводства, которые управлялись своими воеводами, назначенными ве-

³⁶ Там же, стр. 168.

ликим князем или польским королем. Такую форму государственного деления на воеводства, а воеводств на поветы — утвердил сейм в Бельске в 1564 г. Такая форма деления продержалась до Четырехлетнего сейма в 1788 г., когда Польша доживала последние годы своей государственной жизни.

В Беларуси были следующие воеводства и поветы: Виленское воеводство и поветы: Виленский, Вилькомирский, Браславский, Лидский и Ошмянский; Трокское воеводство и поветы: Гродненский, Ковенский, Трокский и Упитский; Полоцкое воеводство поветов не имело; Наваградское воеводство и поветы: Волковыский, Наваградский и Слонимский; Витебское воеводство и поветы: Витебский и Оршанский; Берестейское воеводство и поветы: Берестейский и Пинский; Мстиславльское воеводство поветов не имело; Минское воеводство и поветы: Минский, Мозырский и Речицкий; Подлясское воеводство и поветы: Бельский и Дрогичинский; Смоленское воеводство поветов не имело. Всех воеводств в Беларуси было 10 и поветов 21.

С установлением деления на воеводства удельные князья потеряли всякую власть и превратились в частных землевладельцев. Они сохранили свои княжеские титулы и некоторые символы своего княжеского звания: печать из красного воска, места по правой стороне от великого князя или короля на заседаниях сейма. С течением времени многие старинные княжеские роды совершенно исчезли, а другие приняли фамилии по названию своих имений или по иным признакам, растворившись в шляхетском сословии и образовав класс высшей аристократии и магнатов. К этому сословию принадлежали шляхетские роды богатых землевладельцев, не имевших княжеских титулов.

Из среды шляхты великий князь назначал высших сановников в государстве, в том числе и воевод. Шляхта занимала все государственные королевские или великокняжеские должности. Первой и важнейшей должностью в Великом Княжестве Литовском была должность канцлера, который по современным понятиям соответствовал министру иностранных дел: он скреплял подписью и печатью акты, привилегии и указы великого князя. Очень важна была должность придворного маршалка. Эта должность соответствовала министру королевского двора. Канцлер и маршалок имели своих заместителей и многих помощников. Были особые должности сеймового маршалка, а также сеймикowego маршалка в поветах. Государственной казной ведал скарбный и его помощник подскарбный. В ведении скарбного находились все земельные угодья великого князя. В конце XV века была установлена должность великого гетмана, своего рода министра военных дел и главнокомандующего военными силами. Его помощниками были полевые гетманы. Под начальством гетмана находились все военные силы государства. Он носил титул: “Гетман найвысший Великого Князьства Литовского.”

Другие должности при особе великого князя имели чисто придворный характер, как, например: подкоморый — заведующий княжескими палатами, подстольный и подчашный — заведующие великокняжеским столом и погребами, конюшный — заведующий конным двором великого князя, ловчий — имевший попечение над лесными угодьями, предназначенными для охоты. В провинциях начальствовали сперва наместники и тиуны великого князя, а позднее — воеводы, старосты и каштеляны. Были должности хорунжих, которые носили войсковые знамена и созывали ополчение в случае войны. Городничие наблюдали за охраной городов, находившихся в их поветах, и следили за исправностью дорог и построек. В 1565 году, при административной реформе была создана должность поветового маршалка, роль которого была весьма важна во время войны. Его обя-

занностью было принимать ополчение и представлять его воеводе. Все государственные должности от высших до низших были весьма почетны и авторитетны на местах.

Законодательство.

Великие князья литовские не нарушали древних порядков и обычаев так называемой старины на занятых ими землях. Эта “старина” была неписанным законом, хранилась в памяти и соблюдалась населением в виде обычаев и обрядов. Правители княжеств, областей или земель менялись: уходили князья Рюриковичи и Всеславичи, на их места приходили князья Гедиминовичи, которых сменили наместники и воеводы, но местная жизнь протекала без всяких внутренних перемен, по искони заведенному порядку. Этот порядок был законом для всех. Никто не смел его отменять или изменять. Но когда пришли к власти поляки и ополяченные белорусы, возникла необходимость просить великих князей письменной гарантии сохранения вековых законных порядков. Для успокоения бояр, мещан, крестьян и духовенства великие князья издавали письменные акты, так называемые привилегии, как подтверждение “старины,” и этим обеспечивали ее соблюдение. Такие письменные привилегии выдавали великие князья Казимир и Александр.

В содержании великокняжеских привилегий повелевалось, чтобы “права хрестьянского закона ни в чом не ломити,” чтобы “нам хрестьянства гречаскаго закону не рушити, налоги им на их веру не чинити, а в церковные земли и в воды не вступатися” (Смоленская грамота). В землях Полоцкой и Витебской великий князь мог назначать воевод и старост только по воле и с согласия местного населения. В привилегии говорилось: “Так же нам господарю давати воеводу нашего полочанам по их воле, а который будет воевода наш нелюб им, ино нам воеводу им иного дати по их воли; а приехавши воеводе нашему к Полоцку первого дня крест целовати полочаном на том, чтоб без исправы полочанина не крати ни в чом.”

До XV в. великие князья литовские не издавали письменных распоряжений или каких-либо законов от своего имени. Воля князя выражалась устно и строго исполнялась подданными. Но с начала XVI века политическая ситуация в Великом Княжестве Литовском изменилась. Началась сеймовая борьба за присоединение этого княжества к Польше. Понадобились законные гарантии сохранения независимости Великого Княжества Литовского, которых не было. На Виленском сейме в 1522 году был поднят вопрос о собрании в один сборник всех прежних узаконений и привилегий, что было одобрено великим князем Сигизмундом. Активное участие в этом деле принял канцлер Великого Княжества Литовского Альберт Гаштольд. Работа проводилась тщательно. Собирали и переписывали все старые бытовые и политические узаконения, существовавшие в каждом княжестве и в каждой области Великого Княжества Литовского. Разрабатывались новые юридические нормы, вызванные обстоятельствами текущей жизни в государстве.

Приготовленный сборник представлен был на утверждение сейму в Вильно в 1529 году. Сейм его одобрил. После утверждения великим князем Сигизмундом он стал государственным законом для всех слоев населения Великого княжества Литовского. Сборник известен под названием “Литовский статут.” Писан он на государственном белорусском языке. В 1530 году он появился на латинском языке, а в 1532 году — на польском. Напечатан он не был, а распространялся в списках. Впервые он был напечатан в типографии в измененном виде только в 1588 году в Вильно. В последующие годы он издавался только на польском языке. Но в 1811 году его издали в Санкт-Петербурге на двух языках параллель-

но: польском и русском. Польский текст Статута был действителен в Беларуси с XVII века и упразднен был лишь в 1840 г.

Полонизация края.

Ягеллонская династическая уния открыла большие возможности для проникновения польского элемента в Беларусь. Полонизация пришла вместе с римо-католичеством. С самого открытия латинской епископии в Вильно в 1387 году епископами здесь были поляки. Первым епископом виленским был Андрей, герба Ястшэмбец (ум. 1398).

Примечание. Андрей, называющийся также Васи́ло — первый епископ виленский между 1387 и 1399 годом. В 1392 году он ставил Витовта на великокняжеский литовский престол; Андрей также соорудил в Вильне капеллу святого Андрея. После него епископом был назначен Яков Плихта, герба Знин, или Жнин. *Прим. ред.*

На его место назначен был поляк Якуб Плихта, после него — чех Николай (ум. 1414), затем — Петр Ястшэмбец и т. д. Вместе с епископами подбирались кадры духовенства из поляков. На основании Городельской унии 1413 года право занимать государственные должности в Великом Княжестве Литовском предоставлялось только римо-католикам. Это обстоятельство привлекало некоторые княжеские и знатные роды в объятия римо-католичества. Их дети, воспитанные в польских школах, становились поляками.

Акт Люблинской унии 1569 г. усилил полонизацию знатных родов и шляхты. Литовский статут редакции 1529 года, запрещавший полякам занимать государственные должности в Великом Княжестве Литовском, был изменен в пользу поляков. Беларусь покрылась густой сетью польских колоний и польской шляхты, прибывшей сюда из Польши. Образовались так называемые “околицы” и “засыцянки” польской и полонизированной служилой шляхты. Эти колонисты принадлежали военно-служилым людям, участвовавшим в войне с Москвой в 1578-1581 гг. По окончании войны они получили шляхетское звание и шляхетские привилегии. Король награждал их земельными угодьями. Шляхта являлась большой полонизирующей силой в Беларуси, к которой присоединились многочисленные помещики-поляки, разными способами приобретшие себе здесь имения. Они закрепили крестьян за своими имениями и лишили их права переходить на другое место. Таким образом крестьянская Беларусь стала крепостной у польских панов и магнатов. Такие же порядки существовали в великокняжеских имениях, принадлежавших государству, где хозяйничали королевские урядники-державцы.

Важную роль в полонизации страны играло римо-католическое духовенство, которое состояло преимущественно из поляков. Для пополнения его кадры готовились в польско-католических школах, открытых во многих городах Беларуси. Такие школы или коллегии были открыты в Вильно, Полоцке, Витебске, Орше, Могилеве, Минске и др. Содержали эти школы иезуиты. В городах поселилось много поляков, занявшихся торговлей или служивших в урядах. Католическое духовенство их обслуживало и миссионерствовало среди православного мещанства. Полонизация городов проводилась в течение XVI-XVIII веков, вследствие чего города Беларуси потеряли свой белорусский облик. Белорусская деревня не поддалась полонизации.

В это время сильно засорялся полонизмами белорусский язык. Засорение было настолько велико, что белорусский язык превращался в диалект польского языка. Постепенно он становился трудным для пользования в судах и урядах Беларуси, так как шляхта и мещане переставали его понимать. Это обстоятельство побудило литовско-белорусских

послов на сейме в 1696 году внести предложение о замене белорусского языка польским. Предложение было принято: ни один голос не раздался в защиту белорусского языка, в течение 400 лет являвшимся государственным языком Великого Княжества Литовского. Таким образом, уже в XVII веке употребление белорусского языка в урядах совершенно исчезло.

Когда волна польского засилия заливала Беларусь, великий гетман Великого Княжества Литовского князь несвижский Януш Радзивилл вступил в тайные переговоры со шведским королем Карлом X Густавом. В результате этого в 1655 году был заключен Койданский договор,³⁷ на основании которого под протекторат Карла X Густава отдавались Беларусь и Литва.

Примечание. “20 октября 1655 года в Кедайняй 1134 магната и боярина во главе с великим гетманом Йонушасом Радвиллой подписали со шведскими представителями договор, по которому лишалась силы уния ВКЛ и Польши, а шведский король признавался великим князем литовским. Кедайняйскому договору воспротивилась часть литовского войска и большинство бояр, которые продолжали борьбу со шведами. Эта борьба особенно усилилась после возвращения короля Яна Казимира Вазы в Польшу 1 января 1656 года. В 1656 году в Литве началось восстание против шведов.” *Прим. ред.*

По этому договору Карл вступил с войсками в Литву, занял Жмудь и всю западную Беларусь, объявив себя “Покровителем Великого Княжества Литовского.” Проф. Ст. Косьцялковский считает, что князь Януш Радзивилл хотел быть вассалом шведского короля и иметь титул: “Великий князь литовский.” Этим политическим актом Радзивилл хотел выволить свою родину от польской зависимости и получить для нее свободу. Но в то время происходила московско-польская война, которая помешала осуществлению его плана. Поляки считают Радзивилла изменником, но в действительности он любил свою родину Беларусь и хотел восстановить ее политическую и государственную независимость. Война Польши со Швецией закончилась подписанием мира в Кардисе в 1661 году на условиях “статус кво”: шведы оставили Беларусь, Литву и Польшу. Война с Россией закончилась Андрусовским миром в 1667 году, по которому Беларусь осталась под властью Польши.

6. Беларусь и Россия.

Раздел Польши.

В 1772 году Россия, Австрия и Пруссия, по взаимному договору, разделили Польшу. Россия заняла всю восточную Беларусь (воеводства: Полоцкое, Витебское, Мстиславльское, Минское), Австрия — Галицию (Галичскую Русь) и Пруссия — западную Польшу (воеводства: Познанское, Быдгощское и Гданьское). Это был первый раздел Польского королевства.

Польша находилась перед разделом в полном упадке. Политическая борьба, неограниченная свобода польской шляхты с их “либерум вэто” и слабая военная подготовка лишили польского короля и его правительство возможности выступить в защиту своего королевства. Под влиянием французской революции поляки произвели некоторые реформы в государстве с целью улучшения социального положения в стране и возрождения польского патриотизма, но это только ухудшило состояние дел. 3 мая 1791 г. партия ре-

³⁷

формистов провела на Варшавском сейме новую государственную конституцию, утвержденную королем Станиславом Понятовским. Консервативные круги польской шляхты остались недовольны новой конституцией и государственными реформами. Они съехались в Тарговице на конференцию и заключили союз с целью защиты старого порядка. Не рассчитывая на собственные силы, они обратились за помощью к императрице Екатерине II и к прусскому королю. Эти монархи, опасаясь революции в Польше по примеру французской, ввели войска в Польшу. Российские гарнизоны заняли Варшаву, а прусские отряды оккупировали Западную Польшу. По приказу императрицы Екатерины II польский сейм, как “революционный,” был распущен; была отменена конституция от 3 мая. По требованию российских властей в 1793 г. был созван польский сейм в Гродно, вошедший в историю под названием “немой сейм.” Сейм молча принял предложение оккупационных властей о втором разделе Польши, согласно которому к России были присоединены западные области Беларуси, а именно воеводства: Виленское, Новогрудское, Берестейское, Волыньское и Подляское, а также Варшава. Пруссия забрала Данциг и Великопольшу. Король Станислав Понятовский стал жить в Гродно.

Свой протест против раздела Польши поляки выразили в форме восстания под руководством Тадеуша Костюшки, уроженца Берестейского воеводства. Генерал Суворов разбил польских повстанцев под Варшавой в 1794 году. После этого состоялся третий раздел остатка Польского королевства, по которому Россия заняла Курляндию, Литву и Белосток; Пруссия — Варшаву и центральную Польшу; Австрия — Люблин и Краков. Король Станислав Понятовский вынужден был отречься от престола 25 ноября 1795 года и переехать на жительство в С.-Петербург, где и умер. Польское королевство перестало существовать. Враждебная политика к Православной Церкви погубила Польшу. Польский поэт со скорбью сказал: “Польша! Твоя гибель в Риме!”

Во время Наполеоновской войны, когда французские войска заняли Польшу, Наполеон создал в 1807 году Варшавское герцогство под номинальной властью саксонского короля и под своим протекторатом. После разгрома Наполеона постановлением Венского конгресса в 1815 году Варшавское герцогство было присоединено к России под названием “Царство Польское.” Пруссия забрала себе Познань и Великопольшу с Торунем и Данцигом, а Австрия оставила за собой Галицию со Львовом и Тернополем. Люблин отошел к России. Этот четвертый раздел Польши, хотя и не назван таковым в истории, окончательно решил судьбу Польского королевства на долгие годы.

Национальный облик Беларуси.

Россия получила Беларусь в католическом и ополяченном виде. Высшее ее общество, шляхта и городское население исповедовали римо-католичество в его латинско-польской форме, а крестьяне были униатами, т.е. католиками восточного обряда. Православных оставалось мало. Польский проф. С. Косьцялковски дает следующую характеристику белорусского населения после разделов Польши: “Все христианское мещанство городов и местечек этих земель (т.е. Беларуси), от работников до ремесленников, купцов, торговцев и чиновников, все духовенство, а также вся интеллигенция, полуинтеллигенция городская и сельская, все помещики от беднейшего до самого богатого и высоко стоявшего в общественной иерархии, как равно вся шляхетская демократия, очень многочисленная в некоторых местностях, засценковая и загородная шляхта, иногда весьма бедная и не отличавшаяся от простых крестьян, — все это было в культурном отношении таким же, как и общество, принадлежавшее к тем же слоям населения прочих земель Речи Поспо-

литой. Сельское крестьянское население сохранило сокровища старо-литовского или белорусского прошлого. Оно жило в своей словесной обособленности отдельной культурной жизнью. Оно говорило по-литовски или по-белорусски, часто не понимая польского языка.”

Основная масса населения Беларуси состояла из крестьян, которые сохраняли свой национальный облик, в то время как все другие слои белорусского общества этот национальный облик утратили. Между крестьянством и другими слоями общества существовала глубокая рознь, сложившаяся на протяжении прошедших веков. Польская и ополяченная часть населения создала особую среду, как бы инородное тело в организме белорусского народа. Эта часть населения держала себя высокомерно и обособленно от белорусской деревни. Когда в 1863 году началась польская революция против российских властей, белорусское крестьянство в своей массе к этой революции не примкнуло, хотя революционеры и привлекали его всяческими обещаниями и льготами. В этом отношении отличался большой деятельностью один из руководителей польского восстания в Беларуси Кастусь Калиновский, издававший на белорусском языке газету под названием “Мужіцкая праўда.” Белорусские крестьяне понимали своим простым умом, что революционная затея — чисто польское дело и осуществляется в польских интересах. Белорус остался в стороне от этой затеи.

Российское правление в Беларуси.

На белорусских землях, присоединенных к России, введены были российские порядки. Прежде всего были упразднены прежние названия воеводств и поветов и установлены названия губерний и уездов. Вся Беларусь была разделена наново. Полоцкое и Витебское воеводства упразднены и присоединены к Псковской губернии. В 1777 г. Витебск переименован в уездный город. В 1796 г. создана Белорусская губерния, к которой присоединен Могилев. Губернским городом стал Витебск. До 1840 г. Витебская губерния продолжала именоваться Белорусской. В ее состав входили уезды: Витебский, Велижский, Городокский, Полоцкий, Невельский, Себежский, Лепельский, Дрисенский, Динабургский (Двинский) и Режицкий. После 1840 г. название “Белорусский” было упразднено, а губерния переименована в Витебскую.

Минское наместничество учреждено в 1793 г. вместо воеводства того же названия. Но уже в 1796 г. наместничество переименовано в губернию. В состав Минской губернии включены уезды: Бобруйский, Борисовский, Игуменский, Минский, Мозырский, Наваградский, Пинский, Речицкий, Вилейский и Дисненский. В 1843 году от Минской губернии отделены уезды Вилейский и Дисненский и присоединены к Виленской губернии.

Могилев был уездным или поветовым городом Мстиславльского воеводства. С присоединением к России этой области в 1778 г. в Могилеве стал находиться наместник Могилевского наместничества. В 1802 году здесь учреждено губернское правление, а наместничество переименовано в губернию. Значение этого города возрастало, т.к. здесь находилась православная епископская кафедра. Город быстро развивался и приобрел большое значение.

В 1796 г. для западной части Беларуси учреждено Слонимское наместничество с пребыванием наместника в Наваградке. Но уже в следующем году Слонимское наместничество присоединено к Виленско-Литовскому наместничеству. В 1802 году Слонимское наместничество снова восстановлено под названием Гродненской губернии с губернским правлением в Гродно. Наваградок оставлен уездным городом Гродненской губернии, но в

1842 году его присоединили к Минской губернии. После всех перетасовок Гродненская губерния имела следующие уезды: Гродненский, Белостокский, Брестский, Влодавский, Бельский, Волковыский, Кобринский, Пружанский, Сокольский и Слонимский. В Гродно была учреждена в 1840 году епископская православная кафедра.

В 1796 году основано Виленское наместничество. В 1802 г. Виленское наместничество переименовано в губернию. С 1 июля 1843 г. в Виленской губернии были следующие уезды: Виленский, Вилейский, Дисненский, Лидский, Свенцянский, Ошмянский, Трокский и Браславский. В Вильно сосредоточилось главное управление так называемого Северо-Западного края. Здесь имел свое местопребывание генерал-губернатор, как военный начальник округа. Здесь же находились кафедры архиепископов православного и римокатолического. 9 июня 1845 года для Виленской губернии был учрежден герб, представлявший всадника в латах на белом коне на красном фоне, скачущего в правую сторону; в правой руке всадника — поднятая вверх сабля, в левой — серебряный щит с изображением золотого восьмиконечного креста.

Таким образом Беларусь была разделена на пять губерний: Гродненскую, Виленскую, Витебскую, Минскую и Могилевскую. Часть белорусского населения отошла к Смоленской, Черниговской, Орловской, Калужской и Псковской губерниям, о чем было сказано выше.

Каждая губерния разделялась на уезды. В каждом уезде было по несколько волостей, имевших в своем ведении несколько деревень. Большие города имели свое управление во главе с городским головой. Во всех губернских и уездных городах находились полицейские управления и другие органы власти.

Государственным языком был русский. В канцеляриях и во всех государственных учреждениях писали и говорили только по-русски. Обучение детей в школах велось только на русском языке. После польского восстания в 1863 году было запрещено употреблять название “Белоруссия” и “белорусский.” Во всей стране были введены гражданские законы Российской империи. Российское влияние охватило белорусские города и местечки. Чиновничество, мещане, православное духовенство и торговый класс стали пользоваться только русским языком. Католики в городах продолжали держаться польского языка. Главной патриотической силой поляков было их духовенство. Белорусский язык сохранился в деревнях.

Возрождение белорусского самосознания.

Белорусское национальное возрождение, как реакция против российского начала, возникло в среде ополяченной белорусской шляхты. Из этой среды вышли первые белорусские поэты и писатели: Барцевский, Дунин-Марцинкевич, Богушевич (Мацей Бурачок), А. Ельский, Неслуховский, А. Луцевич (Янка Купала) и многие другие. Из этой же среды был и Кастусь Калиновский. Большинство из них, хотя и писало по-белорусски свои произведения, принадлежало к польской культуре и польской национальности.

Белорусское политическое движение началось в 1902 году под влиянием революционеров, готовивших революцию в России. В Минске образовалась подпольная организация левого направления под названием “Беларуская Саціялістычная грамада.” Во время революции 1905 года эта “Грамада” организовала свои ячейки во многих местах Беларуси. После подавления революции государственные органы безопасности ее ликвидировали.

Послереволюционная Государственная Дума в Петербурге признала белорусский язык за диалект общерусского языка. Это признание рассеяло всякие надежды белорусских националистов на введение белорусского языка в школах Беларуси. Зато в это время белорусские деятели получили возможность издавать еженедельную национальную газету “Наша ніва,” выходящую с 1906 по 1915 гг. в Вильно. В 1910 году газета поступала в 330 мест и имела 636 постоянных подписчиков, главным образом в городах. Эта газета привлекла много молодых талантливых политических деятелей, поэтов и писателей и создала белорусское национальное движение, известное под названием “Нашаніўскае.”

Еще недостаточно окрепшее белорусское движение вошло в период первой мировой войны 1914 года. 18 сентября 1915 года германские войска вошли в Вильно и заняли Западную Беларусь. Отступавшие российские власти передали правление города Вильно так называемому Виленско-Ковенскому комитету, составленному из представителей поляков, литовцев, белорусов и евреев. Председателем был виленский адвокат Станислав Когновский, а секретарем — виленский адвокат Зыгмунд Юндзилл. Оба были поляками. От белорусов вошли в комитет Антон Луцкевич и Вацлав Ластовский. Через несколько месяцев комитет распался по вине поляков. На развалинах этого комитета образовались национальные комитеты: белорусский, польский, еврейский и российский. Такое разделение было на руку немцам, которые использовали его для своих целей.

Поляки в то время проявили большую активность и пытались захватить в свои руки влияние и власть, которую немцы предоставляли местному населению оккупированных ими белорусских областей. Для противодействия полякам немецкие оккупационные власти признали белорусский язык официальным и разрешили открывать белорусские начальные школы и учительские семинарии. Но это разрешение не везде было использовано вследствие недостатка на местах белорусского актива и учительского персонала. В городах образовались белорусские национальные комитеты, но они не в состоянии были изменить существовавшее положение. В Вильно начала выходить белорусская газета “Гоман,” которая вела борьбу с польским засилием. Белорусское движение не захватило широких народных масс, которым требовалась большая просветительная работа.

По другую сторону немецко-российского военного фронта, в Минске и в других городах восточной части Беларуси, вспыхнувшая в России в 1917 году февральская революция усилила белорусское движение. В Минске возникли различные белорусские политические организации, из которых более активными оказались: “Беларуская Сацыялістычная грамада” и “Беларускі нацыянальны камітэт.” Во главе последнего стоял Роман Скірмунт, который придерживался ярко выраженной польской ориентации, вследствие чего не имел популярности среди белорусов. Социалистическая громада была левого направления.

Помимо этих организаций составилось тогда общенародное белорусское представительство, которое несколько раз меняло свою программу и название, пытаясь найти авторитет и поддержку среди белорусских народных масс. Делались попытки выделения белорусов из российской армии и создания из них белорусских военных сил, но из этого ничего не вышло, потому что работа в этом направлении не была проведена в широком масштабе. Дело организации белорусской армии ограничилось созданием незначительных отрядов пехоты, которые были слабы и долго не продержались. Только генерал Булак-Балахович организовал в 1919 году более сильные белорусские военные отряды. Главная причина всех этих неудач состояла в том, что в то время германская армия оккупировала значительную часть Беларуси, а в рядах российской армии упал боевой дух и военная дис-

циплина. Солдаты-фронтовики и тыловые мечтали скорее попасть домой и многие дезертировали.

Попытка создания Белорусской республики.

Вслед за февральской революцией в октябре 1917 года произошел большевистско-коммунистический переворот в России. Во всей стране велась ожесточенная междоусобная война двух сил: коммунистических и антикоммунистических. Перевес сил был на стороне большевиков-коммунистов. В Восточной Беларуси большевистско-коммунистическую революцию провел Фрунзе без всякого сопротивления. В Минске создали “Совет Народных Комиссаров Западного Фронта” во главе с латышом Ландером. В воззвании этого “Совета” слово “Белоруссия” не было употреблено.

По просьбе белорусских деятелей большевистские власти согласились на созыв “Всебелорусского Конгресса” в Минске, который открылся 14 декабря 1917 года. На Конгрессе присутствовало до 2000 делегатов. Большевики пытались овладеть инициативой на Конгрессе и навязать ему свою волю и идеи, но не сумели этого достигнуть. Собравшиеся на Конгрессе белорусские делегаты оказались неуступчивыми в отношении большевистских требований. Тогда большевики разогнали Конгресс силой при помощи войска после драматических ночных событий. Но вскоре большое число членов Конгресса собралось в железнодорожной ремизе и избрало 31 декабря 1917 года Исполнительный Комитет Конгресса. Фактически этот Комитет был первым белорусским правительственным органом, представлявшим собой кабинет министров во главе с председателем Иосифом Воронко. Национальные небелорусские местные группы имели в этом правительстве своих представителей. Польскую группу представлял Александр Пристор, впоследствии премьер-министр польского правительства в Варшаве.

Пока в России царил революционный разуха, германские войска 25 февраля 1918 года беспрепятственно заняли Минск. Сперва они относились пассивно к Белорусскому Конгрессовому комитету, но не позволили ему совершать самостоятельные акты государственного значения.

Когда начались переговоры о заключении мира между большевиками и немцами на мирной конференции, созванной 4 марта 1918 года в Бресте, белорусские представители не были допущены, что вызвало большое возмущение среди них. Конгрессовый комитет, переименованный к тому времени в “Раду Беларускай Народнай Рэспублікі,” своим третьим универсалом от 25 марта 1918 года провозгласил независимость Беларуси как самостоятельного государства. Этот акт, имевший огромное значение в жизни белорусского народа, в тот же день был омрачен другим актом: “Рада” отправила германскому императору Вильгельму II телеграмму, в которой просила “закрепить независимость Белорусской Республики при помощи унии с Германской империей.” Эта телеграмма вызвала раскол в “Раде,” из которой вышли левые. Немцы отнеслись безразлично к этому предложению “Рады.” Необдуманный поступок “Рады” не принес пользы, а причинил большой вред белорусскому национальному движению.

На западе Беларуси, именно в Вильно, белорусские деятели что-то делали для пользы своего отечества. В декабре 1917 года они подали начальнику немецкой администрации в Литве кн. Фр. Изенбургу декларацию, в которой просили образовать на оккупированных немцами белорусских землях независимое демократическое государство из двух автономных территорий: белорусской и литовской, при теснейшем союзе с Курляндией. Но немцы заинтересованы были в устройстве Литовского государства без Беларуси, и по-

данная декларация успеха не имела. Немцы имели свой план присоединения Литвы и Гродненщины к Восточной Пруссии.

С ноября 1918 года немцы начали вывод войск из Беларуси, оставляя после себя политическую пустоту, которую национальные деятели не имели сил заполнить. Эту пустоту заняли большевики. Они объявили 1 января 1919 года в Смоленске об учреждении “Белорусской Советской Социалистической Республики” в границах 6 уездов Минской губернии, а 27 февраля того же года соединили ее с “Литовской Социалистической Советской Республикой.” Через год, именно 16 августа 1920 года, Москва снова объявила независимость Советской Беларуси, но на этот раз уже без Советской Литвы.

Польско-большевицкий раздел Беларуси.

11 ноября 1918 года Иосиф Пилсудский стал во главе новообразованного Польского государства. Немецкие войска в это время отступали с востока на родину. Они двигались поездами по линии Ковель — Брест — Белосток — Граево и Минск — Барановичи — Слоним — Белосток — Восточная Пруссия. Вслед за ними продвигались на запад большевицкие войска. Польское правительство выступило с протестом против занятия советско-большевицкими войсками Беларуси, которую поляки считали своей территорией на основании исторического прошлого. На протест польского правительства советский комиссар Чичерин в своей ноте от 23 декабря 1918 года указал полякам, что Россия земли Беларуси никогда не признавала польскими. Дальнейшие дипломатические переговоры между большевиками и поляками не привели к положительным результатам. Каждая сторона стояла на своей позиции. Отношения между ними обострились.

Глава Польского государства и главнокомандующий польскими военными силами И. Пилсудский решил военной силой задержать продвигавшиеся большевицкие отряды. Между 9 и 14 февраля 1919 года польские войска Пилсудского перешли немецкий кордон под Гродно и заняли позиции по р. Неман от Скиделя, по р. Зельвянка и р. Ружанка через Пружаны, Кобрин и далее на Волынь. На этой линии фронта польские войска приготовились встретить большевиков огнем и не пустить их дальше на запад. Вскоре в этих районах начались бои.

Польско-большевицкая война имела три этапа в своем развитии. В первом этапе (февраль 1919 — май 1920 гг.) польские войска отеснили большевиков на восток и заняли позицию от г. Двинска по линии р. Двина — Полоцк — Лепель — р. Березина — р. Птичь до р. Припять. По союзному договору с украинским атаманом Симоном Петлюрой польские гарнизоны стояли в Киеве. На втором этапе (май — август 1920 г.) большевицкие войска отодвинули поляков далеко к западу, дошли до р. Вислы, угрожая Варшаве. На третьем этапе (середина августа — октябрь 1920 г.) поляки нанесли большое поражение большевицким военным силам по всему фронту и заставили их отступить на восток. Преследуя отступавших большевиков, поляки дошли до Молодечно и укрепили свой фронт по линии Молодечно — Койданово — Слуцк — р. Птичь. На этой линии они остались до заключения мирного договора в Риге 12 октября 1920 года.

Рижский мирный договор между Польшей и Советским Союзом разделил Беларусь на две неравные части. Западная ее часть с городами: Вильно, Пинск, Брест, Гродно, Новогрудок и др. отошли к Польскому государству, а обширная восточная часть Беларуси осталась под властью большевиков. В Западной Беларуси под властью поляков проводилась полонизация школ, администрации и всей государственной жизни. Были учреждены воеводства: Новогрудское, Белостокское, Виленское и Полесское или Брестское. В каж-

дом воеводстве находилось по несколько поветов, а поветы делились на гмины. Все чиновники и начальники в государственных учреждениях были поляки, которые проводили польскую политику. Национальные белорусские интересы не принимались во внимание. Вся государственная жизнь была построена и проводилась в польском духе.

Подсоветская Беларусь называлась “Белорусская Советская Социалистическая Республика.” Советские власти в декабре 1922 года ее в “Союз Советских Социалистических Республик.” Центральное правительство Союза находилось в Москве. Граница между Советским Союзом и Польшей была определена Рижским трактатом от 18 марта 1921 года. В конце второй мировой войны 1939-1945 гг. Западная Беларусь была занята советскими войсками и присоединена к Белорусской Советской Социалистической Республике.

Примечания к 1-ой части.

Литература.

1. Акты, относящиеся к истории Западной Руси, т. IV, С.-Петербург, 1857 г.
2. П. Батюшков: “Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-западного края,” С.-Петербург, 1890.
3. П. Батюшков: “Памятники русской старины въ западных губерниях. Выпуск восьмой. Холмская Русь.” С.-Петербург. 1885, статья: “Краткий очерк состояния Холмской Руси в религиозном отношении, со времени введения Христианства до церковной унии на Брестском соборе.”
4. Там же статья И. И. Малышевскаго: “Люблинский съезд 1569 года.”
5. М. Богоявленский: “Петр I. Материалы для биографии,” ОГИЗ, 1940.
6. Большая Энциклопедия, тт. IV и V, С.-Петербург.
7. Bückner Aleksander: “Rusko-Polski rukopis roku 1510,” “Slawia,” VII, I. B.
8. Wielhorski Wladyslaw, prof.: “Stosunki narodowosciowe, wyznaniowe i jkzykowe. Szczepu baltyskie. Obszary etniczne: litewski i ruski. Ich przeobrazenia. Stosunki demograficzne” w “Dzieje Ziem W. Ks. Litewskiego,” Londyn, 1953.
9. Onie: “Okres Unii Personalnej (1386-1569),” “Dzieje Ziem Wielkiego Ksiazstwa Litewskiego,” Londyn, 1953.
10. Onie: “Statut Litewski, Zarus historyczny jego powstania i rozwoju. 1529-1566-1588,” там же.
11. Onie: “Litwini, Bialorusini i Polacy w dziejach kulturu W. Ks. Litewskiego” w “Alma Mater Vilneusis,” Londyn, 1951.
12. Gloger Zygmunt: “Geografia Historyczna ziem dawnej Polski,” Krakow, 1900.
13. Греков Б. Д. : “Киевская Русь,” Москва, 1940.
14. Даль Владимир: “Сочинения,” т. X, Москва-СПБ, 1898.
15. Дашкевич Н.: “Литовско-Русское государство, условия его возникновения и причины его упадка,” “Киевские Университетския известия,” № 5, 1884.
16. Довнар-Запольский М. В.: “Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель до конца XII века,” Киев, 1891.
17. Dunilowicz Ignacy: “Skarbiec dyplomatyw papieskich, cesarskich, krylewskich, ksiekscych; uchwai narodowych, postanowiec ryinych wia dz i urzkdyw, poslugujszczych do krytycznego wyjasnienia dziejyw,” t. I. Wilno, 1860.
18. Onie: “Historyczny rzut oka na prawodawstwo narodu Litewskiego,” Wilno, 1837.
19. Карский Е. Ф.: “Белоруссы.” тт. I и II, Варшава, 1903.

20. Коялович: “Лекции по истории Западной Руси,” Москва, 1864.
21. Koszcialkowski Stanislaw: “Rzeczpospolita Obojga Narodyw (1569-1795),” w “Dzieje Ziem W. Ks. Litewskiego,” Londyn, 1953.
22. Kamieniecki W.: “Spoleczenstwo litewskie w XV wieku” Warszawa, 1947.
23. Kraszewski: “Historia Litwy.”
24. Kutrzeba, prof.: “Unia Polski i Litwy” w “Polska i Litwa w dziejowym stosunku.” Krakow, 1914.
25. Лаппо И. Н.: “Великое Княжество Литовское во второй половинс VI столетия. Литовско-Русский повет и его сеймик,” Юрьев, 1911.
26. Лесной Сергей: “История руссов в неизвращенном виде,” 1953-1960, выпуск X.
27. Леонардов Д.: “Полоцкий князь Всеслав и его время” в “Полоцко-Витебской старине,” выпуск II, Витебск, 1912.
28. Latopisy Litwy i Kronika Ruska.
29. Jowmiacski H.: “Studia nad poczystkiem panstwa i spoleczestwa litewskiego,” T.T. I i II, Wilno, 1931-1932.
30. Ламанский В. И.: “Живая старина,” 1891, выпуск III.
31. Литовская Метрика.
32. Малая Советская Энциклопедия, т. I, Москва, 1928, под “Белоруссия.”
33. Niederle Lubor: “Manuel de l'antiquie slave,” t. I — “L'Historie,” Paris, 1923.
34. Иван Огиенко: “Византия и Украина,” Берлин.
35. Paszkiewicz Henryk: przedchrzesczujaska. Geneza Unii Polsko-Litewskiej” w “Dzieje Ziem W. Ks. Litewskiego,” Londyn, 1953.
36. Podolski Bohdan: “Historia ustroju Wielkiego Ksikstwa Litewskiego,” tamze.
37. Полное Собрание Русских Летописей, т. II, Москва, 1962. “Ипатьевская Летопись.”
38. Пушкарев С.Г.: “Обзор русской истории,” Нью-Йорк, 1953.
39. Сапунов А.П.: “Россия,” Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. Под редакцией В. П. Семенова. Том IX. Верхнее Поднепровье и Белоруссия.” С. Петербург, 1905.
40. Соловьев С.М.: “История России с древнейших времен,” т. I-II, III-IV, Москва, 1960.
41. Станкевич В.: “Судьбы народов России,” Берлин, 1921.
42. Статут Великого Княжества Литовского 1529 года, издано под редакцией К.И. Яблонска. Минск, 1960.
43. Studnicki Waclaw: “Wilno w rzadzie stolic Rzeczpospolitej,” “Wilno i ziemia Wilenska,” t. I, Wilno, 1930.
44. Szadkowski Zygmunt: “Geografia ziem W. Ks. Litewskiego” w “Dzieje Ziem W. Ks. Litewskiego,” Londyn, 1953.
45. Турчинович Ф.: “Обозрение истории Белоруссии с древнейших временъ,” Санкт-Петербург, 1837.
46. Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до конца XV века. Под редакцией М. Н. Тихомирова составили: Л. В. Милов, А. И. Рогов, М. Н. Тихомиров. Москва, 1960.
47. Чистович И.: “Очерк истории Западно-Русской Церкви,” часть I, С.-Петербург, 1882.

48. Шафарик Павел: “Славянския древности.” Перевод с чешского О. Бодянского, издание 2-ое, часть историческая, Москва, 1848.

49. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. V, т. VI, кн. 12 — “Витебская губ.,” СПб., 1892; т. XIX, кн. 37 — “Минская губ.” и “Минск,” СПб., 1896; т. XIX, кн. 38 — “Могилевская губ.”; т. IX, кн. 18 — “Тродно,” СПб., 1893; т. VI, кн. II — “Вильно,” СПб., 1892.

50. Engelhardt Eugen: “Weissruthenien Volk und Land,” Berlin, 1943.

51. Jakubowski J.: “Studia nad stosunkami narodowoszciovymi na Litwie przed Uniej Lubenskej,” Warszawa, 1912.

52. Якубовский Л. П.: “История древнерусского языка,” Москва, 1953.

53. Татур Г.Х.: “Очерк археологических памятников на пространстве Минской Губернии и ея археологическое значение,” Москва, 1892.

54. Филарет Гумилевский, Архиепископ Черниговский: “История Русской Церкви,” С.-Петербург, 1894.

Хронология великих князей литовских:

Имя	Время правления
Рингольд	1204-1239
Миндовг	1240-1263
Войшелк (в иночестве Лаврентий)	1263-1268
Шварно Данилович	1268-1270
Тройден	1270-1283
Литтувер Тройденович	1283-1290
Витенес	1290-1315
Гедимин	1315-1341
Евнутий	1340-1341
Ольгерд	1341-1377
Кейстут	1377-1378
Ягайло	1378-1392
Витовт	1392-1430
Свидригайло	1430-1432
Сигизмунд Кейстутович	1432-1443

Великие князья и короли польские:

Имя	Время правления
Казимир	1443-1492
Александр	1492-1506
Сигизмунд Старый	1506-1548
Сигизмунд Август	1548-1572

После Люблинской унии Великое княжество Литовское присоединено к Польше.

Часть вторая. Церковная.

1. Христианство в Беларуси

Крещение Руси.

Начало Христианства на белорусских землях неразрывно связано с крещением Руси киевским князем Владимиром в 988 году. До того времени все племена, названные Русью, исповедовали язычество. Главным божеством был Перун. Его капища и идолы стояли во всех городах, и люди приносили им жертвы. Грубость нравов и крайнее невежество господствовали повсюду. Во мраке суеверий и идолопоклонства народ погибал.

Счастливая мысль сделать Христианство государственной и народной религией на Руси зародилась у киевского князя Владимира давно, но осуществил он ее не сразу, т.к. для этого нужно было подходящее время.

О Христианстве в Киеве знали давно. Среди дружинников Владимира были христиане, для которых была в Киеве построена церковь в честь св. пророка Илии, существовавшая уже много лет. До Владимира киевская княгиня Ольга (ум. 969) была христианкой. Предпосылки для введения Христианства в Киевском государстве были, недоставало только смелого и твердого княжеского решения ввести здесь Христианство. И князь Владимир такое решение принял. В 987 году он сам крестился в г. Херсонес (Крым) в греческой колонии, а в следующем году по его велению и при его активном участии греческое духовенство крестило дружину князя, его бояр и жителей Киева. Крещение их было совершено в р. Днепр в торжественной обстановке. Это событие запечатлено в истории под названием Крещение Руси.

Но Владимир не остановился на крещении киевлян. Он послал духовенство крестить жителей всех городов, находившихся под его властью. Митрополит киевский Иларион (ум. 1062) пишет о князе Владимире следующее: “труба апостольская и гром евангельский огласили все города, и вся земля наша в одно время стала славить Христа.”³⁸

Примечание. http://www.holytrinitymission.org/books/russian/ocherki_kartashev_1.htm. *Прим. ред.*

Об этом же свидетельствует монах Иаков: “Крести же (Владимир) всю землю рускую от коньца и до коньца... и скруши идола и отверже всю безбожную лесь.”³⁹ В Ипатьевской летописи говорится: “Володимер же просвещен сам и сынове его и земля его... И нача ставити по градом церкви и попы и люди на крещенье приводити по всем градом и селом.”⁴⁰

Князь Владимир княжил в Киеве еще 15 лет после крещения киевлян в 988 году. За это время при его содействии “варяги ославянились, язычники охристианизовались, варвары цивилизовались.”

³⁸ Карташев, 1, стр. 122.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Батюшков: “Памятники,” VIII, стр. 84.

Святой крест в руках князя Владимира создал ему славу насадителя православной веры и распространителя высшей греческой культуры на Руси. Русская Церковь величает его в своих богослужебных книгах, как “начальника благочестия и проповедника апостолом равного.” За его труды по просвещению светом веры Христовой и за благочестивую жизнь Русская Церковь причислила его к лику святых и величает равноапостольным, во святом крещении Василием. Память его празднуется 15/28 июля.

Древние летописи не указали имен первых священников, крестивших Русь и трудившихся на ниве Христовой среди русских славян. Однако надо полагать, что кроме природных греков были среди них болгары, может быть и сербы, которые служили и проповедовали Евангелие на древне-болгарском языке, понятном прочим славянским племенам. Христианство насаждалось восточное, шедшее из православной Византии, из града Константинополя, где находилась кафедра Константинопольского патриарха. Польский историк XVI века М. Стрыйковский говорит в своих хрониках: “Владимир Святославич принял крещение от митрополита, посланного с Востока патриархом, и с того времени все русские народы, находящиеся в Белой, Черной, восточной, полуночной и полуденной Руси, твердо и непоколебимо стоят в христианской вере, по обрядам и уставам греческим, под верховной властью Константинопольского патриарха.”⁴¹ Латинского католичества на Руси не было.

Устроение Церкви на Руси.

Крестившиеся и уверовавшие во Христа русские племена вошли в состав Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви. На Руси она стала называться Русской, а по вере Православной. Со дня крещения Руси началась жизнь и история Русской Православной Церкви.

Православная Церковь имеет свою священную иерархию, Богом установленную, состоящую из трех степеней: епископ, пресвитер или священник и диакон. Высшая из них есть степень епископа, как преемника святых Апостолов Христовых. В каждую степень иерархии избранное лицо посвящается посредством возложения рук епископом, а во епископа — несколькими епископами. Молитвенное призывание Святого Духа является необходимым условием возведения в священную степень. Посвящение избранных лиц в определенную степень церковной иерархии называется таинством священства. Оно есть одно из семи таинств Православной Церкви. Без церковной иерархии или священства Православная Церковь не может быть и не может называться православной.

Каждая степень священства имеет свои определенные права и полномочия для служения в Церкви. Епископ — самый главный учитель, правитель епархии и первый священнослужитель. Пресвитер или священник получает свои полномочия и права от епископа его посвятившего. Диаконы являются помощниками и сослужителями епископа или пресвитера при совершении богослужений. Соответственно степени при посвящении испрашивается и благодать Святого Духа. Епископы и пресвитеры поставляются пасти стадо Христово, то есть получают власть учить верующих догматам христианской православной веры, совершать таинства и вести их по пути нравственного христианского совершенствования.

Князь Владимир Святой знал о церковной иерархии и значении ее в Церкви, поэтому он позаботился об установлении ее во всех городах своего государства. Он сознавал, что недостаточно только крестить людей, надо развить в них христианские понятия и под-

⁴¹ Там же.

готовить их для духовной жизни. Исполнение этой задачи возлагалось на православное духовенство. Для облегчения этой задачи Владимир открыл епископии в Киеве, Белгороде, Полоцке, Турове, Владимире-Волынске, Чернигове, Новгороде, Ростове на севере, Тмутаракани на юге. Эти епископии были духовно-церковными центрами, из которых распространялась и укреплялась православная вера и развивалась церковно-религиозная жизнь: создавались христианские общины, строились храмы, открывались монастыри и школы грамоты. Это имело огромное значение для после-языческой Руси во всех ее областях, даже самых отдаленных.

Учреждение Киевской митрополии.

Из открытых при святом Владимире епископий старейшей и первенствующей была киевская. Епископ Арсений указывает, что во времена киевских князей Аскольда и Дира еще в 865 году в Киеве был епископ Алексей и священники Афанасий и Кирилл, присланные сюда Константинопольским патриархом Фотием с миссионерской целью. Тогда ими были крещены князь и часть народа, для которых была построена церковь во имя святого пророка Илии.⁴²

Примечание. “Открывается и любопытная подробность, что в параллель “соборной” церкви в КПле, посвященной пророку Илии здесь в Киеве, в знак солидарности киевских христиан-варягов с цареградскими единоплеменниками и единоверцами, и здешняя церковь “приходская” (греч. кафолики) посвящена тому же имени святого Ильи.” (http://www.holytrinitymission.org/books/russian/ocherki_kartashev_1.htm) *Прим. ред.*

Спустя двадцать лет тот же патриарх Фотий снова послал духовную миссию в Киев. В Густынской летописи говорится: “В лето 886 прииде Михаил митрополит в Русь, послан от Василия Македона, царя греческаго и Фотия патриарха, иже, уверяя Русь, вверже евангелие в огонь, и не изгоре, и сим чудом ужаси Русь и многия крести.”⁴³ Имя этого митрополита возносится за каждым всеобщим бдением на литии и на других богослужениях в русских православных храмах, как святого.

Первым митрополитом на киевской кафедре при святом Владимире был Леонтий или Леон. Старинное сказание повествует, что “В лето 6499 (991 г.) ”крестися Володимер и взя у Фотия патриарха Царьградскаго перваго митрополита Киеву Леона.”⁴⁴ Но летописец ошибается в имени патриарха. Во времена святого Владимира Константинопольским патриархом был не Фотий, а Николай Хризверг (983-996). Для нас важно в данном случае имя Киевского митрополита. Этот митрополит крестил не только киевлян в 988 году, но и жителей других городов на Руси. Вскоре после Киева были крещены полочане, кривичи, дреговичи, новгородцы, ростовцы и др.

С самого начала Христианства на Руси киевская епископская кафедра заняла почетное и важное положение в Русской Православной Церкви. В отличие от прочих русских епископов киевские святители носили титул митрополита. В течение ряда последующих веков этот титул был единственным на Руси и сохранялся за киевским епископом.

Титул митрополита пришел на Русь вместе с православной верой от греков. В греческой церковной практике этим титулом величались епископы главных городов провин-

⁴² Арсений, “Летопись,” стр. 311.

⁴³ Карташев, 1, стр. 136; Собр. Летоп. II т. стр. 239.

⁴⁴ Карташев, 1, стр. 135.

ций, как административных округов, на которые была поделена Византийская империя. Там эти города назывались митрополиями. Слово “митрополит” образовалось от греческого “митрополис,” что означает: “матир” — мать и “полис” — город. По примеру греческой практики Олег назвал Киев: “Се буди мати градом руським.” Такое название Киева в те времена было новостью на Руси, потому летописцы передали его, как пророческое откровение. Для Киева это название имело большое значение, так как еще более возвеличивало его в глазах русских. Для Руси Киев был не только столичным городом великого князя, но и матерью городов русских. Это усиливало авторитет Киевского митрополита, как первоиерарха или главы всей Русской Православной Церкви, которая тогда и в последующее время именовалась Киевской митрополией.

Первые епископы в Беларуси.

Удельные княжества Полоцкое и Туровское признавали верховную власть великого князя киевского. Обращение в Христианство жителей этих княжеств совершилось в том же порядке, как и прочих обитателей Руси. Летописи умалчивают о времени крещения полочан, кривичей, дреговичей и других славянских племен Руси. Многие летописи пропали в безвременье: погибли во время войн, пожаров и разных народных бедствий, которые в те времена были частыми. Этим объясняется, почему не сохранились древние летописи Полоцка, Турова и др. церковных и культурных центров Беларуси.

Первая епископия в Беларуси была основана в 992 году в Полоцке. Первый полоцкий епископ, упоминаемый в летописи, был Мина, посвященный в этот сан в 1105 году.⁴⁵

Примечание. “Святитель Мина, епископ Полоцкий (1116) память 20 июня/3 июля, долгое время подвизался в Киево-Печерском монастыре. 13 декабря 1105 года он был хиротонисан во епископа Полоцкого. Имя святителя Мины вошло в службу Киево-Печерским святым отцам, так как до возведения в сан епископа он нес послушание в этой обители. Упоминание о нем содержится в Киево-Печерском Патерике. Святитель Мина известен как один из первых русских архипастырей, продолживших благодатное распространение веры Христовой после Крещения нашей земли.” *Прим. ред.*

С 1411 года полоцкие епископы часто величались архиепископами. Царь московский Иван Грозный, взявши Полоцк в 1563 году, поставил в нем своего епископа и величал его архиепископом. К полоцкой епископии принадлежали области Минская, Витебская, Мстиславльская и Могилевская. Впоследствии полоцким епископам подчинялись православные в г. Риге, где была церковь Святителя Николая.

О Туровской епископии сохранилось древнее летописное сказание, которое повествует следующее: “Третье богомолие епископию постави в Турове в лето 6513 (1005) и придах к ней городы и погосты в послушание и священие, и благословение держати себе Туровской епископии: Пинск, Новгородок, Городен, Берестье, Волковыеск, Здитов, Неблестеск, Дубовица, Высочко, Случеск, Копысь, Ляхов, Городок, Смедяне, и поставих перваго епископа Фому, и придах села, винограды, земли бортныя, волости со всеми придатки... Святому Спасу и святей Богородице.”⁴⁶ Из этого свидетельства видно, что епископия эта учреждена святым Владимиром вскоре после Полоцкой. Границы ее простирались далеко на запад, охватывая всю Западную Беларусь без Виленщины, а также небольшую часть нынешней Волыни. В 1440 году кафедра епископов туровских была перенесена в г. Пинск.

⁴⁵ Прав. Бог. Энц., 1, стр. 1836.

⁴⁶ Голубинский, стр. 560-561.

В 1137 году по велению князя Ростислава Мстиславича Смоленского (1127-1159) была открыта епископия в Смоленске, выделенная из епископии Переяславльской. Произошло это против воли переяславльского епископа. При открытии этой епископии кн. Ростислав сделал в своей жалованной грамоте следующую оговорку: “аще епископ, который начнет несытством, хотя ити в Переяславль и сию епископию приложить в Переяславлю, да буди ему клятва.”⁴⁷ Этим завещанием он хотел сохранить самостоятельность Смоленской епископии. Границы ее не указаны.

Духовно-религиозное состояние народа и святые в Беларуси.

С принятием православия на Руси в народных массах произошли глубокие внутренние процессы духовного возрождения. Недавние грубые язычники под влиянием учения Православной Церкви становились благочестивыми христианами: среди них увеличивались добродетели и поднялась нравственность. В сознании народа вырабатывались новые представления о жизни, новые идеи, новые понятия; люди стремились осуществлять их в своей жизни. В этом духовном стремлении выделялись особенно религиозно настроенные люди, которые оставляли свои дома и уходили в уединенные места для молитвы и подвижнической жизни. Они становились монахами, в числе которых были как люди знатные, так и простые. Монашеская жизнь привлекала многих своей нравственной строгостью и молитвенным подвигом, чего не было в мирской жизни. В историю вошло мало имен выдающихся подвижников, прославившихся в Беларуси, но некоторые из них сохранились в памяти народной и переданы потомству, окруженные ореолом святости. Церковью они причислены к лику святых. Имена их назовем ниже.

Святая Евфросиния, княжна полоцкая, в миру Предислава, с юных лет подвизавшаяся в женском монастыре в г. Полоцке. Она была дочерью полоцкого князя Георгия Всеславича. Двенадцати лет она тайно постриглась в монахини и с разрешения полоцкого епископа первое время жила при храме святой Софии в том же Полоцке. Затем она основала близ города монастырь и убедила постричься там в инокини своих родственниц. В преклонных летах преподобная совершила паломничество в Иерусалим для поклонения Гробу Господню. В 1173 году она там и скончалась. Мощи ее были перевезены в 1187 году в Киев, где почивали в пещерах Киево-Печерской лавры. В 1910 году ее мощи перенесли в Полоцкий Спасов монастырь.⁴⁸

Примечание. “13 мая 1922 года по постановлению “народного комиссариата юстиции РСФСР” рака с мощами была вскрыта, затем мощи были отправлены на атеистическую выставку в Москву, а оттуда — в Витебск, где демонстрировались на протяжении почти двух десятков лет в местном краеведческом музее. Во время немецкой оккупации верующие перенесли раку преподобной из музея в Свято-Покровскую церковь, а 23 октября 1943 года нетленные мощи вновь возвратились в Полоцкий Спасо-Евфросиньевский монастырь, где почивают и поныне.” *Прим. ред.*

Под влиянием святой Евфросинии постриглась в монашество ее тетка, жена полоцкого князя Романа Всеславича; ее родная сестра Гродислава, в иночестве Евдокия; ее две племянницы, родные сестры Кириная и Ольга, в иночестве Агафия и Евфимия, дочери ее брата Вячеслава; ее двоюродная сестра Звенислава, в иночестве Евпраксия. Все эти княжны инокини жили и подвизались в Полоцком Спасовом женском монастыре, основанном преподобной Евфросинией.

⁴⁷ Карташев, 1, стр. 182.

⁴⁸ Почивали до закрытия м-ря советской властью.

Кроме этих подвижниц в Полоцке прославились святостью своей жизни три полоцких епископа: Мина, умерший около 1116 года; Дионисий, умерший около 1182 года и Симеон, переведенный на тверскую кафедру, скончавшийся в 1280 году.

К тому же раннему периоду истории Беларуси относятся имена святых угодников, прославившихся в г. Турове. Из них первым был святой Кирилл, епископ туровский. Он был сыном богатых горожан г. Турова. Мальчик с юных лет полюбил чтение, выучился греческому языку и читал греческие книги. Выросши, он постригся в Борисоглебском монастыре в своем родном городе. Через несколько лет после иноческого пострига он уединился в устроенной им башне, где усердно молился и проводил время в чтении собранной им литературы не только святоотеческой, но и светской, благодаря чему сделался образцованнейшим иноком своего времени. За святость жизни и ученость он был избран епископом на туровскую кафедру. Его проповеди сохранились до нашего времени, они отличаются высокими литературными достоинствами и проникнуты мудростью и убедительностью. Современники называли его “Златоустом.” В 1182 году святой Кирилл оставил епископскую кафедру и затворился в монастыре. Вскоре после его кончины последовавшей вероятно в 1183 году, началось его местное почитание, а во второй половине XIII века в “Прологе” он уже именуется святым.

Преемником его на туровской кафедре был Лаврентий. Он принял постриг в Киево-Печерском монастыре, а затем некоторое время подвизался затворником в Дмитриевском монастыре. Когда святой Кирилл оставил туровскую епископскую кафедру, Лаврентий был избран на его место. Сведений о его трудах и о времени его кончины не сохранилось.

В Туровском Борисоглебском монастыре подвизался преподобный Мартин, о котором упоминается в летописях с 1144-1146 г.

В Смоленске прославился святостью своей жизни преподобный Авраамий, родившийся в 1172 году. После смерти родителей он роздал свое имение бедным и, облекшись в рубище, некоторое время вел жизнь нищего юродивого. Затем в молодом еще возрасте принял монашество в пригородном Богородичном монастыре, где показал себя строгим аскетом, пребывавшем “в бдении и алкании день и ночь.” Преподобный Авраамий скончался около 1220 года.

Современником Авраамия в Смоленске был святой Меркурий, прославившийся иным подвигом — жертвою своей жизни на поле брани. Он был убит татарами во время их нашествия в 1239 или 1240 году.

Учеником преподобного Авраамия был преподобный Ефрем, скончавшийся около 1238 года в Смоленске.

Святой Андрей, князь смоленский, в молодые годы удалился в г. Переяславль Залесский, где поселился при церкви святого Николая и был принят на должность пономаря этой церкви, которую исполнял в течение тридцати лет. Скончался 27 октября 1390 года. При похоронах на теле его нашли княжескую золотую цепь и перстень, тяжелые вериги и “малую хартию” с надписью его рукою: “Аз есмь Андрей, един от смоленских князей. Зависти ради и крамолы от братий моих оставил княжение мое и дом мой.” Святые мощи его были обретены преподобным Даниилом Переяславльским в 1539 году.

Святая Харитина, княжна литовская, ум. в 1281 году.

В Вильно почивают мощи святых мучеников Антония, Евстафия и Иоанна, пострадавших в 1347 году за веру православную. Митрополит киево-московский Алексий в 1364 году установил праздник в память их во всей Русской Церкви. Мощи их были открыты для поклонения в 1826 году в пещере в церкви Свято-Духова монастыря, где почивают

ныне. Кроме этих святых, известны своими подвигами святой Павел, мученик виленский, и святой Леонтий Карпович, виленский архимандрит, впоследствии епископ владимировольский, умерший в 1617 году.

В г. Бресте в 1648 году был замучен поляками игумен брестского Симеоновского монастыря Афанасий Филиппович, причисленный Церковью к лику святых.

В Слуцком монастыре почивали нетленные мощи праведной Софии Олелькович, княжны слуцкой, и отрока Гавриила, замученного евреями в Заблудове в 1690 году. Мощи святого Гавриила перевезены были из Заблудова в 1755 году в Свято-Троицкий монастырь гор. Слуцка. Коммунистические власти в 30-годах нашего столетия перевезли эти мощи в антирелигиозный музей в Минске, где они находились до немецкой военной оккупации 1941-1944 гг. При немцах, когда возобновилась разрушенная церковная жизнь, православное духовенство перенесло из музея мощи этих святых в Преображенскую церковь. Теперь судьба их неизвестна, так как церковь эта закрыта советскими властями.

Примечание. Родился 22 марта 1684 г. в деревне Зверки, Белостокского уезда, Гродненской губернии, в семье благочестивых крестьян Петра и Анастасии. Он рос кротким, незлобивым, замечна была в нем склонность к созерцательному уединению. В 1690 г. 11 апреля мать шестилетнего Гавриила понесла мужу обед в поле. Вскоре приближался праздник Святой Пасхи. В это время в дом забрался арендатор-еврей, приласкал дитя и тайно увез его в г. Белосток, где младенца предали мучениям: распяли, прокололи бока, постепенно испуская кровь. На девятый день ребенок скончался, его бросили в поле у опушки леса близ деревни Зверки. Голодные собаки, нашедшие тело, не только не растерзали его, но охраняли даже от хищных птиц. На доносившийся лай собак пришли жители деревни, нашли тело мученика и признали, что младенец погиб в результате ритуального убийства. Тело замученного Гавриила, при большом стечении народа, глубоко взволнованного подобным зверством, предано было земле близ храма. Через 30 лет после погребения мощи святого Гавриила оставались нетленными. В 1746 г. храм, в котором был погребен младенец, сгорел, но святые мощи уцелели. Частично обгорела ручка, но когда святые мощи были перенесены в монастырь, ручка чудесно зажила и вновь покрылась кожей. Святой Гавриил считается целителем детей. Святые мощи его несколько раз меняли место своего пребывания. С 1944 по 1992 гг. они хранились в Гродненской Покровской церкви, откуда торжественно были перенесены в Свято-Никольский собор г. Белостока. *Прим. ред.*

В монастырях Беларуси спасались многие иноки и инокини, которые Церковью не прославлены, как угодники Божии. Самыми замечательными личностями из них были:

Рогнеда, княжна полоцкая, жена киевского князя Владимира, отпущенная им после его крещения на родину вместе с сыном Изяславом. Рогнеда построила монастырь в Изяславле недалеко от Минска и приняла в нем иночество с именем Анастасия.

Великий князь литовский Войшелк Давид Миндовгович, о котором повествуется в летописи, что он “прииде в Новгородок и учини себе монастырь на реке Немани, меж Литвою и Новым Городком, и ту живяше.”⁴⁹ Его монашеское имя было Лаврентий, а основанный им монастырь стал называться Лавришевским. В этом монастыре подвизался князь Рымонт Тройденович, “иже в чернечестве сый, имя ему чернеческое Елисей.”⁵⁰ В крещении он был назван Лавр или Лаврентий.

По летописным сказаниям, великий князь литовский Ольгерд — Александр перед кончиной принял монашеский постриг с именем Алексей.⁵¹

⁴⁹ П.С. Р. Л., II, стр. 201.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Стрийковский, II, стр. 14.

Весь великокняжеский литовский род был православным по вере. В Густынской летописи говорится о великом князе Миндовге, который перед смертью “прият веру христианскую от восток со многими своими бояры.”⁵²

Великий кн. Гедимин имел семь сыновей, и все они были женаты на православных княжнах и сами исповедовали православную веру.

Двенадцать сыновей великого князя Ольгерда были православными. Сам он был женат первым браком на Марии Ярославне, княжне витебской, а вторым браком — на Иулиании, княжне тверской. Его сыновья носили православные христианские имена, напр.: Вингольд — Андрей, князь полоцкий, позднее псковский; Корибут — Дмитрий, князь брянский и новгород-северский; другой Дмитрий, князь трубчевский, родоначальник князей Трубецких; Владимир, князь бельский, родоначальник князей слущких Олельковичей; Киригайло — Константин, кн. мстиславльский, родоначальник князей Чарторыйских; Ягайло, в католичестве Владислав, король польский; Виганд — Феодор, князь подольский; Зодзевит — Иоанн, в католичестве Казимир; Скиргайло — Иоанн, князь трокский, потом киевский; Лугвений — Симеон, кн. виленский, впоследствии мстиславльский; Мингайло — Василий, князь пинский; Свидригайло — Лев, князь витебский, впоследствии великий князь литовский. Православными были также все дочери Ольгерда.

Сыновья великих князей литовских женились на русских православных княжнах. Так, напр., Любарт Гедиминович первым браком был женат на дочери владимирово-волинского князя, а вторым браком — на дочери князя ростовского Константина. Из сыновей Ольгерда кн. Евнутий был женат на витебской княжне; Лугвений — на дочери великого князя московского Дмитрия Донского Марии; кн. Свидригайло — на дочери князя тверского Бориса.

Дочери великих князей литовских выходили замуж за православных русских князей. Из множества примеров можно вспомнить следующие: дочь Ердвилла была замужем за князем галицким Даниилом, дочь Гедимина состояла в супружестве с великим князем московским Симеоном Ивановичем, вторая дочь его вышла замуж за галицкого князя Юрия Андреевича, третья дочь — за тверского князя Дмитрия Михайловича; Мария Кейстувовна была замужем за тверским князем Иваном Михайловичем; четыре дочери Ольгерда вышли замуж за русских князей; дочь великого князя литовского Витовта София была супругою великого князя московского Василия Дмитриевича. Некоторые дочери великих князей литовских выходили замуж за нерусских и неправославных князей и принимали веру своего мужа: Анна Гедиминовна, вышедшая замуж за польского короля Казимира Великого, и названная Альдоной; Мария Гедиминовна, вышедшая замуж за Болеслава и т.д. Эти браки свидетельствуют, как глубоко проникло православие в семьи литовских князей. Православие было господствующей религией в Великом Княжестве Литовском, в том числе во всей Беларуси, до династической унии 1386 года.

Храмы и монастыри.

Православные храмы в Беларуси строились в большом количестве. Князья, бояре и народ любили созидать их. На это не жалели ни средств, ни труда. Любовь к храмостроительству, развившаяся в раннюю пору Христианства на Руси, сохранилась в русском народе до последних времен. О количестве церквей в городах можно судить по следующим летописным свидетельствам. Так, в одном Киеве к концу жизни святого Владимира (ум. 1015) было до 400 храмов. По Никоновской летописи в киевском пожаре в 1017 году сго-

⁵² П. С. Р. Л., II. стр. 341.

рело до 700 храмов. Лаврентьевская летопись сообщает, что в 1124 году сгорело 600 церквей, в Турове к концу XVI века было до 80 церквей. Для небольшого города, каким был в то время Туров, давно переставший быть столицей княжества, это число храмов весьма велико. В Вильно в первой половине XVI в. существовало до 20 церквей. Гванини в своем описании “Европейской Сарматии” (1578 г.), говоря о вере православных, писал, что в Вильно находилась митрополичья кафедра в храме Пречистой. О храмах в других городах Беларуси не сохранилось летописных указаний. Это объясняется тем, что летописи погибли в огне пожаров церквей и монастырей, где они хранились.

Пожары в древней Беларуси были часты и разрушительны. Они легко уничтожали деревянные постройки. Дома и церкви строились преимущественно из дерева, потому что такие постройки стоили дешево, а деревянного материала было сколько угодно, да и возить его не приходилось издалека. Каменных палат и храмов в городах было очень мало, потому что построение их обходилось дорого. Строили из тесаного камня специальные вызванные мастера. Особенно художественно строились каменные храмы, которые своей архитектурой отличались от деревянных.

Белорусы любили свои храмы и неукоснительно посещали все богослужения. В отдаленные времена храмы и монастыри являлись очагами культуры и просвещения; они поднимали народ духовно и укрепляли в нем религиозность и благочестие. Все историки высоко оценивают духовно-воспитательную роль монастырей в Древней Руси.

Князья и бояре понимали высокое значение монастырей и охотно строили их на свои средства, делая большие пожертвования в пользу этих монастырей. Пожертвования они вносили в монастыри на вечное поминовение своей души. Это свидетельствует о высокой религиозности высших слоев белорусского населения.

История не сохранила названий всех монастырей существовавших в Беларуси со времени введения Христианства. Есть основание предполагать, что число их было очень велико. В каждом епископском и княжеском городе был построен монастырь, а то и несколько. В монастыре обычно имели свое местожительство епископы и находилась их архиерейская кафедра. Строились они преимущественно в пустынных местностях где-либо на берегу реки или в лесной глуши. В тиши монашеских келий, вдали от житейской суеты предавались аскетическим подвигам монахи, ушедшие из мира и добровольно посвятившие себя духовно-созерцательной жизни. Многие из них достигали высокой святости и тем привлекали к себе верующий народ, ищущий наставления, молитв и духовного утешения у старцев-подвижников. Огромно было положительное влияние монастырей на нравственность и духовность народа.

Сохранились краткие сведения о древних монастырях в Беларуси, которые суть нижеследующие.

Монастыри виленские. Свято-Троицкий мужской, основанный в середине 1330 г. в Вильно, в котором первую церковь Святой Троицы построила Мария, супруга великого князя литовского Ольгерда. Церковь и монастырь сначала были деревянные, но в 1514 г. кн. Константин Острожский построил каменные. Этот монастырь был одним из наиболее известных в Беларуси. Настоятелями его были: Макарий, избранный в митрополита киево-литовского, а также Зосима, присутствовавший на Виленском соборе в 1509 году.

Свято-Духов мужской в Вильно, основанный в конце XVI в. усердием Виленского братства. Благотворителями его были: кн. К. Острожский и Лаврентий Древинский, виленский чашник. Они устроили в нем типографию, училище и богадельню.

Рождественский мужской в Троках, построенный в 1384 году вел. кн. Витовтом. Две церкви с монастырем в городе составляли Трокскую архимандрию. Монастырь принадлежал к числу королевских бенефиций и находился вне власти митрополита.

Свято-Духов мужской в м. Сурдегах в Жмуди, основанный около 1550 г. Анной Шишанкой-Ставецкой, местной помещицей. Главная святыня монастыря — чудотворная икона Богоматери, именуемая Сурдегской.

Рождество-Богородичный в селе Березвечи Дисненского уезда, основанный Виленским воеводой Корсаком в начале XVII века.

Голдовский мужской в с. Голдово Лидского уезда.

Кронский Троицкий мужской в м. Кроне Трокского уезда.

Преображенский Койданский в м. Койданы Ковенского уезда.

Воскресенский мужской в Дисне, существовавший с XVI в. В 1633 году о нем упоминается в летописях.

Благовещенский мужской в Друе. Время основания неизвестно.

Успенский мужской в м. Евье Трокского уезда, основанный в 1619 году.

Имеются исторические указания, что в Вильно существовали Георгиевский и Благовещенский монастыри, но время основания их неизвестно.

Великой святыней г. Вильно является чудотворная икона Божией матери “Остробрамская.” О происхождении ее существуют две версии. По одной она привезена в Вильно вел. кн. Ольгердом из Херсонеса после победы над татарами и вторжения в Крым в 1363 году. Сначала икона находилась в Свято-Троицкой обители, но впоследствии была перенесена в находившуюся вблизи монастыря часовню у Острога или Русского конца города. В конце XV века, когда вокруг Вильно была построена стена, при Остром конце ее были сооружены главные ворота в виде башни с часовой над ними. Туда и перенесли икону Богоматери. Прежнее ее название Корсунской стало забываться, а утвердилось название Остробрамской. В начале XVII в. вице-канцлер Стефан Пац и виленский бургомистр Дубович построили при часовне католический монастырь и отдали его кармелитам. Когда в 1829 году лик иконы был промыт и очищен, обнаружена на иконе славянская надпись: “Честнейшую херувим.” По другой версии икона считается чудесно явившейся на виленских городских воротах 14 апр. 1341 года.

Гродненские монастыри. Гродно — один из древнейших западно-белорусских городов. Он был столицей Гродненского княжества.

Уже в 1185 году в нем было много каменных церквей. К XII веку относится построение на высоком берегу р. Неман каменной Борисоглебской церкви на Каложки, отчего церковь и получила название Каложской. При этой церкви был основан мужской Борисоглебский монастырь. После смерти его благодетелей Богушей-Боговитиновичей патронад над монастырем приняли Воловичи, которые расхищали монастырское имущество. После смерти Гринко Воловича польская королева Бона отдала монастырь его супруге католичке, которая его грабила, истребляла леса и рощи и издевалась над монахами. При самом начале унии монастырь был обращен в униатский с титулом архимандрии. Местность, где стоял монастырь, разрушена водой р. Неман. Ныне церковь на Каложке стоит на отвесном берегу, укрепленном каменной стеной. В 1853 году часть стены старого храма обрушилась в воду. В 1896 году на средства Иосифа, епископа гродненско-брестского, стена была заменена деревянной, легкой.

В начале XVI века в Гродно был построен женский Рождество-Богородичный монастырь, который просуществовал до нашего времени.

Благовещенский мужской в м. Супрасле, основанный наваградским воеводою Александром Ходкевичем в 1498 году. В 1500 году монастырь был перенесен на весьма уединенное место среди леса, в 20 верстах от г. Белостока. В 1589 году в нем останавливался Константинопольский патриарх Иеремия, низложивший архимандрита Тимофея Злобу за буйство и разные преступления.

Успенский мужской в Заблудове, основанный фамилией Ходкевичей в начале XV века. В 1568 году гетман Григорий Ходкевич устроил в нем типографию, в которой московскими типографами Федоровым и Мстиславцем печатались церковно-богослужебные книги. Типография просуществовала недолго и около 1576 года была перенесена в Супрасль. В Заблудовском монастыре был погребен в 1690 году мученик младенец Гавриил, мощи которого перенесены в 1775 году в Св. Троицкий Слуцкий монастырь.

Наревский Воскресенский мужской в г. Нареве, Гродненской губернии.

Воскресенский мужской в м. Каменце-Литовском, Гродненской губернии.

Успенский мужской в м. Жировичи в 10 верстах от г. Слонима. В 1470 году на месте монастыря в лесу на грушевом дереве явилась чудесным образом в сиянии икона Божией Матери, которую увидели пастухи и отнесли вельможе Александру Солтану. Изображение Богоматери запечатлено на небольшом камне овальной формы. На месте явления иконы была построена деревянная церковь, куда и перенесена св. икона. В середине XVI века здесь уже существовал монастырь. Икона прославилась многими чудесами и названа "Жировицкой." Ее почитали и православные, и католики. Польские короли запрещали евреям селиться в Жировичах. В униатское время при монастыре находилась униатская духовная семинария, а также имели свое местопребывание униатские епископы.

Семеновский мужской в г. Бресте (Берестье). Время основания его неизвестно. В середине XVII века настоятелем был игумен Афанасий Филиппович (Брестский), замученный в 1648 году.

Примечание: Афанасий (Филипович), преподобномученик, пострадал за православную веру. По окончании, как он сам говорит, "наук церковнорусских" служил в разных местах, между прочим — у гетмана Сапеги (где в качестве инспектора был приставлен к одному из Дмитриевичей, известному как Луба, которого поляки выдавали за московского царевича, "сына" убиенного царевича Димитрия от Марины Мнишек).

В 1627 г. принял постриг в виленском Свято-Духовом монастыре от Иосифа Бобриковича, проходил послушания в Кутейском и Межигорском монастырях и состоял наместником Дубойского монастыря Пинской епархии. В 1643 г., Дубойский монастырь был отобран у православных литовским канцлером Радзвиллом и передан ордену иезуитов. После этого Афанасий стал наместником находившегося по соседству Крупятицкого монастыря. Оттуда, по поручению братии, он ходил в Москву за милостынею к царю Михаилу Феодоровичу, а едва возвратился — получил новое назначение: по жребию, брошенному между ним и о. Макарием Топаревским, стал игуменом Брестского Симоновского монастыря, при церкви Рождества Пресвятой Богородицы (г. Брест-Литовский). Прибыл в Брест в 1640 г.

В 1641 г., приехав на сейм в Варшаву, исходатайствовал у Польского короля грамоту, утверждавшую было наконец за православными и указанную церковь, и братство, и монастырь, а также госпиталь и школу русского и польского языка. Было это 13 октября 1641 г. Но канцлер и подканцлер не захотели приложить печать к королевской грамоте. В 1643 г. брестский игумен вновь приехал на сейм, чтобы хлопотать о приложении печати. Не видя никакого успеха и выведенный из терпения неправдами униатов и латинян против православных, смело в присутствии всего сейма "выступил пред лицо" короля и, подавая ему копию с чудотворной Купятицкой иконы Богоматери, сказал: "Представляю вашему величеству чудотворный образ для того, чтобы "унея проклятая была сгублена навеки", и если унию проклятую искорените и православную восточную веру успокоите, то поживешь счастливые лета, а если не успокоите православной веры и не уничтожите унию проклятой, тебя постигнет гнев Божий. Выбирай себе что хочешь, пока есть время". Все были поражены такою смелостию, и сами православные духовные власти обвинили Афанасия, объявив, что он действовал только от себя. Он был взят и до окончания сейма находился в заключении, а по окончании пре-

провожден в Киев на усмотрение митрополита. Митрополит Петр (Могила) долго его испытывал, подверг духовной епитимьи, после чего по ходатайству Брестского православного братства вновь послал на брестское игуменство.

Но теперь пробудившаяся против Афанасия ненависть врагов не давала ему покоя. На его монастырь совершались нападения, ему запрещали ходить со святынею, преследовали на улицах, били; обижали и его послушников. Афанасий в 1644 г. ездил с жалобой в Краков, но едва возвратился оттуда, как взят был в Варшаву и снова заключен в темницу по обвинению в том, что когда-то участвовал в воспитании самозванца — царевича Дмитровича (Лубы). В темнице держали его более года. Оттуда игумен не раз посылал докладные записки к королю, излагая и повторяя одну и ту же просьбу, чтобы он искоренил проклятую унию и успокоил православие. Король наконец приказал выпустить Афанасия из темницы и отправить в Киев к митрополиту. По смерти Петра Могилы Луцкий епископ Пузина взял Афанасия, как принадлежащего его епархии, из Киева и снова послал в Брест на игуменство по просьбе тамошнего братства. Но в 1648 г., когда началась казацкая война против Польши, Афанасия внезапно схватили и заключили в брестскую тюрьму, подозревая, что он посылает казакам порох и воззвания. А так как не нашли возможности обличить его в этом, то обвинили его за то, что он порицал и проклинал унию. Афанасий, конечно, не только не согласился взять назад, как требовали, этих порицаний и проклятий, но повторил их с новою силою перед своими судьями. Никакие убеждения иезуитов, являвшихся к нему ночью в темницу, никакие пытки, которым они [польские власти] подвергали его, не могли заставить страдальца отречься от православия. В ту же ночь он взят был в воинский обоз, вытерпел новые, огненные пытки от своих врагов, силившихся вызвать у него отречение от православной веры и 5-го сентября 1648 г. вкусил мученическую смерть.

Мощи его почивают в соборной церкви Симоновского монастыря, ныне заштатного (СИРС, 1863 г.).

20-го июля Церковь празднует обретение мощей Афанасия Брестского, свершившееся в 1649 г. Память прп. также — 10 октября (Волын.), 2-я неделя по Пятидесятнице (Росс.) и 3-я неделя по Пятидесятнице.

В XV веке в г. Дрогичине существовали монастыри: Св. Троицкий на левом берегу р. Буг на Крашченской горе и Спасский на правом берегу той же реки.

Николаевский мужской в г. Бельске.

Спасский мужской в г. Кобрине, основанный в XV веке кобринскими князьями, потомками Гедимины. В этом монастыре похоронен последний князь этого рода.

Яблочинский Онуфриевский мужской на берегу реки Буга в Подлесском уезде. С 1620 года в нем жил долгое время православный епископ Паисий Черкавский, посвященный на Холмскую епархию.

Монастыри витебско-полоцкие. Спасский женский в гор. Полоцке, основанный святой Евфросинией, княжной Полоцкой, которая в нем жила и подарила крест с надписью: “В лето 6669 (1161) прокладает Офросинья чьстное древо бесценно есть, акованье его злото и серебро и камень и жьнчюг в 100 гривн. Да не изнесеться из манастыря ни когда же яко ни продати, ни отдати аще се кто преслушает изнесет и от манастыря да не буди емоу помощник чьстный крест ни в сей век, ни в будущий и да боудт проклят Святою Животворящею Троицею и святыми отци 300 и 50 семію сбор святых отец и боуди емоу часть с Июдою иже преда Христа. Кто же дрзнет сътворити с властелин или князь, или пискоуп или игоуменья или ин которыи любо человек а боуди емоу клятва си. Офросинья же раба Христова сътяжавъши крест сий, приметь вечную жизнь с всьми святыми.” Крест святой Евфросинии похищен во время Отечественной войны 1941-1944 гг. До основания этой обители здесь существовала древняя церковь Спаса, в которой были погребены полоцкие епископы, среди них Мина, поставленный в 1105 году. Основание монастыря относится к 1125 году.

Примечание. В 1161 году после строительства Спасского храма блаженная Ефросиния хлопотала об обеспечении его богослужebными книгами и всем необходимым. Она пригласила художников, которые искусно расписали стены храма библейскими сюжетами. Особое место было отведено для хранения уникального напpестольного Креста — его преподобная Ефросиния заказала лучшему ювелиру Киевской Руси Лазарю Богше, родом из Беларуси. Тот, обладая исключительным талантом и профессиональным мастерством, основал целое направление в древнерусском ювелирном искусстве.

Наличие точной даты изготовления 1161 год и имени мастера, указанных на кресте, дают основания считать полоцкий шедевр великой драгоценностью культуры Древней Руси. Полоцкий крест к тому же — всеправославная святыня, драгоценная реликвия вселенского христианства. Шестиконечная форма креста, по мнению богословов, символизирует первобытный мир: шесть концов означают шесть дней творения света. Изображения на Кресте иллюстрируют почти всю историю Нового Завета и древней церкви.

Крест украшен драгоценными камнями и металлами. Изображения Иисуса Христа, Богородицы, Иоанна Предтечи, Архангелов Михаила и Гавриила, четырех евангелистов, апостолов Петра и Павла, святой Софии и других святых угодников выполнены на пластинах перегородчатой эмали — это исключительно сложная ювелирная техника средневековья.

Особую ценность придают реликвии частицы святых мощей, размещенных в Кресте. На лицевой стороне — Кровь Христа в верхнем перекрестье,

«Древо Животворящее» в нижнем перекрестье. На обратной стороне — камень от Гроба Пресвятой Богородицы в верхнем перекрестье, частица Гроба Господня в нижнем перекрестье. В Крест вложена также кровь святого Дмитрия, частицы мощей святого великомученика и целителя Пантелеймона и иных угодников Божьих. Эти святые реликвии были доставлены в Полоцк специальной экспедицией, которую направила в Византию преподобная Ефросиния.

Создание задуманного стоило такой большой работы и усилий, требовало таких значительных материальных средств, что на боковых пластинах Креста преподобная заказчица благословила выгравировать надпись, чьим старанием, для какой церкви был сделан Крест и сколько это стоило. Знаменитые князья иногда жертвовали для храмов очень дорогие вещи, но равного Кресту Ефросинии Полоцкой не было.

Судьба этой исключительной христианской святыни также исключительна. Сначала Крест находился в церкви игуменьи Ефросинии. В XIII веке он был перевезен захватившими Полоцк смоленскими князьями в Смоленск. После перемещался в разные места в зависимости от смены исторических событий. В 1841 году Крест, после пребывания в Москве и Петербурге был доставлен в Полоцк. Крестный ход от Софийского собора в отреставрированный собор Спасо-Ефросиньевского монастыря свидетельствовал, что святая реликвия вернулась на то место, которое определила Кресту игуменьи Ефросиния. Здесь православной святыне надлежало находиться почти 90 лет.

В 1928 году директор Белорусского государственного музея выезжал с экспедицией в Полоцк, с целью найти реликвию. Крест был найден в местном финотделе и перевезен в Минск. В те года намечалось перенести столицу Беларуси в Могилев. Туда и попал в 1929 году Крест преподобной Ефросинии Полоцкой — он находился в комнате-сейфе Могилевского обкома и горкома партии.

Началась Отечественная война 1941 года. В растерянности и спешке вывозилось оборудование заводов. Музейные ценности, вероятно, не спасали. Крест бесследно исчез. Все дальнейшие усилия его разыскать не дали результата.

Прошли годы. Во время празднования тысячелетия Полоцкой епархии и Православной церкви на Беларуси (1992) было решено всеправославную святыню восстановить. По благословению Иерусалимского Патриарха Диадора II и Патриаршего Экзарха всея Беларуси митрополита Филарета началась кропотливая и ответственная работа. Воссоздать святыню поручили брестскому ювелиру-эмалировщику, члену Союза художников Республики Беларусь Николаю Петровичу Кузьмичу. С Божьей милостью и помощью преодолевались большие трудности. Была восстановлена утраченная, казалось, навсегда техника перегородчатой эмали. Светскому художнику Николаю Кузьмичу было необходимо, по его словам, преодолеть и обычные человеческие искушения, и пройти духовное очищение. На этом нелегком пути с ним «были Господь Бог и Ефросиния Полоцкая.»

В восстановлении Креста дело Божье объединилось с делом людским, ибо после десятилетий разгула воинственного атеизма чувствовалась большая потребность в духовной жизни, обращенной к христианским ценностям. «Крест в истории был символом белорусской святости и даже государственности, — отметил во время рабочего заседания научно-консультативной группы в 1996 году в Бресте Владыка Филарет, — ибо создавался он как средство объединения славянских племен... Крест должен был, по идее преподобной Ефросинии, объединить враждовавшие временами родственные племена. Поэтому это — символ победы добра над злом, символ единства, потому что победа добра над злом есть результат единства сил добра».

Прошло пять лет с начала восстановительной работы над святыней. В 1997 году восстановленный древний Крест преподобной Ефросинии Полоцкой был освящен в Свято-Симеоновском соборе г. Бреста, а потом положен в храме Преображения Господнего в Полоцком Спасо-Ефросиньевском монастыре для коленопреклоненных молитв перед им за Церковь, за весь мир и за Отечество. *Прим. ред.*

Мариин мужской, основанный близ Полоцка святой Евфросинией около 1150 г., в котором находилась чудотворная икона Богоматери, привезенная основательницей из г. Ефеса. В XVII веке святая икона перемещена в Торопецкий Покровский собор.

Предтеченский мужской на острове р. Двины, существовавший уже в XIV веке. Согласно грамоте, пожалованной монастырю его основателем полоцким князем Онуфрием, монастырь не подлежал ведению местных епископов.

Борисоглебский мужской над ручьем Бельчица, основанный полоцким князем Борисом Гинвиловичем в 1190 году. Полоцкие епископы были его настоятелями.

Троицкий мужской за р. Полотою, известный по жалованной грамоте полоцкого князя Андрея Ольгердовича, убитого на войне с татарами при р. Ворксле в 1399 году. Монастырь сожжен до основания поляками в 1579 году.

Вознесенский, упомянутый в судной грамоте полоцкого архиепископа Германа Хрептовича в 1553 году.

Петровский в верхнем Полоцком замке, основанный полоцким князем Михаилом около 1235 года.

Воскресенский или Мошенецкий в нижнем Полоцком замке, основанный полоцким князем Юрием и княгиней Агриппиной.

Богородицкий за городом Полоцком.

Богоявленский над Двиною в Полоцке, достопамятный посещениями московских государей: Ивана Грозного в 1563 году, Алексея Михайловича в 1656 году, Петра Великого в 1705 году и Екатерины II в 1780 году.

Михайловский Городецкий за р. Полотою, основанный князьями Петром и Иваном Морожскими.

Николаевский на р. Лучне, основанный в XIII веке епископом Симеоном Новгородцем. По случаю притязаний на этот монастырь полоцкого епископа Луки, тамошние бояре и мещане просили великого князя литовского Александра в 1496 году о взятии его в свое княжеское ведение. “И положили бояре передъ нами евангеліе и въ евангеліи записано, што тотъ монастырь здавна подаванье наше господарское. И мы, тому вразумсвши, тотъ монастырь святаго Николы на Лучнс къ нашему подаванью взяли есьмо, а владыцц полоцкому ненадобс въ тотъ монастырь вступатися” — говорится в грамоте.

Древние монастыри. Время основания их неизвестно:

Добейский близ Витебска, упоминаемый в 1406 году.

Преображенский или Заполотский.

Космодемьяновский за р. Полотой в Заполотье.

Пятницкий на р. Бельчице.

Георгиевский, упоминаемый в 1582 году.

Пречистенский женский, упоминаемый в 1553 году.

Преображенский мужской в г. Невеле.

Марков мужской в г. Витебске, основанный в XVI в. монахом Марком на берегу р. Двины.

Монастыри минские и туровские.

Троицкий мужской в г. Новогородке или Наваградке, упоминаемый в грамотах в середине XVI века.

Лавришевский на берегу р. Неман, мужской, основанный в 1262 году великим князем литовским Войшелгом, в иночестве Лаврентием.

Петропавловский женский в г. Минске, основанный Анною Стеткевич. Впоследствии этот монастырь переименован в мужской. В 1670 году в нем жил греческий македонский митрополит Софроний, рукополагавший священников для Беларуси.

Вознесенский женский в г. Минске, упоминаемый в летописях. Король Сигизмунд отдал его униатам в 1613 году.

Николаевский мужской в Минском замке, в котором находился дом литовских митрополитов.

Троицкий в г. Слуцке. Основанный давно. Одно время настоятелем его был Михаил Рогоза, впоследствии Киевский митрополит, принявший унию.

Спасо-Ильинский женский в г. Слуцке. До 1611 года он был мужским.

Покровский женский в Соломоречьи, основанный в середине XVI века князьями Соломорецкими.

Преображенский мужской в г. Слуцке, основанный около 1600 года Иваном Скоцкевичем. В нем проповедовал некоторое время св. Дмитрий Ростовский, когда был иеромонахом.

Богоявленский мужской в Пинске. Основание его относится к первой половине XII века. В 1799 году в этот монастырь перевели монахов из Минского Петропавловского монастыря.

Лещинский мужской около Пинска. В этом монастыре проживали епископы пинские. Униаты его закрыли в 1605 году.

Богословский мужской в Грозове, основанный в 1600 году Володковичем.

Успенский женский, расположенный на берегу р. Морочи близ селения Мороч на Полесье.

Преображенский мужской в Дятлове недалеко от Наваградка, основанный в 1622 году Константином Долматом.

Купятичский Введенский мужской около г. Пинска. На месте обители явилась 15 ноября 1182 года икона Божией Матери, названная Купятичской, в XVIII столетии перевезенная в Киевский Софийский собор. В этой обители подвизался короткое время священномученик Афанасий Брестский.

Зиминский в Заславле, женский, основанный кн. Рогнедой-Анастасией, женой киевского кн. Владимира.

Прилуцкий в с. Прилуках, основанный Анной Стеткевич.

Селецкий Воскресенский в с. Сельце, основанный в начале XVII в. Тышкевичем. В 1751 году жмудский литовский римо-католический епископ Антоний Тышкевич отнял его от православных.

Спасский мужской в с. Брачино-Ключи.

Благовещенский женский в том же селении, основанный кн. Адамом Вишневецким в 1609 году.

Новодворский Успенский мужской в Пинском уезде, основанный в 1618 году, в котором жил в 1677 году св. Дмитрий Ростовский. В этом монастыре находилась чудотворная икона Пресвятой Богородицы.

Варваринский женский в Пинске, основанный в 1581 году кн. Феодором Ярославичем.

Борисоглебский мужской в Турове. В нем подвизался в каменном столпе св. Кирилл, впоследствии епископ туровский.

Старинные монастыри: Петропавловский мужской в Старицах, Слуцкого уезда и Николаевский в Грозове.

Воздвиженский мужской в Цепре в Наваградчине, захваченный в 1696 году униатами при участии кн. Доминика Радзивилла.

Монастыри могилевско-мстиславльские.

Спасский Богоявленский мужской в Могилеве, основанный в 1619 году кн. Огинским. В нем имел свою резиденцию православный могилевский епископ в 1632 году. В 1635 году был отобран униатами, а в 1674 году возвращен православным.

Свято-Духов мужской в Буйничах недалеко от Могилева на р. Днепре, основанный в 1633 г. Богданом и Еленой Стеткевич.

Богоявленский мужской в г. Орше, основанный в 1623 г. иеромонахом Иоилем и называвшийся лаврой, так как имел много братии.

Успенский мужской в 8 верстах от г. Мстиславля на берегу р. Осянки, основанный в 1380 году кн. Лугвением-Симеоном Ольгердовичем.

Иоанно-Предтеченский Барколабовский женский в 10 километрах к северу от Быхова, основанный в 1623 г. В нем находилась чудотворная икона Богоматери, называемая “Барколабовская.”

Примечание. Празднуемая 11 июля с.с. (24 июля н.с.) Барколавовская Икона Божией Матери была подарена монастырю в 11 июля 1659 года князем Пожарским, при возвращении из Польши. Ныне находится в Свято-Троицком храме в г. Быхове, Могилевской области, Беларусь.

Успенский женский в 2 верстах от г. Орши, основанный в 1631 г. Богданом Стеткевичем.

Вознесенский женский в 10 верстах от Мстиславля в селе Мазолевщина, основанный в 1665 г. Марианной Суходольской.

Преображенский мужской в 10 верстах от с. Дубровицы, Чериковского уезда.

Свято-Троицкий мужской на берегу р. Кронки, основанный в 1629 году.

Вознесенский женский в Старобыховском уезде, неизвестно когда основанный.

Николаевский Нагорно-Замковый мужской, основанный в XV веке.

Пустынский в 5 верстах от Мстиславля, в котором находилась чудотворная икона Божией Матери.

В 1500 и 1526 годах монастырь уже существовал.

Онуфриевский при р. Напоте в 15 верстах от Мстиславля, основанный мстиславльским кн. Симеоном Лугвением Ольгердовичем в XIV веке. Польский король Сигизмунд III отдал его в державство кн. Богдану Озерецкому Друцкому, который обещал вступить “в стан духовный,” но не вступил. Позднее литовский канцлер Лев Сапега объединил его под одно управление с Черейским монастырем.

Вознесенский мужской в Кутейне, неизвестно когда основанный.

Из перечня этих монастырей, существовавших в разные столетия на Беларуси, видно, как интенсивно развивалась религиозная жизнь в этом крае. В монастырях, мужских и женских, было благочестие и подвижничество, благотворно влиявшее на народные массы. Народ это понимал, любил их и в большом количестве приходил сюда на богослужения и для получения наставлений в духовной жизни. Всеми историками признано, что православные монастыри на Руси были яркими светочами христианского учения, наставниками благочестия и источниками просвещения и грамотности. В этом отношении белорусские

монастыри не отставали в своей религиозно-просветительной деятельности от других на Руси.

Под сенью креста в храмах и монастырях объединились все слои общества, от князя до простолюдина. Сильные и богатые молились вместе с бедными и слабыми. В то время рабства и крепостничества в Беларуси не было. Это социальное зло появилось позже, принесенное чужеземцами, завладевшими страной. В период лихолетья белорусские православные монастыри несли свою помощь народу, укрепляли его в недове и давали духовные силы переносить все житейские невзгоды.

2. Литовско-Наваградская митрополия.

Разорение Киева и переселение митрополитов.

В середине XIII века Русь постигло величайшее бедствие. Монголо-татары, под предводительством Батые, вышли из Азии и вторглись в пределы русских удельных княжеств. В 1237 году они сожгли Рязань, Коломну, Москву и ряд других городов и двинулись на Киев. Русские князья со своими дружинами мужественно защищались от татар, но не могли отразить надвигавшиеся многочисленные орды монголов, неизвестных до того времени на Руси. Разорив Киев зимой 1240 г., они опустошили Беларусь и Галичско-Волынское княжество и ушли на запад: в Польшу, Богемию и Венгрию, угрожая Вене. Нигде не задержавшись, они возвратились за р. Волгу и в заволжских степях расселились на постоянное жительство. Недалеко от нынешнего города Астрахани Батый построил свою столицу — Сарай или Золотую Орду и организовал здесь ханство, заставив русских князей платить ему дань. Татарское владычество на Руси продолжалось около 300 лет и известно в истории под названием “Татарское иго.”

Во время татарского нашествия русские города были сожжены, храмы и монастыри разрушены, население и монахи спасались в лесах либо были убиты, а молодые уведены в плен. В печальном состоянии находился в то время Киев, столица киевских митрополитов. Римский монах Иоанн Плано Карпини, путешествовавший в 1246 году через Киев и Золотую Орду к татарскому хану с письмом от папы Иннокентия IV, писал в своих записках, что в Киеве он застал не более 200 уцелевших домов.⁵³ Эти записки свидетельствуют о степени разорения города. Татарское нашествие было огромным народным бедствием.

При разорении Киева татарами пропал без вести митрополит Иосиф, убитый ими или возвратившийся к себе на родину в Византию. Митрополичья кафедра пустовала. Воспользовался этим положением епископ угровский (Холмщина) Иоасаф и объявил себя митрополитом киевским. За такой самовольный поступок князь галичский Даниил Романович, во владениях которого находилась Угровская епископия, низложил Иоасафа и отнял у него даже епископию. В Ипатьевской летописи об этом случае повествуется: “Божию же волею избран бысть и поставлен бысть Иван пискуп князем Даниилом, от клыроса великия церкви Святыя Богородицы володимерской. Бе бо прежде того пискуп Асаф в Угровске, иже скочи на престол митрополичь и за то свержен бысть стола своего, и переведена бысть пискупья в Холм.”⁵⁴

⁵³ Соловьев, III-IV, стр. 550.

⁵⁴ Батюшков, “Памятники.” VIII, стр. 87.

Самовольный поступок угровского епископа Иоасафа насторожил князя Даниила. Являясь в то время наиболее сильным князем на юго-западе Руси, в 1242 году он поручил управление Киевской некоему Кириллу, вероятно одному из игуменов местных монастырей. Когда положение улучшилось и дороги стали безопасны, Кирилл отправился в Константинополь к патриарху для посвящения в сан митрополита. Прибыл он туда в 1249 году, а в следующем 1250 г. патриарх посвятил его на киевскую кафедру.

По возвращении из Константинополя митрополит Кирилл поселился не в Киеве, где была его кафедра, а отправился в город Владимир-на-Клязьме. Великим князем здесь был Александр Ярославич, который уговорил митрополита Кирилла поселиться в городе и устроить в нем свою кафедру. Киев находился еще в разоренном состоянии, и для митрополита предложение великого князя было вполне приемлемо. Его склонило остаться и то обстоятельство, что Даниил Романович вел переговоры с Римом относительно церковной унии,⁵⁵ за что получил от папы королевскую корону, которой в 1255 году торжественно венчался в Дрогоичине. Митрополит Кирилл находился во Владимире до конца своей жизни.

Примечание. Мечтая организовать крестовый поход против татар, Даниил начал переговоры с папой Иннокентием IV, добился от него издания двух булл, призывавших христиан Восточной Европы объединиться против татар. В 1255 г. Даниил получил от папы королевскую корону. Однако крестовый поход не состоялся, и Даниил один начал борьбу, вначале имел успех, но затем потерпел поражение, галицийские города были сожжены. Окончательно признав зависимость от Орды, Даниил гораздо успешнее воевал на Западе против болгар, немецкого короля Фридриха и литовцев, у которых отвоевал Гродно. *Прим. ред.*

После кончины митрополита Кирилла, последовавшей в 1281 году в Переяславле-Залесском, преемником ему был поставлен митрополит Максим, грек, который “по обычаю своему хождает по всей земле рустей, учаше, наказуяше, управляше,” как замечает Никоновская летопись.⁵⁶ В 1299 году Киев снова подвергся татарскому нашествию. В Лаврентьевской летописи под 1300 годом записано: “Тогоже лета митрополит Максим, не терпя татарскаго насилия, оставя митрополию и збежа ис Киева, и весь Киев разбежался; а митрополит иде к Брянску, и оттоль иде в Суждольскую землю, и со всем своим житьем и с крылосом,” прибавляет Никоновская летопись.⁵⁷ Митрополит Максим скончался в 1305 году.

2. Учреждение Галичской митрополии.

В Киеве и Галичской Руси были недовольны переселением митрополита на северо-восток. Недовольны были и в Великом Княжестве Литовском. Для православных этих областей Руси Киев был не только “матерью городов русских,” но и колыбелью Православия. В нем постоянно пребывали митрополиты, к которым западно-руссы привыкли обращаться со своими нуждами, как к духовным отцам и пастырям. В Киеве существовали монастыри, особенно Киево-Печерский, глубоко почитавшиеся народом за высокоподвижническую жизнь монахов. В пещерах Киево-Печерского монастыря почивали мощи угодников Божиих, привлекавшие множество богомольцев на поклонение. Киев был священным городом. Эти обстоятельства указывали на то, что митрополит должен жить именно в Киеве.

⁵⁵

⁵⁶ Карташев, I, стр. 296.

⁵⁷ Там же.

Без митрополита Киев был сиротой. Осиротела с ним вся Юго-Западная Русь. С таким положением не могли мириться западно-русские князья и начали искать выход. Почин в этом деле взял на себя галичско-волынский князь Юрий Львович. Он обратился к Константинопольскому патриарху с просьбой назначить для Юго-Западной Руси особого митрополита. Об этом он просил и византийского императора. Патриарх Афанасий I и император Андроник Старший Палеолог уважили просьбу Юрия Львовича и в 1303 году возвели в сан Галичского митрополита местного епископа Нифонта, вероятно грека по национальности. К Галичской митрополии были присоединены епархии, находившиеся в пределах Галичско-Волинского княжества: Галичская, Перемышльская, Владимиро-Волинская, Луцкая, Угровско-Холмская и Туровская. К этой же митрополии тяготела и Полоцкая епископия. Таким образом, Галичская митрополия составила из семи епархий, находившихся в Волинско-Галичском княжестве и в Беларуси.

Когда митрополит Нифонт вскоре умер, князь Юрий Львович отправил в Константинополь для поставления в сан митрополита своего избранника игумена Ратьского монастыря (в Галичине) Петра. В то же время прибыл в Константинополь для поставления в митрополита “всея Руси” ставленник тверского князя Михаила Геронтий. Патриарх принял обоих кандидатов, но Петра посвятил не для Галича, как желал того князь Юрий, а для всей Руси. Геронтию было отказано в посвящении. Поставление Петра в митрополита всея Руси состоялось в 1308 году.

Проф. Голубинский высказывает мнение, что Петр был поставлен патриархом в митрополита Литовско-Галичского и таковым он оставался до своей смерти.⁵⁸ Это мнение Голубинского можно принять наполовину, именно: Петр предназначался в митрополита Галичско-Литовского, но патриарх посвятил его в митрополита Киевского и всея Руси.

Актом посвящения Петра на кафедру митрополита всея Руси упраздняялась Галичская митрополия, потому что она переходила под управление этого митрополита. Таким оборотом дела остались недовольны заинтересованные князья Юрий Львович галичско-волынский и Михаил тверской. Вследствие этого для митрополита Петра создалась неблагоприятная обстановка. Он не мог остаться в Галиче и управлять отсюда всей Русской митрополией, а решил переселиться в город, где жили его предшественники — митрополиты Кирилл и Максим. Неизвестно, посетил ли он Галич, но побывав в Киеве и Брянске, отправился во Владимир-на-Клязьме.

Там ожидали его большие неприятности. Помимо того, что неприветливо принял его тверской кн. Михаил, против него открыто выступил со всякими обвинениями тверской епископ Андрей, родом из князей литовских. Выступление это было, несомненно, по наговору того же князя Михаила. Для разбора дела собрался собор в 1310 или 1311 году в Переяславле-Залесском. На соборе присутствовали два епископа и много игуменов, священников, князей и бояр. Неизвестно, кто созвал этот собор, но он оправдал митрополита Петра и отвел от него все обвинения.

После всего происшедшего дальнейшее пребывание митрополита Петра во Владимир-на-Клязьме становилось в тягость прежде всего ему самому. Он начал помышлять о переезде на жительство в Москву, где княжил благочестивый Иван Калита. Москва тогда начинала только развиваться и еще не была большим городом. В старинном житии святого Петра говорится: “Преходя грады обрете святыи святитель град честен кротостию, зовомый Москва, в немже обрете князя благочестива, именем Ивана, сына Данилова, внука Александрова, милостива до святых церквей и до нищих, самого горазда святым кни-

⁵⁸ Голубинский, II, стр. 128-129.

гам, послушателя святых учений. Обитав (святитель) во граде том и рече богочтивому князю: о сыну! Многое твое благочестие, послушай мене днесь. Благочестивому князю обещавшуся и рече святой митрополит: “да зиждется церковь камена во граде твоём святая Богородица;” благоверный князь поклонися и рече: “твоею молитвою святыи отче, да будет.”⁵⁹ Храм был построен в честь Успения Божией Матери, это известный ныне Успенский собор в Кремле. Митрополит Петр скончался в Москве в декабре 1326 года и погребен в тогда еще не вполне законченном храме. Русская Церковь почитает митрополита Петра как святого.

Святителю Петру суждено было окончательно утвердить митрополичью кафедру в Москве. Со временем здесь образовался церковный центр всей Руси. Живя в Москве, митрополиты продолжали величать себя титулом “Киевский и всея Руси.” С канонической точки зрения самовольное перенесение епископской кафедры в другой город не оправдывается церковными правилами. Карфагенский собор своим правилом 71 (82) запрещает это словами: “Да не будет позволено никакому епископу оставлять главное место своей кафедры и отходить к какой-либо церкви, в его епархии состоящей, и оставлять попечение и прилежание о своем престоле.”⁶⁰

Примечание. Правило 82 Карфагенского Собора: “да не будет позволено никакому епископу оставлять главное место своей кафедры и отходить к какой-либо церкви, в его епархии состоящей, или более надлежащего упражняться в собственном деле и составлять попечение и прилежание о своем престоле.” *Прим. ред.*

По этому правилу, митрополиты Кирилл и Максим не должны были переселяться из Киева во Владимир, а святитель Петр — в Москву.

Учреждение Литовской митрополии.

Создание Галичской митрополии побудило великого князя литовского просить Константинопольского патриарха учредить в его государстве особую митрополию. Проф. Е. Голубинский утверждает, что “в одном из списков каталога архиерейских кафедр, составленного при имп. Андронике Палеологе Старшем (1282-1327), читается историческое замечание, что Литва, принадлежавшая к митрополии Великой России, сделана особой Митрополией при упомянутом императоре Андронике и при патриархе Иоанне Гликке; а Иоанн Гликке занимал патриарший престол с мая месяца 1316 года по тот же месяц 1320 года. Затем, в сохранившихся до настоящего времени записях деяний Константинопольского патриаршего собора XIV века находим, что митрополит литовский присутствовал на этом соборе в августе месяце 1317 года.”⁶¹

Важно при этом установить, в каком именно году была учреждена митрополия и кто был первым митрополитом. По мнению того же Голубинского, это событие относится к 1316 или 1317 годам. Свое мнение он основывает на указанном выше каталоге архиерейских кафедр. Польский проф. К. Ходыницкий утверждает, что Литовская митрополия была основана во время княжения великого князя литовского Витенеса.⁶²

Примечание. “Князь великий Витенес княжил в Великом княжестве Литовском и Жемайтском и Русском многие годы и родился от него сын по имени Гедимин. И умер великий князь Витенес от

⁵⁹ Карташев, I, стр. 302.

⁶⁰

⁶¹ Голубинский, II, стр. 128.

⁶² Там же; Ходыницкий, стр. 12; Карташев, I, стр. 313-314.

удара молнии; после него стал править Великим княжеством Литовским, Жемайтским и Русским вышеназванный сын его Гедимин.” Хроника Петра Быховца. *Прим. ред.*

Принимая во внимание утверждения профессоров Е. Голубинского и К. Ходыницкого, можно сделать заключение, что князь Витенес возбудил ходатайство перед Константинопольским патриархом об учреждении Литовской митрополии и назначении для нее митрополита, но его преждевременная смерть в 1315 году не дала ему возможности закончить это важное для государства дело. Оно было завершено в начале княжения его преемника великого князя литовского Гедимина.

Совершенно неверное утверждение высказывает белорусский историк Вацлав Ластовский по поводу учреждения Литовской митрополии. Он говорит, что “Византийский император Андроник Старший в 1291 году утвердил Наваградскую автокефальную митрополию, назначая ей 82-ое место.”⁶³ Свое мнение он не подтверждает никакими ссылками на документы, из которых получил свои сведения. Называя эту митрополию “автокефальной,” он обнаруживает свое полное непонимание предмета, о котором пишет. Вслед за ним слепо повторяют эту ошибку другие белорусские историки, интересующиеся главным образом политическими вопросами. Епископ Арсений, ссылаясь на акты Константинопольской патриархии, указывает, что на 82 месте в списке епархий и митрополий Константинопольского патриаршего престола стояла Кавказская митрополия, кафедра которой находилась в гор. Анапе, в стране осетинской.⁶⁴

Примечание. Епископ Арсений, (в миру Антоний Ильич Иващенко), духовный писатель (родился в 1831 году, умер 18 февраля 1903 года). Окончил курс в киевской духовной академии. В 1875 году занял место настоятеля Московского Заиконоспасского монастыря, превосходно использованное им для изучения греческих рукописей московской Синодальной библиотеки. В 1893 году был возведен в сан епископа и назначен викарием сначала тульской, потом новгородской епархий. По своему уму, образованию, трудоспособности и высоким нравственным достоинствам Арсений представлял выдающееся явление среди нашей иерархии. И, однако, его служебная карьера оказалась более чем скромной. Вместо митрополичьей кафедры, на которую никто из его современников не имел более прав, ему предоставили захолустное викариатство. С Арсением случилось то же, что было с его еще более знаменитым собратом, епископом Порфирием Успенским. Он имел смелость говорить правду без всяких прикрас в пору общего молчания. Его отзывы о крупных чинах духовного ведомства были метки, остроумны и беспощадны. Среди самостоятельных исследований Арсений первое место занимает “Летопись церковных событий,” в 1900 году, вышедшая 3-м изданием: серьезное справочное пособие. *Прим. ред.*

История не сохранила имени первого литовского митрополита. Но имеются исторические заметки в патриарших актах, что в 1329 году заседал на Константинопольском соборе литовский митрополит Феофил. Эти заметки дают основание предполагать, что первым литовским митрополитом был тот же Феофил, посвященный патриархом из греческого духовенства. Вероятно, что в том же году или в начале следующего года он умер, потому что имя его больше не упоминается в актах той же патриархии. Был ли он в Литве и где жил, также никаких исторических сведений не сохранилось. В летописях есть упоминание, что Любарт Гедиминович, князь луцкий, самовольно захватил имущество литовского митрополита Феофила, и митрополит киево-московский Феогност приезжал в 1331 году на Волынь отнимать это имущество. Этот исторический факт указывает, что митрополит

⁶³ Ластоўскі, стр. 109.

⁶⁴ Арсений “Летопись...” стр. 478.

Феофил жил в своей Литовской митрополии и имел имущество, конечно, принадлежавшее Церкви.

После кончины митрополита Феофила Константинопольский патриарх не назначил нового митрополита в Литву. Зато с мая 1328 года сидел “на месте святого Петра” в Москве митрополит всея Руси Феогност, назначенный патриархом из своего духовенства. После смерти митрополита Феофила митрополит Феогност просил Константинопольского патриарха не назначать в Литовскую митрополию особого митрополита, потому что он занялся объединением всей Руси под своим омофором. Ему помогал в этом деле великий князь московский Иван Калита, которому это было выгодно в государственных целях, потому что он сам стремился объединить всю Русь под своей властью.

Проф. Карташев, основываясь на греческих документах, указывает, что в патриаршем списке архиерейских кафедр времен императора Андроника Старшего имеется заметка относительно Литовской митрополии следующего содержания: “эта митрополия раз учрежденная при импер. Андронике Старшем, охотно возводившем епископии на степень митрополий, потом совершенно упразднилась, частью потому, что в Литве христиан слишком мало, частью потому, что этот народ, по соседству с Русью может быть управляем русским митрополитом.”⁶⁵ Из этого документа видно, что митрополит Феогност и Иван Калита сумели пр помощи богатых даров убедить патриарха закрыть Литовскую митрополию на том основании, что в ней мало православных христиан. Но эти сведения, данные патриарху, как известно, не отвечали действительности.

Митрополит Феогност знал, что великий князь литовский Гедимин и юго-западные русские князья недовольны оставлением их владений без митрополита. Чтобы уменьшить это недовольство, митрополит поспешил прибыть на Волынь. В 1331 году он служил во Владимире-Волынской, где совершил хиротонию во епископа для Новгорода некоего Василия. В этих областях он пробыл более года, объезжая разные города. Виделся ли он с Гедимином, неизвестно, но некоторые историки предполагают, что ему удалось наладить добрые отношения с ним. Отсюда Феогност поехал к патриарху в Константинополь ходатайствовать о закрытии Галичской митрополии и передаче ему епархий этой митрополии.

Образование Галичско-Литовской митрополии.

Решение Константинопольского патриарха о передаче в управление митрополита Феогноста всех епископий Юго-Западной Руси и о закрытии там митрополий Галичской и Литовской должно было вызвать большое недовольство среди православных этих митрополий, особенно местных князей. У них было желание иметь своего митрополита, если не в Литве, то в Галиче. Предпринятая митрополитом Феогностом вторая поездка на Волынь не принесла успокоения в эти области. Посылались ходатайства к патриарху о назначении митрополита. Патриарх не мог с ними не считаться и назначил митрополита для Галичской митрополии. В греческих актах упоминается, что в 1337 году в Константинополе был какой-то “**иеротатос архиерейс тоу Галитсис,**” который посвящен в сан галичского митрополита.⁶⁶

Примечание. *ιερὸτάτος ἀρχιερεὺς τοῦ Γαλίτσης. Прим. ред.*

⁶⁵ Карташев, I, стр. 314.

⁶⁶ Там же, стр. 315.

Остается невыясненным вопрос, кто ходатайствовал о назначении этого митрополита. Голубинский и Карташев полагают, что в этом деле приложил свою руку великий князь Гедимин. Зная, что Литовская митрополия была закрыта патриархом под предлогом, что в ней мало православных христиан, Гедимин решил объединить Галичскую и Литовскую митрополии в одну и просить патриарха назначить митрополита для Галича. Основанием могло быть то, что епархии Туровская, Луцкая и Владимирская Галичской митрополии находились в его государстве с 1320 года, а прочие епархии этой митрополии: Галичская, Перемышльская и Холмская были под властью мазовецкого князя Болеслава Тройдоновича, с которым Гедимин был в дружбе. С ним он мог договориться об учреждении общей митрополии.

Существование митрополии Галичско-Литовской не давало покоя митрополиту Феогносту. Воспользовавшись тем, что в 1345 году обрушилась апсида в храме Святой Софии в Константинополе, митрополит Феогност отправился в Константинополь с крупной суммой денег на ремонт. В своей беседе с патриархом Иоанном XIV (1333-1347) он возобновил свое ходатайство о закрытии Галичско-Литовской митрополии и о подчинении ему ее епархий.

Примечание. Патриарх Иоанн XIV Калека (1341-1347). *Прим. ред.*

Патриарх удовлетворил просьбу Феогноста после получения подарка. Через два года, именно в 1347 году, Галичская митрополия была закрыта. В патриаршей грамоте по этому поводу говорится: “Посему имеют опять подчиняться митрополии святейшие епископии, находящиеся в стране малой России, именуемой Волинью, как-то: Галичская, Владимирская, Холмская, Перемышльская, Луцкая и Туровская, и это постановление, как древнее и справедливое, и совершенно основательное, и направленное к пользе многочисленного народа, и поистине необходимое для его мира и единомыслия, будет принято без перемены и святейшими патриархами после нас. И не только нынешний святейший митрополит Киевский, препочтенный и экзарх всей Руси, возлюбленный брат в Святом Духе нашей мерности и сослужитель, но и после него святейшие архипастыри той Церкви будут исполнять постановление сие в означенных епископиях беспрекословно, как представлено им канонами.”⁶⁷ Этим постановлением Галичская митрополия закрывалась навсегда.

При перечислении епархий Галичской митрополии не названа Полоцкая епископия. Это не случайное упущение, а объясняется тем, что в то время в ней не было своего епископа. Возможно также предположить, что она находилась во власти Феогноста.

Попытка Феодорита возглавить Киевскую митрополию.

Церковные историки упоминают имя митрополита Феодорита, который пытался завладеть киевской митрополичьей кафедрой в 1352 году. Об этом Феодорите Константинопольский патриарх писал новгородскому архиепископу Моисею следующее: “Да будет известно боголюбию твоему, что этот Феодорит два года назад еще при жизни святейшего архиерея кир Феогноста, приходил сюда и просил поставить его митрополитом русским; но мы, тщательно исследовав и узнав, что м. Феогност еще жив, не приняли его, так как он искал противного божественным и священным канонам и сказали ему: пусть он подождет пока пошлем и узнаем истину от названного митрополита и тогда сделаем то, что окажется лучшим. Он же бежал в Тырнов и учинил там несмысленнейший и незаконнейший и

⁶⁷ Тальберг, “История Русской Церкви,” стр. 122-123.

противный канонам поступок, которого еще никогда не бывало с того времени, как крестилась Русь.”⁶⁸ В другом письме тот же патриарх Филофей писал к тому же Моисею: “Мы и прежде писали, чтобы вы не принимали Феодорита, как низверженного божественными канонами и священным Синодом.”⁶⁹

Из этих патриарших грамот видно, что Феодорит был незаконным митрополитом. Посвятил его в сан Тырновский патриарх в Болгарии, который никакого отношения к Руси не имел. Феодорит явился в Киев из Тырнова и добивался от русских епископов признания его своим митрополитом, но те не согласились. Патриаршие оповестительные грамоты очень помогли епископам в этом деле. В Киеве он продержался около года, а затем удалился в Галичскую Русь, которая была под властью польского короля. Оттуда он пытался возглавить епископии в Великом Княжестве Литовском, но своей цели не достиг.

Личность Феодорита остается неразгаданной. Карташев говорит о нем, как об авантюристе, которого поддерживал великий князь литовский Ольгерд. Киев тогда принадлежал Ольгерду, который по мнению Карташева, “хотел не только освободить свою Русь от власти митрополита, фактически ставшего московским, но и поставить от своего лица такого митрополита на кафедру киевскую и всея Руси, который бы управлял всей Русской Церковью, но тянул не к Москве, а к его литовской столице; чтобы церковно-административный центр для всех русских переместить из Москвы в Литву.”⁷⁰ Несомненно, что Ольгерд стремился иметь особого митрополита для Великого Княжества Литовского. Это входило в его государственные планы. Для политики было необходимо, чтобы все подданные его государства возглавлялись своим митрополитом, пребывавшим в пределах Великого Княжества Литовского, а не за границей, во враждебной стране. Но после того, как Феодорит был низложен Константинопольским патриархом, Ольгерд не счел нужным ему покровительствовать.

Восстановление Литовской митрополии.

Пока продолжалась волокита с Феодоритом, 11 марта 1353 года скончался митрополит Феогност. Ольгерд решил немедленно ходатайствовать перед патриархом о назначении митрополита для Великого Княжества Литовского. Кандидатом в митрополиты он избрал родственника своей жены Романа и послал его в Константинополь, снабдив грамотами к патриарху и императору, в которых просил поставить Романа литовским митрополитом. Роман был иноком в священном сане. Прибыв в Константинополь, Роман узнал, что там был епископ владимирский Алексей, присланный из Москвы для посвящения в митрополита киево-московского. В актах Патриархии говорится: “Когда был возведен и поставлен совершенным митрополитом Киева и всея России и благополучно отправлен кир Алексей, пришел немного спустя и священнейший митрополит литовский кир Роман, и был рукоположен митрополитом литовским.”⁷¹ Получив от патриарха грамоту и благословение, митрополит Роман отправился в свою митрополию.

При сопоставлении дат в документах, упоминавших об этом событии, нетрудно установить, что назначение Романа состоялось в Константинополе в середине 1354 года. Таким образом, Роман возглавил Литовскую митрополию, которая оставалась вакантной.

⁶⁸ Барсов, стр. 431.

⁶⁹ Барсов, стр. 434.

⁷⁰ Карташев, I, стр. 316.

⁷¹ Барсов, стр. 394.

В патриарших актах сохранилась грамота патриарха Филофея, которая объясняет причину согласия патриарха на поставление Романа в митрополита литовского. В этой грамоте говорится: “Так как правящий литовскою страню князь худо был расположен к святейшему Киевскому и всей Руси кир Алексию и готов был лучше страдать или убежать, нежели иметь такого митрополита и подчинять ему духовно свою область и страну, а желал, чтобы самая страна его была возведена в митрополию и была управляема и заведываема чрез собственного митрополита, по удостоверению священнаго и великаго Собора; то Собор, опасаясь, чтобы не случилось чего-либо необычайнаго и чтобы этот многочисленный народ не причинил духовной опасности и вреда для всего великаго тела Святой Церкви, поставил избранного там и призваннаго достойным посвящения митрополитом той страны, по желанию народа, по тамошним нуждам и по намерению правящаго князя.”⁷² Из этого текста видно, что Ольгерд, прося поставить в митрополиты Романа, высказывал какие-то угрозы в случае отказа в его просьбе. Эти угрозы имели решающее значение в Константинополе.

Митрополит Роман после своего посвящения прибыл из Константинополя прямо в Киев и пытался утвердить свою власть. Так как Киев в то время был под властью великого князя литовского, то это ему не представлялось трудным. Но киевское духовенство и население не захотели его принять, оставаясь верными митрополиту в Москве. В хронике Даниловича находится заметка, взятая из какой-то старой летописи, которая гласит: “Прииде из Литвы Роман чернец на митрополию и не прияша его кияне. Тоя же зимы и осени взиде из Царьграда Олексей митрополит на Русь.”⁷³ Роман уехал из Киева, но не отказался от своих притязаний на него.

Киев сделался предметом спора митрополитов Романа в Великом Княжестве Литовском и Алексия в Москве. Летописец замечает: “И сотворися мятеж во святительстве, чего прежде никогда не было на Руси. От обоих митрополитов, — говорит дальше летописец, — являлись послы к областным владыкам, и была везде тяжесть большая священническому чину.”⁷⁴ Спор этот обострился и вызывал большое смутение и соблазн среди духовенства, не знавшего, которому митрополиту подчиняться.

Митрополит Алексей считал притязания митрополита Романа на Киев незаконными. Он отправил жалобу на Романа к патриарху в Константинополь. Получив жалобу, патриарх вызвал к себе на суд обоих митрополитов. Они прибыли туда в 1356 году. Каждый из них изложил свои жалобы и свои пожелания. Оба говорили на своем языке. Патриарх слушал, а переводчики переводили. Для рассмотрения спора двух русских митрополитов собрался Патриарший Синод под председательством императора Иоанна V Палеолога. Император заботился о том, чтобы решения Синода были авторитетны и беспристрастны. Председательство императора в Синоде указывает на то, сколь большое значение придавали в Константинополе, как равно и на Руси, этому спорному делу. Постановление было вынесено в пользу митрополита Алексия. В акте Патриаршего Синода говорится: “После тщательного исследования возбужденных тем и другим архиереем вопросов, прежде всего постановлено, что преосвященный митрополит киевский Алексей есть и остается, как был рукоположен сначала, Киевским и всея Руси, по искони установившемуся обычаю.”⁷⁵ Этим постановлением притязания Романа на Киев были отклонены и осуждены.

⁷² Макарий “История Русской Церкви,” IV, стр. 322; А. П. К., 1, стр. 526.

⁷³ Филарет “История Русской Церкви,” стр. 258, примеч. 193.

⁷⁴ Соловьев, III-IV, стр. 567.

⁷⁵ Барсов, стр. 396; Карташев, I, стр. 318.

Митрополит Роман не удовлетворился таким решением Патриаршего Синода. Он уехал из Константинополя, не простившись с патриархом. Возвратившись в свою Литовскую митрополию он продолжал именовать себя митрополитом киевским, совершать богослужения в Киеве и посвящать там клириков в священный сан. Митрополит Алексей вторично послал жалобу на Романа патриарху в 1357 году. Патриарх медлил с ответом на эту жалобу. Не дождавшись ответа от патриарха, митрополит Алексей поехал в Киев, чтобы закрепить там свое положение. В Киеве он прожил два года. На обратном пути в Москву, по распоряжению Ольгерда он был схвачен и посажен под стражу. В одном патриаршем документе говорится, что “Ольгерд изымал его обманом, заключил его под стражу, отнял у него многоценную утварь и может быть убил бы, если бы при содействии некоторых он не убежал тайно и таким образом не избавился от опасности.”⁷⁶ Освободившись, митрополит Алексей немедленно послал жалобу патриарху на действия Ольгерда и Романа.

Донесение митрополита Алексея сильно огорчило патриарха. Для расследования происшествий он послал своих апокрисиариев: митрополита и диакона. Патриаршие послы прибыли в Киев, откуда в 1361 году поехали в Москву. Своего поручения они не успели выполнить, потому что в следующем 1362 году митрополит Роман скончался. В истории не отмечены ни дата, ни место его кончины и погребения.

Митрополит Роман вел энергичную борьбу за самостоятельность Киево-Литовской митрополии, на которую все время посягали митрополиты, жившие в Москве. Киево-Литовской митрополии впоследствии принадлежали следующие епархии: Киевская митрополичья, Черниговская, Владимиро-Волынская, Луцкая, Перемышльская, Туровская, Полоцкая, Смоленская. Патриарх утвердил за Романом все епископии Великого Княжества Литовского, за исключением Киева, титул которого носил митрополит в Москве. За обладание киевской митрополичьей кафедрой в сущности и шел спор митрополитов Алексея и Романа.

Судьба Литовской митрополии.

Затяжной спор русских митрополитов произвел в Константинополе неприятное впечатление. Во избежание повторения такого спора в дальнейшем, патриарх Филофей предложил великому князю Ольгерду примириться с митрополитом московским Алексием, а от назначения нового митрополита для Великого Княжества Литовского отказался. Ольгерд соглашался признать митрополита Алексея с условием, что он будет жить в Киеве. Но для митрополита Алексея такое условие было неприемлемо. Патриарх не принял во внимание пожелания Ольгерда и в 1364 году составил соборный синодальный акт, утверждавший единство Русской митрополии. В акте говорилось: “И так настоящая наша сииллиодская грамота повелевает, чтобы Литовская страна и все то, что есть в ней самой и находится под ее властью, поступило под власть Киевской митрополии, и, сделавшись с этого и на все последующее время ее епископиею, должны признавать своею митрополиею Киев, в котором должен рукополагаться епископ для нее и должны по-прежнему входить в пределы Киевской митрополии.”⁷⁷ Но под Киевом здесь подразумевается Москва, где жили Киевские митрополиты.

В этом акте есть некоторая неточность, явившаяся, вероятно, вследствие неправильного перевода с греческого языка. Неточность состоит в том, что Литовская митропо-

⁷⁶ Карташев, I, стр. 318.

⁷⁷ Барсов, стр. 396-397.

лия названа епископией. Но главный смысл патриаршего акта заключался в том, что он упразднял Литовскую митрополию, и все епархии ее переходили в подчинение митрополита киево-московского.

Акт Константинопольской патриархии сильно разгневал Ольгерда. Он отправил письмо к патриарху, в котором требовал назначения особого митрополита для его государства. В своем письме, жалуясь на московского князя, он писал: “Не я начал нападать, они сперва начали нападать, и крестного целования, что имели ко мне, не сложили и клятвенных грамот ко мне не отослали. Нападали на меня девять раз и шурина моего князя Михаила (Тверского) клятвенно зазвали к себе, и митрополит снял с него страх, чтобы ему прийти и уйти по своей воле, но его схватили. И зятя моего нижегородского князя Бориса схватили и княжество у него отняли; напали на зятя моего новосильского князя Ивана и на его княжество, схватили его мать и отняли мою дочь, не сложив клятвы, которую имели к ним. Против своего крестного целования взяли у меня города... По твоему благословию митрополит и донныне благословляет их на пролитие крови. И при отцах наших не бывало таких митрополитов, каков сей митрополит. Благословляет москвичей на пролитие крови, и к нам не приходит, ни в Киев не приезжает, а кто из целовавших мне крест убежит к ним, митрополит снимает с такого крестное целование. Бывало ли в мире то, чтобы снимать крестное целование? Дай нам другого митрополита на Киев, Смоленск, Тверь, Малу Русь, Новосиль, Нижний Новгород.”⁷⁸

Энергичное выступление Ольгерда возымело силу в Константинополе. Патриарх задержал свой акт об упразднении Литовской митрополии, а через некоторое время совершенно отменил его. Карташев указывает, что этот документ сохранился в подлиннике в перечеркнутом виде с замечанием, что патриарх признал его отмененным и недействительным.⁷⁹

Патриарх Филофей решил испробовать пастырские средства для примирения Ольгерда с митрополитом Алексием. Он послал к ним своего апокрисиария Иоанна для улаживания спора, написал митрополиту увещание посещать литовские епархии, не враждовать с литовскими князьями; послал также Ольгерду увещание с просьбой оказывать честь и внимание митрополиту Алексию, чтобы он мог спокойно путешествовать по городам Великого Княжества Литовского.

Патриаршие увещания и посланник не улучшили положения. Проходили годы, а спор затягивался и жалобы к патриарху продолжали поступать. Наконец, в 1373 году патриарх вторично послал на Русь своего апокрисиария иеромонаха Киприана, болгарина. Патриарх рассчитывал, что Киприан, как славянин, будет иметь больший успех в деле примирения двух противников. Киприан не достиг примирения, зато убедился, что православному Великому Княжеству Литовского и Галичины на самом деле невозможно находиться в зависимости от московского церковного центра. У него сложилось вполне определенное мнение, что каждой из этих епархий нужен свой митрополит. Свое мнение он высказал Ольгерду и обещал доложить патриарху.

Рассуждения Киприана Ольгерду понравились. Ольгерд предложил ему занять престол литовского митрополита, на что тот согласился. Было составлено от имени Ольгерда мотивированное письмо к патриарху с просьбой поставить Киприана митрополитом литовским. В письме пригрозили, что если эта просьба не будет удовлетворена, то Оль-

⁷⁸ Карташев, I, стр. 320-321; Барсов, стр. 400-401.

⁷⁹ Карташев, I, стр. 319.

герд обратится за митрополитом к Латинской Церкви.⁸⁰ Силу такого аргумента Киприан хорошо знал из ходатайства польского короля Казимира в 1369 году, когда король просил патриарха назначить епископа Антония митрополитом для Галичины. Король писал в своем письме: “Я, король ляхский, приобрел рускую землю. И ныне ищем у тебя своего архиерея... рукоположите Антония в митрополита, дабы не исчез, не разорился закон русский. А не будет милости Божией и вашего благословения на сем человеке, то после не жалуйтесь на нас: нам нужно будет крестить русских в латинскую веру, если у них не будет митрополита, так как земля не может быть без закона.”⁸¹ И патриарх поставил Антония в митрополита галичского, как хотел этого король.

К подобному аргументу прибег и Ольгерд в своем письме к патриарху, прося назначить Киприана митрополитом литовским. Письмо Ольгерда встревожило патриарха, особенно его угроза. По примеру недавно назначенного в Галич митрополита патриарх согласился возвести Киприана в сан митрополита для Великого Княжества Литовского, однако с условием, что после смерти митрополита Алексия он возглавит все епархии и объединит под своим омофором всю Русь. Посвящение Киприана было совершено в Константинополе патриархом Филофеем в 1375 году. Карташев утверждает, что Киприану было дано право титуловать себя митрополитом “Киевским и всея Руси.”⁸²

По возвращении из Константинополя в Наваградак митрополит Киприан издал циркулярное оповещение о своем поставлении в сан митрополита всея Руси и разослал его русским епископам. Новгородцы ответили Киприану: “Посылай к великому князю в Москву, если он примет тебя митрополитом на Русь, то и нам будешь митрополитом.” В таком же духе ответили псковичане. В Москве великий князь Дмитрий Донской велел сказать его послам: “Есть у нас митрополит Алексий, а ты зачем поставился на живого митрополита?”⁸³ Этот же князь и митрополит Алексий выразили свой протест против Киприана в особых грамотах, отправленных к патриарху в Константинополь. Словом, в Москве Киприана не признали митрополитом всея Руси.

Путешествие митрополита в Москву.

В феврале 1378 года скончался митрополит Алексий, и митрополит Киприан поспешил в Москву занять его престол. Но великий князь московский отказался принять его, потому что имел кандидата в митрополиты — Михаила Митяя, своего духовника, которого уже послал в Константинополь для посвящения. В Москве Киприан был посажен под стражу и с бесчестьем отправлен назад. Огорченный и оскорбленный Киприан поехал к патриарху с жалобой на московского князя. В Константинополе в это время решался важный вопрос, кого ставить митрополитом для Москвы. Михаил Митяй скоростижно скончался в пути, а на его место выставлял свою кандидатуру архимандрит Пимен, находившийся в свите Митяя. При помощи подкупа Пимен получил посвящение в сан митрополита. Митрополит Киприан пробовал протестовать против посвящения Пимена, но, как видно из соборного деяния об этом посвящении 1380 года, его заставили молчать под угрозой изгнания за пределы Руси, как неканонически поставленного еще при жизни митрополита Алексия. При такой обстановке в Константинополе Киприан поспешил оттуда

⁸⁰ Барсов, стр. 403.

⁸¹ Батюшков “Памятники,” VIII, стр. 88/1.

⁸² Карташев, I, стр. 322; Барсов, стр. 403.

⁸³ Карташев, I, стр. 322.

уехать в свою Литовскую митрополию. Патриарший Синод отобрал у него титул “Киевского и всея Руси” и дал ему новый титул: “Митрополит Малой Руси и Литвы.”

Великий князь московский Дмитрий Донской, узнав о всем происшедшем в Константинополе, сильно опечалился и отказался принять Пимена, как митрополита для Москвы. Он послал своих уполномоченных пригласить митрополита Киприана на митрополию в Москву. Тот охотно согласился и весной 1381 года прибыл занять киево-московскую митрополичью кафедру. Великий князь московский принял его, а митрополита Пимена велел схватить и заточить в Чухлому (Костромской губ.). Константинопольский патриарх Нил выступил в защиту Пимена и в своих посланиях доказывал законность его прав на Московскую митрополию и незаконность Киприана. Послания патриарха смущали москвичан. Великий князь Дмитрий Донской, придравшись к случаю, что митрополит Киприан убежал в Тверь пред нашествием на Москву татарского хана в августе 1382 года, приказал ему возвратиться в Литву. Киприан уехал, а Дмитрий Донской пригласил на митрополию Пимена, с которым помирился.

После возвращения из Москвы митрополит Киприан уже не имел к себе доверия со стороны князей и епископов в Великом Княжестве Литовском. Покровитель его — Ольгерд скончался в 1377 году, а его преемник Ягайло религиозными делами не интересовался. Вскоре произошли большие события в государственной жизни Великого Княжества Литовского. Ягайло принял римо-католичество в 1386 году, женился на польской королеве и занял престол польских королей. По договору с поляками он объявил римо-католическую религию государственной в Великом Княжестве Литовском, а Православную Церковь лишил покровительства государства. Для митрополита Киприана наступило тяжелое время. Расстроенный и огорченный этими событиями и своими неудачами в Москве, он уехал в Константинополь и там остался жить до кончины митрополита Пимена в Москве, последовавшей в 1389 году. Патриарх Антоний IV соборным актом утвердил на Киево-Московской митрополии Киприана, который, получив патриаршую грамоту, отправился в Москву. Великий князь московский Василий Дмитриевич радушно принял Киприана и признал его митрополитом всея Руси.

В 1396 году митрополит Киприан прибыл в Литовскую митрополию и посетил некоторые города. В Вильно он виделся с королем Ягайло и великим князем литовским Витовтом. При этой встрече Ягайло предложил Киприану принять католическую церковную унию. Киприан не возражал, но решение этого вопроса возложил на патриарха в Константинополе. После этого Киприан и король, каждый в отдельности, написали письма патриарху. Патриарх ответил каждому из них. В письме к Ягайло он писал: “Ты пишешь о соединении Церквей, и мы усердно желаем этого, только это не есть дело настоящего времени, потому что у нас идет война с нечестивыми (турками), пути нам заперты, дела наши находятся в стесненном положении; при таких обстоятельствах возможно ли, чтобы пошел кто-нибудь от нас на составление там (на Руси) собора? Если Бог пошлет мир и пути станут свободными, мы готовы к этому и по собственному побуждению.”⁸⁴ При этом он просил короля соединиться с венгерским королем и выступить войной против турок. Вопрос о соединении Церквей был лишь предлогом для изложения этой важной патриаршей просьбы. Для Киприана он был тоже важный, потому что помогал ему закрепить свое положение в Великом Княжестве Литовском.

В эту поездку в Великое Княжество Литовское митрополит Киприан действовал как будто в угоду Витовту и даже в ущерб интересам Православной Церкви. По настоя-

⁸⁴ Там же, стр. 336-337.

нию Витовта он лишил сана туровского епископа Антония. Сделал это самочинно и противоканонично. Вина епископа Антония состояла в том, что он решительно выступил в защиту Православной Церкви против наступления на нее польско-латинского духовенства, прибывшего в Великое Княжество Литовское и начавшего свою миссию по обращению в католичество православных. Епископ Антоний был отослан Киприаном в Москву в Симон-нов монастырь и там содержался в почете, но без права выезда.⁸⁵

Митрополит Киприан, благодаря своей гибкой тактике, сумел сохранить добрые отношения с польским королем и с великим князем литовским. Митрополит Киприан скончался 16 сентября 1406 года и погребен в Успенском соборе в Московском Кремле. Русская Церковь причислила его к лику святых.

Ходатайство о возведении в сан литовского митрополита Феодосия.

Кончина митрополита Киприана вызвала движение в Великом Княжестве Литовском в пользу избрания своего митрополита. Главным инициатором был великий князь Витовт. Поссорившись с Москвой, он не желал, чтобы его православные подданные подчинялись митрополиту в Москве. Он избрал полоцкого епископа Феодосия кандидатом в сан литовского митрополита и, снабдив своей грамотой, послал в Константинополь к патриарху для посвящения. Феодосий прибыл в Константинополь в конце сентября 1406 года. Витовт в грамоте патриарху Матфею I писал: “Поставьте Феодосия нам в митрополита, чтобы сидел на столе Киевской митрополии по старине, строил бы Церковь Божию по-прежнему, как наш, потому что по воле Божией мы обладаем городом Киевом.”⁸⁶

Характерно, что Витовт просил возвести Феодосия на престол Киевской митрополии, на котором давно фактически восседал митрополит московский. Такая постановка вопроса сразу обрекала дело на неудачу. В Константинополе дорожили дружбой с Москвой и избегали делать то, что могло эту дружбу расстроить. Поставление митрополита без предварительного согласия Москвы для Великого Княжества Литовского, в особенности для Киева, не входило в расчеты патриарха. В Константинополе ожидали прибытия кандидата на митрополичью кафедру из Москвы. Поэтому патриарх не согласился возвести в сан митрополита Феодосия и отпустил его ни с чем.

Когда московский кандидат в митрополиты долго не являлся, патриарх решил посвятить в сан своего кандидата из среды греческого духовенства. Для этого был избран Фотий и 2 сентября 1408 года посвящен в сан митрополита “Киевского и всея Руси.” Новопоставленному митрополиту было поручено объединить все епархии Великого Княжества Литовского под своим началом. Через год после посвящения он прибыл в Киев, где он задержался на полгода и пытался получить признание со стороны великого князя Витовта своей власти над православными в Великом Княжестве Литовском. Но Витовт, недовольный отказом в посвящении Феодосия, согласился признать Фотия при условии, что тот останется в Киеве и там утвердит свой митрополичий престол. Для Фотия такое условие было неприемлемо. Он обещал часто приезжать в Киев, но постоянно жить отказался. Первое время Фотий старался исполнять свое обещание и приезжал в Киев в 1411 и 1412 годах, но позднее стал бывать здесь реже, будучи занят в Москве.

Редкие и кратковременные визиты митрополита Фотия несколько не удовлетворяли Витовта и других великолитовских князей. Горячим желанием Витовта было иметь митрополита в своем государстве, а не в Москве, враждовавшей с ним. Недовольство мит-

⁸⁵ Соловьев, III-IV, стр. 572; Гр. Летопись.

⁸⁶ Макарий, IV, стр. 86; Соловьев, там же.

рополитом Фотием возросло еще более, когда стало известно, что он увозит из Киева дорогие церковные предметы и обременяет церкви большими пошлинами. Такое поведение митрополита Фотия дало повод Витовту применить решительные меры против него. Прежде всего он удалил из Киева наместника митрополита, а когда Фотий поспешил в Киев, чтобы уладить этот вопрос, то был задержан на границе, ограблен и с бесчестьем возвращен в Москву. Митрополит Фотий немедленно отправил жалобу на Витовта в Константинополь. В Никоновской летописи говорится: “Возсташа неблазии человецы на Фотия митрополита, еже клеветы многа сотвориша на него лукавии человецы, иже бежаша от него с Москвы, свои его суще к черниговскому владыце, а оттуда в Литву к Витовту, и тако ссориша его с Витовтом и брань велию воздвигоша и святей Божией Церкви смущение и мятеж велий бысть.”⁸⁷ Летописец полагал, что главная причина недовольства Витовта митрополитом Фотием заключалась в клевете Фотиевых врагов, бежавших из Москвы в Литву. Митрополит Фотий, как иностранец и грек, не понимал и не знал действительного положения церковных дел в Великом Княжестве Литовском, где православные неоднократно имели своего самостоятельного митрополита и стремились иметь его постоянно. Москве они не хотели подчиняться ни в политическом, ни в церковном отношении. Зависимость от митрополита, жившего в Москве, не разрешала важного церковного вопроса в Великом Княжестве Литовском.

Избрание литовского митрополита без согласия патриарха.

Поведение митрополита Фотия побудило Витовта домогаться поставления митрополита для Великого Княжества Литовского. Он знал, что Литовская митрополия уже имела своих митрополитов, которых назначал Константинопольский патриарх. Отказ патриарха на его просьбу поставить на митрополию Феодосия сильно его огорчил. От своей мысли он не отказался, а стал обдумывать, как достигнуть цели в этом важном церковном вопросе. Хорошего кандидата на митрополицию он нашел в лице архимандрита Григория Цамблака, племянника митрополита Киприана, человека образованного, бывшего настоятелем двух монастырей: Дечанского в Старой Сербии и Плинаирского греческого. Витовт познакомился с ним в Вильно, когда тот ехал навестить своего дядю митрополита в Москву, но узнавши о его смерти, задержался на долгое время в Великом Княжестве Литовском, где служил в разных церквях и прославился своими проповедями. Григорий понравился Витовту, который нашел его наилучшим кандидатом в митрополиты для Великого Княжества Литовского.

Но перед Витовтом стоял весьма важный вопрос, каким образом добиться поставления Григория в сан митрополита. Обращаться к патриарху по этому делу ему не хотелось по двум причинам: во-первых, чувствовал сильную обиду на патриарха за отказ возвести Феодосия в сан митрополита, а во-вторых, не имел никакой уверенности в том, что новое ходатайство будет удовлетворено. Для решения этого вопроса он созвал собор всех епископов Великого Княжества Литовского и Галичины.

Собор был назначен на осень 1414 года в г. Наваградке. При открытии собора Витовт произнес речь, в которой сказал: “Жаль мне смотреть на все это, что чужие люди станут толковать: “Вот государь не той веры, так и Церковь оскудела; так чтоб этих толков не было, а дело явное, что все нестроение и запущение Церкви от митрополита, а не от меня.” Епископы отвечали: “Мы и сами не в первый раз слышим и видим, что Церковь

⁸⁷ Карташев, I, стр. 341.

скудеет, а император и патриарх строителя доброго к нашей Церкви не дают... Пошлем еще раз в Царьград к императору и патриарху.”⁸⁸ Витовт согласился с епископами.

Решено было послать в Константинополь кандидата в митрополиты Григория Цамблака и послов от Витовта. Но когда посланные прибыли в Константинополь, то там уже побывали послы от митрополита Фотия с жалобами на Витовта. Хотя патриарх Евфимий II был недоволен поведением великого князя литовского, его послов он принял, но от рупкоположения Григория отказался.

Разгневанный Витовт постановил действовать более решительно для достижения своей цели. В середине 1415 года он созвал вторично собор епископов и потребовал возведения в сан митрополита Григория Цамблака без патриаршего согласия. Съехавшиеся епископы пытались представить Витовту канонические возражения, но раздраженный князь, по словам летописца, сказал им: “Аще не поставите ми митрополита в моей земли на Киев, то зле умрете.” Однако, уступая просьбам епископов, он согласился на предложение сделать еще одну попытку получить патриаршее благословение. Снова были отправлены послы к патриарху с грамотами, которым был указан срок для ответа, именно — Ильин день, т.е. 20 июля, а последний срок — Успение, т.е. 15 августа того же 1415 г., но по просьбе патриарших послов, присутствовавших в то время в Наваградке на обратном пути из Москвы, продлили срок до Филиппового дня, т.е. 14 ноября.⁸⁹

Прошли все сроки, а согласие патриарха не было получено. Тогда Витовт опять созвал Собор епископов и предложил им посвятить Григория в сан митрополита без патриаршего благословения. Епископы согласились. В середине ноября, по мнению историков, 15 ноября 1415 г., в гор. Наваградке была совершена хиротония во епископа архимандрита Григория Цамблака с возведением его в сан митрополита. Это был смелый акт, совершенный епископами при воздействии светской власти. С государственной точки зрения этот акт был необходим, но канонически не может быть оправдан.

Епископы сознавали свою неправоту и для оправдания себя издали окружное послание, в котором обвиняли митрополита Фотия в том, что он забирает доходы с церкви из Великого Княжества Литовского в другое государство, туда, где живет. Поэтому они, по совету великого князя, князей, бояр, вельмож, архимандритов, игуменов, иноков и священников, возвели Григория в сан митрополита, руководствуясь Апостольскими правилами и прежним примером русских епископов, которые при великом князе Изяславе сами поставили митрополита Клина, а также примером единоплеменных болгар и сербов. “Этим поступком, — писали они, — мы не отделяемся от Восточной Церкви, продолжаем почитать патриархов восточных, митрополитов и епископов отцами и братьями, согласно с ними держим исповедание веры, хотим избежать только насилий и вмешательства мирского человека, симонии и всех беспорядков, которые происходили недавно, когда Киприан, Пимен и Дионисий спорили о митрополии.”⁹⁰ Послание подписали восемь епископов: полоцкий, черниговский, луцкий, владими́ро-во́лынский, перемышльский, холмский, туровский и смоленский. Галичская митрополия и епископия в то время уже не существовала, так как была закрыта польским королем.

Витовт не оставил без внимания это важное государственное событие. Он издал окружную грамоту, в которой указал те же причины посвящения Григория в митрополита, что и епископы. В заключительной части грамоты он писал: “Пишем вам, чтоб вы знали и

⁸⁸ Соловьев, III-IV, стр. 574-575.

⁸⁹ Там же; Карташев, I, стр. 342-343; Филарет, стр. 301.

⁹⁰ Соловьев, III-IV, стр. 575.

ведали, как дело было. Кто хочет по старине держаться под властью митрополита киевского — хорошо, а кто не хочет, то как хочет, знайте одно: мы не вашей веры, и если б мы хотели, чтоб в наших владениях вера ваша истреблялась и церкви ваши стояли без устройства, то мы бы ни о ком и не хлопотали; но когда митрополита нет или епископ, который умрет, то мы бы заместника своего держали, а доход церковный, митрополичий и епископский себе бы брали. Но мы, желая, чтоб ваша вера не истреблялась и церквам вашим было устройство, поставили собором митрополита на Киевскую митрополию, чтоб русская честь вся стояла на своей земле.”⁹¹

Дело Григория Цамблака сильно огорчило митрополита Фотия. Он написал к православному Великому Княжеству Литовского послание, в котором в сильных выражениях порицал митрополита Григория и епископов, его посвятивших. Он сообщал, что Григорий ездил в Константинополь для поставления в митрополиты, но там его лишили сана и хотели казнить, и он спасся лишь бегством. При этом Фотий увещевал православных не общаться с Григорием и своими епископами, учинившими разделение в Церкви.⁹² Послание это не нашло отклика в Великом Княжестве Литовском.

Оскорбленные выступлением митрополита Фотия епископы Литовской митрополии составили новое послание и разослали его для общего сведения. Обращаясь прямо к митрополиту Фотию, они писали: “Бывшему до сих пор митрополиту Киевскому и всея Руси Фотию мы, епископы Киевской митрополии, пишем по благодати Святого Духа: с тех пор, как ты пришел, видели мы, что многое делаешь ты не по правилам апостольским и греческим, а мы по правилам терпели (тебя) как своего митрополита и ждали от тебя исправления; но мы услышали о тебе и уверились о некоторой вещи, которая не только не по правилам, но и подвергает тебя извержению и проклятию, и ты сам сознаешься в этом, испытав свою совесть, а мы не пишем о ней, не желаем срамить себя; итак, объявляем тебе, что по правилам не признаем тебя за епископа, и это есть наше конечное к тебе слово.”⁹³ Этим посланием епископы обличили митрополита Фотия в каком-то срамном грехе. Это послание свидетельствовало о полном разрыве между митрополитом Фотием и епископами Литовской митрополии.

Митрополит Фотий не остался в долгу перед епископами. Опозоренный ими перед лицом паствы, он написал окружное послание, в котором щедро осыпал ругательными словами епископов, называя их “гнусными, скверными, смрадными, окаянными, неосвященными, помраченниками, волками, богоненавистными, безбожными.”⁹⁴ Почему-то с особой силой обрушился он на полоцкого епископа Феодосия. Обращаясь к нему прямо, пишет: “Рцы ми, прельщенный не-епископе полочьски Феодосие: по преставлении святого почившаго митрополита Киприана не ти ли был, погыбелище, шел на митрополию? И ты сам окаянне веси, елика еси порекл сребра и золота о том ставлении; аще бы еже по мзде деемо было се, а тебе же бы не отослали бездельна, но с уничижением великим и студом отослаша... Да и еще поискал, — писал дальше митрополит, — прельщенный Григорьи и порицая многая имения, и не послуша его, но и еще из сану священничества изверже его Вселенский патриарх и прокля и едва убежа казни.”⁹⁵

Митрополит Фотий был греком и, вероятно, русского языка не знал. Послание же его составил или перевел некий досужий московский писец или инок, которое подписал

⁹¹ Там же, стр. 575-576; Данилович, стр. 234-238.

⁹² Соловьев, III-IV, стр. 576.

⁹³ Карташев, I, стр. 343.

⁹⁴ Там же, стр. 343-344.

⁹⁵ Там же, стр. 344.

митрополит, не понимая смысла отдельных ругательных и оскорбительных слов. Этим только и можно объяснить весьма резкий тон митрополичьего послания.

В архиве Константинопольской патриархии не сохранилось упоминаний о том, что Григорий был извержен из священного сана Константинопольским патриархом. Сообщил об этом только митрополит Фотий, который был заинтересованной стороной. Он мог использовать этот аргумент, чтобы вызвать более сильный эффект среди православных Великого Княжества Литовского и вооружить их против митрополита Григория. Несомненно, что патриарх не признал митрополита Григория, как избранного без его воли и утверждения на Литовскую митрополию.

В русской исторической церковной литературе сложилось мнение, что митрополит Григорий Цамблак скончался в 1419 или в начале 1420 года, но летописных указаний об этом не сохранилось. Нигде не указано место его смерти и погребения. Некоторый свет на эти события проливают румынские летописи, которые говорят о переселении Григория Цамблака в Молдавию и продолжают его биографию там. Румынские историки считают этот факт достоверным. В русской исторической науке этот вопрос не был исследован в достаточной степени. Русские историки не интересовались судьбой митрополита Григория и очень мало о нем писали, считая его церковным мятежником. Впервые занялся исследованием жизни и деятельности этого святителя доцент Санкт-Петербургского университета А.И. Яцимирский, который написал об этом ученую диссертацию, напечатанную в 1904 году. Яцимирский установил на основании записей схимонаха Нямецкого монастыря в Молдавии Гавриила, что под именем этого схимника скрывался сам митрополит Григорий Цамблак. В Нямецком монастыре он принял великую схиму под именем Гавриил и прожил там более тридцати лет, трудясь на книжно-просветительном поприще. В этом монастыре он умер около 1452 года на 88 году жизни.⁹⁶

Признавая это утверждение Яцимирского достоверным, остается великой тайной, что побудило митрополита Григория оставить свою митрополию и затвориться в молдавском монастыре на всю жизнь. Разгадкой этой тайны могут служить следующие предположения. Первое, что он действительно был лишен сана патриархом и подчинился этому патриаршему наказанию. Второе, что он тяготился своим пребыванием на митрополичьей кафедре в Наваградке, перенося грубые оскорбления со стороны московского митрополита Фотия и наветы того же митрополита на него патриарху. Третье, что Витовт помирился с митрополитом Фотием и отдал ему все епархии в Великом Княжестве Литовском.⁹⁷ Можно считать более достоверным второе предположение, особенно если принять во внимание, что его не признавал и считал незаконным патриарх, что сильно вредило авторитету митрополита.

Митрополит Григорий в 1418 году, вскоре после своего избрания, ездил на католический собор в Констанцу. Его сопровождали туда четыре епископа и большая свита. Он присутствовал на соборе не по своей воле, а по желанию и настоянию Витовта, который надеялся, что там будет решен вопрос о соединении Церквей. В Констанце Григорий отказался принимать католичество и признавать Римского папу.

Церковный историк архиепископ Макарий считал митрополита Григория преданным сыном Православной Церкви и чуждым латинству во всех его формах. Другой историк, проф. Голубинский, придерживался мнения, что Григорий занимает почетное место в русской истории и в истории славянской литературы, хотя приписывал ему склонность к

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Там же; Филарет, стр. 302.

карьеризму. Зато новейший церковный историк Карташев был о нем очень плохого мнения, считая авантюристом и беспринципным интриганом. Мнения первых двух историков представляются более справедливыми.

Митрополит Герасим.

После митрополита Григория Литовская митрополия опять осталась без митрополита. К этому времени наладились добрые отношения Витовта с Москвой, где княжил его зять великий князь Василий Дмитриевич. Этим воспользовался митрополит Фотий и подчинил себе епархии Литовской митрополии, так как Витовт больше не интересовался православными церковными делами. В своем окружном послании митрополит Фотий писал по этому поводу следующее: “Христос, устрояющий всю вселенную, снова древним благолепием и миром Свою Церковь украсил и смирение мое в Церковь Свою ввел советованием благородного, славного великого князя Александра (Витовта).”⁹⁸ В 1421 году он уже беспрепятственно разъезжал по городам Великого Княжества Литовского, посещая Вильно, Наваградак, Владимир-Волынский, Галич, Львов и другие. Епископы Литовской митрополии ему покорились. Острая полемика, которая велась между этими епископами и митрополитом Фотием в посланиях по поводу поставления ими Григория в сан литовского митрополита, была забыта. В 1430 году митрополит Фотий вторично посетил Вильно с молодым внуком Витовта великим князем московским Василием Васильевичем. В июне 1431 года он скончался, Русской Церковью причислен к лику святых.

После кончины митрополита Фотия в Москве избрали на митрополичий престол рязанского епископа Иону. В это время в Московском государстве происходила большая смута из-за обладания великокняжеским престолом, и Иона не смог поехать в Константинополь для поставления в сан митрополита. Этим воспользовался великий князь литовский Свидригайло, изгнанный польским королем Ягайло из Вильно, и послал в Константинополь смоленского епископа Герасима для возведения в сан митрополита для Великого Княжества Литовского. Константинопольский патриарх Иосиф возвел его в сан в 1433 году. Герасим остался жить в своем епархиальном городке Смоленске. По предположению Карташева, Герасим был поставлен митрополитом всея Руси.⁹⁹ Он не поехал в Москву, а остался жить в Смоленске по причине происходивших смут.¹⁰⁰

В надежде приобрести расположение папы Евгения IV и получить от него помощь для борьбы с Ягайло Свидригайло склонил митрополита Герасима принять церковную унию с Римом. Латинский епископ Самогитии (Литва) и какой-то сановник сообщили папе, что Герасим соглашается принять унию. В ответ на такую радостную весть папа написал письмо Герасиму, величая его “достопочтенным братом нашим Герасимом, архиепископом провинции русской.” Папское письмо было помечено ноябрем 1434 года. Тогда же папа благодарил в особом письме Свидригайло за его усердие в деле “унии русского народа.”¹⁰¹ Папа не оказал помощи Свидригайло, и вопрос об унии заглох.

Жизнь митрополита Герасима закончилась весьма трагически. Свидригайло, заподозрив Герасима в сношениях со своими врагами, приказал сжечь митрополита в Витебске в 1487 году. В летописи, опубликованной Даниловичем, говорится: “На третье лето к. в. Свидригайло созже митрополита Герасима... и за то Бог не пособи князю Свидригайлу,

⁹⁸ Соловьев, III-IV, стр. 576-577; Филарет, стр. 302, примеч. 6.

⁹⁹ Филарет, стр. 302; Карташев, I, стр. 348.

¹⁰⁰ Филарет, стр. 302, примеч. 7.

¹⁰¹ Арсений “Летопись,” стр. 533, примеч.

что созже митрополита Герасима.”¹⁰² Жестокая расправа с митрополитом оттолкнула от Свидригайло князей, переставших помогать ему в войне с Ягайло, вследствие она была проиграна.

Кафедра литовских митрополитов.

Считается исторически установленным фактом, что постоянное местожительство литовских митрополитов находилось в городе Новогородке или Наваградке (Новогрудке). Этот город был древней столицей Великого Княжества Литовского. Хотя позднее государственная столица была перенесена в Вильно, преимущество Наваградка сохранялось и дальше.

О местожительстве митрополитов в Наваградке сохранились исторические сведения. Кроме того, в этом городе поныне существует район, который называется местным городским населением “Митрополией.” На самом возвышенном месте этого района стоит старинная Борисоглебская церковь, которая была кафедральным собором митрополита. В течение многовекового существования Борисоглебская церковь подвергалась архитектурным изменениям и переделкам, но стены ее сохранились в первоначальном виде. Позднее эта церковь была приходской, в ней собирались на богослужения православные жители пригородных деревень.

Когда-то при этой церкви находился монастырь, служивший резиденцией митрополитов. Монахи монастыря обслуживали митрополичий кафедральный собор и митрополичьи палаты. Об этом монастыре упоминается в летописях. В униатское время монастырь был обращен в женский и впоследствии закрыт. Сведений о нем не сохранилось.

Митрополичья кафедра была наделена большими земельными угодьями. Эти угодья и денежные вклады богатых жертвователей давали средства на содержание митрополита и его двора: духовенства и служащих. Духовенство соборной церкви называлось “крылосом” и помогало митрополиту в управлении церковными делами. Светские лица исполняли должности в митрополичьих палатах.

Из Наваградка митрополиты часто ездили по церковным делам в Вильно, где жили великие князья литовские. В Вильно они останавливались на долгое время. Кафедрой митрополита в этом городе был Пречистенский собор, основанный великим князем литовским Ольгердом и его супругой Иулианией, которые впоследствии в этом соборе были похоронены. В 1495 году великая княжна московская Елена, прибыв из Москвы, “первее прииде к церкви Пречистыя Богородицы нашего греческаго языка и ту молебны пеша, и поиде оттуду к венчанию с великим князем Александром.”¹⁰³ В этом соборе она была похоронена в 1513 году.

Литовские митрополиты имели свою епархию, которой управляли сами или при посредстве своих наместников, например, в Вильно. В состав митрополичьей епархии входили западные области Беларуси — воеводства Виленское, Наваградское и Троцкое. В ведении литовского митрополита находились и церкви в Галиче и Подолии, когда там не было своего епископа. В старом документе говорится о Галичской епископии следующее: “И тот столец сгинул на много лет. И на том стольци Галичском учинено есть арцибискупство латинское: которыи были места в Галичу, то все отобрали и на том фундовали арцибискупство.”¹⁰⁴ Римо-католическое архиепископство было учреждено здесь папой

¹⁰² Филарет, стр. 302-303, примеч. 7; Данилович, стр. 53, 58, 56-66.

¹⁰³ Чистович, 1, стр. 122.

¹⁰⁴ Там же, стр. 178.

Григорием XII в 1375 году. Последним галичским митрополитом и епископом был Антоний.

Пределы Литовской митрополии изменялись в зависимости от того, какие епархии к ней принадлежали. С самого начала учреждения в 1316 году она состояла из указанной выше митрополичьей епархии и полоцкой епископии. Когда Галичская митрополия была без своего митрополита, а позднее закрыта, власть литовских митрополитов распространилась на епархии этой митрополии, именно Галичскую, Перемышльскую, Холмскую, Луцкую, Владимиро-Волынскую и Туровскую. Вместо Галичской епархии в 1552 г. была открыта Львовская. К Литовской митрополии принадлежали епархии Смоленская и Черниговская, так как эти области входили в состав Великого Княжества Литовского.

Литовские митрополиты считали своей кафедрой Киев и титуловали себя митрополитами киевскими. Но этим титулом величались также митрополиты, жившие в Москве. Происходило неканоническое дублирование титула разными митрополитами, подчиненными Константинопольскому патриарху. По поводу титула и владения Киевом происходили затяжные споры между двумя митрополитами: литовским и московским. Назначая литовских митрополитов, Константинопольские патриархи не интересовались их титулом и не давали указаний об этом при назначении.

Но согласно древней установившейся христианской практике, литовские митрополиты должны были титуловаться “Новгородскими” или “Наваградскими,” по месту жительства и пребывания кафедры. Все епископы, митрополиты и патриархи первенствующей христианской Церкви получали церковный титул от города, в котором учреждена была их кафедра и где сами жили, как, например: от Рима — римский, от Константинополя — константинопольский, от Александрии — александрийский, от Иерусалима — иерусалимский, от Афин — афинский, от Киева — киевский, от Наваградка — наваградский. Если в актах Константинопольской патриархии встречается название “Митрополит литовский,” то слово “литовский” взято от Великого Княжества Литовского, для которого митрополит был поставлен. Для связи с историческим титулом митрополитов следовало бы называть “Литовско-Наваградскими.”

3. Литовская митрополия.

Митрополит Исидор — насадитель унии.

В 1437 году в Константинополе посвятили на кафедру киевских и всея Руси митрополитов игумена греческого монастыря Исидора. В Москву он прибыл на Светлой седмице в том же году.

По прибытии он вскоре начал собираться к отъезду на Ферраро-Флорентийский католический собор, созванный папой Евгением IV для обсуждения вопроса о соединении Церквей Православной и Римо-Католической. Великий князь московский Василий Васильевич пытался отговорить Исидора от этой поездки, но когда это не удалось, сказал на прощание: “Смотри же, приноси к нам древнее благочестие, какое мы приняли от прародителя нашего Владимира, а нового, чужого не приноси, если же принесешь что-нибудь новое и чужое, то мы не примем.”¹⁰⁵

¹⁰⁵ Соловьев, III-IV, стр. 577.

Исидор выехал из Москвы на собор 8 августа 1437 года в сопровождении свиты из ста человек. Обоз везли 200 лошадей. При Исидоре в свите был суздальский епископ Авраамий с иеромонахом Симеоном. Ехали через Тверь, Новгород, Псков, Дерпт (Юрьев), Ригу, Балтийским морем до Любека, а затем через Германию, Лейпциг, Аугсбург и Тироль. Новгородская летопись под 1437 годом сообщает: “Той осени прииде с Москвы в Новгород митрополит Сидор гречин октября в 9-ый день, и почестиша его владыка, и посадники, и бояре, и купцы, весь великий Новгород, и на зиме поеха митрополит в Псков к Царюграду.”¹⁰⁶

На соборе во Флоренции Исидор оказался самым деятельным сторонником унии с Римом. Он подписался под актом этой унии 5 июля 1439 года со следующими словами: “Соглашаясь и одобряя, подписую, Исидор, Митрополит Киевский и всея Руси, заместитель Апостольской столицы Святейшаго Патриарха Антиохии Дорофея.”¹⁰⁷ Когда епископ суздальский Авраамий не соглашался подписать этот акт, то Исидор “я (взял)”¹⁰⁸ от его и всади в темницу, и седе неделю полну, и тако тому подписавшуся не хотением, но ну-жею.”

С Флорентийского собора Исидор возвратился со своей свитой в Москву перед самой Пасхой 1441 года. За усердие к делу унии Римский папа наградил его саном кардинала-пресвитера и званием “легата от ребра апостольскаго для провинций Литвы, Ливонии, всей России и Польши.”¹⁰⁹ По пути он посетил города Великого Княжества Литовского и Галичины: Перемышль, Галич, Львов, Владимир-Волынский, Луцк, Вильно, Полоцк, Туров и Киев. Везде он останавливался, служил в церквах и католических костелах, поминал папу; пред ним несли католический кардинальский крест.

Москвичи, услышав, что протодиакон Исидора читал с церковного амвона акт Флорентийской унии и что сам Исидор подчинился папе, сильно вознегодовали и заволновались. Великий князь Василий Васильевич назвал его “латинским ересным прелестником” и волком, велел свести его в Чудов монастырь и там посадить под стражу, а сам созвал Собор епископов и игуменов для рассмотрения Исидорова дела.¹¹⁰ Собор обличил Исидора в ереси и низложил его. В Москве не хотели возиться с ним и позволили ему бежать из монастыря. В ночь 15 сентября он бежал в Тверь, а оттуда в Великое Княжество Литовское к великому князю Казимиру. По свидетельству летописца, Исидор “поехал в Литву к Казимеру в Новый Городок (Наваград) и пробыв тамо поиде к Риму.”¹¹¹ Униатское дело на Руси потерпело полное поражение.

Литовская митрополия под властью митрополита Ионы.

После изгнания Исидора в Москве возвели на митрополичий престол всея Руси рязанского епископа Иону, которого избрали на этот престол десять лет тому назад — в 1433 году. Митрополит Иона не поехал в Константинополь к патриарху для поставления, потому что москвичам было известно, что Константинопольский патриарх и византийский император приняли унию. Возведение Ионы на митрополичий престол состоялось в декабре 1448 года. С этого времени в Москве начали избирать и посвящать в сан митропо-

¹⁰⁶ Иларион, стр. 281.

¹⁰⁷ Там же, стр. 293.

¹⁰⁸ От славянского “поять” – взять. *Прим. ред.*

¹⁰⁹ Филарет, стр. 362, примеч. 161; Карташев, 1, стр. 354.

¹¹⁰ Соловьев, III-IV, стр. 578; Филарет, стр. 363.

¹¹¹ Филарет, стр. 363, прим. 164.

литов без Константинопольского патриарха. 1448 год считается началом независимого от Константинополя, автокефального существования Русской Православной Церкви.

В то время Литовско-Наваградская и Галичская митрополия не имели своих митрополитов. Митрополит Иона поспешил в Великое Княжество Литовское, чтобы объединить все епархии под своим началом. Ему благоприятствовали в этом мирные отношения между Москвою и Великим Княжеством Литовским. Митрополит Иона написал два послания: одно ко всем князьям, панам, боярам, наместникам, воеводам и всему “купно литовско-галицкому людству,” а второе к киевскому князю Симеону Александровичу Олельковичу. К епископам западно-русских провинций он не обращался, считая их уже своими. Вслед за посланиями митрополит поехал в Киев, посетил Галич, Львов, Вильно и Наваградак. Это путешествие помогло ему закрепить свою власть в этих областях. Польский король и великий князь литовский признал за ним право на “столец митрополичь киевский и всея Руси, как первие было по установлению и обычаю рускаго христианства” и в 1451 году выдал ему об этом свою грамоту-привилегию,¹¹² охранявшую его права в Великом Княжестве Литовском.

Униатский митрополит Григорий Болгарин.

Мирное правление митрополита Ионы было нарушено Римом. В 1458 году униатский патриарх Григорий Маммас, изгнанный православными греками из Константинополя за принятие им Флорентийской унии и поселившийся в Риме, рукоположил в сан митрополита “Киевскаго, Литовскаго и всея Руси” Григория Болгарина, ставленника Исидора.¹¹³ Папа Пий II утвердил его своей грамотой от 11 сентября 1458 года.¹¹⁴ Снабженный грамотами папы и униатского патриарха, Григорий Болгарин прибыл в Вильно и Наваградак. Он привез от папы письмо к польскому королю Казимиру, в котором папа писал, что все русские в его королевстве отнимаются от “злочестивого монаха Ионы” и передаются униату Григорию. Папа повелевал королю не впускать митрополита Иону в Великое Княжество Литовское и Польшу, а если он или кто иной от него появится в этом княжестве, то “чтоб король приказал схватить, заковать в оковы и бросить в тюрьму.” Он повелел также привести всех западно-русских епископов, священников и весь народ в послушание Григорию. “А кто будет этому противиться, — писал папа, — таковых подвергнуть тяжелым пыткам.”¹¹⁵

Король ревностно старался выполнить повеление папы. По его приказу во всей Беларуси, Вольни, Холмщине, Галичине и Киевщине поднялась волна жестокого насилия над православными. Королевские власти принуждали силой православных епископов, священников, монахов и народ подчиниться Григорию. В старинной летописи говорится об этом следующее: “При сем митрополите (Ионе) в Киеве отняся стол от русских митрополитов. Прииде бо из Риму Григорий митрополит и седе на Киеве и прият его король и с ним 8 епископов литовских.”¹¹⁶ Митрополит Иларион пишет: “Римский митрополит Григорий поднял злую бурю на Руси, началось гонение на духовенство и народ. Но все следования ничего не помогли: народ бойкотировал Григория Болгарина, и мира в Церкви не было.”¹¹⁷

¹¹² Каргашев, I, стр. 364.

¹¹³ Барсов, стр. 416.

¹¹⁴ Макарий, VI, стр. 36.

¹¹⁵ Иларион, стр. 316.

¹¹⁶ Макарий, IX, стр. 25; его же, VI, стр. 45.

¹¹⁷ Иларион, стр. 316-317; Макарий, IX, стр. 26.

Против Григория выступил митрополит Иона, вооруженный силой своего авторитета. Он разослал свое послание ко всем епископам Великого Княжества Литовского, горячо увещевая их не признавать униата и не подчиняться ему. В Москве 13 сентября 1459 года он созвал собор епископов, на котором было составлено соборное постановление против Григория. Великий князь московский Василий Васильевич со своей стороны написал письмо к королю Казимиру, прося его не преследовать православных и не принуждать их подчиняться Григорию. Король не обращал внимания на письмо московского великого князя и продолжал свое униатское дело. Он так воспламенился ревностью к делу насаждения унии, что в ответном письме к Василию Васильевичу предлагал признать и принять униата Григория митрополитом в Москве вместо престарелого митрополита Ионы.¹¹⁸

Десять лет свирепствовала униатская буря в Беларуси и во всем Великом Княжестве Литовском. Но народ твердо стоял в православной вере и унию не принял. Православные епископы подчинились митрополиту-униату под давлением короля. Только один черниговский епископ не признал униата и уехал в Москву, оставив свою епархию. Король досадовал на то, что уния не имела успеха среди православных. В 1468 году он писал папе Павлу II, что в Великом Княжестве Литовском обитает великое множество “еретиков и схизматиков,” и число их со дня на день возрастает. Король просил папу прислать монахов, чтобы уговорами обращать русинов и белорусов в унию, потому что силой с ними ничего нельзя сделать. Папа прислал монахов бернардинов, которые в 1469 году основали свой монастырь в Вильно и повели агитацию в пользу унии и латинства.¹¹⁹

Митрополит Григорий вскоре убедился, что его акция насаждения унии безнадежна. Он был митрополитом, но без народа и духовенства. Такое положение становилось ему в тягость. Он решил отречься от унии и возвратиться в лоно Православной Церкви, от которой отпал. В 1469 году он послал своего доверенного посла Мануила к Константинопольскому патриарху с просьбой принять его и утвердить на киевском митрополичьем престоле. Ходатайство он подкрепил богатыми подарками. Но в то время на патриаршем престоле происходили частые перемены патриархов. Патриарх Марк II Ксилокарав не принял подарков от Григория и отказался дать ему свое благословение.¹²⁰ В 1472 году патриарх Дионисий утвердил Григория.¹²¹ Митрополит Григорий вскоре после своего утверждения умер и был похоронен в Наваградке как православный митрополит. Архиепископы Макарий и Филарет указывают год его кончины 1473, проф. Карташев — 1475 год. Это расхождение роли не играет. Архиепископы более близки к точной дате смерти, потому что ссылаются на старинные документы.

Разделение Русской Церкви на две митрополии.

Прибытие митрополита Григория Болгарина в пределы Великого Княжества Литовского внесло новый порядок в церковную жизнь. С этого времени начался новый период независимого от Москвы существования Литовской митрополии. В летописи по этому случаю говорится: “И оттоле разделися митрополия: король сего прия Григория, а князь велики (московский) не восхоте; и оттоле сотворишася два митрополита на Руси, един на Москве, а второй в Киеве.”¹²² Эта летопись подтверждает факт разделения Русской Православной Церкви на две митрополии: Московскую и Киевскую или Литовско-

¹¹⁸ Макарий, VI, кн. 1, стр. 39; Карташев, I, стр. 363.

¹¹⁹ Макарий, IX, кн. IV, стр. 26; Иларион, стр. 317.

¹²⁰ Макарий, IX, стр. 37.

¹²¹ Там же.

¹²² Макарий, VI, стр. 45.

Наваградскую. Это событие имело очень важное значение в истории Православной Церкви на Руси.

Московская митрополия отделилась от юго-западных областей Руси, находившихся в Великом Княжестве Литовском, и создала свою автокефальную Церковь. В составе этой митрополии остались все епархии Московского государства, вследствие чего она стала митрополией этого государства. Московские митрополиты отказались от митрополичьего киевского титула и начали именоваться митрополитами московскими и всея Руси. Фактически таковыми они были в продолжение двухсот лет со времени переселения их предшественников из Киева во Владимир-на-Клязьме, а потом — в Москву. Когда в январе 1589 года в Москве было учреждено патриаршество, патриарший титул стал: “Патриарх Московский и всея Руси.” Московские митрополиты и патриархи не простирали более своей власти на Киев и юго-западные русские епархии, оставив их в покое и занимаясь устройением церковной жизни в Московском государстве.

По поводу отделения Московской митрополии от Киева проф. Карташев в своем труде цитирует документ, который был подписан епископами митрополии на соборе в Москве, созванном митрополитом Ионой в конце 1459 года, когда началась борьба с унитарским митрополитом Григорием, утвердившимся в Великом Княжестве Литовском. Суть документа в том, что епископы давали письменное обещание, своего рода присягу, что они будут “неотступными от Святой Церкви Московской, от митрополита Ионы и во всем повиноваться ему, а по отшествии его к Богу, повиноваться его законным преемникам; к отступнику же от православной веры, Исидорову ученику Григорию, отлученному от Святой Соборной Церкви, нам, архиепископам и епископам Русской митрополии не приступать, грамот от него никаких не принимать и совещаний с ним не иметь ни о чем.”¹²³

Приводя этот документ, Карташев дает следующее пояснение: “В этом документе в первый раз говорится о Русской Церкви, как “Церкви Московской.” Такое название Восточно-Русской Церкви особенно характерно в данный момент разделения митрополии, так как окончательное их распадение произошло именно от того, что Русская митрополия сделалась Московской... Теперь, когда с митрополита Ионы начинается на Руси ряд митрополитов, избираемых и поставляемых в Москве, преимущественно по воле одного московского князя, причем митрополит не только оставался жить в Москве, но и был московским подданным, — политика литовско-польских государей уже никак не могла мириться с таким положением дел, и разделение Русской митрополии должно было произойти неизбежно.”¹²⁴

Разделение митрополии стало окончательным завершением продолжительной борьбы православных Великого Княжества Литовского и Галичины за независимое от Москвы существование своей Церкви. В этой борьбе превалировал мотив политический, чисто государственный. Главными инициаторами и действующими лицами были великие князья литовские и короли польские. Они не могли допустить, чтобы их православные подданные находились в подчинении иностранного митрополита, жившего в Москве, которая часто враждовала с Великим Княжеством Литовским и вступала с ним в войну. Эти политические мотивы побуждали великолитовских государей настойчиво домогаться от Константинопольского патриарха назначения для их государства особого митрополита, подчиненного не Москве, а Константинополю. Православный епископат играл пассивную роль. Он вовлекался в борьбу по мере необходимости: в решительные моменты, когда его

¹²³ Карташев, I, стр. 365.

¹²⁴ Там же, стр. 365-366.

помощь была крайне необходима и могла быть действенна, как, например, при избрании и поставлении литовского митрополита Григория Цамблака.

С другой стороны, московские митрополиты не уступали своих прав на управление Киевом и православными в Великом Княжестве Литовском и сильно противодействовали учреждению и существованию здесь митрополии. Они заботились о единстве Русской Церкви и оберегали целостность древней Киевской митрополии, которую возглавляли. С канонической точки зрения это была обязанность митрополита всея Руси. Но назначение особого митрополита для Великого Княжества Литовского и отделение православных этого государства от Москвы зависело от Константинопольского патриарха с синодом, как канонического главы Русской Православной Церкви.

Московские великие князья поддерживали своих митрополитов в их усилиях сохранить единство Киево-Русской митрополии по политическим соображениям. Юго-западные русские области представлялись им исконными вотчинами, которыми они стремились владеть. За обладание этими землями велись войны между Москвой и Великим Княжеством Литовским, а позднее — Польшей. Враждебные военные настроения углубляли рознь между государствами и отдаляли православных великолитовцев от митрополита в Москве.

Митрополит Григорий Болгарин, униат, был тем церковным деятелем, который помимо своей воли помог закрепить отдельное существование Литовской митрополии, оставшейся под властью и каноническим возглавлением Константинопольского патриарха. Митрополиты ее стали именоваться “киевскими,” позднее “киевскими и галицкими.” По старой традиции они называли себя митрополитами “киевскими и всея Руси.” Но митрополитами “всея Руси” они не были, как не были таковыми и митрополиты московские после разделения митрополии. Русь разделилась на две части: северо-восточную и юго-западную. В каждой части ее было свое государство и своя Православная митрополия.

Хотя православные митрополиты Великого Княжества Литовского титуловали себя “киевскими” и считали Киев своим столичным городом, жить продолжали в Наваградке, а в Киеве бывали редко; некоторые из них даже вообще туда не ездили. В Киеве сидели их наместники и управляли церковными делами от имени митрополита. При таком положении киевский титул имел для них лишь номинальное значение, связывающее с историческим прошлым. По местожительству они являлись митрополитами “наваградскими” или “литовско-наваградскими.” Об этом уже было сказано выше. Этот титул соответствует местопребыванию кафедры и древней церковной традиции.

Литовско-наваградские (киевские) митрополиты.

Со времени отделения московской митрополии от Киева начинается длинный ряд самостоятельных митрополитов Великого Княжества Литовского или так называемой Юго-Западной Руси. Архимандрит Киево-Печерской лавры Захария Копыстенский (ум. 1627 г.), перечисляя литовских (киевских) митрополитов после разделения митрополии, пишет: “По Ионе вступил на митрополию Киевскую Мисаил, пред тем епископ смоленский.”¹²⁵ О митрополите Григорие Болгарине не вспоминает, вероятно потому, что тот был униатом. Но фактически с него начинается ряд литовско-наваградских митрополитов. Он был первым независимым от Москвы митрополитом в Великом Княжестве Литовском после митрополита Герасима.

¹²⁵ Чистович, 1, стр. 136.

Митрополит Мисаил.

После кончины митрополита Григория на митрополичий престол в 1475 году был избран епископ смоленский Мисаил, родом из князей Пеструцких или Пестручей. Каким образом произошло его избрание в митрополиты, точно неизвестно. Судя по обычаю того времени, его избрали на соборе епископы, архимандриты, князья, бояре и знатная шляхта Великого Княжества Литовского. Польский король дал свое согласие на избрание Мисаила, но поставил условие, чтобы тот принял католическую унию. В угоду королю Мисаил послал папе Сиксту IV “эпистолию” или грамоту от 14 марта 1476 года, составленную весьма витиевато, многословно и туманно, в которой выражалась готовность принять унию, была жалоба на притеснения со стороны римо-католиков и просьба уравнивать его с латинскими епископами. Грамоту подписал Мисаил следующими словами: “Мисаил, священный епископ смоленский, елект на митрополию киевскаго престола и всея Росии,” или по другому списку: “Пречестный в Бозе отец, освященный епископ смоленский Мисаил, выбранный елект на митрополию киевскаго престола и всея Росии.” Вместе с ним подписали эту грамоту два архимандрита: Виленского Троицкого монастыря Макарий и Киево-Печерской лавры Иоанн, а также несколько мирян из знатных фамилий, именно: князь Феодор Бельский, князь Димитрий Вяземский, Ян Ходкевич — наместник витебский, великий гетман и маршалок Великого Княжества Литовского, его брат Павел — наместник каменецкий и другие. Содержание этого документа подробно описал архиепископ Макарий.¹²⁶

Папа получил письмо Мисаила, но ответа не дал. Был ли Мисаил униатом, неизвестно. Есть данные, что он управлял Литовско-Наваградской митрополией до своей смерти, как епископ смоленский и елект на престол Киевской митрополии. Кончина его последовала в 1480 году в Наваградке, где он жил в митрополичьем доме и где находилась его кафедра.¹²⁷ Константинопольский патриарх, узнавши о сношениях Мисаила с Римом, своего благословения на возведение его в сан митрополита не дал. Самовольно же Мисаил не пожелал именовать себя митрополитом.

Митрополит Спиридон Сатана.

В 1477 году, когда Мисаил управлял Литовско-Наваградской митрополией, Константинопольский патриарх Рафаил посвятил в сан митрополита Литовской митрополии монаха Спиридона, прозванного Сатаной за изворотливость и “резвость его.” Историки, основываясь на летописях, называют его “тверитянином,” т.е. уроженцем Твери. Когда Спиридон, после своего посвящения в митрополиты, появился в Великом Княжестве Литовском, король Казимир не только не признал за ним права на митрополию, но посадил в заточение, в котором тот оставался до 1482 года. Из своего заточения Спиридон отправил посланца в Москву с письмом к великому князю Ивану Васильевичу, прося его заступничества. В письме князю он пишет: “Я много мощей вез тебе от патриарха, но король все себе забрал.”¹²⁸ Москва каким-то образом вступилась за него. Выйдя на свободу из заточения, Спиридон написал послание к папстве под заглавием: “Изложение о православной, истинней нашей вере.” В послании он свидетельствует, что принял рукоположение и поставление на “киевскую митрополью всея Руси” в Царьграде от патриарха кир Рафаила и всего освященного собора святых митрополитов и боголюбивых епископов, упо-

¹²⁶ Макарий, IX, кн. IV, стр. 43-57.

¹²⁷ Арсений, “Летопись,” стр. 565; Макарий, IX, кн. IV, стр. 62.

¹²⁸ Карташев, I, стр. 551; Макарий, IX, стр. 63-64.

минает и о своих страданиях за правду во время пребывания в польском заточении. Он титуловал себя: “Спиридон, архієпископъ киевский и всеа Руси.”¹²⁹ Из Великого Княжества Литовского он прибыл в Москву, но там приняли его негостеприимно: заточили в Феррапонтов монастырь,¹³⁰ в котором он скончался.

Остается невыясненным вопрос, кто послал Спиридона в Константинополь и снабдил его деньгами для того, чтобы получить сан митрополита. Есть основание полагать, что сделала это Москва по каким-то своим соображениям. Когда же Спиридону не повезло в Великом Княжестве Литовском, и он оттуда бежал, Москва побоялась оставить его на свободе, чтобы он не предъявил притязаний на Московскую митрополию. Карташев замечает, что Москва таким образом защищалась не лично от Спиридона, а от Константинополя. И даже в архиерейскую присягу того момента внесено было следующее обещание: “отрицаюся (после Исидора и Григория Болгарина)... и Спиридона, нарицаемого Сатана, взывавшаго в Цареграде поставленія, в области безбожных турок поганого царя, такожде и тех всех отрицаюсь еже по нем, когда случится придти на Киев от Рима латинскаго или от Царьграда турецкия державы.”¹³¹ Москва опасалась вмешательства Константинопольского престола в дела Московской митрополии, которая самочинно отложила от него.

Митрополит Симеон.

С согласия польского короля православные великолитовцы избрали себе митрополитом Симеона, архиепископа полоцкого. На этот раз король не предъявлял своих условий новому митрополиту на принятие унии. Константинопольский патриарх Максим утвердил Симеона и прислал ему свой “благословенный лист,” в котором обращался не только к нему, но и ко всем епископам и всем православным. Патриаршее послание привезли два экзарха: митрополит енейский Нифонт и епископ ипанейский Феодорит, которые и совершили интронизацию нового митрополита вместе с епископами Литовской митрополии в Наваградке в 1481 году.¹³²

Во время управления митрополита Симеона крымский хан Менглигирей в 1482 году, в угоду московскому великому князю Ивану III, внезапно напал со своей ордой на Украину, ограбил и сжег Киев, взял множество пленных, в том числе архимандрита Киево-Печерского монастыря Феодосия Войколовича и киевского воеводу Ивана Ходкевича с семейством, ограбил Софийский митрополичий собор, а похищенные из него сосуды — золотой потир и дискос — отослал в Москву великому князю.¹³³

Митрополит Симеон святительствовал до 1488 года. По Супрасльской летописи он скончался в том же году. За год до своей кончины он посвятил в сан епископа владимирского и берестейского Вассиана.¹³⁴

Митрополит Иона Глезна.

После смерти митрополита Симеона православные обратились к королю с просьбой разрешить им избрать митрополита. Когда разрешение было получено, начались поиски кандидата в сан митрополита. Происходило “взыскание многое” по всем странам Великого Княжества Литовского. Нашли “мужа святаго, сугубо наказаннаго в писаниях, могу-

¹²⁹ Макарий, IX, стр. 65.

¹³⁰ Там же, стр. 64.

¹³¹ Карташев, I, стр. 551.

¹³² Макарий, IX, стр. 68.

¹³³ Там же, стр. 70-71.

¹³⁴ Там же, стр. 74.

щого и иных пользоваться и противящимся закону нашему сильнаго возбранителя,” Иону, архиепископа полоцкого. Избранный долго не соглашался, называл себя недостойным, но был “умолен просьбами князей, всего духовенства и людства, и подвигнут повелснiем господаря.” Все это православные изложили в письме к патриарху, умоляя его: “да учинит святыня твоя к нашему утверждению, ради теснящих нас в вере и да не умедлит от руки твоей мечь духовный отцу нашему, имъже оборонити нас.” В заключение они просили патриарха “внять писанию и не презреть их молений,”¹³⁵ т.е. утвердить на митрополии архиепископа Иону. В мае 1492 года архимандрит Слуцкого Троицкого монастыря Иосиф повез письмо патриарху. Прошло четыре года со смерти митрополита Симеона, когда наконец совершилось избрание Ионы и утверждение его на митрополичьем престоле. До получения патриаршего утверждения Иона управлял Литовской митрополией с титулом “електа” или нареченного митрополита. Он скончался в 1494 году.

Вскоре после утверждения Ионы митрополитом, в конце мая или в начале июня умер польский король Казимир. Церковная политика этого короля, после неудачных попыток введения церковной унии, отличалась толерантностью к православным. В Супрасльской летописи по поводу его смерти записано: “Преставися Казимир, король польский, Якгойлович, и вел. князь литовский и руский, справедливый, добрый, при митрополите киевском Ионе Глезне.”¹³⁶

Митрополит Макарий (Чорт).

В начале 1495 года на митрополитом был избран архимандрит Виленского Троицкого монастыря Макарий, по прозванию Чорт. На торжество его посвящения во епископа и поставления митрополитом собрались епископы: владимирский Вассиан, полоцкий Лука, туровский Вассиан, луцкий Иона; отсутствовали епископы: холмский, перемышльский и смоленский. После поставления послали к патриарху за благословением старца Дионисия и иеродиакона Германа. Посланцы из Константинополя возвратились только осенью следующего (1496) года, с ними прибыл посол от патриарха Нифонта, его келейный старец Иоасаф, который принес благословенные грамоты митрополиту Макарию, великому князю литовскому и княгине, епископам, князьям и боярам и всем православным христианам. Патриарший посол при вручении грамот сказал епископам, чтобы они впредь не поставляли митрополита без предварительно полученного благословения от патриарха.

Недолго суждено было святительствовать митрополиту Макарию. “В 1497 г., — говорится в Супрасльской летописи, — мая 1-го, на шестой недели после великаго дня (Пасхи) в понедельник, безбожные перекопские татары убили преосвященнаго митрополита киевскаго и всея Руси архиепископа Макария. Вторглись они в нашу землю скрытно от всех и настигли его в селе Стриголове на реке Бчиче за пять миль от Мозыря, из бывших с ним одних убили, а других взяли в плен.”¹³⁷

Митрополит Иосиф I Болгаринович.

Преемником митрополита Макария был епископ смоленский Иосиф Болгаринович. В Супрасльской летописи говорится, что “в лето 7006 (1498), месяца маиа в 30 день, индикта I, вел. князь Александр литовский даде митрополию киевскую и всея Руси Иосифу, епископу смоленскому, с епископиєю смоленскою.”¹³⁸

¹³⁵ Там же, стр. 75.

¹³⁶ Там же, стр. 79.

¹³⁷ Макарий, IX, стр. 83-84.

¹³⁸ Там же, стр. 89.

Иосиф происходил из шляхетской фамилии и имел родовое имение в Слуцком уезде. До своего епископства он был архимандритом и настоятелем Слуцкого Троицкого монастыря. В виду того, что в летописях не сказано об обычном избрании его собором епископов и духовенства на митрополию, следует предполагать, что это избрание провел единолично великий князь литовский Александр, ревностный католик, который воспламенился желанием насадить унию с Римом в Великом Княжестве Литовском, вдохновленный на это папой и иезуитами. Митрополит Макарий не согласился на унию. После его смерти Александр целый год искал подходящего кандидата в митрополиты, который бы согласился на унию. Пока митрополичья кафедра пустовала, митрополичьей епархией управлял епископ пинско-туровский Вассиан. Когда Иосиф согласился принять унию, великий князь Александр “даде” ему митрополию своей властью.

Патриарх Нифонт признал Иосифа митрополитом и написал ему свое послание 5 апреля 1498 года, величая его “благочестивым и боголюбивым Иосифом, братом и сослужителем, митрополитом киевским и всея России и в Литве.”¹³⁹ Нифонт не прислал своего экзарха для поставления Иосифа в сан митрополита. Но по особому ходатайству Александра патриарх Константинопольский Иоаким, прислал своего посла Авраамия, который вместе с епископами: полоцким Лукой, луцким Кириллом и туровско-пинским Вассианом 10 мая 1500 года поставил епископа смоленского Иосифа митрополитом киевским и всея Руси.

С самого избрания на митрополию Иосиф начал действовать в пользу унии, сперва секретно, конспиративно, но позднее уже открыто. В 20 августа 1500 г. он написал грамоту к папе Александру VI, по содержанию своему похожую на грамоту митрополита Мисаила к папе Сиксту IV 1476 года. Грамота написана многословно и витиевато. В ней содержались следующие обращения к папе: “я верую и исповедую, что ты пастырь всех верующих и глава Вселенской Церкви и всех святых отцов и патриархов... Пред тобою мы смиренно склоняем головы наши со всею покорностию доброй воли... желаем от твоей святости святейшаго благословения... Мы молим твою святость, будь милостив к нам... Мы уверены, повергаясь пред тобою на землю и целуя ноги твои, что ты исполнишь желание сердца нашего и утужишь нас, пребывающих в скорби и не отвергнешь прибегающего под твое покровительство.”¹⁴⁰ Содержание этого письма говорит само за себя.

Иосиф пытался совратить в униатскую веру супругу великого князя литовского Елену, дочь великого князя московского Ивана III. Но та решительно отклонила увещания Иосифа. В Москву поступали все новые известия о покушениях Иосифа, вместе с римокатоликами, к совращению православных. Князь Семен Бельский, бежавший из Великого Княжества Литовского в Москву, сообщал, что “на них, в Литве, пришла великая нужда о греческом законе: посылал-де вел. кн. Александр к своей вел. кн. Елене отметника (изменника) православныя веры Иосифа, владыку смоленскаго, да бискупа своего виленскаго и чернецов Бернардинов, чтобы приступила к римскому закону, да и к князьям руским посылал, и к виленским горожанам, и ко всей Руси, которые держат греческий закон, и нудят их приступить к закону римскому.”¹⁴¹

Князь Бельский поступил на службу к великому князю московскому. Вслед за ним перешли на сторону Москвы князья: Семен Иванович Можайский, Василий Иванович Шемяка, Трубчевские, Мосальские, Хотетовские и другие со своими богатыми поместьями

¹³⁹ Макарий, IX, стр. 93. В грамоте стояла дата 5 апр. 1497. Макарий установил, что эта дата униатами подделана.

¹⁴⁰ Там же, Стр. 101-102.

¹⁴¹ Макарий, IX, стр. 97.

ми. Александр выразил протест своему тестю против принятия князей в московское подданство. Начался спор между тестем и зятем, в результате чего великий князь московский объявил войну зятю своему великому князю литовскому Александру. В складной грамоте об объявлении войны писалось: “Вел. князь Александр по dokonчанью не правит, вел. княгиню Елену, князей и панов русских к римскому закону нудит; по этому вел. кн. Иван Васильевич складывает с себя крестное целование и за христианство хочет стоять, сколько Бог ему поможет.”¹⁴² Война действительно началась: 3 мая 1500 года московская рать вошла в пределы Великого Княжества Литовского и взяла Брянск, Путивль, Дорогобуж и др. города. 14 июля 1500 г. произошли бои великолитовских войск с московскими у реки Видроши. Московские войска одержали победу и взяли в плен великого гетмана литовского князя Константина Острожского и множество других вождей и панов.

В военной обстановке униатский пыл митрополита Иосифа Болгариновича и его латинских пособников сильно поостыл. Митрополит скоро скончался. По словам русской летописи, “на него Бог послал недуг — разслабу, и поставлен бысть на митрополию в том недуге, нездрав, и едино лето бив в том сану, и измениси живота.”¹⁴³ Его кончина последовала в середине или в последних месяцах 1501 года. С его смертью закончилось униатское дело.

Митрополит Иона II.

На престол митрополитов киевских (литовско-наваградских), по указанию вел. кн. Елены, ставшей польской королевой по мужу, был избран в 1503 г. архимандрит Минского Вознесенского монастыря Иона, бывший прежде священником. Польские и униатские писатели (Дубович, Кульчинский и Стебельский) говорят, что он прибыл с княжной Еленой из Москвы и был ее духовником. Был он человек простой, но строгий, честный и ревностный пастырь. Король Александр его утвердил. Благословение и поставление на митрополию было получено от патриарха Пахомия. Митрополит Иона скончался в 1507 году.

Митрополит Иосиф II Солтан.

Этот митрополит происходил из знатной фамилии Солтан. В 1502 году он был уже нареченным епископом смоленским. При осаде московскими войсками Смоленска показал свою верность королю Александру, за что получил в награду три имения, которые подарил Супрасльскому монастырю. В сан митрополита был избран в конце 1507 года или в январе 1508 года. В начале 1509 года патриарх Пахомий благословил его на митрополию. Уже в сентябре того же года он подписывал грамоты так: “волею Божию, Иосиф архиепископ, митрополит киевский и галицкий и всея Руси.”

Митрополит Иосиф Солтан был одним из достойнейших архипастырей. Свою архипастырскую деятельность на митрополичьем престоле он ознаменовал созывом церковного собора в Вильно. Собор открылся 25 декабря, т.е. на Рождество Христово 1509 года. Причины созыва собора он сам указал в речи перед его открытием: “С того дня, как, изволением Божиим я, недостойный, занял престол митрополии киевской и всея Руси и принял обязанность пасти Церковь Божию, отсекаль всякое преступление закона нашей православной веры и утверждать, по древнему обычаю, церковные уставы, я видел много нестроения и безчиния в духовенстве и много о том слышал... Все это мы должны исправ-

¹⁴² Там же, стр. 99.

¹⁴³ Там же, стр. 110.

лять и очищать по правилам святым, о всем должны скорбеть и болеть. Ибо какой прибыток получили мы чрез умножение наших грехов? Не разсеял ли нас Бог по лицу всей земли? Не разведены ли сыны и дщери наши во многия страны поморския, плененныя от поганых? Не взяты ли были грады наши; не пали ли сильные князья наши от острия меча; не запустели ли святые Божии церкви; не томимся ли всякий день от безбожных поганых агарян? Все это бывает нам за то, что мы ходим не по правилам святых апостолов и не по заповедям святых отцев наших. Посему мы, Иосиф, милостию Божиею, архиепископ, митрополит киевский и всея Руси, и составили собор с преподобными епископами, пречестными архимандритами и игуменами и богобоязненными священниками.”¹⁴⁴

Собор вынес ряд важнейших решений, которые имели большое значение для Церкви.

В 1514 году митрополит Иосиф созвал новый собор в Вильно, на котором обсуждался вопрос об установлении праздника в честь преп. Елисея Лавришевского. Было определено праздновать его память 23 октября. О других постановлениях неизвестно.

Митрополит Иосиф скончался в конце 1521 года, оставив о себе память, как о выдающемся святителе Православной Церкви в Великом Княжестве Литовском.

Митрополит Иосиф III.

В начале 1522 года преемником митрополиту Иосифу был избран архиепископ полоцкий, тоже Иосиф. В июле и в октябре того же года он именовал себя еще нареченным митрополитом, но в конце 1523 года подписывался: “Волею Божиею Иосиф архиепископ, митрополит киевский и галицкий и всея Росии.” Это свидетельствует, что к этому времени он получил благословение от патриарха из Константинополя. О митрополите Иосифе даже униатские и иезуитские писатели отзывались, как о схизматике, не желавшем знать унии. Во время его святительства усилили деятельность против Православной Церкви римо-католики, нанося православным оскорбления и притесняя их. Митрополит искал защиты у короля Сигизмунда и просил его заступиться за обиженных православных и наказать виновных католиков. Сигизмунд относился к православным благожелательно. Митрополит Иосиф III почил в начале 1534 года.

Митрополит Макарий II.

В 1534 году, 1 января, король Сигизмунд издал следующую грамоту: “Бил нам челом владыка луцкий и острожский, епископ Макарий и просил нас, чтобы мы пожаловали его хлебом духовным, митрополию киевскою и галицкою и всея Руси, которую держал пред ним митрополит Иосиф. О том же говорила нам за него наша королева и великая княгиня Бона, а ходатайствовали перед нами воевода виленский, пан наш, староста бельский и мозырский, Ольбрахт Мартынович Гаштольд и все князья паны греческаго закона, чтобы мы дали ту митрополию ему и пожаловали его тем хлебом духовным, — так как и сам митрополит Иосиф, еще будучи здоров, уступил ему ту митрополию по своем животе. И мы, по своему государскому благоволению, во внимание к желанию нашей королевы и ходатайству воеводы виленскаго и князей и панов греческаго закона, и находя его — Макария — на то годным, исполнили его челобитье: дали ему — владыке луцкому и острожскому Макарию — митрополию киевскую и всея Руси, со всеми именьями, дворами, фольварками и селами, принадлежащими митрополии, со всеми доходами, платежами и пожитками, какие на нее приходят. И имеет он ту митрополию держать и в ней править и

¹⁴⁴ Там же, стр. 167.

рядить, и брать себе доходы и платежи так же, как правили прежние митрополиты киевские, по обычаю греческого закона.”¹⁴⁵

Мы привели дословно этот документ, чтобы показать, как писались тогда королевские грамоты и какие права имели короли при назначении митрополитов Православной Церкви в Великом Княжестве Литовском. Конечно, язык грамоты не оригинальный, это перевод на современный русский язык. Оригинальный язык грамоты был тогдашний государственный язык — белорусский. Эта грамота свидетельствует, как польские короли забрали власть в свои руки при назначении православных митрополитов и епископов. Раньше православные сами избирали митрополитов и епископов на своих соборах, но при Сигизмунде это положение изменилось не в пользу Православной Церкви.

Новый митрополит был из Москвы и прибыл в Вильно с великой княжной Еленой как ее духовник. Он был женат и имел детей. Овдовев, принял монашество, после чего получил назначение на место настоятеля в Лещинском монастыре Пинской епархии. Был посвящен во епископа пинско-туровского, в 1528 году выпросил у короля епископию луцкую, а в 1534 году — митрополию. Константинопольский патриарх дал ему свое благословение, и в апреле 1535 года он титуловал себя уже митрополитом киевским и проч.

Во время его святительства было много неурядиц в церковной жизни. Король поручил ему в 1546 году созвать собор для прекращения церковных беспорядков. Никаких сведений об этом соборе не сохранилось. Возможно, что он не был созван. Митрополит Макарий скончался в 1555 году.

Митрополит Сильвестр Белькевич.

До принятия духовного сана митрополит Сильвестр, в миру Стефан Андреевич, занимал должность королевского скарбника (казначей) и ключника в Вильно, был человеком богатым, но малограмотным. Когда умер настоятель Виленского Троицкого монастыря Алексей, Стефан Белькевич выпросил у короля польского Виленский Троицкий монастырь, чтобы пользоваться его именами. Продолжая светскую службу скарбника и ключника, он титуловал себя настоятелем этого монастыря. Кроме того, он исходатайствовал от короля грамоту на получение кафедры литовского (киевского) митрополита. В королевской грамоте от 10 июля 1551 г. записано, что король, узнавши “верные, пыльные, николи не омешканные, цнотливые службы” пана Стефана Белькевича, оставляет за ним, “до его живота,” Троицкий Виленский монастырь и отдает ему митрополию. После этого он подписывался так: “Настоятель виленскаго троицкаго монастыря, нареченный митрополит, пан Стефан Андреевич Белькевич.” Наваградский воевода Иван Горностай, 25 марта 1556 года, жертвуя в Виленский Пречистенский собор серебряный рукомойник, указал, что он предназначается, как сам выражался, “нынешнему митрополиту Стефану Андреевичу.” Через полгода Стефан Андреевич уже подписывался: “Милостию Божиею мы, Сильвестр, нареченный архиепископ митрополит киевский и галицкий и всея Руси.”¹⁴⁶ По-видимому, к этому времени его постригли в монашество и рукоположили в священный сан. Патриарх прислал свое благословение Сильвестру на занятие митрополичьей кафедры.

В 1558 году митрополит Сильвестр созвал собор в Вильно на первой неделе Великого поста. Король одобрил созыв собора и своими грамотами оповестил всех епископов, архимандритов и других духовных и светских лиц, чтобы съехались к назначенному митрополитом сроку, при этом выразил желание, чтобы на соборе все кончилось хорошо, со-

¹⁴⁵ Там же, стр. 234.

¹⁴⁶ Там же, стр. 330.

гласно со словом и повелением Божиим, “ку постановенью веры и закону христианскаго.”¹⁴⁷ Других сведений об этом соборе не имеется.

Архиепископ Макарий указывает, что митрополит Сильвестр был человек практичный, умел находить себе высоких покровителей и заступников при дворе короля, отличался корыстолюбием и требовал от своих наместников и урядников собирать дань с крестьян и куничные пенязи со священников; не отказывался брать подарки за поставление в церковные степени. В 1561 году Киево-печерский архимандрит Иларион подал жалобу королю, что митрополит Сильвестр причинял разные обиды братии Киево-Печерской обители и самовольно завладел Киево-Никольским Пустынным монастырем со всеми его имениями и угодьями, которые издавна находились в ведении киево-печерских архимандритов. Своей грамотою от 24 апреля король приказал немедленно возвратить Никольский монастырь Киево-Печерской лавре и впредь не вмешиваться в ее дела. Эти примеры указывают, что митрополит Сильвестр имел большую склонность к материальным благам в ущерб духовным.

Сильвестр и его предшественники жили в Наваградке. Здесь же он скончался в последней четверти 1567 года.

Митрополит Иона Протасевич-Островский.

В первой половине 1568 года на митрополичью кафедру возведен был епископ туровско-пинский Иона Протасевич-Островский. До монашества и епископства он был женоат. По вступлении на митрополичий престол он показал себя ревностным и заботливым первосвятителем. Когда собрался сейм в Гродно в июне 1568 г., митрополит Иона подал королю Сигизмунду II Августу, находившемуся на сейме, письменное ходатайство о правах и нуждах Православной Церкви. В этом ходатайстве особенно замечательны две просьбы: 1) чтобы духовные достоинства не давались светским людям и 2) чтобы православные епископы могли заседать в королевской раде наравне с бискупами римо-католическими. Другие просьбы касались имущественных и судебных прав православных архиереев и всего духовенства. Митрополит Иона получил от короля ответ, составленный на том же сейме 25 июня 1568 года. Король обещал разослать грамоты с предписанием соблюдать неприкосновенность духовных судов и церковных дел и исполнил это. На другие просьбы ответил, что отлагаются на “инший час.”

Иона добивался удовлетворения своих настойчивых ходатайств перед королем и панями, что служило на пользу Церкви. В начале 1577 года митрополит Иона скончался.

Митрополит Илья Куча.

В 1576 году митрополит Иона, уже глубокий старец, почувствовав, что не в силах выполнять свои высокие обязанности, решил уступить митрополичий престол пану Илье Иоакимовичу Куче, оставив за собой старшинство в духовных делах до своей кончины. В актах об этом записано: “Знаючи его быти годным, достоинство архиепископства киевское и галицкое и всея Руси ему спустил, зоставивши себе старшинство на том достоинстве в справах духовных до живота своего.”¹⁴⁸ Король Стефан Баторий утвердил Илью Кучу, выдав ему грамоту от 23 сентября 1576 года, в которой говорилось: “Водле поставленья и умовы с митрополитом Ионою в том учиненое, при животе его тот врьд справова-

¹⁴⁷ Там же, стр. 334.

¹⁴⁸ Чистович, 1, стр. 141.

ти, а по смерти его ту ю митрополию на себе держати и уживати.”¹⁴⁹ После этого Илья был пострижен в монашество и посвящен в сан епископа с титулом “нареченного” митрополита. Когда митрополит Иона скончался, король отправил (в апреле 1577 г.) грамоту патриарху Иеремии II, в которой извещал о кончине митрополита, и что его преемником назначен им — королем — “смиранный владыка Илья Куча,” и просил благословить нового кандидата на митрополию. В грамоте король добавил: “за что обычную благодарность от нас, как и от предков наших, вы получите,” — это означало, что король пошлет денежные или иные подарки.¹⁵⁰

Правление нового митрополита было непродолжительно. О его деятельности сохранилось мало сведений. В последний раз о нем упоминается в феврале 1579 г. Вероятно, в том же году он скончался.

Митрополит Онисифор Девоча или Девочька.

Родом он был из галицкой шляхты. До вступления на митрополию имел в своем управлении Лавришевский монастырь, который удерживал за собой все время пребывания на митрополичьем престоле. Высокое назначение получил от короля, будучи еще мирянином. Был двоеженцем, т.е. два раза женатым, что исключает по каноническим правилам посвящение в духовный сан.

Когда в 1576 году в Варшаве собрался сейм, православные послы, прибывшие на этот сейм, ожидали митрополита Онисифора, чтобы совместно с ним выступить перед королем и поляками в защиту своей Церкви, стесненной римо-католиками. Но митрополит не приехал, а прислал какие-то “артикулы, что было к подивенью и панам и сенаторам.” Тогда галицкие послы составили и отправили ему свое послание, в котором обличали его за неправильные действия и нерадение о церковных делах. Они писали: “За вашего папства вси велице утиснены, плачем и скитаемься, яко овцы пастыря неимущие ачь вашу милость старшого своего маем, але ваша милость подвизатися и праци чинити словесных овец от волков губящих боронити и ни троха ни в чем святому благочестию ратунку додати нерачишь. Таких бед первой николи не бывало и вже большие быти не могут, яко тые: за папство вашей милости досыть всего злаго в законе нашем стало... Бога ради, обачься, ваша милость, вспомяни, ваша милость, на святые продки свои, архиепископы киевские, возревнуй благочестию их.”¹⁵¹ Такова была характеристика деятельности митрополита Онисифора.

В 1588 году Великое Княжество Литовское и Польшу посетил Константинопольский патриарх Иеремия II. В начале мая он прибыл на границу Польши и послал письмо к польскому канцлеру Яну Замойскому, прося разрешения остановиться в его имении в Замостье. Замойский принял патриарха и всю его свиту с почетом и вниманием. Кроме того, он исходатайствовал для патриарха королевскую грамоту на свободный проезд в пределах Польши и Великого Княжества Литовского, а также распорядился, чтобы на всем пути ему были оказаны надлежащие почести. Патриарх Иеремия проехал через Брест в Вильно. Православные жители, старые и малые, встретили его с великой радостью и поведали ему свои скорби и нужды. Пробыв здесь двенадцать дней, патриарх отправился через Оршу и Смоленск в Москву на поставление там патриарха.

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ Макарий, IX, стр. 386.

¹⁵¹ Чистович, 1, стр. 143.

Через год на обратном пути из Москвы патриарх снова прибыл в Вильно. Здесь, 7 июля 1589 года, он испросил у короля Сигизмунда III дозволение обозреть всю православную митрополию. Через восемь дней, когда Иеремия уже был в Вильно, король издал универсал ко всем властям и жителям королевства, повелевая, чтобы никто не препятствовал патриарху совершать свое дело, судить и рядить во всех православных церковных делах. Вскоре после этого, именно 21 июля, патриарх разослал свою окружную грамоту ко всем епископам Литовской митрополии, в которой говорилось: “Мы слышали от многих благоверных князей, панов и всего христианства и сами своими очами видели, что у вас двоеженцы и троюженцы литургисают” и повелевал таковых низложить, а епископу пинскому Леонтию пригрозил отлучением за то, что утаил таких священников, бывших в его епархии. Своим особым декретом, под которым подписались и епископы митрополии, патриарх лишил сана митрополита Онисифора, как двоеженца.¹⁵² Король, чтобы защитить авторитет Онисифора, говорил, что будто Онисифор оставил свою кафедру по доброй воле в облегчение своей старости.¹⁵³

Митрополит Михаил Рогоза.

Только прошло пять дней после низложения митрополита Онисифора, как король Сигизмунд III выдал грамоту от 27 июля на митрополию архимандриту Минского Вознесенского монастыря, “шляхетне урожонному” Михаилу Васильевичу Рогозе. В грамоте писалось: “Панове рада и рыцарство Великаго Княжества Литовскаго, закону и послушества Церкви греческой” избрали Михаила Рогозу, и что, по их просьбе, избранный удостоивается митрополичьей кафедры.¹⁵⁴ (нет 118 сноски) Но в этой грамоте допущена неточность. Вряд ли многие православные принимали участие в избрании Михаила Рогозы. Возможно, что кто-то из православных представил его кандидатуру королю. В действительности же избрание и назначение Михаила Рогозы на митрополию произвел король своей властью. Об этом королевском назначении писали виленские иезуиты вскоре после возведения Михаила Рогозы. Они упрекали его, что был назначен на митрополичью кафедру “без содействия” православной шляхты. Патриарх Иеремия, который в то время пребывал еще в Вильно, 1 августа 1589 года возвел Михаила Рогозу в сан митрополита. Митрополит Михаил был последним из ряда литовско-наваградских митрополитов, возглавлявших Православную Церковь в Великом Княжестве Литовском и Польше до введения Брестской (берестейской) унии в 1596 году. Об этом речь пойдет ниже.

4. Каноническое положение Киевской и Литовской митрополии.

Органы церковной власти.

В Православной Церкви органами власти являются соборы епископов, патриархи, митрополиты и епископы, т.е. лица высшей церковной иерархии. Их церковная власть вытекает из тех божественных полномочий, которые они получают при посвящении. В осуществлении своей власти в Церкви они руководствуются церковными правилами или свя-

¹⁵² Макарий, IX, стр. 460-461.

¹⁵³ Там же, стр. 461, примеч. 456.

¹⁵⁴ Там же, стр. 482.

щенными канонами. Каждый епископ перед рукоположением в сан дает присягу на верность канонам. Никто из них не имеет права изменить, отменить или нарушить их. Точное соблюдение канонов есть нормальное условие сохранения чистоты Православной веры.

Священные каноны полагают свое начало еще в первом веке Христианства. Церковное предание приписывает появление многих основных канонов святым Апостолам Христовым. Они сами их не составляли, но передали их содержание своим ближайшим преемникам — епископам, а те, в свою очередь, хранили их путем устного predания до IV века, когда неизвестный благочестивый муж собрал их в один сборник. Этот сборник известен в церковной науке под названием “Правила Святых Апостолов.” В сборнике находится 85 правил, относящихся к устройению церковной жизни.

Основную массу канонов составляют правила и постановления семи Вселенских и одиннадцати Поместных соборов, правила Святых Отцов и Учителей Церкви IV-VIII веков. Каноны являются основным законом Православной Церкви и собраны в сборнике “Книга правил Святых Апостолов, Святых Соборов Вселенских и Поместных и Святых Отец.”

Древняя Русь, приняв христианскую веру от греков, получила от них некоторые сведения о церковных канонах и об устройении церковной жизни по канонам. Первоначальные сведения были весьма скудны, и Константинопольскому патриарху приходилось часто давать указания относительно разных вопросов церковной жизни. Указания эти давались в разное время и в различных обстоятельствах церковной практики.

На Руси появилась крайняя необходимость иметь свой сборник канонов, и Русь получила его из Болгарии на старославянском языке, который ныне называется церковнославянским. Славянский сборник канонов, по-гречески “Номоканон,” приобрел известность на Руси под названием “Кормчая книга.” Правила этой книги монахи переписывали в монастырях и распространяли среди народа. Таким путем получали их духовные и светские лица. “Кормчая книга” стала неотъемлемым законом Православной Церкви на Руси.

Важным каноническим принципом церковного правления является соборность. Понятие о соборности выражено в 34 правиле Святых Апостолов, где говорится: “Епископам всякаго народа подобает знати перваго в них и признавати его яко главу, и ничего превышающаго их власть не творити без его разсуждения: творити же каждому только то, что касается до его епархии, и до мест к ней принадлежащих. Но и первый ничего да не творит без разсуждения всех. Ибо тако будет единомыслие.” В этом правиле говорится о митрополичьих округах или митрополиях, во главе которых стояли митрополиты, избираемые Поместной Церковью. В каждой митрополии было по несколько епископов, управлявших епископскими округами или епархиями. По мысли этого правила, митрополит и епископы обязаны решать все важнейшие вопросы, касающиеся церковной жизни и управления, на съездах или соборах. Такая форма управления в Церкви называется соборной.

Правило 37 Святых Апостолов повелевает собираться епископам на соборы дважды в год. Это правило гласит: “Дважды в году да бывает собор епископов, и да разсуждают они друг с другом о догматах благочестия, и да разрешают случающияся церковныя прекословия.” Здесь же указаны и сроки созыва собора, именно: “В первый раз, в четвертую неделю пятидесятницы, а во второй, октября во второйнадесять день.” Впоследствии, по разным неудобствам, положено, чтобы они созывались однажды в год (VI Вселенский собор, правило 8). Это постановление подтверждено 6 правилом VII Вселенского собора, повелевающим: “Преподобные отцы шестаго собора, во внимание к затруднениям

собирающихся, и к недостаткам потребного для путешествия, определили, без всякого уклонения и извинения, единожды в лето быти собору, и погрешительное исправляти.” На основании приведенных правил Вселенской Православной Церкви построена соборность всех Поместных Православных Церквей, в том числе и Русской Церкви.

Каноническая соборность осуществлялась в Церкви в форме ежегодных соборов епископов митрополичьего округа. Тогда такие соборы назывались “Поместными,” как равно и Церковь этого округа называлась “Поместной.” Вселенскими назывались соборы, которые составлялись из епископов и митрополитов всего христианского мира или всех Поместных Церквей. На Вселенских соборах, которых в Православной Церкви было семь, обсуждались и решались вопросы вероучительного и церковно-административного характера, имевшие важное значение для всех Поместных Церквей. Эти соборы были высшей властью в Церкви в делах веры, нравственности и дисциплины. В них сосредоточивалась высшая иерархическая власть Церкви.

Власть митрополитов и епископов на Руси.

Во главе Киевской митрополии стоял митрополит, который был каноническим предстоятелем и главой Поместной Церкви, хотя и подчиненной Константинопольскому патриарху. Киевскому митрополиту принадлежали большие права и преимущества в пределах его митрополии. Он почитался всеми за духовного отца епископов, белого — женого и черного — монастырского духовенства, а также всего русского народа.

Все обращались к митрополиту, называя его отцом. Когда епископ полоцкий Симеон Старый в своем письме к митрополиту Ионе (киево-московскому) назвал его братом, а не отцом, то митрополит прислал ему строгий выговор. “Не знаем, — писал митрополит, — дожил ли ты до глубокой старости и беспамятства, или надмился гордостью. Посуди сам, пристало ли бы нам, митрополиту, писаться братом к святому патриарху? Да не будет!”¹⁵⁵

Митрополит простирали свою власть на все епархии митрополии. Он принимал жалобы, судил виновных, назначал и посвящал епископов. Его авторитет был очень высок, особенно в период Киевской Руси. Великие князья считались с ним и спрашивали совета в государственных делах. Митрополит заседал в великокняжеском совете вместе с боярами и государственными сановниками.

Епископы имели большой авторитет в своих епархиях. Обширность епархий создавала потребность иметь представителей епископской власти на местах. С этой целью была введена должность епископских наместников, которые в старой Руси назывались поповскими старостами, а позднее были переименованы в благочинных. Эти должностные лица выполняли предписания и распоряжения епископов и наблюдали за нравственностью подведомственного им приходского духовенства и всех церковно-служащих. Поповские старосты были властью на местах. Они действовали от имени епархиального епископа. Кроме наместников, епархиальные архиереи имели десятников, бояр, подскарбиев, маршалков. Прочие клирики их боялись, с ними считались и их распоряжения исполняли. Поповские старосты помогали осуществлять власть епископа во всех частях его епархии.

При каждой церкви был причт, состоявший из одного или двух священников, дьячка или псаломщика и пономаря. При соборных церквах, кроме указанных священно- и церковнослужителей, были еще диаконы, которые увеличивали церковный причт. Кандидаты на эти церковные должности избирались из местных грамотных жителей, научив-

¹⁵⁵ Чистович, 1, стр. 153.

шихся церковному пению и чтению. Священники, диаконы и псаломщики должны были уметь читать по церковно-славянски, петь на клиросе и знать церковный устав. Большой грамотностью они не отличались, да и школ, в которых они могли бы получить достаточное образование, тогда не было. Однако среди них встречались одаренные от природы, которые приобретали знания путем чтения книг, благодаря чему становились образованными людьми. Подавляющее же большинство духовенства было малообразовано и имело низкий культурный уровень, в чем оно не многим отличалось от своих прихожан.

Митрополит и епископы имели значительные доходы со своих епархий. Доходы составлялись из пошлин при рукоположениях клириков, специальных взносов от духовенства, судебных пошлин с духовных лиц и мирян и податей с церковных земель. На эти средства содержались школы, совершались благотворительные дела, строились и ремонтировались церкви, содержался многолюдный двор митрополита и епископов, устроенный наподобие княжеского. Для заведования церковными делами митрополит и епископы имели помощников из духовных и светских лиц. Духовные лица служили в кафедральных соборах и составляли клиросы или кльросы. Клирос представлял собой орган епархиального управления. При епископах и митрополите содержался штат слуг, исполнявших разные обязанности. Количество слуг зависело от материальных возможностей епископской или митрополичьей казны.

Соответственно требованиям канонов и древней церковной практики митрополиты созывали соборы епископов в важнейших случаях церковной жизни и совещались с ними. В русских летописях мало отмечено церковных соборов на Руси. Это обстоятельство указывает, что соборы епископов в то время созывались очень редко, далеко не каждый год, как требовали каноны. Проф. Малышевский насчитал не более пятнадцати отмеченных в летописях и состоявшихся в Киеве епископских соборов, включая съезды для хиротоний новых епископов и на разные церковные торжества. Проф. Карташев полагает, что главной причиной редких соборов была большая протяженность Киевской митрополии и отдаленность епископских кафедр от митрополичьего центра. Он пишет, что Русская Церковь с первых же шагов своей исторической жизни стала повинной в несоблюдении важной канонической нормы, именно соборности, и впоследствии все прогрессировала в этой своей виновности.¹⁵⁶ В последующее время каноническая соборность еще более не исполнялась на Руси, особенно после переселения митрополитов из Киева во Владимир-на-Клязьме и Москву. Не лучше обстояло дело и в Литовской митрополии в период ее существования. Нарушение этого принципа отразилось отрицательно на церковной дисциплине духовенства и на благоустройении церковной жизни.

Каноническая зависимость от Константинополя.

Киевская и Литовская митрополии, как церковно-административные единицы, представляли собой епархии Константинопольской Церкви. Проф. Карташев указывает, что Киевская митрополия значилась в некоторых росписях Константинопольских митрополий на очень низком месте, то на 61, то на 71.¹⁵⁷ Созданная греческим византийским духовенством, она находилась в непосредственной подчиненности верховной власти Константинопольского патриарха, его Синода и в некоторой степени византийского императора. По византийской государственной системе Церковь и императорская власть находились в тесной взаимосвязи. Подчинение Киевской и Литовской митрополий Константи-

¹⁵⁶ Карташев, 1, стр. 177.

¹⁵⁷ Там же, стр. 166.

нопольскому патриарху влекло за собой подчинение их и византийскому императору. Проф. Бердников характеризует это положение следующими словами: “По византийскому учению, Константинопольский патриарх есть в собственном смысле вселенский патриарх, т.е. духовный глава всех православных христиан. Но так как Церковь и государство тесно соединены между собою, то все православные христиане, в какой бы стране ни жили, кроме подчинения местной власти, подведомственны византийскому императору.¹⁵⁸” В силу такого положения высшее решение по делам Киевской, а равно и Литовской митрополий принадлежало Константинопольскому патриарху с Синодом и византийскому императору Василевсу. Последние принимали участие в назначении киевских и литовских митрополитов, разбирали споры русских князей с митрополитами и епископами, вообще следили за течением жизни Православной Церкви на северо-востоке и юго-западе Руси.

Проф. Бердников, разбирая этот вопрос, пишет: “В период зависимости Русской Церкви от Церкви Константинопольской влияние русских князей на дела церковные было незначительное. В это время высшее решение по делам, касающимся Русской Церкви, принадлежало Константинопольскому патриарху и византийскому императору. Так, напр., великий князь Симеон вместе с другими князьями просил императора Иоанна Кантакузена о присоединении к Русской митрополии отделившейся от нее митрополии Галицкой, и император уважил эту просьбу. Равным образом соборное постановление 1389 года о признании единства Русской митрополии было утверждено и царскою властью. Император принимал участие в суде над иерархами Русской Церкви. Так, напр., в 1347 году по приказу царя и решению Собора вызывался на суд в Константинополь галицкий митрополит. Для расследования на месте действий литовского митрополита Романа император назначил апокрисиариев с обязанностью представить результаты следствия ему и патриарху с Синодом. Поставление киевского митрополита совершалось не иначе, как с согласия византийского императора. Об этом постоянно упоминается в патриарших грамотах о поставлении митрополитов. Русские князья иногда обращались с своими просьбами о поставлении митрополитов не к одному патриарху, но и к императору. Так, напр., в 1352 году великий князь Симеон ходатайствовал пред патриархом и императором о поставлении Алексия. В начале XV века Витовт просил императора и патриарха о поставлении особого митрополита для Литвы, но император Мануил не удовлетворил его прошение.¹⁵⁹”

Подчиненность Киевской и Литовской митрополий Константинопольскому патриарху была законной, основанной на канонах. Объясняется это тем, что Константинопольская Церковь была матерью этих митрополий. Взаимная связь между ними вытекала из того положения, что Константинопольская Церковь насаждала веру Христову на Руси и устраивала здесь церковную жизнь. Но подчиненность Константинополю несколько не препятствовала Киевской и Литовской митрополиям свободно развиваться и строить собственную церковную жизнь по местным народным обычаям. Киевские и литовские митрополиты, как предстоятели Церкви самостоятельного государства, пользовались большой самостоятельностью в управлении церковными делами своей митрополии. Хотя эта самостоятельность не была основана на каком-либо акте или распоряжении патриарха, митрополиты широко ею пользовались. Некоторые историки полагают, что их власть в управлении митрополией ничем не ограничивалась со стороны Константинополя.

Канонические правила требуют от епископа возносить за богослужением имя своего митрополита, а митрополиты должны возносить имя своего патриарха. Такой порядок

¹⁵⁸ Бердников, стр. 825.

¹⁵⁹ Там же, стр. 837-838.

установлен в древней христианской жизни, подтвержденный Соборами. Поминование имени патриарха митрополитом и имени митрополита епископами указывало на подчиненность низших высшему, т.е. епископа митрополиту, а митрополита патриарху. Этот канонический порядок строго соблюдался на Руси: киевские и литовские митрополиты возносили имя Константинопольского патриарха, как своего главы. Таким образом сохранялась постоянная юрисдикционно-иерархическая связь митрополитов Руси с Константинопольским патриархом.

Помимо этого, с патриархом существовала чисто деловая связь. Когда появлялась какая-нибудь надобность в помощи патриарха, то киевские и литовские митрополиты посылали своих послов с посланием к патриарху или в важнейших случаях отправлялись к нему сами. Патриарх рассматривал дело и выносил решение, которое было законом и не подлежало обжалованию. Иногда патриарх сам приглашал к себе митрополита на патриаршие соборы в Константинополь. Так, например, литовский митрополит Феофил заседал на Константинопольском соборе в 1329 году. Эти примеры свидетельствуют о том, что киевские и литовские митрополиты полностью зависели от Константинопольских патриархов.

Особенностью положения Киевской митрополии с самого начала существования было то, что ее митрополиты в течение почти четырехсот лет были преимущественно греками. Из 23 киевских митрополитов в домонгольский период Русской Церкви (до 1240 г.) только два митрополита были русскими: Иларион (1051-1054) и Климент Смолятич (1147-1155). Но оба не были признаны патриархом законными, потому что были избраны русскими из своей среды без согласия патриарха. В те времена русские не допускались Константинополем для занятия митрополичьего престола на своей родине и в своей Церкви. Гегемония греков существовала везде, где только было возможно. Они относились горделиво ко всем не-эллинам, считая их варварами. Проф. Карташев характеризует отношение греков к другим народностям следующими словами: “Иногородцы, крестившиеся задолго до нас со всей силой испытали на себе эти гордые “расистские” претензии греков. И копты, эфиопы, сирийцы, армяне ушли в ереси в значительной мере по мотивам национального протеста. Крестившиеся сравнительно незадолго до нас сербы и болгары были в напряженной вековой борьбе с греками не только за свою политическую независимость, но и за привилегии и возможную независимость своих Церквей от поглощения их Константинопольским патриархатом.”¹⁶⁰

Хотя русские не питали большой симпатии к грекам, но не вступали с ними в войну за независимость своей Церкви. Киевскими великими князьями делались попытки выйти из подчинения Константинопольскому патриарху, но недостаточно решительно. Первую такую попытку сделал святой Владимир, пытавшийся поставить свою Церковь под главенство Охридского болгарского патриарха. Затем Ярослав Мудрый в 6559 (1051) “поставил Лариона митрополитом русина в святой Софии, собрав епископы,” как повествует летопись, не испросив благословения и согласия патриарха. Спустя почти сто лет в 1147 году то же самое проделал великий князь Изяслав Мстиславич избрав в митрополиты инока Зарубского монастыря Климента из Смоленска. Но эти попытки были неудачны. Константинопольские патриархи не уступали русским своих прав, возникали конфликты, из которых русские выходили побежденными.

В дальнейшей истории взаимоотношений русских с греками на Руси проявлялось иногда большое недовольство присланными из Константинополя митрополитами-грека-

¹⁶⁰ Карташев, I, Стр. 159.

ми. У русских росло желание иметь митрополитов “из русинов.” После татарского нашествия Батыею Восточная Русь была разорена, а князья ее сделались данниками татар. Наиболее сильным князем на юго-западе Руси, мало пострадавшей от татарского нашествия, был галичский князь Даниил Романович. Так как митрополичий престол в Киеве остался без митрополита, то князь взял на себя почин замещения киевской митрополичьей кафедры. Он послал своего кандидата Кирилла в Константинополь для возведения на киевский престол. На Руси тогда было неспокойно, и Константинопольский патриарх, опасаясь посылать грека, утвердил русина Кирилла на кафедре Киевской митрополии. Митрополит Кирилл возвратился из Константинополя в 1250 году и стал первым митрополитом из русских, поставленным патриархом. Но лишь только на Руси стало спокойно, Константинополь прислал на киевскую митрополичью кафедру грека Максима. В дальнейшем эта кафедра переходила от русского к греку и наоборот. Такая перемена в митрополитах зависела от политической обстановки на Руси и настойчивости русских князей, посылавших своих кандидатов для возведения в сан митрополита. Когда своевременно прибывал в Константинополь русский кандидат, патриарх поставлял его в митрополиты, дабы избежать конфликта с русскими князьями.

Позднее время Византия, как греческая империя, политически ослабела в постоянной войне с неверными — турками. Константинопольские патриархи стали более уступчивы к русским и допускали на престол киевской и литовской митрополии кандидатов, избранных в Московской Руси и в Великом Княжестве Литовском, но требовали представления кандидата для утверждения и патриаршего благословения. Эта уступка положила начало избранию московских и литовских митрополитов не из греков, а из русских.

Вследствие зависимости киевских митрополитов от Константинополя выработалось особое судебное отношение патриарха к русским митрополитам и епископам. Патриарх со своим Синодом судил их и давал им указания. В эти дела вмешивались также византийские императоры по принципу неотделимости Церкви от государства.

Хотя патриарх находился далеко, на Руси ощущались его влияние и власть. Киевские митрополиты боялись его и не решались издавать свои законы или вводить свои порядки без патриаршего благословения. При таком положении дел никто не помышлял отходить от патриарха и создавать свою независимую церковную юрисдикцию. В Москве решились на это только тогда, когда Константинопольский патриарх Григорий Маммас отступил от православной веры и принял Флорентийскую католическую унию. В Москве воспользовались этим обстоятельством и отказались от подчинения Константинополю, создав свою независимую автокефальную Церковь.

Основы существования Литовской митрополии.

Пока существовало Киевское государство, внутри Киевской митрополии не возникало никаких раздоров. В подчинении киевскому митрополиту находились епископы Беларуси, Холмщины, Галичины, Волыни, как равно и епископы Московской Руси. Митрополит жил в Киеве, и все были этим довольны. Но когда киевские митрополиты перешли на жительство во Владимир, а потом в Москву, положение в митрополии осложнилось. Начались раздоры и возникли сильные тенденции к отделению от московских митрополитов областей, имевших свои самостоятельные княжества. В результате были созданы митрополии Галичская и Литовская.

Как было указано выше, создание этих митрополий было делом государей: Галичской — волынско-галичского князя Юрия Львовича, Литовской — великих князей

литовских Витенеса, Ольгерда и Витовта. Главные причины создания митрополий были политические. Государи этих княжеств не желали, чтобы их подданные находились в церковной зависимости от митрополита, жившего в чужом, враждебном государстве. Это был серьезный мотив, побудивший патриарха удовлетворить ходатайство галичского и литовского князей.

Уже упоминалось, что кафедру Литовской митрополии, как только она была учреждена, занял грек Феофил, но после него избирались митрополиты из местного великолитовского православного духовенства. Константинопольский патриарх утверждал и поставлял их, в некоторых случаях с оговорками, как например, при поставлении Киприана. Такая практика утвердилась надолго и продолжалась, пока существовала эта митрополия.

Литовская митрополия, как утвержденная Константинопольским патриархом по ходатайству государя (господаря) Великого Княжества Литовского, целиком зависела от патриарха. Возглавлявшие эту митрополию обладали полными правами внутреннего административного характера. Но высшая власть принадлежала Константинопольскому патриарху. Никаких самостоятельных или автокефальных прав митрополия не имела. По своему каноническому положению она была одним из многих митрополий Константинопольской патриархии. На этом основании Константинопольский патриарх утверждал и поставлял литовских митрополитов. По своему усмотрению патриарх закрывал Литовскую митрополию или вновь ее открывал. Так было после кончины митрополита Феофила в 1330 году, митрополита Романа в 1362 году и при назначении митрополита Киприана в Москву в 1386 году. Когда Литовская митрополия закрывалась властью Константинопольского патриарха, ее присоединяли к митрополии Московской. После разделения в 1458 году Русской Церкви на Киевскую и Московскую митрополии, Киевская митрополия беспрепятственно существовала долгое время под официальным названием “Киевской, Галичской и всея Руси.” Но фактически, эта митрополия была Литовской или Литовско-Наваградской, как уже объяснялось выше.

Судебной инстанцией для литовских митрополитов был Константинопольский патриарх и патриарший Синод. Когда завязался спор между митрополитами Алексием московским и Романом литовским за обладание Киевом, то дело разбирали патриарший суд в Константинополе. Оба митрополита вызывались в суд и оба туда ездили. Председательствовал на судебном разбирательстве император Иоанн Палеолог в 1356 году. Судебное решение патриаршего Синода считалось окончательным и никакой апелляции не подлежало. Такова была степень зависимости Литовской (Наваградской) митрополии и ее митрополитов от Константинопольского патриарха.

В истории Литовской митрополии известен только один случай, когда по требованию Витовта православные епископы Великого Княжества Литовского, собравшись в Наваградке на собор, избрали и поставили в сан литовского митрополита Григория Цамблака в 1415 году без благословения и утверждения Константинопольского патриарха. Но этот акт Константинопольским патриархом был осужден, как неканонический. Не получив патриаршего благословения, митрополит Григорий отказался от своей митрополии и затворился в Нямецком монастыре в Молдавии. Епископы митрополии, избравшие Григория на митрополичий престол, не удерживали его, не желая идти против воли патриарха. Они смиренно подчинились московскому митрополиту Фотию, поставленному патриархом.

После отделения Киевской (Литовской) митрополии от Москвы в 1458 году, утвердилась практика избрания митрополитов из местного духовенства самими православными в Наваградке или Вильно с благословения Константинопольского патриарха.

Начало этому обычаю было положено в 1481 году избранием на митрополию полоцкого архиепископа Симеона. Патриарх Максим прислал ему “благословенный лист” и двух экзархов для участия в поставлении или интронизации Симеона на митрополичьем престоле. Все дальнейшие литовские митрополиты избирались и возводились в сан епископами Литовской митрополии при участии делегатов от патриарха из Константинополя.

Патриарх допускал, чтобы кандидаты, избранные в митрополиты, представлялись ему на утверждение не лично, но хотя бы при посредстве грамоты от великого князя литовского или польского короля, епископов и князей, как представителей православного населения Великого Княжества Литовского. Кандидат возводился в сан митрополита по утверждению патриархом. Такое требование патриарха лишь однажды было нарушено при избрании митрополита Макария. Местная летопись сообщает: “Собрались тогда епископы: владимирский Вассиан, полоцкий Лука, туровский Вассиан, луцкий Иона и поставили архимандрита Макария, по прозванию Чорт, митрополитом Киеву и всея Руси. А к патриарху за благословением послали старца Дионисия и Германа диакона монаха.” Патриарх утвердил Макария, но прислал своего апокрисиария сказать следующее: “Впредь не ставьте митрополита прежде чем получите от нас благословение, разве если случится великая нужда.” Епископы оправдывались и сказали: “Мы не отвергаем древних обычаев Соборной Цареградской Церкви и благословения отца нашего патриарха, но сделали это по нужде, как и прежде нас сделали это наши братья епископы при великом князе Витовте, поставив митрополитом Григория Цамблака.”¹⁶¹

Некоторые белорусские политические деятели называют Литовско-Наваградскую митрополию автокефальной, но только вследствие полного непонимания значения слова “автокефалия.” Автокефальной является Церковь самоглавенствующая, независимая от иной заграничной высшей церковной власти. Слово “автокефалия” образовалось от греческих слов: “автос” — сам и “кэфали” — голова. При автокефальности никакие посторонние патриархи не утверждают избранного кандидата в митрополиты. Литовско-наваградских же митрополитов утверждал Константинопольский патриарх, который был главой Литовской митрополии.

Взаимоотношение властей церковных и государственных.

Хотя главой Православной Церкви на Руси был Константинопольский патриарх, он совершенно не вмешивался в государственные дела великих князей литовских и русских и не навязывал им свою волю. Русской государственной и народной жизни он не знал, да и не интересовался ею. Патриарх постоянно жил в Константинополе и на Русь не ездил, но его авторитет здесь был очень велик и повеления его исполнялись беспрекословно.

Представителем патриарха на Руси был митрополит, назначенный и поставленный патриархом. Его обязанностью было сноситься с патриархом в важнейших церковных делах, но в государственные дела местных князей он не вмешивался. Народ и князья уважали митрополитов. О сохранении авторитета митрополита заботился и патриарх, его поставивший. Он выдавал патриаршую грамоту новопоставленному митрополиту, в которой писалось, что князья, бояре, духовенство и народ должны воздавать ему честь, иметь к нему любовь с повиновением и послушанием. Такие наставления имели добрые последствия.

Большим авторитетом на Руси пользовались и епископы. Удельные князья с ними считались и слушались их советов, особенно в делах нравственного порядка. В Смоленске

¹⁶¹ Макарий, IX, стр. 83, 141-143.

голос епископа имел большое значение даже в государственных делах. В договоре смоленского князя с Ригой (немцами) в 1229 году наряду с княжеской стояла печать смоленского епископа. Епископский наместник заседал в княжеском совете наравне с боярами. Из письма рижского латинского епископа к смоленскому князю видно, что рижанам было известно важное положение смоленского епископа, которого они считали равным князю. “Благословение от митрополита рижского, — читаем в этом письме, — своему любезному сыну, князю великому Феодору и его детям и владыке и наместнику и всем боярам.” В Галицко-Волынском княжестве епископы были постоянными членами княжеского совета. Их подписи стояли на княжеских грамотах рядом с подписью князя. В таком же почетном положении находились епископы в княжествах Полоцком и Туровском.

В Московской Руси положение епископов не всегда было блестящим. Бывали случаи, когда князья по своему произволу расправлялись с неугодными им епископами. Например, князь Андрей Боголюбский в 1156 году низложил с ростовской кафедры епископа Нестора и на его место своей властью посадил епископа Леона или Леонтия. Да и этого владыку князь дважды прогонял. В Лаврентьевской летописи под 1214 годом отмечено, что “володимерцы с князем Гюрьем изгнаша Иоанна из епископства, зане неправотворяше.” Иоанн был епископом ростовским, а князь Юрий — владимирским. Большой произвол епископам чинили новгородцы. Так, князь торопецкий Мстислав Удалой прогнал с новгородской кафедры епископа Митрофана в 1210 году. Через несколько лет, именно в 1218 г., правительственная партия в Новгороде удалила епископа Антония, заявив ему: “Пойди где ти любо.” Антоний уехал в Галичину и занял епископскую кафедру в Перемышле. Те же новгородцы прогнали следующего своего епископа Арсения, обвинив его в том, что “это из-за Арсения у нас такая непогодь.” В летописях и в истории Церкви приведены и другие случаи произвола над епископами, но и приведенных достаточно для того, чтобы иметь понятие о тогдашних нравах на Руси.

В Беларуси и вообще на западе Руси таких бесчинств по отношению к епископам не отмечено. Известно лишь два случая. Первый — когда митрополит Киприан в 1404 году низложил епископа Антония с туровской кафедры и заточил его в Московский Чудов монастырь по требованию Витовта. Второй — жестокая расправа Свидригайло с митрополитом Герасимом, которого сжег в Витебске в 1436 г.

Положение Православной Церкви под властью польских королей.

После введения династической унии 1386 года положение Православной Церкви в Великом Княжестве Литовском постепенно стало ухудшаться. Римо-католичество, которое до того времени было мало кому известно, искусственно насаждалось в Беларуси польскими королями и его чиновниками в качестве государственной религии. Православная Церковь была поставлена вне государственной жизни и лишена всех исконных прав и привилегий. Высшие государственные должности в Великом Княжестве Литовском заняли римо-католики, питавшие враждебные чувства к православной вере и стремившиеся ее искоренить, обратив православных в свою веру. Началось сильное наступление воинствующего римо-католичества на Православную Церковь, продолжавшееся несколько столетий и причинившее огромные бедствия православным Великому Княжеству Литовского и Польши.

Большое зло Православной Церкви причинила практика жалования польскими королями митрополичьей и епископских кафедр. Эта практика получила название “патроната.” Право “патроната” существовало на Руси в форме попечения о нуждах Церкви, глав-

ным образом с высоты княжеских престолов либо богатых благотворителей. В Великом Княжестве Литовском право патроната вылилось в безграничный произвол польских королей, которые считались одновременно великими князьями литовскими до Люблинской унии 1569 года. Злоупотребляя этим правом, короли отдавали кафедры православных епископов и митрополита светским людям в награду за военные и гражданские заслуги либо за деньги. На практике получалось, что какой-либо шляхтич, хотя бы и православного вероисповедания, получал в дар от короля епископию, иногда еще при жизни епископа, и, не собираясь принимать священный сан, уже именовал себя “нареченным епископом” или “нареченным митрополитом.” Такая практика жалования епископских кафедр называлась “подаваньем хлебов духовных.” Поевши немного “духовных хлебов,” “нареченный епископ” продавал или уступал свою епископию другому такому же искателю “хлебов духовных.” Злоупотребление при замещении православных архиерейских кафедр в Великом Княжестве Литовском вело к упадку церковной жизни и разрушало Православную Церковь. К этой цели стремились польские короли, вдохновляемые польско-латинским духовенством.

Для характеристики этого положения приведем несколько примеров по епархиям.

Полоцкую архиепископию еще при жизни архиепископа Германа Литавор-Хребтовича, 28 марта 1558 г. король Сигизмунд II Август отдал боярину Глебу Корсаку за верную службу. В 1559 году Глеб Корсак принял монашество с именем Герман и был посвящен в сан епископа. В 1562 году эту же архиепископию король передал пану Григорию Марковичу Воловичу до “живота его.” Но Волович в том же году скончался, будучи в светском звании. После его смерти полоцкую архиепископию получил от короля пан Богущ Селицкий, ротмистр королевских войск, служивший в королевских замках на Украине. Он принял епископский сан с именем Нафанаил. В 1595 г. король Сигизмунд III отдал архиепископию пану Герману Загорскому, принявшему сан епископа с именем Григорий и ушедшему в католическую унию на Брестском униатском соборе в 1596 году.

Пинско-туровскую епархию король пожаловал в 1568 году волынскому пану Андрею Русину-Берестецкому, который правил ею в течение четырех лет, оставаясь в светском звании до своей смерти, нося титул: “нареченный владыка пинский и туровский.” После Андрея Берестецкого король отдал епископию пинскому протопопу Кириллу Терлецкому, тогда уже вдовому. Пробыв на пинской кафедре десять лет, он исхлопотал для себя от короля богатую луцкую епископию.

Во Владимиро-волынской епархии дело обстояло еще хуже. В 1563 году, при жизни владимирского епископа Иосифа, король отдал ее шляхтичу Ивану Борзобогатому-Красенскому, который, оставаясь мирянином и титулуясь “нареченным епископом владимирским и берестейским,” самовольно распоряжался церковным имуществом, грабил его и отдавал в аренду. В 1564 году волынские послы на Виленском сейме жаловались королю, что “владыка нынешний владимирский не мало имений церковных, на церковь Божию наданных, роздал.”¹⁶² В 1565 г. король отдал эту епископию холмскому епископу Феодосию Лазовскому, который с вооруженным отрядом в 2500 человек и девятью пушками напал на епископский замок в канун праздника Воздвижения Креста Господня и приступом отобрал его у Борзобогатого. Борзобогатый бежал из Владимира и подал жалобу королю. Дело разбиралось королевским чиновником, в результате чего епископ Феодосий остался

¹⁶² Чистович, 1, стр. 165.

на владимирской кафедре, а Борзобогатый получил от короля луцкую епископию.¹⁶³ При жизни Феодосия Лазовского король отдал владимирскую кафедру пану Станиславу Жолковскому, суррогату белзкому. Не сойдясь в условиях с епископом Феодосием, он уступил свои права киево-печерскому архимандриту Мелетию Хребтовичу-Богуринскому, который в декабре 1579 года получил от короля жалованную грамоту на эту кафедру. Мелетий передал ее в управление своему брату Семену Хребтовичу и зятю епископа Феодосия владимирскому войту Михаилу Дубницкому. Эти управители грабили и расхищали имущество епархии. Архимандрит Мелетий сидел в Киево-Печерской лавре и титуловал себя нареченным епископом “владимирским и берестейским.” По смерти Феодосия он был посвящен в сан епископа. После него владимирскую епископию исхлопотал для себя брестский каштелян Ипатий Поцей, который, по свидетельству “Перестроги,” “вдовцем был, але всех вер собою спробовал и в каждой штож кольвек забавился, также и жидовской не хибил, а бодай и турецкаго алкорану научился.”¹⁶⁴ Став епископом, он был ревностным творцом и насадителем Брестской католической унии.

Луцкой епархией без посвящения в епископский сан управлял Марк Жоравинский. По его смерти король отдал эту епископию Ивану Борзобогатому-Красненскому, изгнанному из Владимирской епархии. Иван Борзобогатый не хотел принимать священный сан, но в 1571 году был принужден к тому митрополитом Ионою. Он распорядился имуществом и имениями кафедры, как своей собственностью. Сыновья его грабили церкви, разгоняли монахов. Луцкие священники жаловались королю, что Борзобогатый запечатывает церкви и запрещает служить в них, чтоб только вынудить подачку. Наконец преступления его подверглись законному наказанию. В 1585 г. его присудили к лишению всех гражданских прав и изгнанию из отечества (баниции). Кафедру король отдал пинскому епископу Кириллу Терлецкому, который оказался главным действующим лицом во время Брестской унии.

Епископы, получившие кафедры от короля, мало интересовались епархиальными делами. Вместо того, чтобы быть блюстителями церковного порядка и духовными пастырями своих прихожан, они сами подавали дурной пример, чиня беспорядки и беззакония. Имея епархии и распорядясь их имуществом, они выпрашивали для себя богатые монастыри и жили роскошно, ничем не отличаясь от светских панов и магнатов. Столь недостойные епископы причиняли Церкви огромный вред, подрывали ее авторитет и вносили большой соблазн в народ, который был глубоко предан православной вере и Церкви.

Произвол польских королей в “надаваньи хлебов духовных” коснулся и кафедры литовского (киевского) митрополита. По установившейся практике, митрополита избирали высшее духовенство и высшие круги православной шляхты. В то время оставались еще православными князья Острожские, Друцкие, Соломорецкие, Пронские, Порыцкие, Пеструцкие, Путятинские, Олельковичи, Слуцкие, Четвертинские, Чарторийские, Збаражские и многие другие знатные фамилии. По их настоянию, король предоставил им право избирать на кафедру митрополита, а за собой оставил право утверждения его. Но этим правом короли злоупотребляли и жаловали митрополичью кафедру лицам светским, которых православные не избирали. Так, Степан Андреевич Белькевич, королевский скарбник в Вильно, сначала выпросил у короля Виленскую Троицкую архимандрию, которой управлял, не имея духовного сана, а потом, при жизни митрополита Макария — и митрополию. Таким же порядком в 1565 году эту же митрополию получил от короля владимирский епи-

¹⁶³ Там же, стр. 165-166.

¹⁶⁴ Там же, стр. 166-167.

скоп Феодосий Лазовский, который митрополитом не стал, а уступил митрополю шляхтичу Илье Куче, получившему от короля Стефана Батория право на управление ею. После Ильи Кучи король отдал митрополю пану Онисифору Девочке в 1679 году, двоюродному брату, не имевшему права быть в священном сане. Такие митрополиты и епископы разобщиали Церковь и создавали в ней нестроения. “Бывали исперва, — говорит автор “Перестроги,” — на престолах митрополитов и епископских мужи святобливые, благообразные и подвижники. За тем наступовали на столице митрополитове и епископове неискусные, мужи ленивые и недобрые, и так за ними порядки церковные в забвение пришли. Книги, какия еще оставались, прахом пропали; уважение к родной вере так упало, что не только люди шляхетского стану, но и простаго стану люди в неверство и отщепенство приходили, от духовных соблазнены будучи.”¹⁶⁵

Не избежали злой участи выдающиеся богатые монастыри. Короли, в особенности Сигизмунд II Август и Стефан Баторий, раздавали их во владение светским людям без всякого разбора, иногда даже иноверцам, или один монастырь двум лицам разом. Получив от короля монастырь, такой пан величал себя “настоятелем монастыря,” никакой церковной власти не признавал над собой, подчиняясь только королю. Король запрещал даже митрополиту входить в дела монастыря, в котором настоятельством светский пан. Некоторые из них жили в монастырях со своими женами и семейством, к общему соблазну монахов и народа. Духовной жизнью монашеской братии такие настоятели не интересовались, а заботились лишь о том, чтобы получить побольше доходов с монастырских имений. Последствия такого хозяйничания известны: имения монастырей постепенно разорялись и истощались; сами монастыри с их церквами оставались в совершенном небрежении, ветшали и разрушались; все ценное из них уносилось или увозилось; монахи разбегались и монастыри опустевали. Вследствие всего этого и усердие православных к святой обители ослабевало, пожертвования на монастыри становились реже и реже, новых монастырей почти не возникало. Произвол королей в Православной Церкви в корне подтачивал монастырские устои и разрушал монастырскую жизнь.

Раздача королем епископских кафедр — противоканоническое действие.

Православная Церковь во всех странах мира, где бы она ни находилась, устроит свою жизнь на строго канонических началах. Об этом мы уже говорили выше. Канонические правила определили порядок избрания и поставления епископов Церкви. Первый Вселенский собор, состоявшийся в 325 году, в своем 4 правиле постановил: “Епископа поставляти наиболее прилично всем той области епископам. Аще же сие неудобно, или по належущей нужде, или по дальности пути: по крайней мере три во едино место да соберутся, а отсутствующие да изъявят согласие посредством грамот, и тогда совершати рукоположение. Утверждати же таковыя действия в каждой области подобает ея митрополиту.” Такая практика поставления епископов подтверждалась не только Вселенскими, но и Поместными соборами, например: Антиохийским в 341 году (правило 19), Лаодикийским в 343 году (прав. 12), Сардикийским (ныне София в Болгарии) в 343 году (прав. 6), Карфагенским (ныне Тунис) в 419 году (правилами 13, 49 и 50). Эти правила строго исполняются в Православной Церкви, а при нарушении их она перестает быть Православной.

Канонические правила не допускают вмешательства государственных властей или светских начальников в дела Церкви при избрании и поставлении епископов. Тридцатое

¹⁶⁵ Там же, стр. 142.

правило Святых Апостолов говорит: “Аще который епископ, мирских начальников употребив, чрез них получит епископскую в церкви власть: да будет извержен и отлучен, и все сообщающиеся с ним.” VII Вселенский собор в 787 году в Константинополе, основываясь на Апостольских правилах, определил: “Всякое избрание во епископа, или пресвитера, или диакона, делаемое мирскими начальниками, да будет недействительно.”

Право и обязанность избрания и хиротония епископа и митрополита всегда принадлежали, по правилам, исключительно собору епископов. Светская власть, каковой бы она ни была, не имела права вмешиваться в это чисто внутреннее церковное дело. Светская власть в лице императоров или королей начала влиять на церковные дела с IV века, когда греко-римские императоры и короли разных стран сделались христианами, но и тогда это влияние при поставлении в сан епископов было ограничено каноническими предписаниями Церкви и, следовательно, только в определенных границах принималось и признавалось Церковью. В тех же случаях, когда государственная власть переступала установленные законом границы или же когда лица, желающие во что бы то ни стало сделаться епископами и не могущие достигнуть этого законным путем через церковную власть, обращались за помощью к светской власти, Церковь решительно возвышала свой голос для произнесения торжественного осуждения подобных нарушений одного из основных ее правил.

Польские короли, при раздаче епископских и митрополичьей кафедр светским лицам без избрания их Церковью, грубо нарушали канонические правила Церкви (вынесенные Вселенскими Соборами). Для них, как римо-католиков, эти правила не имели значения, да они их и не знали. Но те православные лица, которые получили от короля сан митрополита, епископа или игуменскую должность в монастыре, находились в полном конфликте с основными правилами своей Церкви. Они становились митрополитами, епископами или игуменами неканоническими, следовательно, незаконными и подвергались, по правилам, извержению из священного сана и отлучению от Церкви. Вот в таком неканоническом положении находилась Православная Церковь под властью польских королей в Великом Княжестве Литовском и Польше. Это произошло в результате произвола и незаконного вмешательства в православную церковную жизнь польских королей.

Церковные соборы.

Канонический принцип о ежегодном созыве собора епископов для рассмотрения и решения церковных дел не соблюдался в Литовско-Наваградской митрополии. Соборы не созывались десятилетиями. В летописях и старых документах встречается указание, что за все время существования этой митрополии их было всего несколько, но сохранились акты только одного собора 1509 года.

Впервые большой собор епископов Литовской митрополии был созван великим князем литовским Витовтом в 1414 и 1415 годах для выбора митрополита. С выбором митрополита собор закрылся. Никаких других церковных дел на нем не обсуждалось.

О соборе 1509 года, созванном одним из ревностнейших архипастырей Православной Церкви в Великом Княжестве Литовском, митрополитом Иосифом Солтаном, сохранились более подробные сведения. На нем присутствовали 8 епископов, 7 архимандритов, 6 игуменов, 7 протоиереев и несколько священников. Деяния и постановления его изложены в 15 главах, которые касаются следующих вопросов:

“1) никому не подкупаться под живыми епископами, архимандритами и священниками;

2) архиепископу и епископам отнюдь не поставлять на священство дьяков из чужих епархий без повеленной грамоты от их епископа и без отпускных листов; 3) во епископы и во всякую степень священства ставить только достойных, после обыска и по свидетельству и поручительству их духовного отца; а недостойных отнюдь не ставить, если и господарь (т.е. великий князь литовский) присылать будет; 4) если же какой-либо епископ или священник, утаив свою виновную совесть от своего духовного отца, восприимет святительство или священство, но потом будет обличен, — такового отлучить от божественной службы; 5) о непослушных подпавших под неблагоприятие своего епископа и отходящих в другие епархии, и чтобы таковых не принимать; 6) о священниках, неимущих жен, чтобы не допускать их священнодействовать, если не поступят в монахи; 7) о запрещении патронам отнимать церкви у священников без ведома святительского; 8) о священниках княжеских и панских; 9) о церквах, которые будут стоять без священников и пения; 10) аще князь или боярин от церкви что отоймет; 11) об отлучении сана; 12) об отходящих чернецах без отпускной грамоты игумена; 13) о божественных правилах Кормчей, чтобы мирские люди не держали у себя дома; 14) епископы должны являться на соборы к митрополиту, и духовенство к епископу без всякого послушания; 15) о твердости уставления или необходимости исполнения постановленных правил.”¹⁶⁶

Все эти соборные решения были вызваны обстоятельствами церковной жизни и имели целью поднять дисциплину среди духовенства.

В 1514 году был созван митрополитом Иосифом Солтаном новый собор в Вильно. Программа его деятельности неизвестна. Архиепископ Макарий указывает, что на нем обсуждался вопрос об установлении празднования в честь преп. Елисея Лавришевского.¹⁶⁷

13 февраля 1546 года король Сигизмунд I, “услышавши от многих князей и панов о нерядности и несправе межи духовенства греческаго закона, також межи князей и панов и простых людей, и что епископы поступают не по правилам святых отец,” предложил митрополиту Макарию созвать собор, на который позвать “кого бы ведали не в законе мешкающих.” Собор назначался на Воздвижение Креста Господня в Вильно. “А мы, — писал король, — с зvirхности нашей господарской хотим во всех тых речах твоей милости допомогати, абы чрез то некотораго блуду и нестроенья межи христианства в панстве нашем не было, которое ся начало и тых часов дееть.” Король обещал по приезде в Вильно подробнее указать, “што маете межи собою справовати.”¹⁶⁸ Состоялся ли этот собор, и что на нем было постановлено, никаких указаний не сохранилось.

В 1558 году митрополит Сильвестр Белькевич созывал собор в Вильно “к постановленью веры и закону христианскаго.” Из одного документа, относящегося к этому собору, известно, что митрополит просил короля повелеть “всем епископам, архимандритам, предложоным духовнаго стану закону греческаго, съехатися на час певный.” Такое распоряжение король сделал.¹⁶⁹ Акты этого собора не сохранились.

Недвижимое имущество Церкви.

Православная Церковь на Руси приобрела право на владение недвижимым имуществом с самого начала своего существования. Русские князья и бояре, основывая монастыри и созидавая церкви, наделяли их землей и дарили духовенству все, необходимое для жиз-

¹⁶⁶ Там же, стр. 206-207; Макарий, IX, стр. 166-174.

¹⁶⁷ Макарий, IX, стр. 176.

¹⁶⁸ Чистович, 1, стр. 207.

¹⁶⁹ Там же, стр. 207-208.

ни. Богатые люди делали дарственные записи и вклады деньгами и недвижимым имуществом в пользу монастырей и церквей для поминовения их души на вечные времена. В Беларуси и в других странах Великого Княжества Литовского такого рода записи были узаконены королем Владиславом в 1443 году. Король предоставил православным все права, вольности, льготы и порядки, какие имели римо-католические духовные власти и учреждения. В имущественном отношении Православная Церковь была уравнена с Римо-Католической.

Это право подтвердил великий князь литовский Александр 20 марта 1499 года. Оно было внесено в Литовский статут редакции 1521-1529 гг., а потом повторено в том же статуте редакции 1566 года. На основании этого права каждый владелец имел возможность продавать или дарить свое недвижимое имущество (имения, леса, луга и земли) в пользу православных монастырей и церквей. Благодаря такому узаконению, православные монастыри владели имениями или земельными угодьями, которые давали им материальные средства содержать монастырскую братию, а при церквях — причт.

Пожертвования в пользу монастырей и церквей не прекращались, пока существовали богатые православные фамилии. Так, супруга кобринского князя Ивана Семеновича, княгиня Феодора, подарила в 1491 году на помин души мужа Спасскому монастырю в Кобрине село Корчичи со всеми доходами и данями. В 1492 году княгиня Анна Швидригайлова пожертвовала церкви Святителя Николая в с. Переходовичах, городецкого повета, землю Бобучинскую; а кн. Иван Ярославич дал той же церкви “землю Микитину с нивами, бортами и сеножатью.” Слуцкая княгиня Анна пожаловала Слуцкому Троицкому монастырю села, земли и угодья. Князь мстиславльский Михаил Иванович подарил в 1500 году Пустыньскому монастырю в Мстиславле бортную землю Измайловскую, а священнику Николаевской церкви в том же городе — сельцо с пашнями и сеножатями. В 1502 году большие земельные угодья подарил кн. пинский Феодор Ярославич соборной церкви в Пинске; Иван Сапега даровал землю для церкви в Кодене. Князь Матфей Головчинский отдал Виленскому Троицкому монастырю два имения: Свинтыники в 1536 году и Пурвиныки в 1539 году.

Примеры подобного рода можно было бы продолжить, но приведенных достаточно, чтобы видеть, как знатные благодетели жертвовали свои имения церквям и монастырям. Кроме того, многие монастыри покупали земли за монастырские деньги. Большое количество недвижимого имущества числилось за архиерейскими кафедрами, особенно богатыми были митрополичья и владими́ро-во́льнская кафедры.

О положении церковного имущества в XVI веке свидетельствует письмо митрополита Ионы, который в 1568 году просил, “абы тыя наданья церковныя стародавныя, которыя безправне, моцью, чрез многих станов от церквей Божиих забраны, были к ним привернуты и в держанье, кому что надлежит, подано.” Король приказал “таких особ ознаямити и час, коли и што взято.”¹⁷⁰ Но грабеж и расхищение монастырского и церковного недвижимого имущества продолжался.

5. Католичество и католическая уния в Беларуси.

¹⁷⁰ Там же, стр. 209.

Распространение католичества.

В старинной белорусской летописи Петра Быховца говорится: “и той Петр Гаштольд наипервое принял веру римскую и до Литвы принес... а римской веры в Литве не было, только руская замешалася.”¹⁷¹ Речь здесь о Беларуси и прежде всего о Вильно. Петр Гаштольд, вероятно, первый из виленцев принял римо-католическую веру в Кракове около 1364 года и приехал оттуда домой уже католиком. Православная же вера не только “замешалася,” но была уже в то время господствующей в Вильно и во всей Беларуси.

Насадителем римско-католической латинской веры в Беларуси был Ягайло, который в Креве в 1385 году по договору с поляками сам принял эту веру и сделал ее государственной в Великом Княжестве Литовском. Вместе с польско-латинским духовенством он крестил в католичество литовцев-язычников в Вильно и Троках. В 1387 году основал латинскую епископию в Вильно, учредил многие католические приходы и одарил их богатыми имениями. В этих приходах польско-католические священники вели миссионерскую работу под покровительством Ягайло.

Заботясь об укреплении и распространении новой религии, Ягайло издал запрещение римо-католикам вступать в браки с православными, “пока наперед русин или русинка не признают покорности римской церкви.” В случае нарушения этого запрещения повелевалось принуждать к принятию католической веры телесными наказаниями того из супругов, который исповедовал православие.¹⁷² Это распоряжение поставило католиков в привилегированное положение в православной стране, каковой была тогда Беларусь.

Римо-католическая пропаганда среди язычников литовцев и православных белорусов сразу же была достаточно сильной, но успеха не имела. Католические миссионеры пользовались такими мерами воздействия в своей миссии, что народ тяжело страдал и готов был бежать с родной земли, куда глаза глядят. На это обратил внимание великий князь литовский Витовт и вынужден был усмирять миссионерскую ревность удалением наиболее фанатичных миссионеров.

В последующее время католичество развивалось в Беларуси постепенно, пользуясь покровительством и помощью польских королей, дававших большие привилегии католикам и ограничивавших в правах православных. Несмотря на это, православные твердо исповедовали родное православие и королевскими привилегиями не соблазнялись. Краковский каноник Ян Сакрани писал в своем сочинении “Истолкование заблуждений русской веры” в 1500 г., что “по упорству в своей схизме русские не верят никакой предлагаемой им истине, не принимают никакого убеждения и всегда противоречат; убегают от ученых католиков, ненавидят их учение и отвращаются от их наставлений... Русские до того ненавидят веру латинян, что желали бы не только вредить ей, но даже искоренить ее во всем мире.”¹⁷³

Наступление римо-католиков на православных.

Это наступление велось по двум линиям, с одной стороны наступали на высший класс — князей и богатую шляхту, а с другой стороны, на высшую церковную иерархию — митрополита и епископов. Давление на православную аристократию и шляхту производилось посредством отнятия шляхетских привилегий и лишением государственных должностей, а от митрополита и епископов требовали подчинения Римскому папе.

¹⁷¹ Филарет, стр. 203.

¹⁷² Чистович, 1, стр. 50-51.

¹⁷³ Макарий, IX, стр. 140.

Первая попытка такого рода была сделана королем Ягайло, который в 1396 году уговаривал митрополита Киприана соединиться с Римско-Католической Церковью. Киприан сослался на авторитет Константинопольского патриарха в этом вопросе и таким образом избежал неприятного для себя разговора с королем.

Следующая попытка подчинить православных папе была сделана Витовтом и тем же Ягайло, когда по их настоянию митрополит Григорий Цамблак ездил в 1418 году на католический собор в Констанцу, где обсуждался вопрос о соединении Церквей. Митрополит Григорий унии не принял и от подчинения папе отказался, чем разгневал Витовта.

Великий князь литовский Свидригайло, по чисто политическим мотивам, склонял митрополита Герасима подчиниться папе. В 1434 году Герасим написал письмо папе Евгению IV и получил восторженный ответ. Эта переписка литовского митрополита с главой Католической Церкви ни к чему не привела.

Более серьезную попытку подчинения Риму Русской Православной Церкви предпринял киево-московский митрополит Исидор в 1441 году, но был изгнан за это из Москвы, бежал в Великое Княжество Литовское, а потом уехал в Рим, где оставался до конца жизни, занимаясь интригами против Православной Церкви.

Известно жестокое гонение на православных, начатое римским униатским митрополитом Григорием Болгарином в Великом Княжестве Литовском в 1458-1469 годах. По свидетельству епископа черниговского и брянского Евфимия, сбежавшего в Москву “от такового злого гонения,” Григорий “воздвигл злую бурю и развращение на Церковь Божию, и что великая от него налога православному христианству” была. Это “злое гонение” велось по воле короля Казимира, которому папа приказал в своей грамоте подвергать тяжким мукам тех, кто станет противиться Григорию.¹⁷⁴ Злая буря гонения продолжалась десять лет и закончилась тем, что сам Григорий перешел в православие и покорился Константинопольскому патриарху.

Под сильным давлением польского короля Казимира в 1476 году литовский митрополит Мисаил (Пестручей) послал грамоту папе Сиксту IV, в которой восхвалял папу и выражал свою покорность ему, одновременно жалуясь на католиков, притеснявших православных.

Король Александр, ревностный католик, женатый на великой княжне московской Елене Ивановне, православной, воспламенившись идеей обращения в католичество православных своего государства, провел в литовские митрополиты своего кандидата, епископа смоленского Иосифа Болгариновича, согласившегося принять унию по договору с королем. Утвердившись на митрополичьем престоле, Иосиф Болгаринович начал действовать в пользу католичества. Подробности его про-католической деятельности неизвестны, но велась она открыто. По поводу ее писал в мае 1499 года князю Оболенскому подьячий Федор Шестак, находившийся при великой княгине Елене Ивановне в Вильно, следующее: “Здесь, у нас, господине, произошла великая смута между латинами и нашим христианством. В нашего владыку смоленскаго дьявол вселился и вместе с Сапегою отменником они возстали на православную веру.”¹⁷⁵ Через год митрополит Иосиф умер, и его католическая деятельность не успела принять широкого размаха.

Итак, начиная с Ягайло, польские короли стремились обратить православных в католическую веру. Для этой цели они пытались использовать высшую православную иерархию к общему соблазну православных верующих.

¹⁷⁴ Макарий, там же, стр. 25.

¹⁷⁵ Там же, стр. 95.

Большое значение в деле развития католицизма в Беларуси имели иезуиты. Они прибыли в Польшу в 1569 году по приглашению польского кардинала Гозия. В Вильно они открыли коллегиум и гимназию для обучения юношества. Виленский католический епископ Протасевич издал послание с призывом к родителям отдавать своих детей в иезуитские школы. Призыв имел успех, и школы наполнились учениками. В 1586 году в них обучалось уже более 700 учеников. Преподавание велось на латинском языке. При школах иезуиты содержали общежитие для бедных учеников.

Из Вильно иезуиты распространили свою деятельность на всю Беларусь и Украину. Польский король Стефан Баторий, отвоевавший гор. Полоцк 27 сентября 1579 г. в войне с Москвой, в благодарность Богу за одержанную победу, основал там для иезуитов костел и коллегию, которым отдал во владение восемь церквей и семь монастырей с именными. Для православных оставил только один кафедральный Софийский собор. В королевской грамоте от 20 января 1582 года была указана цель, с которой король передал иезуитам православные церкви и монастыри в Полоцке: чтобы иезуиты содержали коллегиум для воспитания в католической вере юношества, распространяли католическую веру среди схизматиков, устроили латинские, т.е. римо-католические приходы в Беларуси и, следовательно, искореняли православие.

Иезуитская деятельность распространилась далеко за пределы Беларуси. Король Стефан Баторий, бывший протестант, после избрания на польский королевский престол сделался ревностным покровителем иезуитов. Он окружил себя ими, умножал их школы, наделял именными и сделал из виленской коллегии академию. При его содействии иезуиты открыли свои коллегии в следующих городах Беларуси: Вильно, Полоцке, Витебске, Орше, Смоленске, Мстиславле, Минске, Слуцке, Несвиже, Слониме, Бресте, Дрогичине, Гродно, а также в городах Украины, Холмщины и Галичины. Многие православные родители отдавали своих детей в иезуитские школы.

Деятельность иезуитов не замыкалась в стенах коллегий и общежитий для школьников. Они повсеместно проповедовали свою веру среди православных словом устным и печатным. Они выступали с проповедями на площадях, рынках, в общественных местах. Вызывали православных на открытые диспуты о предметах веры, издавали и распространяли католическую литературу, направленную против православной веры. Особенно ревностным деятелем на этом поприще был иезуит Антоний Пассевин. Во время своего продолжительного пребывания в Вильно он издал на белорусском и польском языках несколько сот католических катехизисов, но православные типографы, печатавшие эти книги, вносили поправки при корректуре и тем ослабляли их влияние на православных. Кроме Пассевина, сочинения против православной веры писали и другие католические богословы, например Петр Канизия, иезуит Гербест, Петр Скарга. Миссионерская работа велась со всей энергией и всеми способами. Православные защищались от католической пропаганды, как умели и как могли.

Приготовление к церковной унии.

Существование Православной Церкви в Великом Княжестве Литовском и Польше не давало покоя католикам. Польские короли, польско-католическое духовенство и весь государственный аппарат были против Православия.

Особенно сильным вдохновителем католической акции приведения православных под власть Римского папы был иезуит Петр Скарга Певензки, известный в то время польский проповедник. В 1577 году он издал на польском языке книгу под заглавием: “О

единстве Костела Божия и о греческом от этого единства отступлении.” Книга была написана убедительно и толково. Она смущала умы православных, не знавших богословских истин. Православные не могли противопоставить этой книге свою литературу, потому что в то время было мало подготовленных и талантливых духовных писателей. Пробовал писать князь Курбский, живший в своем имении на Волыни, но его сочинения были недостаточно сильными. Только в середине XVII века, благодаря Могилянской академии в Киеве, православные смогли вступить в открытую полемику с католиками, с успехом разоблачая заблуждения католического учения.

После политической Люблинской унии 1569 года, когда Великое Княжество Литовское было присоединено к Польше, польские короли Сигизмунд Август, Стефан Баторий и Сигизмунд III со всей силой своего авторитета действовали в целях искоренения Православия, разрушения Православной Церкви и обращения православных в католическую унию. Для ускорения этой задачи королевские власти усилили свои нападения на православных, положение которых и без того было тяжелое, а в некоторых местах просто невыносимое. Особенно бесчинствовал луцкий староста А. Семашко, бывший православный, перешедший в католичество. Он причинял большие неприятности луцкому епископу Кириллу Терлецкому. По его приказу к воротам замка, в котором жил епископ, были представлены специальные урядники с гайдуками с поручением брать пошлину с каждого входившего в замок. За несколько дней до Пасхи в 1591 году Семашко посадил под домашний арест епископа Кирилла, обвинив его в мужеложстве, убийстве и других преступлениях.

В Страстную субботу и Светлое Воскресенье, 20 и 21 апреля, вовсе не было богослужения в замковом соборе, потому что некому было служить. Все духовенство Луцка толпилось у ворот замка, но никто из духовных лиц не был пропущен ни в церковь, ни к епископу. Сам епископ в эти дни сидел в заточении, не ел и не пил, озяб от холода и голода, потому что к нему не пропускали ни съестных припасов, ни слуг, а иных даже вытолкали из замка. В притворе замковой церкви стражники устроили увеселение с танцами и стрельбой в крест на куполе церкви. Епископа судили и покарали штрафом за ввоз оружия в замок. Этот же Семашко напал со своей бандой на имение львовского епископа Гедеона Балабана и пытался отобрать имущество Жидичинского монастыря, принадлежавшего этому епископу. Маршалок литовский князь Альбрехт Радзивилл разграбил имения пинского епископа Леонтия Пельчицкого. Никакого правосудия не существовало, везде господствовала власть сильного. Самоуправства и бесчинства католиков по отношению к православным сильно осложняли православную церковную жизнь в Великом Княжестве Литовском.

Путем обид и притеснений католики насильственно загоняли православных в ограду Римской Церкви. Поляки, понимая это, поощряли издевательства над православными епископами.

Терпение у некоторых православных епископов иссякло, и они решили переходить в католичество с сохранением своего восточного обряда. Главными зачинщиками в этом деле были епископы: луцкий Кирилл Терлецкий, львовский Гедеон Балабан, пинский Леонтий Пельчицкий и холмский Дионисий Збируйский. В 1591 году, 24 июня, съехавшись в Бресте, они составили и подписали акт о подчинении Римскому папе. Сделали это тайно, предварительно сговорившись между собой. В октябре того же года они вторично собрались в Бресте для обсуждения своих дел. Митрополита Михаила Рогозу не посвящали в свои тайные планы, опасаясь, что он не согласится с ними. Полоцкий епископ Афона-

сий Терлецкий был стар, и ожидали его смерти. Кирилл Терлецкий взялся подготовить к унии митрополита. Дело продвигалось медленно. Только к декабрю 1594 года подготовительные работы более или менее были закончены и дали возможность епископам-униатам продолжать свое дело более уверенно и смело.

В начале декабря 1594 года епископы Потей и Терлецкий составили от лица всех православных епископов акт, в котором после обычных восхвалений Римского папы заявляли: “Мы умыслили, с Божией помощью соединиться, как было и прежде, с братиею нашею римлянами под одним видимым верховным пастырем и даем себе пред Господом Богом обет, что мы всем сердцем и со всею ревностию будем стараться, каждый порознь, о приведении и прочаго нашего духовенства и всего народа к тому же соединению. А для большаго возбуждения к тому мы составили между собою настоящий письменный акт, которым и свидетельствуем нашу полную и неизменную волю на соединение с Римским Косьцелом.” Акт этот был написан 2 декабря. Сперва его подписали только авторы: Ипатий Потей и Кирилл Терлецкий, оба волынские епископы. Но позднее они собрали подписи других епископов: митрополита литовского Михаила Рогозы, архиепископа полоцкого и витебского Григория Загорского, епископа пинского и туровского Леонтия Пельчицкого, епископа холмского и белзского Дионисия Збируйского, архимандрита кобринского Ионы Гоголя, нареченного епископа пинского. Два епископа: львовский Гедеон Балабан и перемышльский Михаил Копыстенский отказались от унии.¹⁷⁶

Когда это тайное дело было закончено и стало верным, Кирилл Терлецкий не считал нужным более скрывать его. Он затеял поездку в Рим, и на дорогу нужны были деньги. Король разрешил ему отдать в аренду на двадцать лет все церковные имения Луцкой епархии на покрытие путевых расходов. По указанию короля, в Рим должны были ехать Кирилл Терлецкий и Ипатий Потей. Король ликовал от радости, что православные иерархи согласились и подписали акт о принятии ими унии.

Хотя митрополит Михаил Рогоза подписал акт об унии, но для виду еще лукавил перед лицом православной паствы. В желании скрыть следы измены православию, он писал письма князю К. Острожскому, воеводе наваградскому Ф. Скумину-Тышкевичу и др. важным лицам, представляя себя врагом унии. Скумину он писал в одном из писем: “Если бы я согласился на унию, то от короля обещана большая ласка, за несогласие же — немилость и притеснение всему христианству. Не оставить ли митрополию? Нужен мне совет вашей милости. Хотел бы я при всяких вольностях матку нашу — Церковь оставить, а не под ярмом; только бы условия были обеспечены граматами.” Возмущенный такой наглою ложью, Скумин отвечал митрополиту: “Изволил уведомить меня ваша милость, что от владык началось дело об унии без вашего соизволения. Но я получил известие от королевского двора, что после сейма краковского были в Кракове у короля послы от всего нашего духовенства и показали пред королем письменное позволение от вашей милости и верящие от вас граматы... Теперь вы спрашиваете у меня совета, что тут делать? Но трудно советовать о том, на что уже согласились и что королю подали и утвердили; совет мой тут был бы напрасен, только на смех.”¹⁷⁷

Поездка в Рим для оформления унии.

Приготовив все необходимое для отъезда в Рим, епископы Ипатий Потей и Кирилл Терлецкий выехали из Кракова в конце сентября 1595 года с большой свитой духовных и

¹⁷⁶ Там же, стр. 551-552.

¹⁷⁷ Там же, стр. 580-581.

светских лиц. В Рим они прибыли 15 ноября. Папа принял их ласково, поместил в роскошном дворце близ своего замка и приказал в изобилии отпускать для них все потребное. 23 декабря в большом зале папского замка происходило торжественное заседание Священной коллегии, во время которой епископы униаты присягнули от себя и от лица остальных западно-русских архиереев на вечное присоединение к Римской Церкви Православной Церкви Великого Княжества Литовского и Польши.

Церемония принятия была весьма красочна. Ее подробно описал в своем труде архиепископ Макарий. Папа восседал в полном облачении на троне в окружении 33 кардиналов. Присутствовали многие архиепископы, епископы и прелаты, среди которых находились церковный католический историк Цезарь Бароний, послы Франции и другие высшие сановники папского двора, иностранцы, в том числе свита Терлецкого и Потей, ученики униатской греческой коллегии и другие. Два церемониймейстера ввели Ипатия и Кирилла в зал. После ритуальных поклонов, их подвели к папе. Они поцеловали его туфлю и, стоя на коленях, кратко заявили устами Ипатия Потей, говорившего по-латыни, о цели своего прибытия и подали папе привезенные акты об унии. После этого их отвели назад к входу в залу, где стояла на коленях их свита. Папа приказал читать вслух все акты Ипатия и Кирилла. Виленский каноник Евстафий Волович прочитал их в подлиннике на государственном белорусском языке, стоя с левой стороны папского трона. После этого, стоявший с правой стороны трона папский секретарь прочитал те же документы в латинском тексте. По окончании чтения папский секретарь обратился к Ипатию и Кириллу с речью на латинском языке от имени папы, в заключение предложив им прочитать исповедание католической веры. Каждый из них громко прочитал выработанный текст речи и исповедания веры. Были повторены все латинские догматы. По прочтении текста исповедания веры Ипатий и Кирилл приблизились к папе и со слезами поцеловали его ноги. Папа тихо сказал им несколько ласковых слов, обнял и поцеловал. Затем объявил вслух, что принимает их и отсутствующих митрополита, епископов, все духовенство и весь народ. По приказу папы кардинал пресвитер и инквизитор публично разрешил Ипатия и Кирилла от всех епитимий, благословил их остаться в епископском сане и продолжать свое служение Католической Церкви. Папа, обратясь к новоприсоединенным униатам, дал им право разрешить и благословить прочих епископов Литовской митрополии, чтобы те в свою очередь разрешили и благословили все духовенство. По просьбе Ипатия и Кирилла были приведены к папе все их спутники, которые облобызали папскую туфлю. Папа благословил всех и покинул зал.¹⁷⁸

Вскоре после этой церемонии, именно 21 января 1596 г., папа утвердил конституцию об унии. В конституции были указаны условия, которые униаты должны были соблюдать. Среди условий был следующий пункт: “Позволяем им и разрешаем все священные обряды и церемонии, какия употребляют они при совершении божественных служб и святейшей литургии, так же при совершении прочих таинств и других священнодействий, если только эти обряды и церемонии не противоречат истине и учению католической веры и не препятствуют общению с римскою церковью, — позволяем и разрешаем.”¹⁷⁹

В память этого события были выбиты из золота и серебра памятные медали с надписью: “Клеменс VIII Понтифекс Максимус А. У.,” а на обратной стороне изображены папа, сидящий на троне, с сидящим подле него на особом седалище кардиналом, и благо-

¹⁷⁸ Там же, стр. 621-631.

¹⁷⁹ Там же, стр. 631.

словляющий западно-русских епископов, стоящих на коленях перед папой, и за ними два стоящие каноника.

В начале февраля 1596 г. Кирилл и Ипатий выехали из Рима, а 3 марта луцкий католический епископ Бернард Мацеевски воспевал в своем костеле “Тэ Дзэум” по случаю благополучного возвращения из Рима униатских епископов в добром здравии и с радостными вестями.

Созыв униатского собора в Бресте.

Епископы сделали свое злое дело: отступили от православия и приняли римо-католичество с сохранением восточного обряда. Оставалось сделать унию всеобщей религией для православных в Беларуси, Холмщине, Галичине, Подлясьи, Волыни и Украине. Но без распоряжения короля этого нельзя было сделать. Все католики с нетерпением ожидали королевского распоряжения, которое почему-то не появлялось. И только 14 июня 1596 года был обнародован королевский универсал, где говорилось: “Имея в виду древнее соединение Церквей восточной и западной, всегда способствовавшее возвышению и процветанию царства, и подражая примеру великих государей... среди других наших государственных забот склонили мы наш помысл и на то, чтобы людей греческой религии в нашем государстве привести к прежнему единству с католическою церковью, римскою, под властью одного верховнаго пастыря... И как не мало знатных людей греческой веры, желающих святой унии, просили нас, чтобы мы для окончания этого дела велели собрать собор, то мы и позволили вашему митрополиту, кир Михаилу Рогозе, созвать собор в Бресте, когда признает то с другими вашими старшими духовными наиболее удобным, будучи уверены, что вы, когда хорошо поразсудите, ничего полезнее, важнее и утешительнее для себя не найдете, как святое соединение с католическою церковью.” В универсале поясняется, что на собор приглашаются католики Римского Костела и Греческой Церкви, которые к этому единству принадлежат. Православным разрешалось присутствовать на соборе, но “только со скромностию и не приводить с собой толпы.”¹⁸⁰

На основании королевского универсала митрополит Михаил Рогоза 21 августа разослал приглашения на собор в Брест, который назначался на 6 октября 1596 года “для прислуханья и обмышливанья” уже подписанной унии. К собору начали готовиться не только униаты, но особенно усиленно православные. Все ожидали указанного срока с большим волнением и напряжением.

В назначенное время в Брест съехались епископы-униаты, некоторые римо-католики и православные. Митрополит Михаил Рогоза с пятью епископами отправился в Свято-Николаевскую церковь, служившую кафедральным собором, где совершили литургию и молебен. С польско-латинской стороны присутствовали на соборе три епископа, иезуит Скарга, светские вельможи: князя Николай Радзивилл, Лев Сапега и Дмитрий Халецкий. Православных с ними не было. После богослужения в этой церкви открылись заседания собора.

Православные собрались отдельно от униатов. По распоряжению королевских властей все православные церкви в Бресте были закрыты, поэтому православные вынуждены были собраться в частном доме у протестанта пана Райского. На православном соборе находились: два патриарших экзарха: Никифор от патриарха Константинопольского и Кирилл Лукарис от патриарха Александрийского, а также от Константинопольского патриарха митрополит велиградский Лука; архимандрит Макарий Симона-Петра монастыря на

¹⁸⁰ Там же, стр. 643-644.

святой горе Афон, по поручению епископа венецкого; архимандрит Пантелеимонова монастыря на Афоне Матфей, по поручению епископа мукацкого Амфилохия; два православных епископа Галичины: львовский Гедеон Балабан и перемышльский Михаил Копыстенский и с ними девять архимандритов: киево-печерский Никифор Тур, дерманский с Вольни, супрасльский с Гродненщины, пинский и другие, два игумена и множество протоиереев, священников, монахов, по одному свидетельству до 106, а по другому — более 200; многие государственные сановники, послы и делегаты. В числе первых был князь К. Острожский с сыном Александром, воеводой волынским; князь Александр Полубенский, каштелян наваградский; стольник земли волынской Андрей Боговитин; судья земский слуцкий Чаплич; судья гродский владими́ро-волынский Павлович и другие. В числе послов одни были от воеводств и поветов: наваградского, киевского, волынского, браславского, перемышльского, пинского, другие от городов: Вильно, Львова, Пинска, Бельска, Бреста, Каменец-Подольского, Киева, Владимира, Минска, Слуцка и прочие; третьи от братств: виленского и львовского. Не следует удивляться, что на собор съехалось такое множество не только духовных лиц, но и мирян. Решался весьма важный вопрос жизни Православной Церкви, а вместе с тем и жизни каждого православного христианина. Король приглашал на собор в Брест своим универсалом всех православных и униатов, но помимо королевского и митрополичьего приглашений у всех православных было горячее желание присутствовать на этом соборе не столько из любопытства, сколько из ревности к родной православной вере, которую все они отстаивали, защищали и оберегали.

Заседания православного собора происходили под председательством экзарха Никифора. В начале заседания избрали два представительства или два кола: высшее и низшее. В высшее представительство вошли все иерархи, архимандриты и игумены — настоятели монастырей, в низшее — все остальные.

После обычных молитвословий владыка львовский Гедеон произнес речь, в которой указал, что митрополит Михаил Рогоза со своими епископами поступили незаконно, отрекшись от православной веры и повиновения Константинопольскому патриарху. Было решено пригласить на собор митрополита. Отправили к нему депутацию из 6 духовных лиц. Митрополит делегацию не принял. Вместо митрополита им ответил пинский епископ Иона Гоголь: “подумаем, коли треба буде явиться, явимся,” и не явились. Православные отправили новую делегацию к папскому легату львовскому епископу Димитрию Соликовскому, выражая желание прибыть на собор к униатам. Соликовский не разрешил. Послали в третий раз делегацию из 9 лиц. Униаты ответили: “Что нами сделано, то уже сделано. Иначе быть или переделаться не может. Хорошо или худо мы поступили, только мы отдались Западной Церкви.” Князь Константин Острожский также посылал к митрополиту знатных людей, желая с ним видеться; но митрополит на то не согласился, а просил князя, чтобы он постарался увидеться с ним и с владыкою владимирским в доме последнего. Встречался ли с ним князь Острожский, неизвестно. Посылали свои грамоты к митрополиту патриаршие экзархи, приглашая его явиться на собор православных; но тот ответа не дал. После всего этого православные открыли свои деловые заседания.

Экзарх Никифор обратился к собору с обширной речью. Он порицал поступок митрополита и его епископов и хвалил православных за их твердость в православии. После речи Никифора приступили к слушанию инструкций, привезенных земскими послами. Их было несколько десятков, но все они сходились в трех следующих пунктах: 1) духовные, отступившие от православия и от власти патриархов, должны быть наказаны лишением сана, какой имели до подчинения их папской власти; 2) поместный собор в Бресте не

вправе решать вопрос о соединении с Римской Церковью без согласия патриархов и всей Восточной Церкви; 3) не принимать нового календаря, явно противного церковным правилам, а сохранить нерушимо употребление старого календаря.

Соборные рассуждения были прерваны прибытием королевских послов с предложением выслать депутатов для выслушивания королевской воли. В числе королевских послов находился иезуит Скарга, который вызвал князя К. Острожского в отдельную комнату и пробовал его уговорить согласиться принять унию, но тот отказался. Собор избрал и послал к королевским послам по четыре депутата от кола духовного и светского. С ними же, по просьбе послов, отправились владыки Гедеон львовский и Михаил перемышльский с несколькими священниками. Королевские послы предъявили православным ряд обвинений: что они прибыли на собор с вооруженной силой; допустили к себе еретиков; собрались в еретическом доме, а не в церкви; поставили главой своего собрания грека Никифора, беглеца, союзника турок и врага Польши и проч. Наконец, королевские послы призвали православных, в особенности шляхту, к присоединению к своим соотечественникам-католикам. Выслушав королевские обвинения, православные послы удалились.

Православный собор, узнав от послов королевскую волю, составил послание к королю с подробным объяснением, почему он не может согласиться на унию и при каких условиях он мог бы ее принять: с согласия всех восточных патриархов.

Окончательно убедившись, что отступившие от православия митрополит и епископы назад не возвратятся и останутся в унии, православные 9 октября постановили следующее: 1) епископы-униаты нарушили клятву, данную ими при их рукоположении, в которой признавали над собой власть Цареградского патриарха, 2) нарушили постановления древних соборов, 3) самовольно, без воли своего патриарха, решили вопрос о соединении Церквей, который может подлежать обсуждению и решению только Вселенского собора, 4) оказали пренебрежение к троекратным вызовам настоящего собора, которыми приглашались на суд. После перечисления преступлений митрополита Михаила Рогозы и его епископов собор потребовал, чтобы тотчас был объявлен приговор над ними. Тогда экзарх Никифор, встав на возвышении и держа в правой руке крест, а в левой — евангелие, громко произнес: “Святая Божия Восточная Церковь повелевает нам и настоящему собору, чтобы митрополит Михаил и поименованные с ним владыки были лишены архиерейского достоинства и служения, епископской власти и всякаго духовнаго сана.” Приговор подписали все члены духовного собора. В тот же день послали объявить этот приговор униатам: митрополиту и его епископам.

В дополнение к приговору православные постановили просить короля через депутатов, чтобы он не удерживал низложенных иерархов униатов в нынешнем их служении, лишил их того хлеба духовного, которым они доселе питались, и благоволил назначить на их места православных митрополита и владык. В заключение всего присутствовавшие на соборе сделали два следующие заявления:

“1) Мы даем обет веры, совести и чести за себя и за наших потомков не слушать этих, осужденных соборным приговором, митрополита и епископов, не повиноваться им, не допускать их власти над нами, напротив, сколько возможно, противиться их определениям, действиям и распоряжениям, и стоять твердо в нашей святой вере и при истинных пастырях нашей Святой Церкви, особенно при наших патриархах, не оставляя старого календаря, тщательно сохраняя огражденное законами общее спокойствие и сопротивляясь всем притеснениям, насилиям и новизнам, которыми бы стали препятствовать целости и свободе нашего богослужения, совершаемого по древнему обычаю. Объявляем об этом

торжественно, прежде всего, пред Господом Богом, потом и всему свету и, в особенности, всем обителям Короны, Великаго Княжества Литовскаго и областей, к Короне принадлежащих. 2) Мы, сенаторы, сановники, урядники и рыцарство, а также и духовные лица греческой веры, сыны Восточной Церкви, собравшиеся сюда в Брест на собор, достоверно узнали ныне от самих вельможных панов, присланных на собор его королевскою милостию, что они с митрополитом и несколькими владыками, отступниками от Греческой Церкви, составили и обнародовали без нашего ведома и против нашей свободы и всякой справедливости какую-то унию между церквами восточною и западною. Мы протестуем против всех этих лиц и их несправедливого деяния и обещаемся не только не подчиниться, но, с Божиею помощию, всеми силами сопротивляться им, а наше постановление, сделанное против них, будем подкреплять и утверждать всеми возможными средствами, и особенно нашими просьбами пред его королевскою милостию.”¹⁸¹

Православные не имели надежды на поддержку короля, поэтому решили перенести дело об унии на Генеральный (вальный) сейм в 1597 году. Перед своим отъездом из Бреста они издали окружное послание к народу, в котором изложили все события на соборе в Бресте.

В тот же день, т.е. 9 октября 1596 года, когда православные выносили свои окончательные постановления, униатские епископы заканчивали свои заседания. Они торжественно прочитали декларацию об унии при звоне колоколов, облобызались с польско-латинскими епископами, процессией отправились в польский костел и там воспели “Тэ Дзум” по случаю окончания дела об унии. После “Тэ Дзум” провозгласили отлучение православных епископов Гедеоны Балабана и Михаила Копыстенского, 10 архимандритов и игуменов, 16 протоиереев поименно и в общей форме всего православного духовенства. На следующий день они объявили о своих решениях народу, обратившись к королю с просьбой о назначении униатов на кафедры православных епископов. Король Сигизмунд III с радостью утвердил все постановления униатского собора и издал универсал от 15 октября 1596 года, объявлявший, что уния находится под покровительством короля и правительства. С этого дня католическая брестская уния получила государственные права и полную поддержку короля и властей.

Заканчивая описание церковных событий в Бресте в 1596 году, историк Русской Церкви архиепископ Макарий писал: “Так состоялась церковная уния в Литве, и совершилось разделение западно-русской церкви на две, хотя, особенно в начале, далеко не равные части! Так окончился период этой церкви или митрополии, когда она на всем своем пространстве признавала над собою только одного верховного первосвященника — константинопольскаго патриарха.” С этого времени начался тяжелый крестный путь Православной Церкви в Беларуси и других православных странах Великаго Княжества Литовскаго, который вел ее к унижению и полному порабощению польско-католическою властью.

Религиозно-нравственное состояние православной иерархии перед унией.

Обычно принято считать, что главная причина, побудившая православную западно-русскую иерархию перейти в католичество при посредстве церковной унии в 1596 году, заключалась в ее низком религиозно-нравственном уровне. И это мнение вполне справедливо, так как подтверждается фактами и документами того времени. Выше уже давались краткие сведения о митрополитах и епископах Литовской митрополии, но это были лишь незначительные наброски того печального положения, в каком находилась

¹⁸¹ Там же, стр. 671-673.

Православная Церковь под властью польских королей в Великом Княжестве Литовском. Документы раскрывают ужасающие примеры недостойного поведения духовенства и иерархии в XVI веке в православных странах этого княжества.

Известно, что главными виновниками такого печального положения Православной Церкви и ее иерархии были польские короли. Вопреки церковным обычаям и законам они самовольно распоряжались православными епископскими кафедрами и монастырями, отдавали их светским лицам в награду за гражданские заслуги или за деньги, ограничивали права православного духовенства и проч. Злоупотребление королей в этой области привело к весьма печальным последствиям для Православной Церкви.

К каким последствиям привела практика вмешательства королей во внутренние дела Православной Церкви в Польше и Великом Княжестве Литовском, могут свидетельствовать письма православного львовского братства и другие документы. В 1585 году православные галицкие послы жаловались на литовского митрополита Онисифора Девочку, что по его попустительству “игумены с женами и детьми живут и церквами святыми владеют и рядят,” что “негодные ся в такой великий стан епископский совершают и, к поруганью закону святого, на столицы епископлей с женами своими, кроме всякаго встыду, живут и детки плодят. И иных, и иных, и иных бед великих и нестроения множество: чего, за жалем нашим, на тот час так много писать не можем. Наставилось епископов много, на одну столицу по два: за тем и порядок сгиб.”¹⁸² Но этот митрополит, к которому было написано обращение, сам был двоеженец и человек сомнительный в вере. Кафедру митрополита он получил в светском звании от короля, а не по выбору православных. Относясь безразлично к церковным делам, он позволял епископам жить с женами, рукополагал священников двоеженцев и троеженцев, подозреваемых в разных преступлениях. Все это было антиканонично, шло вразрез с правилами и обычаями Православной Церкви. Константинопольский патриарх Иеремия, во время своего посещения Великого Княжества Литовского в 1589 году, лишил священного сана этого недостойного митрополита, но не лучшим был и его преемник — Михаил Рогоза, посвященный тем же патриархом.

Львовские православные братчики обратились к Константинопольскому патриарху с письмом от 7 сентября 1592 года, в котором, жалуясь на церковные беспорядки, писали: “Прежде всего да ведает твоя святыня, что у нас так называемые святители, а по истиннее сквернители, обещавшись иночествовать, живут невозбранно с женами; некоторые, многобрачные, святительствуют, другие прижили детей с блудницами. Если таковы святители, то какими же быть священникам? Когда митрополит обличал их на соборе пред всеми и требовал, чтобы они перестали священствовать, они отвечали: “пусть прежде святители перестанут святительствовать, послушают закона, тогда и мы послушаем.” Горе миру от соблазнов! — восклицали братчики в письме. — Епископы похитили себе архимандритства и игуменства, ввели в монастыри своих родственников и мирских урядников, истощили все церковныя имена и упразднили иночество, так что в монастырях не обретается иноков и священноиноков, но по временам совершают службы мирские священники. Церковь наша православная оказывается исполненною всякаго зловерия, и люди смущаются недоумением, не настoit ли время погибели. Многие утвердили совет предаться римскому единоначальному архиерейству и пребывать под папою римским... (Во Львове) попы епископа уже два раза изменяли, отдавая папскому уряду церковные ключи.”¹⁸³

¹⁸² Чистович, 1, стр. 143.

¹⁸³ Макарий, IX, стр. 525-526; Чистович, 1, стр. 143-144.

Женатыми епископами, на которых указывали братчики, были: пинский Леонтий Пельчицкий, холмский Дионисий Збируйский и перемышльский Михаил Копыстенский. Все они находились под угрозой низвержения из священного сана за это. Первые два поспешили перейти в католическую унию под защиту Римского папы, а Михаил Копыстенский остался в православии и продолжал служить до самой смерти.

Безотрадная картина нарисована тем же братством в письме к Александрийскому патриарху в 1592 году. “Церковь сильно смущается, — писали братчики, — люди сановитые, впавшие в разные ереси и хотевшие возвратиться к своему правосерию, ныне отказываются от того, порицая церковное безчиние, а все люди единогласно говорят: если не исправится в Церкви беззаконие, то в конец разойдемся, отступим под римское послушание и будем жить в безмятежном покое. Некоторые неправо возвестили твоему святительству, будто у нас есть люди, не почитающие св. икон: нет таких ни в братстве нашем, ни в целом городе.”¹⁸⁴

Эти свидетельства открывают весьма печальное состояние Православной Церкви в Западной Руси в период перед Брестской унией. В такое состояние привели ее враги православной веры — польские короли — своей религиозной политикой по отношению к Православной Церкви.

В это трагическое для Православной Церкви время нужны были благочестивые, ревностные и стойкие в православии пастыри и архипастыри. Но сменявшие друг друга перед Брестской унией литовские митрополиты: Илья Куча, Онисифор Девочка, Михаил Рогоза, а равно все епископы, получившие от короля епископские кафедры в подарок, посвященные в высокий духовный сан случайно, не могли и не способны были принести пользу Церкви. Будучи носителями высокого сана по благодати священства, они вели жизнь мирскую, богатую и сытую, наподобие той, какую имели все светские паны того времени. Восприняв архипастырское церковное служение, но не имея к тому ни малейшего внутреннего призвания, они думали более о своем земном благополучии. К Римскому папе они ушли в надежде иметь выгоды и королевские привилегии наравне с польско-латинскими епископами и прелатами. Весьма важным условием при переходе их в католическую унию было получение мест в сенате и вольностей, приличествовавших их сану. Эта сторона жизни прельщала их, а не догматические или церковно-религиозные вопросы, которых они не знали и не хотели знать. По сану они были высокими духовными лицами, но по настроению и внутреннему состоянию являлись обыкновенными светскими панами своего времени. Духовная или аскетическая сторона жизни им была непонятна, да они к ней и не стремились. По внутреннему религиозному состоянию это были волки в овечьей шкуре. Нося высший иерархический сан, они помогали королю и римо-католикам разрушать Православную Церковь, губили верующие православные души и погубили свои на- веки.

Митрополит Михаил Рогоза и епископы его Литовско-Наваградской митрополии вначале сговорились уходить в католическую унию все вместе, в полном составе, но два епископа, Гедеон Балабан и Михаил Копыстенский, под влиянием князя Острожского или под внушением собственной совести и собственных соображений, вовремя одумались и отказались от унии. Прочие пять епископов и митрополит с немногими лицами из низшего духовенства остались униатами на всю жизнь. Вождями этих владык были епископы Ипатий Потей и Кирилл Терлецкий. Архиепископ Макарий дает о них следующую характеристику: “Первый послужил делу своим умом и образованием, второй — своею хитро-

¹⁸⁴ Макарий, IX, стр. 523.

стию, изворотливостью и происками.” С ними заодно был митрополит Михаил Рогоза, который отличался скрытностью, двоедушием и самым возмутительным фарисейством. Они и погубили Православную Церковь в Беларуси.

6. Беларусь под властью униатов.

Противодействие православных церковной уни.

Еще до Брестского униатского собора, как только стало известно про сговор православных епископов принять католическую церковную унию, православные в Великом Княжестве Литовском сильно заволновались и начали выражать свое негодование в адрес епископов-отступников. Шляхта земель киевской, галицкой, воынской и подольской, в числе 90 человек, собравшись в Люблине на трибунал составила акт протеста, в котором писалось: “Некоторые духовные лица... почти отделившись от восточной греческой Церкви, на каких-то приватных съездах, из-за угла и вдали от всех, на съездах не объявленных, скрыто и тайно, делают постановления против нас и нашей религии, нарушая этим наши права и вольности.” Подписавшиеся заявляли, что они не пойдут с такими духовными лицами, опозорившими себя веропредательством, будут им противодействовать всеми средствами и выражают уверенность, что король не станет нарушать прав и свобод своих православных подданных, охранять которые он дал присягу.¹⁸⁵

Люблинский протест шляхты был сигналом для других. Слухи об измене православию митрополита и епископов встревожили православных виленцев, у которых был епархиальный архиерей, и который часто приезжал для служения. 13 июля 1595 года виленские бурмистры, лавники и радцы составили письмо к виленскому воеводе князю Криштофу Радзивиллу и выслали к нему делегацию. В письме говорилось, что среди православных происходит тревога и волнение во всех “панствах его королевской милости.” Дальше они объясняли причину этого волнения в народе тем, что владыки и митрополит, без ведома патриархов, духовенства и светских людей греческого закона, вопреки долгу и присяге, задумали подчиниться римскому папе, принять новый календарь и подписались признать папу своим главой. Они просили воеводу напомнить митрополиту о его пастырском долге. В то же время священники Виленского Троицкого братства и особенно учитель братской школы Стефан Зизаний разглашали в народе, что митрополит и епископы продали свою православную веру и перешли к папе. Об этом они говорили также в своих проповедях в храмах, призывая народ быть стойким и непоколебимым в православии и не идти за владыками-отступниками. Митрополит Михаил Рогоза, живший в Наваградке, прислал к братчикам уполномоченного сказать, что он предаст их суду и отлучит от Церкви за выстуления против него. Это еще более возмутило виленцев.

По примеру виленцев в декабре 1595 года выступило пинское духовенство и свой протест внесло в городские книги, “як и у инших всих поветах.” Не молчали в этот важный момент для Православной Церкви белорусы в Минске, Полоцке, Витебске, Слуцке, Гродно и в других местах Беларуси. Везде волновались и выражали протест против иерархов, поддавшихся папе. Народное волнение укрепляло ревность о родной православной вере.

¹⁸⁵ Карташев, I, стр. 644.

В Наваградке сильным противником унии явился воевода Феодор Скумин-Тышкевич. Он вошел в сношение с князем Константином Острожским и просил его ходатайствовать перед королем о созыве съезда или собора православных духовных и мирян в Наваградке, или в Гродно, или в Бресте для обсуждения вопроса о поведении епископов-отступников. Ходатайство к королю было послано, но тот своего разрешения на созыв собора не дал, ответив, что “он нам не угоден.”

Как только стали раздаваться протесты православных против иерархов, подписавших унию, король постарался успокоить недовольных грамотами, убеждениями, обещаниями и угрозами. Митрополит Михаил Рогоза из резиденции в Наваградке рассылал письма и послания, в которых уверял, что вовсе не причастен к делу об унии, что ревнует о православии, но в то же время преследовал духовными наказаниями наиболее выдающихся противников унии. Для обмана православных митрополит писал в своем послании к народу: “Знаю, что вы имеете предубеждение против меня, будто я с некоторыми владыками ввожу новые какие-то обычаи в нашу католическую восточную церковь. Уведомляю вас настоящим моим писанием: я не думал и думать не хочу, чтобы отдать свои права и веру в поругание, быть отступником своего исповедания и ни во что вменить рукоположение святейшего патриарха... Я обещаюсь защищать то до пожертвования моею жизнью.”¹⁸⁶ Несмотря на заверения короля и митрополита, волнения в народе не только не прекращались, но еще усиливались. Православные уже знали о переходе митрополита и епископов под власть папы, и никакие ложные заверения в противном их не утешали.

Негодование среди православных по адресу епископов-униатов еще более усилилось после поездки в Рим Кирилла Терлецкого и Ипатия Потей. Когда в 1596 году собрался генеральный сейм в Варшаве, то земские послы от минского, полоцкого, наваградского, виленского, волынского, киевского и других воеводств подали просьбу королю, чтобы у этих епископов были отняты архиерейские кафедры. Одновременно послы торжественно заявили, что православное население Великого Княжества Литовского не будет более признавать епископов-униатов своими архиереями и не допустит их к духовной власти в своих поместьях.

Хотя главные зачинщики унии, Терлецкий и Потей, полагались на защиту короля, но угрозы православных беспокоили их. Кирилл Терлецкий распорядился, чтобы на всякий случай было вывезено все его имущество из Луцка, где он жил, и отдано на хранение одному его доверенному пинскому мещанину. Вместе с тем он просил короля выдать ему вторично грамоту на луцкую епископию. Король выдал просимую грамоту и удостоверил за себя и за своих преемников, что Кирилл не будет удален из луцкой епископской кафедры и принадлежащих к ней “маентностей.” В награду за согласие на унию король отдал ему в пожизненное владение Кобринский Спасов монастырь со всеми именьями.

Приведенные примеры характеризуют настроение и обстановку, в которой подготавливалась и осуществлялась церковная уния, принятая на Брестском соборе в 1596 году. Православные мужественно стояли в вере и ни на какие соглашения с Римом не шли. После признания церковной унии польским государством началась тяжелая борьба православных с унией во всей Юго-Западной Руси, находившейся под властью Польши.

Насильственные меры введения Брестской унии.

После обнародования королевского универсала от 15 октября 1596 года в пользу унии положение православных сильно ухудшилось. Оставшиеся в православной вере епи-

¹⁸⁶ Макарий, IX, стр. 601.

скопы львовский Гедеон и перемышльский Михаил очутились вне государственного закона и подвержены были всяким опасностям и испытаниям. Польское правительство воздвигло открытое гонение на православных. Константинопольский патриарший экзарх Никифор был ложно обвинен в шпионаже в пользу Турции, арестован и сослан в Мариенбургскую крепость, где умер от голода. Представитель Александрийского патриарха на Брестском соборе Кирилл Лукарис успел скрыться и тем только избежал насилия поляков. Православных начали насильственно загонять в унию. Князь К. Острожский, видя насилия католиков и не находя справедливости со стороны короля, решил объединиться с протестантами, чтобы общими усилиями защищаться от наступления католиков. С этой целью он созвал совместный съезд в Вильно в 1599 году, на котором, кроме него самого, присутствовали: митрополит велиградский Лука, бывший на соборе в Бресте, дубенский игумен Исаак и архидиакон того же монастыря Гедеон. Был составлен акт, в коем между прочим писалось: “Большая часть церквей и монастырей постыдно разграблена, над живыми проливается кровь, над мертвыми совершаются зверские поругания, запрещены: строение церквей, свободные собрания на богомолье, погребение и другие христианские обряды, даже в церковных проповедях высказывается сильное против нас возбуждение народа, с указанием средств истребить нас и с обещанием за то благословений и наград.”

В 1607 году состоялся съезд шляхты в Сандомире. Православные участники съезда постановили просить короля уничтожить унию, а митрополита и епископов, принявших ее, лишить должностей и на будущее время все иерархические должности раздавать только православным. Король обещал православным свободу исповедания, но униатские епископы остались на местах. В конституцию Варшавского сейма 1607 года была внесена статья “о религии греческой.” По этой статье король обещал не нарушать прав православной веры и не запрещать православным отправлять их религиозные обряды. Но все это осталось мертвой буквой без практического значения. Православные послы представляли свои просьбы о защите православной веры на каждом сейме, но их просьбы не исполнялись.

Большим рвением в деле насаждения унии отличались епископы Кирилл Терлецкий и Ипатий Потей. В 1597 году Кирилл Терлецкий со своими вооруженными людьми, в числе нескольких сот человек, напал на богатый Жидичинский православный монастырь на Волыни, разрушил стены монастыря, разграбил его и пытался насильственно забрать его себе. На этот раз ему это не удалось, но вскоре суд присудил ему монастырь на том основании, что православный настоятель монастыря епископ Гедеон Балабан был предан церковному отлучению униатами на Брестском соборе. Особенно преуспевал в насилиях над православными Ипатий Потей. Одних православных священников он сажал в тюрьмы, другим брил бороды и голову, третьих выгонял из приходов и подвергал разным истязаниям, наиболее же упорных выставлял в глазах правительственных властей как бунтовщиков и предавал суровым карательным мерам. Нередко в сопровождении вооруженных слуг он вторгался в православные храмы, арестовывал священников, грабил и осквернял храмы, забирал святые антиминсы и лишал православных священников возможности совершать литургию. Так он поступил в 1596 году с церковью св. Илии во Владимире-Волынском. Когда же в 1600 г. он стал униатским митрополитом, то с еще большим ожесточением преследовал православные братства, у которых отбирал церкви и школы, разгонял священников и учителей, предавал братчиков анафеме, ходатайствовал перед королем об отобрании у православных братств королевских грамот на привилегии. Особенно обрушился он на Виленское братство, у которого отнял Свято-Троицкий монастырь со школой и типографией и отдал униатам. При помощи двух знатных женщин из фамилии Воловичей

братство основало новый монастырь Святого Духа, поблизости от отобранного Свято-Троицкого. В течение 1609 г. Потей захватил все православные церкви в Вильно, кроме Свято-Духовской. Православное население города, возмущенное неистовством Потей, замышляло убить его.

Отнимая у православных монастыри, церкви и церковно-монастырское имущество, он отдавал их во владение униатам. Польские власти помогали ему во всех его действиях. Православные, лишенные своих храмов, принуждались ходить в униатские, т.е. в свои бывшие православные. Не хватало униатского духовенства. Потей всякими мерами привлекал к себе православных священников, которые вынуждены были переходить в унию. Для подготовки новых кадров духовенства Потей организовал в Свято-Троицком монастыре в Вильно униатскую коллегия или семинарию. Такую же коллегия он основал в Бресте, отобрав школу у православного братства. В 1609 году Потей основал школу при Успенском соборе во Владимире-Волынском. Униатские школы открывались и в других городах.

Ипатию Потей нравились методы иезуитов, и по их образцу он создал свой орден монахов василиан или базилиан для воспитания юношества в униатских школах. Правой рукой его в этом деле был Иосиф Вельямин Рутский, москвич по происхождению. Образование он получил в Риме, а в Вильно приехал для униатской работы. Митрополит Потей назначил его настоятелем Виленского Троицкого монастыря и поручил ему всех базилиан в Беларуси. Все православные монастыри, захваченные униатами, переходили в ведение Рутского, имевшего звание генерала ордена василиан. В этот орден вливались латиняне и иезуиты. После смерти Потей в 1613 году Иосиф Рутский занял место униатского митрополита.

Униаты свирепствовали по всей Беларуси. В городах они не допускали православных на городские должности, стесняли их в ремеслах и торговле. Некоторых служащих выгоняли из магистратов, а других сажали в подземелье. В Полоцке заставляли переходить в унию под угрозой кандалов или изгнания из города. В Турове силой отобрали церкви и церковную утварь. В Орше, Могилеве и Мстиславле даже в шалашах не позволяли православным молиться. В Минске церковную землю отдали под постройку татарской мечети. В Бельске (Гродненщина) объявили, что если кто из мещан пойдет в крестном ходе православных, то будет покаран смертью.

Нелегко жилось православным в селах, где паны католики самовластно распоряжались в приходских церквях. Они силой принуждали священников переходить в унию, а непокорных изгоняли. Если прихожане защищали своего священника и не принимали униатского, паны отдавали церковь евреям в аренду, которые хозяйски владели ключами от церкви и брали плату за каждую службу. Евреи хозяйничали грубо и кощунственно, собирая таким образом горящие угли на свою голову.

Яркую картину тяжелого положения православной Церкви нарисовал волынский посол Лаврентий Древинский в своей речи, произнесенной на Варшавском сейме в 1620 г. в присутствии короля. Он говорил: “Уже в больших городах церкви запечатаны, имения церковные расхищены, в монастырях нет монахов, — там скот запирают; дети без крещения умирают; тела умерших без церковного обряда из городов, как падаль, вывозят; мужи с женами живут без брачного благословения; народ умирает без исповеди, без причащения. Неужели это не Самому Богу обида, и неужели Бог не будет за это мстителем? Не говоря о других городах, скажу, что во Львове делается: кто не униат, тот в городе жить, торговать и в ремесленные цехи принят быть не может; мертвое тело погребать, к больно-

му с тайнами Христовыми открыто идти нельзя. В Вильне, когда хотят погребсти тело православного, то должны вывозить его в те ворота, в которые одну нечистоту городскую вывозят. Монахов православных ловят на вольной дороге, бьют и в тюрьмы сажают. В чины гражданские людей достойных и ученых не производят потому только, что они не униаты; простаками и невежами места наполняют в поношение стране нашей... Уже 20 лет на каждом сеймике, на каждом сейме горькими слезами молим, но вымолить не можем, чтобы оставили нас при правах и вольностях наших.”¹⁸⁷

Пример положения православных под властью униатов и римо-католиков представляет следующая картина описания погребения православными 12 ноября 1655 года знатного виленского мещанина: “А студенты здешние иезуитские, окружив нас со всех сторон и присовокупив к себе не малое число из мещанской челяди обоюга пола, начали шуметь, различных скотов и бестий голосами кричать и безстыдным своим козлоголосованием набоженству нашему поругаться, грязью, кирпичами и каменьями на нас бросать. Один горожанин, ими из студентов такую их дерзостью поощрен, между наших людей на лошади ворвался и иеромонаха, который с крестом шел, плетью нещадно бил. С такой честью нас от ратушной площади до самой Острой брамы в монастырь и в церковь сопровождали. Какая же еще пакости делали те студенты, не только пером описать, но и языком сказать трудно.” Римско-католический виленский епископ ответил православным на их жалобу: “Вы-де впредь можете умерших своих без всякой церемонии церкви вашей тайно в ночи погребать.”¹⁸⁸

В Полоцке и Витебске свирепствовал фанатик и жестокий гонитель православных полоцкий униатский епископ Иосафат Кунцевич. Он жил в Полоцке, но разъезжал по всей епархии с погромами православных. В Витебске Кунцевич с кучкой своих приверженцев обходил дома православных с призывом переходить в унию, отобрал все православные церкви, разгромил даже временно построенные шалаши за городом, в которых православные совершали богослужения. Витебляне не могли стерпеть насилий Кунцевича и убили его в 1623 году, а тело бросили в р. Двину. Мстили поляки и униаты жестоко. Король отнял у Витебска магдебургское право. Около 10 человек было казнено. Православным в Беларуси было запрещено не только строить новые храмы, но и ремонтировать старые. Папа Урбан VIII требовал от короля мести за убийство Кунцевича и предавал анафеме тех католиков, которые возражали против меча на виновников убийства. Римский папа объявил Кунцевича святым.

Печальное положение гонимой Православной Церкви в Беларуси изобразил в своем сочинении учитель виленской братской школы Мелетий Смотрицкий в 1610 году. Он назвал свое сочинение: “Фринос, или плач Церкви Восточной.” В нем он представил страдания матери Церкви по поводу потери чад своих и причиняемых ей от них обид. При бесправном и беззащитном положении православные дома и церкви, особенно крестные ходы, подвергались постоянным нападениям уличной черни, подстрекаемой униатскими и латинскими ксендзами. Этими гнусными делами занимались воспитанники иезуитских школ. Государственной защиты православные не имели. Сильный защитник Православной Церкви князь К. Острожский умер в 1608 году, а его потомки перешли в католичество. Многие знатные православные роды тоже перешли в католичество. Унии не любил никто. Своим поведением униаты и римо-католики еще более усиливали ненависть православных к унии и римской вере. Народ понимал, что уния для него — чужая вера.

¹⁸⁷ Карташев, II, стр. 271; Филарет, стр. 535-536.

¹⁸⁸ Чистович, II, стр. 171.

Братства и их деятельность.

Для защиты своей веры и самих себя православные жители городов организовывались в братства. Некоторые из таких братств возникли еще до объявления Брестской католической унии. В Вильно существовали братства шапошников, сермяжников, наговичников; были братства панское, купецкое, кушнерское и медовое. Эти братства испросили для себя грамоты короля Стефана Батория в 1582 и 1584 годах. К ним присоединялись новые братства. В 1582 году образовалось братство русское при церкви Пречистыя Богородицы в предместьи Вильно — на Росе. В 1589 году организовалось братство кушнерское или скорнячное в Могилеве. Подобные братства существовали в других городах Беларуси. Все они были совершенно сходны между собой по устройству, занимались благотворительностью, вносили свою долю на нужды Церкви и заботились “о потребах церковей Божиих и гошпиталей.”

В отличие от этих братств цехового характера создавались братства с чисто церковными задачами. Главнейшим из них было Виленское братство при Троицком монастыре. В 1588 году оно получило благословение от Константинопольского патриарха Иеремии, приезжавшего в то время в Вильно. Это братство имело большие средства, владело домами в городе. В 1588 году Богдан Сапега подарил братству каменный дом в Вильно, приносящий немалые доходы. В 1591 году братство купило каменный дом у пана Яна Нарушевича, а в следующем году получило в дар дом от одного из своих членов, кравца Яцка Кондратовича: оба дома стояли рядом вблизи Троицкого монастыря. В них братство разместило свою школу и учителей. Братство не имело своей церкви, а Троицкий монастырь, при котором оно существовало, не принадлежал ему. Униатский митрополит Ипатий Потей в 1609 году отобрал у православных Троицкий монастырь, а король повелел, чтобы все пожертвования православному братству остались за монастырем. Теснимое братство перенесло свои учреждения в монастырь Святого Духа. Король присылал грамоты с требованиями, чтобы доходы этого братства передавались в Троицкий униатский монастырь. Надобно было иметь много твердости и силы духа, чтобы среди грабежа и насилий не изменить своей вере. Но братство было сильно своим союзом. Оно печатало на свои средства книги то в Евье, поместье князей Огинских, то в самом Вильно. Король Владислав IV в 1633 году утвердил существование братства и училища с типографией.¹⁸⁹

В 1597 году образовалось братство в Могилеве, открывшее школу в самом начале своего существования. В 1602 году открылось другое братство в том же городе и тоже основало свою школу.

Из других братств известны: Брестское при церкви Святителя Николая со школами и госпиталем; Пинское при церкви Богоявления, основанное в 1597 году и другое братство в Пинске, основанное в 1602 году; Слуцкое Преображенское; Николаевское в Бобруйске, Орше, Смоленске, Кричеве, Мстиславле, Полоцке. В Минске было восемь братств: соборное Петропавловское, утвержденное королем 11 сентября 1592 года; шпитальное при Пречистенской церкви, Воскресенское, Николаевское, Свято-Михайловское, Иоанно-Предтеченское, святой Анны при храме Петропавловском, Крестоносное, которому митрополит Петр Могила в 1640 году писал, призывая принять участие в пожертвованиях для защиты от гонений. Существовали братства в Киеве, Львове, Остроге, Луцке и других городах.

¹⁸⁹ Филарет, стр. 547-548.

Число членов в братствах было разное. Сохранился реестр лиц, вписавшихся в Виленское Троицкое братство на 1594 год. Здесь на первом месте стояло имя самого митрополита Михаила Рогозы, потом следовали имена: Феодора Скумина-Тышкевича — воеводы наваградского, Филона Кмиты-Чернобыльского — воеводы смоленского, и других вельможных панов и паней, как: Сапеги, Сангушки, князей Мстиславских, Соколинских, Полубенских, Масальских, Огинских, а также многих других лиц разных сословий обоого пола. Общее число братчиков простиралось до 368 человек. Каждое братство имело в своем составе знатных лиц, оказывавших им существенную материальную поддержку.

Преследование обратило ревность братств на защиту своей веры и на помощь пастьрям Церкви. Выдающиеся и талантливые братчики взялись за перо и начали составлять богословские сочинения против унии, доказывая неправоту ее и призывая православных мужественно стоять за православную веру. Таким образом, стало все больше появляться полемической литературы. В Остроге на Волыни издали в типографии князя Острожского очень ценное сочинение против унии “Апокризис,” или ответ на описание Брестского собора Ипатия Потeya и “Отпись на лист Поцея.” Во Львове было издано в 1605 году сочинение “Перестрога.” Мелетий Смотрицкий, учитель братской школы, издал в 1610 году в Вильно свое сочинение “Фринос, или Плач церкви восточной.” В 1621 году архимандрит Захария Копыстенский издал “Палинодию” или “Возвращение на старый путь,” в котором призывал униатов вернуться в православную веру. Виленские братчики издавали на свои средства книги в защиту православной веры в типографии князя Огинского в Евье или в Вильно. В Евье были напечатаны книги: “Киновион, или изображение иноческаго общаго жития” в 1618 году; Грамматика в 1619 году; в Вильно “Об антыхристе” Зизания в 1596 году и другие.

Одновременно с этой литературой Виленское братство издавало богослужебные книги, необходимые для духовенства и приходских церквей. Оно издало: Псалтирь, Новый завет в типографии в Евье, Часослов в 1612 году; в Вильно: Повседневные молитвы в 1596 году, Служебник в 1617 году, Требник в 1618 году и другие полезные книги.

Богослужебные книги нужны были для церквей, ибо запас их истощался. Без этих книг нельзя было совершать богослужения. Полемическая или религиозная литература нужна была для укрепления православной веры в народе и отражения униатского наступления. Братства печатали эти книги и распространяли их среди народа. Грамотные люди их читали, познавая глубину православия и заблуждения латинской и униатской веры.

В тяжелой борьбе с униатством и польскими властями православные изнемогали, слабые духом уходили в католичество, но твердые и мужественные исповедники оставались при своей вере до смерти. Некоторые из знатных лиц, не перенеся польско-католического насилия, перешли в подданство московского царя. Таковыми были князья Бельские, Можайские, Трубчевские, Воротынские, Оболенские.

Большую пользу православным приносили послания Александрийского патриарха Мелетия Пигаса, присылаемые им в Западную Русь и направленные против унии. Особенно были ценны письма старца-монаха с Афона Иоанна Вышенского. Обладая немалой богословской начитанностью, он составлял и посылал письма князю Острожскому, Львовскому братству и епископам-униатам. Он обличал светский образ жизни епископов, их погоню за богатством и почестями, симонию и угнетение духовенства. Он советовал православным изучать Псалтирь, Часослов и другие богослужебные книги. Он писал: “Чити лучше тебе изучити Часословец, Псалтирь, Охтоих, Апостол и Евангелие с иншими церкви свойственными и быти простым богоугодником, и жизнь вечную получить, неже-

ли постигнуть Аристотеля и Платона и философом мудрым ся в жизни сей звати и в геену отъйти. Ты же, простой, неученый и смиренный Русине, простого нехитраго евангелия ся крепко держи, в нем же живот вечный тебе сокровен есть.” Он выступал в письмах против униатского духовенства и говорил: “Не попы бо нас спасут, или владыки, или митрополиты, но веры наша таинство с хранением заповедей Божиих, тое нас спасти мает.”¹⁹⁰ Письма делали полезное дело, укрепляя дух православных и воспламеняя в них ревность о вере православной.

Все XVII столетие прошло в борьбе с униатами. В ней было проявлено столько мужества, исповедничества и жертвенности православных, что ныне, изучая эту эпоху, приходится удивляться этому, особенно в наше время оскудения христианской веры и праздношатания религиозного.

Сильной опорой для православных того времени были оставшиеся в православии монастыри: Свято-Духов в Вильно, Сурдегский в Жмуди, Свято-Троицкий в Слуцке — для белорусов; Киево-Печерская лавра в Киеве, Почаевская лавра в Почаеве — для украинцев; Яблочинский Свято-Онуфриевский монастырь на Подлясьи, Манявский скит в Галичине и другие. Заслуги этих монастырей и их иноков были весьма велики для Православной Церкви в Западном крае под властью Польши.

Восстановление иерархии.

С переходом в католическую унию литовско-наваградского митрополита и православных епископов полоцкого и турово-пинского белорусы остались без епископов. Пока жили епископы львовский Гедеон Балабан и перемышльский Михаил Копыстенский, православные обращались к ним в своих духовных нуждах. Но епископ Гедеон умер в 1607 году, и львовскую епископию занял Иеремия Тиссаровский, успевший получить ее от короля притворной присягой на верность унии. В унию он не пошел, а остался православным. Когда умер в 1612 году епископ перемышльский Михаил Копыстенский и униаты захватили его епархию, львовский епископ Иеремия Тиссаровский был единственным епископом не только для православных Галичины, но и для всей Украины и Беларуси. Он рукополагал священников и разбирал церковные дела православных приходов во всех епархиях, где уже не было своих епископов. Православные из Подолья и соседних с Молдавией и Валахией областей Украины обращались в своих религиозных нуждах к тамошним епископам.

На Волыни очень много помогал православным князь Константин Острожский. Будучи ревностным православным христианином, он глубоко скорбел о печальном положении Православной Церкви после введения унии и старался помочь православным своей властью, влиянием и материальными средствами. Для архипастырской опеки над православными он приглашал иностранных епископов и давал им приют в своих монастырях. Так, в монастыре Степани на Волыни с 1596 г. жил велиградский митрополит Лука, бывший с православными на Брестском соборе. В том же монастыре с 1603 года проживал пелагонский митрополит Иеремия. В 1610 году здесь пребывал мукачевский епископ из Закарпатья. Этот же епископ был в Степанском монастыре и в 1616 году. В старых бумагах монастыря упоминалось имя епископа Амфилохия. Некоторые из них занимали должность настоятеля монастыря, чтобы иметь основание жить в нем и помогать православным Волыни. Большой потерей для православных была смерть князя Константина Острожско-

¹⁹⁰ Карташев, II, стр. 273-274.

го, последовавшая 13 февраля 1608 года. Они лишились своего главного могущественного защитника и опекуна.

К счастью для православных, в это критическое для них время в 1619 году по поручению восточных православных патриархов для устроения церковных дел в Москве и Великом Княжестве Литовском прибыл в Москву Иерусалимский патриарх Феофан. Поставивши в Москве митрополита Филарета Романова в патриархи, Великим постом 1620 года он приехал в Киев. Все население Киева приняло его с великими почестями и радостью. Украинские казаки во главе с гетманом Конашевич-Сагайдачным взяли его под свою охрану, “яко пчелы матицу свою,” по словам летописи. Православные обратились к нему с горячей просьбой посвятить митрополита и епископов.

К празднику Успения Божией Матери, 15 августа, съехалось много православного народа на богомолье в Киево-Печерскую лавру по случаю ее престольного праздника. По тайному приглашению прибыли в Киев православные делегаты из разных городов Украины, Холмщины, Галичины, Волыни и Беларуси. Православные усилили свои ходатайства перед патриархом Феофаном о рукоположении для них митрополита и епископов. Кандидаты уже были избраны. Патриарх боялся польского короля и поляков и долго не соглашался. Гетман со своими казаками гарантировал патриарху полную свободу и безопасность. Наконец, обнадеженный гетманом Сагайдачным, патриарх уступил усиленным просьбам и совершил посвящение митрополита и шести епископов, в величайшей тайне от поляков. Так, 6 октября, в Киево-Михайловском монастыре ночью был посвящен во епископа смоленского Исаия Копинский, 9 октября, тоже ночью, посвящен в митрополита киевского Иов Борецкий, затем в Белой Церкви и в других местах посвящены: Мелетий Смотрицкий в епископа полоцкого, Исаакий Борисович в епископа луцкого, Исаия Конисский в епископа переяславльского, Паисий Ипполитович в епископа холмского, Иосиф Кунцевич в епископа владимиристо-волынского, а на турово-пинскую кафедру был назначен грек Авраамий, епископ стагонский. В посвящении этих епископов принимали участие вместе с патриархом Феофаном митрополит софийский Неофит из Болгарии и епископ Авраамий стагонский. Таким образом православные украинцы и белорусы получили свою церковную иерархию. Это важное событие произошло под покровительством гетмана Запорожского войска Петра Конашевича-Сагайдачного, который отличился в войнах с татарами и потому пользовался доверием польского короля. А так как большая часть дворянства (шляхты) была православной, то действия патриарха Феофана для блага Православной Церкви были достаточно облегчены и защищены от насилия униатов и польских фанатиков. В январе 1621 года патриарх благополучно возвратился на греческий Восток.

Польское правительство узнало о хиротониях митрополита и епископов с опозданием, когда факт совершился и православная иерархия была восстановлена. Обезглавленная униатами Православная Церковь в Великом Княжестве Литовском и Польше обрела каноническое возглавление, получив митрополита и епископов. Церковная жизнь приобрела правильное направление. По поводу этого события проф. Карташев пишет: “Упадочную иерархию, ушедшую в унию, должна была сменить череда более героическая. Она и вышла в значительной степени из возродившихся монастырей. Например, Исаия Копинский уже в бытность свою епископом смоленским, сам копал пещеры для устройства монастыря. Таков же был епископ луцкий Исаакий Борисович, долго живший на Афоне пред тем, как он был хиротонисан патриархом Феофаном в 1620 г. в епископа Луцкого... Иерархи первого после Брестской унии поколения, выносившие “на своем горбу” бесправие православия, естественно при случае вздыхали о той или иной защите их православ-

ной Москвой. В этом они следовали за частью народа, который просто бежал, особенно из Киевщины, и переселялся в “Московщину.” Отражая эту народную тоску по религиозной свободе, первые не признанные польским правительством митрополиты Иов Борецкий (1620-1631) и Исаия Копинский (1631-1633) готовы были перейти под протекторат православной Москвы.”¹⁹¹

Польский король и его правительство не признали новопоставленных православных иерархов. Вследствие этого они вынуждены были исполнять свои архипастырские обязанности нелегально. Митрополит Иов Борецкий находился под охраной запорожских казаков и жил в Киеве. В Наваградак, где обычно жили до него православные митрополиты, он не мог ехать, а остался жить в Киево-Михайловском монастыре, настоятелем коего был. В Наваградке и Вильно его замещали наместники, которых он назначил из местного духовенства.

Для урегулирования церковной жизни, расстроенной и разрушенной униатскими преследованиями, а также для поднятия духовной дисциплины, митрополит Иов созвал в Киеве в 1621 г. собор вновь посвященных епископов. На соборе постановили провести в жизнь ряд очень важных постановлений, в которых говорилось о поднятии духовной жизни духовенства, об усилении проповеди против унии, о печатании литературы в защиту православной веры, об учреждении церковных школ, об оживлении связи с Православным востоком, о вызове иеромонахов с Афона для пастырской работы, о выборе достойных кандидатов в сан священников, о братствах. Все эти постановления были очень важны и необходимы для Церкви.

В защиту поставленного митрополита Иова Борецкого энергично выступили казаки. Они заявили, что не пойдут воевать с турками, пока король не даст свободы для Православной Церкви. На генеральном сейме в 1623 году православные добились согласия короля, на то, чтобы было прекращено гонение Православной Церкви и отменены все враждебные по отношению к православным королевские декреты и насильственные захваты церковного имущества. Поляки протестовали против предоставления свободы православным, вследствие этого положение Православной Церкви мало изменилось к лучшему, а после убийства униатского епископа Иосафата Кунцевича в Витебске в 1623 году еще более ухудшилось.

Переход полоцкого епископа в унию.

В числе новопосвященных в 1620 году патриархом Феофаном епископов был епископ полоцкий Мелетий Смотрицкий, хорошо известный виленцам, как учитель братской школы. Епископ Мелетий не мог спокойно жить в своей полоцкой епархии, потому что там свирепствовал жестокий гонитель Православной Церкви униатский полоцкий епископ Иосафат Кунцевич. Православные витебляне не в состоянии были больше терпеть издевательств и насилий Кунцевича и убили его в 1623 году, а труп бросили в реку Двину. В наказание король отобрал у Витебска магдебургское право и усилил преследования православных. Мелетий убежал в Киев под защиту казаков, а оттуда отправился на греческий Восток. В 1626 году он возвратился в Киев, но уже с униатскими настроениями. Православные белорусы узнали об этом и отнеслись к нему с недоверием. В Вильно и в Полоцкую епархию он больше не поехал, а поселился в Дерманском монастыре, который был уже захвачен униатами. В 1629 году Мелетий открыто объявил себя униатом.

¹⁹¹ Там же, стр. 276.

До и после убийства Иосафата Кунцевича во всей Беларуси продолжались преследования православных и насильственное обращение их в унию. Число обращенных в унию возрастало. Папа Урбан в своей грамоте к униатскому митрополиту Вельямину Рутскому (1613-1637) ставил ему в заслугу, что тот привлек в унию около 2 миллионов человек, а между тем даже иезуиты жаловались на жестокость Рутского при обращении в унию.¹⁹² Рутский жил в Наваградке и занимал кафедру православных литовских митрополитов, поэтому острие его миссионерской деятельности было направлено в первую очередь на православных белорусов.

Новое положение о Православной Церкви и избрание митрополита Петра Могилы.

29 апреля 1632 года умер польский король Сигизмунд III, насадитель унии. В Польше наступило безвластие. Этим воспользовалась Москва и выступила войной против Польши чтобы отобрать Смоленск. Поляки ускорили выборы короля. К выборам усиленно готовились и православные, чтобы добиться от нового короля прав и свободы своей Церкви. Митрополит Иов Борецкий скончался в 1631 году, и его место занимал митрополит Исаия Копинский, бывший смоленский епископ, слабый и бездеятельный старик. Православные церковные деятели всех корпораций: духовенства, шляхты, братств, цехов и украинские казаки изложили свои требования для представления их на Избирательном сейме. Виленское братство издало целую книгу “Синописис,” в которой представило все права и привилегии, отнятые у Православной Церкви. На Избирательном сейме православные послы решительно выступили со своими требованиями. С одной стороны, организованная сила украинского казачества, а с другой — война с Москвою и осада русскими войсками Смоленска заставили поляков и новоизбранного короля Владислава IV пойти на уступки и признать за православными право иметь свой епископат.

Король представил на утверждение сейма “статьи успокоения религии греческой.” Статьи состояли в следующем: 1) быть двум митрополитам: униатскому и православному; 2) в Полоцкой епархии быть двум епископам: униатскому и православному, а православному иметь пребывание в Могилеве; 3) в епархиях Перемышльской и Львовской всегда быть православным епископам; 4) Луцкую епископию уступить православным; 5) возвратить православным несколько монастырей и храмов, отнятых униатами. Униаты оспаривали эти статьи, не желая допустить их вписания в акты сейма. На Коронационном сейме 13 февраля 1633 года король Владислав утвердил акт, предоставлявший свободу Православной Церкви и присягнул охранять свободу православной веры. На следующем Варшавском сейме в 1635 году была принята конституция, которой утверждались статьи о Православной Церкви, и Польша обязалась защищать права православных. В теории было одно, но на практике было совсем другое. Об этом узнаем ниже.

Согласно статьям о свободе Православной Церкви, православные послы на Коронационном сейме 1633 г. избрали на митрополичью кафедру архимандрита Киево-Печерской лавры Петра Могилу, выдающегося защитника прав Православной Церкви. Он был родом из князей Валахии и пользовался большим авторитетом в польских и православных кругах. Митрополит Исаия Копинский, как не признанный правительством, вынужден был уйти па покой. Новоизбранный митрополит Петр Могила получил незамедлительно подтверждение от короля Владислава IV и вскоре от Константинопольского патриарха Кирилла Лукариса. Хиротония Петра Могилы во епископа и возведение его в сан митро-

¹⁹² Филарет, стр. 538, прим. 154.

полита состоялись во Львове. Через несколько месяцев после хиротонии он прибыл в Киев, торжественно встреченный населением.

Петр Могила первым из киевских митрополитов стал именоваться: “Православный Архиепископ, Митрополит Киевский, Галицкий и всея Руси, Экзарх Святейшаго Константинопольскаго Патриаршаго Престола.” Этот титул носили его преемники до 1665 г. После этого положение Киевской митрополии изменилось, вследствие присоединения Киева к России.

С избранием Петра Могилы начался новый период в жизни Православной Церкви под польским владычеством. Официально она была признана правительством и имела право на существование, но польские магнаты и католическое духовенство, латинское и униатское, не хотели признать свободы за Православной Церковью и продолжали чинить насилия над православными и грабить православные храмы. Король созвал под своим председательством специальную комиссию для разбора споров между униатами и православными, которая была призвана ограничить произвол католиков, но униатско-католическая сторона всякие указания и распоряжения короля игнорировала.

Насилия поляков над православными заставили украинских казаков взяться в 1637 году за оружие. При содействии короля вскоре было подписано и им утверждено мирное соглашение, но лишь только казаки начали расходиться по домам, как на них вероломно напали поляки, многих изрубили и перестреляли, гетмана Павлюгу и многих других, как бунтовщиков, отправили в Варшаву, где всех казнили. После этого сейм обнародовал распоряжение короля о том, что казаки лишаются всех прав и имущества. Так как казаки были православными христианами, то распоряжение это было направлено против Православной Церкви в Польском государстве. Снова возобновилась борьба казаков с поляками, которая продолжалась с переменным успехом в течение продолжительного времени. В этой войне в первую очередь страдало православное духовенство и православные святые. Король Владислав пытался восстановить мир на Украине и Беларуси и защитить свободу православной веры, но не в силах был этого достигнуть.

При таком положении нелегко было митрополиту Петру Могиле осуществлять свои планы возрождения церковной жизни в Киевской митрополии. Одним из мероприятий, проводимых для пользы Церкви, было открытие духовной академии в Киеве, известной под названием Могилянской, и подготовка образованных пастырей для Православной Церкви, которую воинствующий католицизм разрушал всеми доступными средствами. Из Могилянской духовной академии вышли многие высокообразованные и талантливые богословы и святители, из которых некоторые причислены к лику святых: святой Димитрий (Туптало) — митрополит Ростовский, святой Павел — митрополит Тобольский, святой Иоанн (Максимович) — митрополит Тобольский, святой Иннокентий (Кульчицкий) — митрополит Иркутский, Арсений (Мацеевич) — митрополит Ростовский, святой Иоасаф (Горленко) — епископ Белгородский, а также Стефан (Яворский) — митрополит Рязанский и Феофан Прокопович — сподвижники по проведению церковных реформ Петра I. Богословы Могилянской академии создали особую схоластическую богословскую систему, которая долго господствовала в России.

Могилевско-белорусские епископы.

По новому положению о Православной Церкви 1633 года для православных белорусов была признана только одна епископская кафедра в Могилеве. В Наваградке и Вильно сидели униатские митрополиты, древние епископские кафедры в Полоцке и Пинске

оставлены за униатами. Могилевская православная епархия должна была охватывать всю территорию Беларуси и вследствие этого быть епархией всебелорусской. В 1633 году на эту кафедру митрополит Петр Могила посвятил архимандрита Виленского Свято-Духова монастыря Иосифа Бобрикович-Анхожского. Официальный епископский титул его был: “Епископ Оршанский, Мстиславльский и Могилевский.” Но через два года он умер в Вильно.

После смерти Иосифа белорусская шляхта избрала на Могилевскую епископию ректора Киево-Могиланской академии Сильвестра Коссова. Утвердившись в своей епархии, он созвал в 1637 году съезд духовенства для рассмотрения церковных дел. На съезде владыка Сильвестр, будучи хорошим богословом, преподавал учение о семи таинствах православной веры, что было тогда крайне необходимо в виду слабой богословской подготовки духовенства.

В 1647 году епископ Сильвестр был избран на митрополичью киевскую кафедру, а на могилевско-белорусскую кафедру был посвящен игумен Киево-Михайловского монастыря Иосиф Кононович-Горбацкий, избранный еще в 1644 году. Только в 1650 году король выдал Иосифу грамоту, утверждавшую его на Могилевской епископии. К его приезду в Могилев униаты захватили некоторые монастыри и церкви епархии и препятствовали исполнению архипастырских обязанностей. Большие скорби и переживания за души православных людей ускорили его кончину. В 1653 году он умер в Киеве, где жил последнее время. При жизни он носил титул: “Епископ Витебский, Мстиславльский, Оршанский, Могилевский и игумен Киевский Михайловский.”

После его смерти православные белорусы долгое время не имели своего епископа. И только в 1662 году митрополит киевский Дионисий Балабан посвятил на могилевско-белорусскую кафедру Иосифа Нелюбович-Тукальского. Но пребывание его на этой кафедре продолжалось недолго. 10 мая следующего года митрополит Дионисий скончался в Корсунском монастыре Киевской области, и на митрополичью кафедру был избран белорусский епископ Иосиф. Польский король не утвердил его на митрополии, так как был сторонником унии. Он отдал киевскую митрополичью кафедру львовскому епископу Иосифу Шумлянскому, присягнувшему принять католическую унию. Митрополит Иосиф Тукальский, оклеветанный перед королем, был схвачен полевым гетманом Чарнецким в 1664 году и сослан в Мариенбургскую крепость (Восточная Пруссия), где содержался более двух лет. На основании Подгаецкого договора гетмана Петра Дорошенко с польским королем митрополит Иосиф был освобожден в 1667 году и прибыл в Вильно в Свято-Духов монастырь. К несчастью, в это время везли тело униатского полоцкого епископа Иосафата Кунцевича, известного гонителя православных, причисленного папой к лику святых, и было приказано звонить в колокола во всех храмах Вильно. Митрополит Иосиф распорядился в православных церквях не звонить. Униаты и римо-католики возмутились и хотели схватить митрополита, но он успел тайно выехать из города, прибыл в Могилев, а оттуда в Киев и Чигирин под покровительство гетмана Дорошенко. В Чигиринском монастыре он оставался до своей смерти, последовавшей в 1675 году. По другим сведениям, он умер в местечке Стойки или Стоек на р. Днепр.

Митрополит Иосиф сохранял за собой Могилевскую епархию до 1669 года. В епархии его замещали наместники. Одним из таких наместников был архимандрит Слуцкого Троицкого монастыря Феодосий Василевич. В 1669 году он был посвящен митрополитом Иосифом в сан епископа могилевского. По примеру своих предшественников по кафедре, епископ Феодосий именовался: “Оршанским, Мстиславским и Могилевским.” Он жил в

Слуцком монастыре, которого был настоятелем, так как в Могилеве было беспокойно, там бесчинствовали униаты и римо-католики. Он скончался в 1678 году.

Некоторые исторические документы указывают, что в Слуцком монастыре с 1678 года жил греческий митрополит Макарий Лигарис, который помогал православным белорусам в их духовных нуждах.

В 1680 году православные белорусы избрали на могилевскую епископскую кафедру архимандрита Виленского Свято-Духова монастыря Климента Тризна. Польский король Ян Собесский не утвердил его на епископии. Причиной послужило то, что король вел тайные переговоры с администратором Киевской митрополии епископом львовским Иосифом Шумлянским и епископом перемышльским Иннокентием Винницким о присоединении православных к Римской Церкви. Оба эти епископа уже дали свое согласие на унию и тайно присягнули ей перед получением своих епископских кафедр. Официально же они выступали, как православные епископы. “Когда таким образом уния приобрела два важнейших епископских престола, — пишет Чистович, — казалось возможным возобновить попытку соединения всех православных русских польской короны в одну униатскую церковь.”

Король Ян Собесский надеялся на осуществление униатской идеи и созвал в Люблине съезд православных и униатов. О созыве съезда он объявил своим универсалом от 19 октября 1679 года под видом решения споров между православными и униатами, но на самом деле “по своему усердию и униатскому желанию хотячи Русь православную, под державою короны польской обретающуюся, на унию преформовати.”¹⁹³ Православные прибыли на съезд в Люблин, открывшийся 14 января 1680 года. Униаты и римо-католики прилагали все усилия, чтобы уловить в свои сети православных. Униатский митрополит Жоховский и униатские епископы владимирский, холмский и пинский отслужили торжественное богослужение в униатской церкви. Проповедник-иезуит восхвалял Восточную Церковь и лстыл православным. Но это не помогло — православные остались твердыми и непоколебимыми исповедниками своей веры, а от унии отказались.

Архимандрит Климент Тризна, не получив королевской привилегии на могилевско-белорусскую епископию, управлял ею со званием “нареченного епископа.” После него администратором и епископским наместником епархии стал в июле 1686 года Сильвестр Волчанский. Что с ним случилось — неизвестно, но уже в 1688 году администратором Могилевской епархии числился архимандрит Слуцкого монастыря Серапион Пальховский, который именовал себя наместником Киевской митрополии.

В 1692 году Могилев посетил король Ян Собесский. Православные белорусы, представители духовенства и мирян, обратились к королю с просьбой дать привилегию на епископство в Могилеве архимандриту Серапиону. Король отказал. Только после его смерти в 1697 году новоизбранный король Август II выдал Серапиону эту привилегию. Посвящение в сан епископа совершил митрополит киевский Гедеон, князь Святополк-Четвертинский. Его епископский титул был: “Епископ Витебский, Оршанский, Мстиславский и Могилевский.” После посвящения епископ Серапион торжественно вступил в Могилев и возглавил свою епархию. Но в 1699 году король Август II, по настоянию униатского полоцкого епископа Мартиана Белозора, объявил свою привилегию, выданную Серапиону на могилевскую кафедру, недействительной, указав причину этого, что “не только в Белорусской епархии, но и по всему Великому Княжеству Литовскому через посвящение в свя-

¹⁹³ Тальберг, стр. 525.

щеннический чин схизма множится.”¹⁹⁴ Лишившись королевской привилегии, Серапион остался в Могилеве, где и умер в 1704 году. Тело его, находившееся в склепе деревянной Спасской церкви, сгорело во время пожара в 1708 году.

После его кончины на могилевскую епископскую кафедру был посвящен игумен Четвертинского монастыря Сильвестр, князь Четвертинский. В Могилев он прибыл после своего посвящения в 1707 году. Но в это время шла война между Россией и Швецией, и через Могилев постоянно проходили неприятельские войска. В виду военного положения епископ Сильвестр вынужден был жить в своем монастыре в Четвертне на Вольни. С прекращением войны в Беларуси опять начались преследования православных.

Тогда в 1722 году епископ Сильвестр поехал в Москву к царю, но реальной помощи от него не получил. Зато униаты и католики начали подвергать оскорблениям самого епископа Сильвестра. Когда в марте 1723 года он приехал в Кутеинский монастырь, поляки с униатами как бандиты ворвались в монастырь, избили братию монастыря, стреляли из пистолетов, рубили саблями, а самого владыку Сильвестра держали под арестом 14 часов. Отсюда он успел послать письмо Петру I, сообщая ему о страданиях православных. “Там бьют, — писал он, — на другом месте церкви отъемлют, слуг увечат, лошадей, рухлядь и доходы грабят, а меня самого в заключении держат. Слезно прошу показать нам, бедным, милосердие и помощь, отомстить обидам неприятелей наших, да не рекут языцы: где есть Бог их.”¹⁹⁵

В Смоленске православных угнетал униатский епископ князь Друцкий Соколинский. Он нападал на православные церкви и насильно обращал их в униатские.

Помимо скорбей от врагов Православной Церкви, епископу Сильвестру приходилось претерпевать разные огорчения от своих клириков. В течение 20 лет он вел спор за владение Слуцким Троицким монастырем с его игуменом Иоасафом Лапецким, который не хотел подчиняться епископу Сильвестру, считая себя и свой монастырь в ведении одного лишь митрополита. Сильвестр лишил архимандрита священного сана за непослушание, но тот не подчинился и продолжал служить. Разделились и монахи, одни были на стороне епископа, другие на стороне архимандрита. Этим спором воспользовались униаты и отобрали многие православные монастыри и церкви в Беларуси. Владыка Сильвестр умер в Могилеве 14 февраля 1728 г.

После него могилевскую кафедру пытался занять архидиакон Каллист Залесский, получивший утверждение Синода, но православные жители Могилева не приняли его, открыли его злоупотребления, после чего, боясь суда, он уехал в Киев и оттуда возмущал белорусскую паству. За то, что он замышлял перейти в унию, он был лишен сана и сослан в Сибирь, где и скончался.

12 декабря 1728 года администратором Могилевско-белорусской епархии был назначен архимандрит Киевского Межегорского монастыря Арсений Берло. Митрополит Киевский Варлаам посвятил его во епископа 30 января 1730 года. 10 марта Арсений прибыл в Могилев, но был принят недружелюбно. Волнения против него организовал игумен Минского монастыря Гедеон Шишка, который был в это время епископским наместником в Могилеве. Арсения грозились убить. Тайной пружиной этих интриг был упомянутый архидиакон Каллист Залесский. Король польский воспользовался нестроениями и манифестом от 29 июля запретил признавать Арсения епископом. Осенью на сейме в Гродно генерал Вайсбах добился от короля разрешения Арсению жить в Могилеве и получения ко-

¹⁹⁴ Чистович, II, стр. 258

¹⁹⁵ Там же, стр. 58.

ролевской привилегии на епископию. Однако Арсений привилегии не получил. Когда он поехал в Варшаву за привилегией, то получил приказание короля убираться из Могилева. Были приняты меры к насильственному удалению его из Могилева. Главным аргументом против него было то, что он не из Беларуси и не из польской шляхты. Поляки объясняли императрице Анне Иоанновне, что если белорусы выберут из своей среды епископа, то король не станет чинить препятствия. Польский посол Потоцкий объяснил это императрице в Москве. Она согласилась с условием, чтобы епископу Арсению было разрешено оставаться в Могилеве до избрания нового епископа. Потоцкий обнадежил. Извещая об этом соглашении, канцлер Головкин писал Арсению: “Ваше Преосвященство, извольте жить в Могилеве до избрания и утверждения нового епископа, ведите себя тихо, исправляйте одну духовную должность, а по избрании нового епископа будете по своему достоинству в России к пристойной епархии определены.”¹⁹⁶ Условие было выполнено. В начале июля 1732 года епископ Арсений Берло был переведен Российским Синодом на переяславльскую кафедру.

На могилевскую кафедру после епископа Арсения Берло 11 июля 1732 года был избран игумен Киевского Пустынно-Никольского монастыря Иосиф Волчанский, природный шляхтич.

1 февраля 1733 года скончался польский король Август II. На польский престол был избран при содействии России сын покойного короля Август III, который относился индифферентно к вопросам религии. Он обязался на Коронационном сейме 17 января 1734 года восстановить все привилегии православных. В следующем 1735 году, 30 декабря, он подтвердил привилегию, выданную его отцом в 1720 году в защиту прав Белорусской кафедры и православных монастырей в Великом Княжестве Литовском. На сейме в 1736 году было постановлено, что для успокоения православных безотлагательно будет учреждена комиссия, но ничего не было сделано, и обещание осталось мертвой буквой. Православные подвергались постоянным преследованиям. В 1739 году епископ могилевский Иосиф Волочанский доносил Синоду, что “кроме тех церквей православных, которых при жизни покойного князя Четвертинского преосвященнаго Сильвестра и по смерти его между архиерейством насильно отняты на унию в недавнее время еще многия церкви, а новых строить не позволяют, отчего следует, что остаток той белорусской епархии весь отыдет на унию и епископа православнаго не к чему и не на чем будет содержать в недолгом времени.”¹⁹⁷

Не получая удовлетворения своих просьб и жалоб ни в Варшаве, ни в Петербурге, епископ Иосиф послал в Синод 27 апреля 1740 года доклад, в котором писал: “Слезно прошу скорое и крепкое, как зле страждущим, подати защищение, или уволите мя от сего послушания, понеже мне, при многих не потому уже летах и слабосильном здравия состоянии, отнюдь никакими мерами самому собою удержати ежечасно умаляющагося святаго православия невозможно.”¹⁹⁸ Страдания епископа Иосифа закончились с переводом его на первопрестольную московскую кафедру с возведением в сан архиепископа в 1742 году.

Могилевско-белорусскую епархию возглавил архимандрит Виленского Свято-Духова монастыря Иероним Волчанский, родной брат Иосифа. Польский король выдал ему грамоту на епископию только в 1744 году. В январе следующего года Иероним прибыл в Могилев и сразу же занялся приведением в порядок епархиальных дел, найдя

¹⁹⁶ Там же, II, стр. 63.

¹⁹⁷ Там же, II, стр. 64.

¹⁹⁸ Там же; Архив Синода 1733 г., № 260, стр. 29.

шихся в плачевном состоянии. Все время ему пришлось тяжело страдать от преследований униатов и римо-католиков. Он ожидал помощи и защиты от императрицы Елизаветы Петровны, но помощь не приходила. Униаты наступали на православных и насильно переводили их в унию. Иероним доносил в Синод Российской Церкви, что со времени прибытия его в Могилев в 1745 году католики отняли у Белорусской епархии 30 церквей. Он умер 14 октября 1754 года, не дождавшись улучшения положения православных в своей епархии.

После его смерти униаты домогались закрытия Белорусской епархии. Папа Бенедикт XIV буллой от 27 февраля 1755 года на имя польского коронного канцлера графа Малаховского требовал от короля и польского правительства, чтобы могилевский “схизматический престол” был присоединен к католической вере и передан под управление польского униатского архиепископа.¹⁹⁹ Но король не рискнул сделать это.

20 августа 1755 года на могилевскую белорусскую кафедру был посвящен архимандрит Георгий Конисский, ректор Киево-Могилянской академии. Первым его делом по вступлении на кафедру было открытие в 1757 году в Могилеве духовной семинарии и устройство при архиерейском доме типографии для печатания духовной литературы. Положение его было не лучше, чем предшественников. Он посылал жалобу за жалобой на оскорбления, которым подвергался, но несмотря на них находил возможность проводить свое архипастырское дело с пользой для Православной Церкви в Беларуси.

В 1762 году архимандрит Георгий ездил в Москву на коронацию Екатерины II, перед которой ходатайствовал о заступничестве за православных под властью Польши. Она согласилась принять их под свою опеку. В 1765 году, будучи в Варшаве, он исхлопотал аудиенцию у короля Станислава Понятовского и произнес перед ним пламенную речь в защиту своей паствы. После речи он подал королю меморандум, где подробно изложил печальное положение православных в Польше и Беларуси. При составлении меморандума ему пришлось основательно изучить исторические документы и юридические акты, на которые ссылался. Все эти материалы он издал на польском языке под заглавием: “Права и вольности жителей греческого исповедания в Польше и Литве.”

Во время возглавления Белорусской епархии архимандриту Георгию пришлось пережить много издевательств и притеснений от католиков. В Орше он едва спасся от католиков-изуверов, выехав из города в телеге, прикрытой навозом и соломой. Когда однажды в Кутеинском монастыре он совершал богослужение, доминиканские монахи со слугами напали на монастырь, ворвались в церковь и бесчинствовали в ней, избивая народ. Владыка Георгий вынужден был прервать богослужение и удалиться из церкви под угрозой расправы со стороны разнузданной толпы католиков. Весьма вызывающе вел себя в Могилеве римско-католический плебан (настоятель костела) Михаил Зенович, причинявший много обид епископу Георгию, которые тому приходилось сносить с мужеством и большим терпением.

Его страдания за православие закончились, когда в 1772 году был произведен первый раздел Польши и Могилев с восточной частью Могилевской епархии отошли к России. Униатам было разрешено переходить в православие. В течение первых трех лет было присоединено к Православной Церкви 112.578 душ — достаточно много по сравнению с общим числом униатов в то время. К 1785 году епископ Георгий построил в Могилеве новое здание для духовной семинарии, заложил новый кафедральный собор, написал много проповедей и сочинений. Его произведение: “Историческое известие о епархии Белорус-

¹⁹⁹ Чистович, II, стр. 106.

ской и других епископиях, бывших в Польше и обращенных в унию” представляло большой интерес. За свою плодотворную деятельность он был награжден Синодом саном архиепископа. Умер в 1795 году в Могилеве, пробыв на белорусской кафедре 40 лет.

Минская епархия.

Начало существованию этой епархии положено в Слуцке 6 апреля 1778 года. Первым слуцким епископом был Виктор Садковский, архимандрит Слуцкого Троицкого монастыря, посвященный в сан епископа в 1785 году. Епархия находилась под властью Польши и униатов, поэтому ему приходилось очень много страдать. На него и православных белорусов его епархии нападали не только униаты, но и римо-католики поляки. Последние обвинили его в шпионаже в пользу России и 18 апреля 1789 года арестовали перед самой Пасхой, когда он возвращался к себе в монастырь в Слуцк. Под стражей поляки доставили его в Варшаву в трибунал. Там его продержали некоторое время, а потом отправили в Ченстоховский монастырь, где содержали под стражей до 1792 года. Перед самым вторым разделом Польши он был освобожден из заключения русскими войсками. Возвратившись на свою кафедру в Слуцк, он руководил делом присоединения к Православной Церкви униатов белорусов и волынцев. Епархия в это время занимала пространство бывшей Виленско-наваградской митрополичьей епархии (воеводства: Виленское, Трокское, Минское, Наваградское), остаток бывших епархий Турово-Пинской, Владимир-Берестейской и Луцко-Острожской. Епископский титул его был: “Епископ Минский и Волынский, коадьютор на митрополии Киевской и архимандрит Слуцкого монастыря.”

В 1796 году епископ Виктор был переведен Святейшим Синодом в г. Чернигов. После всего пережитого, особенно в польской тюрьме, он тяжело заболел и в 1803 году скончался. Тело его погребено под спудом в Черниговском Троицком кафедральном соборе. Епископ Виктор был последним белорусским епископом под властью Польши.

Мероприятия России в защиту православных в Беларуси.

Тяжелым положением православных под властью Польши живо интересовалось царское правительство в Москве. Православные Беларуси и Украины обращали свои взоры на Москву в надежде получить оттуда облегчение своей участи и защиту от польско-католического насилия. В 1653 году казацкие послы гетмана Богдана Хмельницкого, возвратившись из Москвы, говорили: “А то им ведомо уже, что все белорусцы, православные христиане, под государевою рукою быти желают.”²⁰⁰

Во время московско-польской войны, возобновившейся в 1654 году, русские войска заняли всю северо-восточную часть Беларуси с городами: Витебск, Полоцк, Могилев, Минск, Вильно, Гродно и другие. Гонители православных белорусов бежали в Польшу, а оставшиеся на местах притихли, либо были высланы русскими военными властями на север. Православные белорусы почувствовали свободу своей религиозной жизни. Московский патриарх Никон, воспользовавшись оккупацией московско-русскими войсками Беларуси, присоединил к своему титулу название “Белая Русь” и стал величаться патриархом “Великия и Малыя и Белья Руси.” Он не замедлил прислать в Полоцк своего епископа Иоакима Дьяконова, который в 1654 году прибыл в Полоцкую епархию, где оставался до 1656 года, позднее о нем ничего неизвестно. В том же году, 13 марта, Никон назначил наместником Полоцкой епархии игумена Витебского Маркова монастыря Каллиста Доро-

²⁰⁰ Филарет, стр. 544, примеч. 166.

феевича-Риторайского, который в 1657 году был посвящен во епископа полоцкого и витебского. Ему было поручено также управление Смоленской епархией. При этих двух епископах Полоцкая епархия находилась в юрисдикции Московского патриарха.

Московско-польская война закончилась в 1667 году Андрусовским перемирием на 13 с половиной лет. При заключении перемирия Москва отказалась почти от всех своих завоеваний в Беларуси, оставив за собой лишь Смоленск и Северскую землю. Беларусь снова завладели поляки. Вместе с польскими властями пришли униаты, которые возобновили преследование православных белорусов.

6 мая 1686 года Москва подписала с Польшей договор о вечном мире. По этому договору, Смоленск, Чернигов, Киев и еще 56 городов отошли к России на вечные времена. В IX статье этого договора писалось: “Великий государь его королевское величество, церквам Божиим и епископиям луцкой, галицкой, перемышльской, львовской и белорусской и их монастырям, архимандриям виленской, минской, полоцкой, оршанской и иным, игуменам, братствам... греко-российской веры и всем тамо живущим людям в короне польской и в великом княжестве литовском, в той же вере остающимся, никакого утеснения и к вере римской и к унии принуждения чинить не велит и быти то не имеет; но по давним правам во всяких свободах и вольностях церковных будет блюсти и вышеупомянутым епископам... по духовному их чину и обыкновению примати благословение и рукоположение от киевскаго митрополита и то никому из них власти его королевского величества вредити не имеет.”²⁰¹

Хотя в договоре и предоставлялись права и свободы православным епархиям Галичины и Волыни, но в действительности в православии оставалась только Могилевско-белорусская епархия. В это время во Львове занимал на православную епископскую кафедру тайный униат Иосиф Шумлянский, назначенный королем администратором Киевской митрополии и перед своей епископской хиротонией присягнувший на верность папе. Луцкую епархию возглавлял его родной брат Афанасий Шумлянский, тоже тайный униат, а на перемышльской кафедре был епископ Иннокентий Винницкий. Все эти епископы, будучи тайными униатами, не объявляли своей принадлежности к унии открыто, потому что дали королю обещание подготовить для перехода в унию свою православную паству. Епископ Иннокентий Винницкий вскоре умер, и перемышльскую епархию захватили униаты. В 1700 году Иосиф Шумлянский открыто заявил о своем униатстве и начал силой загонять львовскую православную паству под власть папы. Преемником Афанасия Шумлянского в Луцке был епископ Дионисий Жабокрицкий, перешедший в унию в 1702 году. Православные волынцы не терпели его до такой степени, что он два раза вынужден был искать убежище в Холмской и Гродненской землях. В 1709 году волынская шляхта все же схватила его и передала московским властям, которые сослали в Соловецкий монастырь, где он и скончался.²⁰²

Православные белорусы мужественно переносили униатские и польско-католические издевательства, но в унию переходить не желали. Для поддержания православных полочан московский патриарх Иоаким в марте 1686 года прислал грамоту Полоцкому Богоявленскому монастырю. В грамоте высказал сожаление, что Полоцкая епархия “ради неких злохитростей” много лет не имеет своего епископа и благословил тогдашнего игумена этого монастыря Игнатия Жигмонтовича и его преемников “освящать церкви и исполнять

²⁰¹ Чистович, II, стр. 45.

²⁰² Арсений, “Летопись,” стр. 690.

духовные дела в том крае, доколе по воле Божией собственные епископы в Полоцкой епархии устроятся.”²⁰³ Игумены пользовались этим патриаршим благословением.

В начале 1718 года православные белорусские монастыри обратились к царю Петру I с жалобой на великое и нестерпимое гонение со стороны поляков, стремящихся истребить православие в Беларуси. 9 марта того же года Петр I послал польскому королю грамоту, в которой указывал, что ограничением прав и свобод православных в Польском государстве он нарушает договор о вечном мире между Польшей и Россией. Но поляки и униаты не унимались, и никакие договоры их не обязывали. В это время во всей Польше на местах господствовала власть польской шляхты, и распоряжения короля оставались на бумаге без исполнения.

Кроме белорусских монастырей, жалобы Петру I на преследования православных посылали гомельский староста Красинский в 1719 году и могилевско-белорусский епископ Сильвестр, князь Четвертинский в 1720 году. По поводу этих жалоб Петр приказал своему послу в Варшаве князю Григорию Долгорукому послать в Могилев комиссара для расследования на месте положения православных. Долгорукий назначил комиссаром Рудаковского. Одновременно с этим царь поручил канцлеру графу Головкину сообщить о преследовании поляками православных кардиналу Спиноли в Рим для доклада папе. Навивно было обращаться к папе, ибо именно из Рима приходили в Польшу распоряжения об уничтожении православия, а отнюдь не о его защите. Приезд Рудаковского в Могилев вызвал у поляков и униатов гнев, и они усилили нападения на православных.

Православные белорусы искали защиты от преследования католиков позднее и у императрицы Анны Иоанновны и у российского посла (резидента) в Варшаве Петра Голембовского. В июле 1739 года посол написал письма о преследовании православных канцлерам литовскому и коронному, а также польскому католическому примасу. Указав на насильственно отобранные у православных церкви, по приказу Сапеги, ловчего литовского, Голембовский писал: “Я выразуметь не могу, куда такая крайности клонятся. Весьма народу польскому приятнейшие жиды суть, народ Богу и людям мерзкий: ибо как оные при вольностях и построенных синагогах в покое содержатся, так все насупротив того, закону греко-российскому Божиим церквей ни старых починять, ниже новых строить вольности не имеетя, а остальные на унию насильственно отбираются.”²⁰⁴ На это коронный канцлер ответил, что “то дело только до литовских министров касается.” Уклончиво ответили подканцлер литовский князь Чарторыйский, великий канцлер литовский Сапега, а примас вообще ничего не ответил.²⁰⁵ Итак, ни польский король, ни польские и литовские сановники ничего не сделали и делать не хотели для пользы Православной Церкви, находившейся под властью Польши. Все дело по этому жизненному для православных вопросу свелось к дипломатической канцелярской переписке без всяких положительных результатов.

С восшествием на престол императрицы Елизаветы Петровны в 1741 году оживились надежды православных белорусов на защиту от поляков и униатов. Надежды основывались на том, что во главе Синода Русской Церкви стал новгородский архиепископ Амвросий Юшкевич, бывший архимандрит Виленского Свято-Духова монастыря. Зная действительное положение православных под властью Польши, архиепископ Амвросий обратился к императрице Елизавете Петровне, прося ее взять под свое покрови-

²⁰³ Чистович, II, стр. 258.

²⁰⁴ Там же, стр. 265.

²⁰⁵ Там же.

тельство православных белорусов, страдавших под властью поляков. Она выразила свое согласие и повелела коллегии иностранных дел все прежние ходатайства в защиту православных белорусов “найприлежнейше и ревностнейше возобновить и в том всякими потребностями, поступками и разделительными стараниями скоро крайне, возможно ничего не уступить.”

Коллегия ответила Синоду письмом от 31 августа 1742 года следующее: “Коллегия не может предвидеть и разсудить, какимъ бы образом в чужом государстве какую оным православным оборону, наипаче же при настоящих конъюнктурах, без крайней опасности Российской империи отважиться производить, кроме сильных королю и чинам Речи Посполитой представлений и пристойных домогательств, яко в вольном государстве возможно было.”²⁰⁶

Дипломатическая переписка продолжалась, а положение православных польских граждан нисколько от этого не улучшалось. Каждый пан в своих деревнях делал с православными церквями, что хотел. Дело шло плохо еще и потому, что российским резидентом в Варшаве был Голембовский, поляк римско-католического исповедания, а полномочным послом был лютеранин немец Кайзерлинг.

Тем временем императрица Елизавета Петровна настойчиво добивалась облегчения доли православных под властью Польши. В рескрипте от 16 августа 1743 года она писала Голембовскому: “Столь великия и нестерпимыя монастырям, церквам и людям греко-российскаго исповедания обиды, гонения, ругательства, забойства и насильное превращение к унии так самовластно и с неслыханною суровостию производят чего и турки в своем государстве над христианами греками не чинят; и таковые от римлян и униатов над единоверным нашими в Польше и Литве поступки ни к чему иному причесть невозможно, токмо не к содержанию, а уничтожению имеющагося с нашею империею вечнаго мира и к поруганию веры и закона греко-российскаго исповедания, наипаче к уничтожению нашего за тех бедных и несчастливых людей, по силе онаго трактата, заступления, еже нам не токмо чувствительно, но и несносно становится.” Голембовскому приказано было подать польскому правительству мемориал. В мемориале он показал, что на унию с 1686 года, то есть со времени заключения между Польшей и Россией вечного мира, отнято в Белорусской епархии 7 монастырей и 117 церквей.²⁰⁷

Польское правительство не обращало внимания на все письменные требования России дать свободу вероисповедания православным в Польше. 24 ноября 1743 года императрица написала польскому королю письмо, требуя от него “совершенной по трактатам сатисфакции” православным и возвращения отнятых на унию монастырей и церквей с их именами.

Король Август III отвечал, что исследует это дело, и если указанные жалобы окажутся правильными, то велит их расследовать и прекратить. На королевский запрос по делу православных оба канцлера, коронный и литовский гетманы, католический примас и униатский митрополит ответили королю, что они ничего не знают об обидах неуниатов и жалобы их считают неосновательными и обвинили православных жалобщиков в том, что они, будучи польскими гражданами, не приходят в свой суд, но обращаются в Россию.²⁰⁸

После польского сейма в Гродно в 1745 году, по настоянию российского посланника в Польше графа Михаила Бестужева-Рюмина, была учреждена комиссия для разбора

²⁰⁶ Там же, стр. 68.

²⁰⁷ Там же, стр. 73.

²⁰⁸ Там же, стр. 74.

жалоб православных. Поляки как могли препятствовали действиям этой комиссии. Иеромонах Сильвестр Коховский, проживавший в Варшаве и обслуживавший там православных, доносил Синоду, что “Комиссия для рассмотрения обид нам и благочестию учиненных уже назначена, а когда начнется — еще ведать не можно.” Комиссия так и не была созвана. Но ее боялись и сами православные, потому что не надеялись получить от нее защиту и справедливое решение.

В 1751 году папа издал особую буллу для католиков в Польше и Литве, в которой объявил, что прощает католикам грехи на сто лет вперед за их преданность папе. Папская булла произвела на поляков свое действие, они еще более распоясались. Обезумев от фанатизма, они тиранили бедных православных белорусов и, ложно думая, что служат Богу, еще с большим ожесточением загоняли их в унию.

Вероисповедная политика Польши по отношению к православным ускоряла ее гибель. Императрица Елизавета Петровна пыталась помочь православным, томящимся под польским владычеством, только дипломатическими мерами, зато императрица Екатерина II (1762-1796) окончательно разрешила трехсотлетний спор между Польшей и Россией упразднением Польского королевства и разделением его между Россией, Пруссией и Австрией. В результате все православные, страдавшие под польским владычеством, присоединены были к России.

Каноническое положение Белорусской епархии и Киевской митрополии.

Со времени введения Брестской церковной унии в 1596 году в Беларуси не было своих православных епископов более 30 лет. Все епископские кафедры занимали униатские епископы, а в Наваградке на митрополичьем престоле сидел униатский митрополит. Хотя по всей Беларуси насильно насаждали унию, народ в своей массе, духовенство и монастыри мужественно исповедовали православную веру, а унию не принимали.

Первым православным епископом после введения Брестской унии был Мелетий Смотрицкий, посвященный в сан епископа на полоцкую кафедру патриархом Феофаном в 1620 г. Но пребывание его в Полоцкой епархии продолжалось недолго. Испугавшись польского и униатского террора, он сбежал в Киев, а оттуда уехал в Константинополь и Рим, где сделался униатом. В свою Полоцкую епархию он больше не возвратился. В тяжелые годы для Православной Церкви он оказался духовно слабым и не стойким в вере епископом. Полоцкая епархия осталась без епископа.

В 1633 году киевский митрополит Петр Могила посвятил в сан епископа для Беларуси архимандрита Виленского Свято-Духова монастыря Иосифа Бобриковича-Анхоженского. На основании утвержденной польским королем Владиславом IV привилегии для Православной Церкви, Иосиф был поставлен на новооткрытую кафедру епископа “Оршанского, Мстиславльского и Могилевского” с резиденцией в Могилеве. С этого времени могилевскую кафедру занимали православные епископы для всей Беларуси. Эта Белорусско-могилевская епархия входила в состав Киевской митрополии.

Киевская митрополия по своей исторической преемственности была восстановлена в 1620-1633 годах в новых условиях ее существования. Если до Брестской церковной унии 1596 г. она состояла из 10 епархий, то после 1633 года она имела их только 5, именно: митрополичью Киевскую, Могилевско-белорусскую, Луцко-волынскую, Львовско-галицкую и Перемышльско-саноцкую. Это число епархий было узаконено польским Коронационным сеймом и утверждено королем в 1633 году. Остальные епархии: Полоцко-витеб-

ская, Пинско-туровская, Владимиро-берестейская, Холмско-Белзская и Смоленская остались за униатскими епископами. В 1654 году Смоленская епархия присоединена к России.

Самая обширная епархия была митрополичья. К ней принадлежали области Киевской Украины, православные церкви и монастыри в захваченных униатами областях Западной Беларуси (воеводства: Наваградское, Виленское, Трокское), а также православные в бывших православных епархиях: Пинской и Владимирской. Таким образом, митрополичья епархия состояла в то время из областей Западной Беларуси и Киевской Украины. К Могилевской епархии принадлежали области Восточной Беларуси (воеводства: Полоцкое, Витебское, Минское, Мстиславльское).

Хотя в Киеве и жил православный митрополит, бывшие столичные города Вильно и Наваградок не утратили своего прежнего значения, но в них уже хозяйничал униатский митрополит. Виленский Свято-Духов монастырь всегда был и остался великой святыней для православных белорусов на западе. Такое же значение имел и Слуцкий Троицкий монастырь. Эти монастыри, как равно некоторые другие, мужественно отражали нападения униатов. В Восточной Беларуси гор. Могилев, как епархиальный белорусский центр, был средоточием церковной православной жизни. Но враги православия бесчинствовали и здесь.

В начале 1654 года произошло важное событие в Киевской Украине: запорожское казачество под главенством гетмана Богдана Хмельницкого перешло под защиту московского царя. Это событие отразилось на судьбе Киевской митрополии, подчиненной Константинопольскому патриарху. Киев, в котором находилась кафедра митрополита, был присоединен к Московскому царству, а все епархии Киевской митрополии находились под властью Польши. Киевская митрополия была разделена на две неравные части: московско-русскую или так называемую “Левобережную Украину” и польско-литовскую или “Правобережную Украину.” Этот акт совершился против воли Польши и вопреки ее государственным интересам. Но своим безумным продолжительным преследованием Православной Церкви она сама привела казачество под покровительство и защиту московского царя.

Вместе с присоединением Киевской Украины к России, Киевская митрополия во главе с ее митрополитом ставилась в зависимость от московского патриарха. В Киев прибыли царские послы и потребовали от киевского митрополита Сильвестра Коссова принести присягу на верность царю и привести к присяге своих служителей и верную ему шляхту. Митрополит пытался уклониться от присяги, указав послам, что: “если король узнает о присяге, данной шляхтою и дворовыми людьми, то велит изрубить епископов и духовенство.”²⁰⁹ Его положение было очень тяжелое: с одной стороны, требовали покориться новым московским властям, а с другой стороны, рискованно было вооружать против себя и паствы польские власти. Но под угрозой он согласился на присягу.

В Москве ожидали прибытия митрополита Сильвестра для оформления присоединения к Московской патриархии. Но он не торопился с поездкой, желая предварительно снестись с константинопольским патриархом по этому важному вопросу. Гетман Хмельницкий в грамоте от 23 марта 1657 года писал патриарху московскому Никону, что митрополит Сильвестр готов явиться в Москву для изъявления своей покорности, но по обстоятельствам не может. Гетман просил патриарха не гневаться на митрополита, как на непокорного.²¹⁰ Митрополит Сильвестр в том же году скончался, не побывавши в Москве.

²⁰⁹ Филарет, стр. 512, примеч. 101.

²¹⁰ Там же.

Его преемник митрополит Дионисий Балабан, не желая иметь неприятностей с Москвой, поселился в Чигирине под покровительством гетмана Выговского, перешедшего на сторону польского короля. В Москве не признали Дионисия митрополитом и назначили на киевскую митрополичью кафедру своего кандидата. В начале 1661 года в Москву был вызван протопоп г. Нежина Максим Филимонович, пострижен в монашество с именем Мефодия и 5 мая посвящен в сан епископа Мстиславльского и Оршанского с назначением в Киев местоблюстителем Киевской митрополии. Мстиславль и Орша находились в это время под властью Польши. Но киевское духовенство Мефодия не признало.

После кончины митрополита Дионисия Балабана в 1663 году духовенство и казаки избрали в митрополиты белорусского епископа Иосифа Нелюбович-Тукальского. Но в 1664 году поляки его арестовали и сослали в Мариенбургскую крепость, где томили более трех лет. Польский король назначил администратором Киевской митрополии перемышльского епископа Антония, обещавшего принять унию. В 1667 году был освобожден из польской тюрьмы митрополит Иосиф Нелюбович-Тукальский и прибыл в Чигирин, где оставался до своей кончины в 1676 году, возглавляя митрополию и пользуясь большим уважением православных. До своей кончины он находился в юрисдикции Константинопольского патриарха.

После смерти митрополита Иосифа митрополичья кафедра пустовала. Польский король признавал митрополитом киевским перемышльского епископа Антония, не утвержденного Константинопольским патриархом. Антоний жил в Вильно и в 1679 году скончался. На его место администратором митрополии король назначил львовского епископа Иосифа Шумлянского, тайно принявшего унию. Польское правительство торопилось насадить католическую унию и искоренить православие во всех православных областях Юго-Западной Руси, пребывавшей под властью польских королей. Ревнителю православия, измученные польским гонением, обращали свои взоры на Москву в ожидании ее заступничества. Белорусы имели свою легальную епархию, признанную польским правительством, но ее епископы терпели большие притеснения со стороны униатов и поляков. Епархия управлялась зачастую епископскими наместниками, ибо польский король не утверждал избранных православных епископов.

В период 1654-1688 гг. Киевская митрополия распалась на две юрисдикции: московскую и патриаршую константинопольскую. Области Киевской митрополии под властью польских королей продолжали пребывать в юрисдикции Константинопольского патриарха. Киев и южные области этой митрополии находились в юрисдикции Московского патриарха. Первым местоблюстителем Киевской митрополии московской юрисдикции был епископ Мефодий. Но киевское духовенство его не признавало. Вскоре он поддался влиянию соотечественников и перешел в лагерь противников Москвы. Митрополит Иосиф Нелюбович-Тукальский лишил его сана и заточил в монастырь, откуда он бежал в Москву, но и там его судили за измену и также сослали в монастырь. Местоблюстителем Киевской митрополии московской юрисдикции был назначен черниговский архиепископ Лазарь Баранович.

В Москве давно замыслили присоединить Киевскую митрополию к Московской патриархии. Однако на пути к осуществлению этого плана стояли серьезные препятствия политического и канонического характера. Начавшиеся переговоры о заключении вечного мира между Москвой и Польшей давали большие возможности для избрания на киевский престол митрополита, который сумел бы привести к подчинению Московскому патриарху всю Киевскую митрополию без сопротивления и протеста. Переговоры по этому делу

между гетманом и московским правительством тянулись с осени 1683 года. Наконец, в июне 1685 года был созван церковный собор в Киеве для избрания митрополита. В Батурином Крупицком монастыре с конца 1684 года жил луцкий епископ Гедеон, князь Святополк-Четвертинский, бежавший от польского преследования. Король требовал от него принять унию под страхом заточения в Мариенбургскую крепость. Епископ Гедеон вынужден был оставить луцкую паству и прибыть в Украину под защиту гетмана. Заслужив доверие гетмана Самойловича и московских властей, на соборе в Киевском кафедральном соборе Святой Софии 8 июля 1685 года он был избран митрополитом. Избрание произошло под давлением гетмана, приславшего на собор много войсковых старшин, голосовавших за епископа Гедеона.

Осенью Гедеон отправился в Москву в сопровождении духовных лиц. 8 ноября патриарх Иоаким возвел его в сан митрополита киевского в весьма торжественной обстановке. 15 декабря он выехал из Москвы в Киев, получив царские подарки и грамоту, в которой повелевалось ему именоваться “Малыя Руси митрополитом киевским и галицким,” занимать место выше всех российских архиереев, носить две панагии и митру с крестом, “ради единочинства с российскими митрополитами” носить белый клобук и предносить пред ним во время его шествия почетный крест. В подчинение киевскому митрополиту переданы Черниговская архиепископия и Киево-Печерская лавра, которая находилась в зависимости от Константинопольского патриарха. Киевский митрополит обязывался приезжать в Москву на соборы и по патриаршему указу.²¹¹

Эта сторона дела была проведена благополучно. Канонические же вопросы необходимо было уладить с Константинопольским патриархом, о чем гетман неоднократно просил царя. Самойлович, боясь подпасть под отлучение Константинопольского патриарха за отпадение от него, возобновил свою просьбу перед царем и добился, что в Константинополь были посланы подьячий Алексеев и гетманский посланец Лисица. В Константинополе они встретили сопротивление не со стороны Константинопольского патриарха, а со стороны Иерусалимского патриарха Дисифея. Московские послы обратились за содействием к турецкому визирю, задобрив его подарками. Турки в это время воевали с Польшей и Австрией и нуждались в союзе с московским царем. Визирь обещал помощь московскому послу в деле о Киевской митрополии, и обещание свое исполнил: в апреле 1686 года он приказал патриархам исполнить волю московского царя. В мае того же года патриарх Дионисий IV своей грамотой отказался от патриаршей власти над Киевской митрополией. С этой грамотой московские послы возвратились в Москву и передали ее царю. Но через два месяца после этого патриарх Дионисий был удален с патриаршей кафедры возмущившимся против него духовенством за отречение от прав на Киевскую митрополию.²¹² Его преемники не осмелились отменить действия патриарха Дионисия в отношении Киевской митрополии.

Акт патриарха Дионисия об отказе от исконных прав Константинопольского престола на Киевскую митрополию, проведенный по приказу светской власти, не может считаться канонически правильным. Об этом указывают 9 правило III Вселенского собора и 3 правило святого Кирилла Александрийского. Но в Москве не обратили на это внимания, и акт патриарха Дионисия приняли, как вполне канонически законный документ. Киевская митрополия была включена в состав Российской Православной Церкви и поставлена в подчинение московских патриархов.

²¹¹ Чистович, II; Большая Энц., т. VI, “Гедеон.”

²¹² Арсений, стр. 671.

Однако вскоре митрополит Гедеон стал терять титулы и привилегии, данные ему на первых порах в Москве при возведении в сан митрополита. Так, в январе 1688 года у него было отнято право титуловаться митрополитом “Малыя Руси,” а в июле из его ведения были изъяты Черниговская епархия и Киево-Печерская лавра, чем был подорван его престиж. Впоследствии киевские митрополиты постепенно становились на положение епархиальных архиереев с сохранением митрополичьего титула.

При таких условиях, весьма трагически сложившихся, автономная историческая Киевская митрополия, “первоначальная между всероссийскими митрополиями,” по признанию московской грамоты 1685 года, была ликвидирована и превращена в Киевскую епархию Русской Православной Церкви. Киев перестал быть столицей обширной митрополии, а сделался епархиальным городом, хотя не утерял своего священного значения для верующих ради многих святых мощей, почивавших в пещерах Киевской лавры.

Могилевско-белорусская епархия, а впоследствии и созданная Минско-Слуцкая епархия, долгое время еще пребывавшие под властью Польши, обращались в своих церковных нуждах прямо в Москву к царю или Всероссийскому Синоду. Для Беларуси Киев не имел столь большого значения, как для Киевской Украины, даже в период, когда там жили митрополиты.

7. Католическая униатская церковь в Беларуси.

Создание этой Церкви.

Из предыдущих глав известно, какими мерами насаждалась католическая церковная уния в Беларуси и в Великом Княжестве Литовском. Она развивалась и укреплялась исключительно при помощи насилия над православными. О мирной словесной или литературной миссионерской деятельности униатских проповедников не приходится говорить, потому что таковой не было. Зато велась борьба униатов с православными, причем борьба жестокая и упорная, продолжавшаяся около двухсот лет. Самыми могущественными помощниками униатов были польские короли, их чиновники разных рангов и польско-католическая шляхта. В тяжелой и неравной борьбе ряды православных верующих редели, многие духовно и физически слабели и переходили в лагерь своих противников. При насаждении унии применялись жестокие пытки, побои и даже убийства. На страданиях православных за свою веру создавалась в Беларуси Униатская Церковь, которая по своей догматической сущности была филиалом Римско-Католической Церкви, только в греко-восточной обрядовой форме.

Католическая церковная уния была творением искусственным, созданным для приведения православных в латинскую веру. Она представлялась неопределенным, неясным, как бы промежуточным вероисповеданием, неспособным удовлетворить религиозные потребности своих вольных и невольных последователей. Поэтому православные, если и принуждены были отступить от своей веры, то переходили прямо в латинство. Не была она популярна и среди римо-католиков латинского обряда. Со временем она стала просто-народной “холопской” верой, ибо шляхта к ней не примкнула.

С самого начала своего появления уния была поставлена в сильнейшую зависимость от польского латинства. Латинские католические обычаи и обряды все более и более проникали в унию и постепенно вытесняли особенности, унаследованные от Восточной Православной Церкви. Такое видоизменение церковной обрядности в унии побудило

многих образованных униатов перейти в римо-католичество латинского обряда. Таким образом, уния с первых дней своего существования пошла по пути саморазрушения. В этом процессе явственно обозначились два направления. К первому принадлежала значительная часть духовенства и простой народ, защищавшие свой древний греко-восточный обряд и готовые при первом удобном случае бросить унию, навязанную им насильно, и вернуться в родное Православие. Другое направление сознательно вело унию к слиянию с чистым латинством, все более и более искажая восточный обряд и вводя латинские обычаи в богослужебный чин. Этого направления держались униатские митрополит, епископы и орден монахов-базилиан, состоявший из католиков-иезуитов.

В августе-сентябре 1720 года в г. Замостье состоялся униатский собор. Униатский митрополит, семь епископов и восемь настоятелей базилианских монастырей заседали под председательством папского нунция. Предметом обсуждения на этом соборе было уничтожение следов “схизмы” в исповедании веры, в церковных обрядах и богослужебных книгах. Было решено ввести полностью католические догматы, как то: исповедание веры с прибавкой “и от Сына” (Филиоквэ), учение о непогрешимости папы; узаконили отмену многих православных обрядов и издание богослужебных книг, исправленных в католическом духе. Постановления этого собора вводились в богослужебную практику во всех униатских церквях и монастырях.

Вслед за введением латинизации церковной обрядности был изменен внешний вид духовенства. В 1747 году было приказано униатским священникам стричь волосы, брить бороду, носить одежду по образцу польско-латинских ксендзов. В результате униатский священник внешне ничем не отличался от латинского.

Падение Польши и присоединение Беларуси к России в конце XVIII века возбудило и усилило польский патриотизм, который смешивался с фанатизмом религиозным. Ненависть к России стала неразлучна с ненавистью к православию и даже к унии. Так, латино-польская партия стала истреблять самую унию, искажать ее богослужение, обряды и обращать униатов в латинство. Многие униаты перешли в римо-католичество и поддались польскому влиянию. Некоторые из них стали известны в истории, как великие польские патриоты и деятели. К ним можно причислить польского поэта Адама Мицкевича, польского национального героя Тадэуша Костюшко, Кастуся Калиновского и других.

Конец XVIII века, приведший унию к теснейшему сближению с латинством, стал началом ее распада. Вслед за присоединением к России Беларуси, Киевской Украины и Волыни при императрице Екатерине II, наименее ополяченные и олатинизированные люди, хранившие и под покровом унии старые православные убеждения, стали массами присоединяться к Православию без всяких усилий со стороны российского правительства и без всякой заботы о сохранении унии со стороны ее последователей. Особенно поразительно быстрое исчезновение унии после второго и третьего раздела Польши: от августа 1794 года по март 1795 года присоединилось к православию 1.483.111 прихожан, 2.603 церкви и 1.552 священника.²¹³

После третьего раздела Польши в 1795 году некоторые униатские епархии были закрыты. Закрыта была и униатская митрополия. Единственным униатским архиепископом для оставшихся униатов был полоцкий архиепископ Ираклий Лисовский, утвержденный на полоцкой кафедре Екатериною II в 1784 году.

Предвидя неминуемое падение унии, с одной стороны разрушаемой латинством, а с другой стороны — переходом в православие униатов, униатские епископы задумали

²¹³ Киприанович, стр. 32-33.

восстановить чистоту древних обрядов и улучшить положение приходского духовенства Униатской Церкви, чтобы таким путем удержать при унии народ. 22 декабря 1786 года архиепископ полоцкий Ираклий Лисовский послал в Рим письмо, в котором жаловался на страшную порчу униатских богослужебных книг. “Всякий у нас частный человек, — писал Лисовский — по своему произволу прибавляет что-нибудь или переменяет; нет правила, которому бы все подчинялись. Сколько новых изданий служебников, столько видоизменений обрядов. Это даже вошло в пословицу у народа: “что священник, то новый обряд.” Ваш обряд, — говорят русские вельможи, — ни латинский, ни русский, но что-то среднее, незаконнорожденное, не от святых отцов принятое.”

По поводу испорченных после ЗамоЙского униатского собора служебников слышалось возмущение и в простом народе, который терпеть не мог унии. Вскоре после этого собора, увидев нововведения в богослужебной практике, значительная часть народа в Беларуси и Украине перешла в Православие по доброй воле. Лисовский указывал, что более 300 униатских приходов перешло в Православие по этой причине в течение последних нескольких лет, т.е. до 1787 года. Возвратившиеся в православие люди вопияли, как пишет Лисовский: “Мы не хотим, чтобы нам служили унию, пусть нам служат православию!”²¹⁴ Эти слова и факты, сообщенные архиепископом Униатской Церкви Лисовским, свидетельствуют о степени ненависти простого народа к унии. Выросли целые новые поколения в униатстве, но любовь и влечение к православию у них сохранилась.

Императрица Екатерина II усердно защищала униатов от латинян и крепко поддерживала архиепископа Лисовского. Она питала надежду, что униаты, изолированные от влияния польско-латинского духовенства, сами возвратятся в православие.

При императоре Павле I были учреждены две новые униатские кафедры: Брестская и Луцкая, на которые были назначены фанатически настроенные епископы. В 1798 году учрежден был особый департамент для заведования католическими делами. Униатские церковные дела подчинены были этому департаменту. При таком положении Униатская Церковь была лишена своего самостоятельного управляющего органа и совершенно попала под власть латинян — польских римо-католиков, которые распускали слухи, что русское правительство желает уничтожить унию и слить ее с Латинской Церковью. Под влиянием польско-латинской пропаганды и вышеуказанных слухов более 200 тысяч униатов белорусов перешло в латинство. Напрасно в это время издавались указы против таких соображений. Иезуиты и освободившиеся (с 1801 г.) от подчинения своим епархиальным униатским епископам базилианские монахи энергично действовали в пользу латинства.

Униатские епископы прилагали все усилия к тому, чтобы спасти от уничтожения унию. Прежде всего они добились участия представителей Униатской Церкви в римо-католической духовной коллегии. 12 июля 1804 года по повелению императора Александра I в коллегии начали заседать наравне с римо-католиками поляками один униатский епископ и по одному представителю униатского духовенства от трех епархий: Полоцкой, Брестской и Луцкой. Поляки, члены этой коллегии, относились к униатским представителям высокомерно и недружелюбно, тормозили решение их дел и не скрывали своего враждебного чувства к униатам вообще.

Архиепископ Лисовский пожаловался императору Александру I на положение униатских представителей в римо-католической коллегии. Заявление Лисовского не осталось без последствий. Именным указом от 16 июля 1805 года в римо-католической коллегии был образован униатский департамент во главе с архиепископом Лисовским. Затем, 24

²¹⁴ Там же, стр. 34.

июля 1806 года, Лисовский был назначен митрополитом всех униатских церквей в России, без прибавления прежнего названия “архиепископ киевский и галицкий,” каким прежде титуловались униатские митрополиты, жившие в Наваградке или Вильно. 11 февраля 1809 года последовало императорское повеление: “возстановить по-прежнему литовскую митрополичью епархию.”

Лисовский, став униатским митрополитом, отрастил себе волосы и бороду, оделся в рясу с широкими рукавами, велел поставить в униатских храмах иконостасы, давно уничтоженные, начал искоренять в церквях латинские нововведения. По его примеру начали отращивать себе бороды и волосы многие униатские священники, особенно в Полоцкой епархии. Этими мерами Лисовский хотел удержать униатов от перехода в православную веру. После смерти Лисовского 30 августа 1809 года его дело продолжил полоцкий архиепископ Красовский, которого базилианские монахи постоянно преследовали и даже называли “схизматиком.” Он энергично боролся с польско-латинским влиянием в Униатской Церкви.

Униатские епархии и епископы.

После Брестской унии, введенной в 1595 году, униатские епископы насильно захватили все православные епископии. Эти епископы занимали епархии: Полоцко-Витебскую, Смоленскую, Пинско-Туровскую и Наваградско-Литовскую митрополичью, Владимиро-Берестейскую, Луцко-Острожскую, Холмско-Белзскую. В Киевской Украине они не создали своих епархий, ибо там защитниками православия были запорожские казаки.

На основании акта о предоставлении прав Православной Церкви, утвержденного польским королем Владиславом IV на коронационном сейме в 1633 году, у униатов отнялась Луцкая епархия, но преследование православных польскими королями привело к тому, что эту епархию опять захватили в свои руки униаты в конце XVII века. Тогда же они завладели православными епископскими кафедрами в Галичине: львовской и перемышльской. Таким образом, в начале XVIII века православные епархии Беларуси, Волыни, Галичины и Холмщины занимали униатские епископы. Их митрополиты жили сперва в Наваградке и Вильно и занимали литовско-наваградскую митрополию, нося титул митрополитов “киевских и галицких.”

Униатская митрополичья епархия охватывала воеводства: Виленское, Трокское, Наваградское, Минское и Киевское. Кафедральными соборами их были: Борисоглебская церковь в Наваградке, Успенская церковь в Вильно, Успенская церковь в Минске. Эти кафедральные соборы были отняты у православных. Всего униатских церквей в митрополичьей епархии в начале XVIII века насчитывалось до тысячи. Все они и их настоятели находились под надзором местных деканов (благочинных). В каждом деканате было по несколько церквей. Так, в деканатах Беларуси: Бобруйском — 20, Блонском — 28, Волковыском — 30, Гродненском — 40, Глющенском — 19, Долгинском — 25, Клецком — 35, Лидском — 12, Мядельском — 23, Минском — 45, Несвижском — 31, Наваградском — 35, Ошмянском — 24, Логойском — 21, Пугавицком — 14, Подляском — 15, Рогачевском — 29, Слонимском — 43, Туменском — 13, Цыринском — 16; в Киевщине: Барашовском — 24, Белоцерковском — 33, Бердичевском — 34, Брагинском — 18, Димиренском — 26, Житомирском — 45, Корсунском — 40, Любартовском — 34, Мошненском — 38, Новолоцком — 46, Овручском — 32, Погребицком — 44, Радомышльском — 37, Смелянском — 28, Чудновском — 43, Чигиринском — 29, Фастовском — 35.

Все церкви и приходы, перечисленные выше, были православными до насильственного введения католической унии. Преследуя православных епископов, священников и монахов, униатские епископы пожинали плоды приобретения православных храмов и прихожан.

Из униатских митрополитов известны следующие: Михаил Рогоза (1595-1599); Ипатий Потей (1599-1613); Иосиф Вельямин-Рутский (1613-1637), умерший в Дерманском монастыре на Вольни; Рафаил Корсак (1637-1643), умерший в Риме, где жил с 1639 года; Антоний Селява (1640-1645), архиепископ полоцкий, после которого не было митрополитов 9 лет по причине военного времени; Гавриил Календа, архиепископ полоцкий (1656-1674); Киприан Жоховский (1674-1693), архиепископ полоцкий, умерший в Супрасльском монастыре и похороненный в Полоцке; Лев Нелюбиц-Заленский (1693-1708), епископ владими́ро-во́лыньский; Георгий Винницкий (1708-1713), епископ перемышльский; Лев Кишка (1713-1728), епископ владими́ро-во́лыньский; Афанасий Шептыцкий (1729-1746), епископ львовский; Флориан Гребницкий (1746-1762), архиепископ полоцкий; Фелициан Володкевич (1762-1778), епископ владими́ро-во́лыньский, который при вступлении российских войск после первого раздела Польши в 1772 году убежал в Пруссию; Лев Шептыцкий (1779-1780); Ростоцкий (1780-1804); Ираклий Лисовский (1804-1809), архиепископ полоцкий, умерший в Струни недалеко от Полоцка; Григорий Коханович (1809-1817), Иосафат Булгак (1817- 1838) — последний униатский митрополит в России.

Полоцкая униатская епархия обнимала воеводства: Полоцкое, Витебское, Мстиславльское, Курляндское и Ливонию. В 1664 году она имела около тысячи церквей, отобранных у православных. Полоцкие униатские епископы носили титул: “Архиепископ полоцкий, епископ витебский, мстиславльский, оршанский, могилевский и всей Беларуси.”

Первым униатским епископом, перешедшим из православия, был здесь Григорий Загорский (1596-1601). После него стал Гедеон Брольницкий (1601-1618), игумен Лавришевского монастыря; Иосафат Кунцевич (1618-1623), убитый православными в Витебске за жестокость; Антоний Селява (1624-1640); Гавриил Календа (1654-1671); Киприан Жоховский (1671-1693); Мартин Белозор (1696-1707); Сильвестр Пашкевич (1708-1713); Флориан Гребницкий (1713-1762); Иоасон Смогоржевский (1762-1784); Ираклий Красовский (1809-1820); Иаков Матусевич (1820-1833), епископ луцкий, управлявший Полоцкой епархией; Иосафат Булгак (1833-1838), униатский митрополит, управлявший Полоцкая епархией, которая после него закрылась.

Пинско-туровская епархия была самая малая. Она состояла только из Пинского повета. В 1664 году в ней числилось едва 10 церквей, потому что большое число церквей оставалось православными. Последним пинским епископом был Гедеон Горбацкий (1769-1785). Когда была открыта Брестская епархия в 1796 году, Пинско-туровская епархия была закрыта и включена в ее состав, а викарий (коадьютор) этой епархии епископ брестский Иосафат Булгак назначен на кафедру Брестской епархии. Его резиденция и кафедра находились в Жировицком монастыре.

Смоленская епархия была открыта в 1625 году. Она простиралась на Смоленское воеводство и земли Северскую и Черниговскую. В ней епископствовал князь Друцкий-Соколинский. После присоединения Смоленска к России эта епархия перестала существовать.

По указу императора Николая I от 22 апреля 1828 г. были упразднены две небольшие униатские епархии: Луцкая и Виленская митрополичья. Таким образом из Луц-

кой, Брестской, Виленской и Полоцкой епархий были созданы две епархии: Литовская и Белорусская.

В состав Литовской епархии вошли униаты, жившие в Гродненской и Виленской губерниях, в области Белостокской, в северных уездах Волынской губернии и в Подольской губернии. Епархиальное управление и епископская кафедра помещались в Жировицком монастыре. В этом же монастыре помещалась духовная семинария, которой принадлежало несколько низших духовных училищ.

К Белорусской епархии были причислены униатские церкви и униаты, жившие в Витебской и Могилевской губерниях, Дисненском, Борисовском, Игуменском, Бобруйском, Речицком и Мозырском уездах Минской губернии, а также Овручском и Житомирском уездах Волынской губернии, униаты Киевской губернии и шесть униатских церквей в Курляндии. Эта епархия была богаче и обширнее Литовской. Епископская кафедра и епархиальное управление оставались в г. Полоцке. Здесь же находилась духовная семинария. При этой семинарии было решено открыть духовную академию.

Белорусской епархией управляли архиепископы или митрополиты униатской церкви. На кафедру епископа литовского был назначен епископ Иосиф Семашко, прославившийся впоследствии, как главный деятель воссоединения униатов с Православной Церковью.

Базилиане и униатские монастыри.

Униатский монашеский орден базилиан был организован в Виленском Троицком монастыре в начале XVII века. Создателем его был униатский митрополит Ипатий Потей и его преемник Иосиф Вельямин Рутский. Все православные монастыри, которые насильственно отнимались у православных иноков, ставились в подчинение Виленского Троицкого монастыря, как центра базилианского ордена. Униатский монашеский орден был организован по образцу латинского иезуитского ордена. Начальником базилианского ордена со званием генерала был назначен бывший иезуит Иосиф Вельямин Рутский, архимандрит Виленского Троицкого монастыря. После смерти митрополита Потей он был униатским митрополитом. Базилианский орден находился вне епископской местной власти и подчинялся непосредственно особому прокурору, состоявшему в Римской папской курии. В базилианский орден с самого начала его существования вливались римо-католики латиняне и иезуиты для миссионерской деятельности среди православных. Одной из главных задач этого ордена было воспитание юношества.

Базилиане сами построили очень мало монастырей. Основное количество принадлежавших им монастырей было отнято силой у православных. Многие отнятые у православных монастыри были закрыты и постепенно разрушились. В конце XVIII века, т.е. после третьего раздела Польши и присоединения всей Беларуси к России во власти базилиан находилось 83 монастыря и до 680 монахов.²¹⁵ Из этого числа в Беларуси было 52 монастыря, остальные находились на Украине и Волыни. В Беларуси базилианские монастыри существовали в следующих областях: На Виленщине — Виленский Троицкий, Поставский, Глушновский, Березвечский, Сутковский, Борунский; на Гродненщине — Гродненский Богородичный, Каложский, Дрогичинский, Супрасльский, Червенский, Ятвеский, Рожанский; в Наваградчине — Наваградский, Лавришевский, Жировицкий, Бытенский, Фуровский, Даревский, Вольненский, Мирский, Циперский; в Витебщине — Полоцкий Софийский, Полоцкий, Ушачский, Добрыгорский, Вержболовский, Сиротинский, Маха-

²¹⁵ Там же, стр. 49.

ровский, Витебский Иосафатов, Метский; в Минщине — Минский Свято-Духов, Полонковский, Суховицкий, Логойский, Ляданский, Казимировский, Ново-Сверженский, Раковский; в Могилевщине — Оршанский, Любовецкий, Маривильский, Милашковский, Лысковский. Безводицкий, Толочинский, Белоцерковский, Сирицкий; в Пинщине — Хомский, Антопольский, Новоселецкий, Тороканский. Из всех монастырей только 7 униатами, остальные — бывшие православные.

Базилианские монастыри были сильно латинизированы. В докладе униатского епископа Иосафата Жарского, производившего ревизию униатских монастырей в 1832 году, указывалось, что в числе 313 монахов, находившихся в 37 обревизованных им монастырях, оказалось 134 униата и 129 римо-католиков, которые служили по своим латинским обрядам. При этом он указал на упадок дисциплины в базилианском ордене, происходивший от уменьшения числа монашествующих; множество латинских нововведений в богослужении, в церковных облачениях, в устройстве храмов. Это побудило греко-униатские церковные власти упразднить к 1835 году 36 беднейших монастырей. Подверглись закрытию главным образом те монастыри, которые были замешаны в беспорядках во время польского мятежа 1831 года.

Ополяченность униатского духовенства.

Мы говорили о латинизации Униатской Церкви, но нельзя умолчать об ополяченности духовенства этой Церкви. Полонизация проводилась через иезуитские школы, в которых получали образование новые кадры кандидатов в духовный чин. Школьное обучение в них велось на латинском и польском языках, а воспитание — в польском патриотическом духе. Вышедшее из этих школ униатское духовенство — епископы, священники и монахи базилиане — легче говорило по-латыни и по-польски, чем на языке своих прихожан.

Митрополит Иосиф Семашко, бывший униатский епископ, в своих воспоминаниях пишет: “На всем пространстве Литовской епархии все духовенство это говорило на польском языке и вовсе не знало языка русского. Теперь, благодарение Господу, оно не только возвратилось в лоно матери своей Православной Церкви, но, воспитываясь в своих училищах и семинарии, изучило и стало употреблять русский язык отцов своих. Только среди женского пола духовного ведомства употребление польского языка еще поддерживается... Между тем, это употребление польского языка многими лицами женского пола духовного ведомства имеет довольно важныя неудобства. Через него язык этот поддерживается во многих священнослужительских семействах, прививается к малолетним с самого юного возраста и препятствует правильному изучению ими русского языка, а также заставляет, по необходимости, говорить по-польски самих священнослужителей.”²¹⁶ Под названием “русский язык” митрополит подразумевал разговорный язык прихожан, т.е. белорусский в Беларуси, так как российский литературный язык в то время здесь не употреблялся.

Униатское духовенство и их семьи были ополячены не только в Литовской епархии, но и в Белорусской епархии, т.е. во всей Беларуси. Митрополит Иосиф Семашко 26 декабря 1863 года писал следующее: “Несколько веков русский народ здешней страны (т.е. Беларуси) находился под игом Польши. В это время не только лишили было его древняго православия посредством унии, но и покусились на родной его русский язык. С сей целью учили этот народ, по мере возможности, молиться на польском языке, и, с течением времени, не только особья личности, преимущественно грамотныя, но целые прихо-

²¹⁶ Там же, стр. 422-423.

ды и округи, по разным местностям, забыли родные свои ежедневные молитвы и стали употреблять молитвы на польском языке.”²¹⁷ В униатских храмах во время богослужений прихожане пели религиозные песни на польском языке, во время похорон пелись польские заупокойные песни; крестные ходы, совершавшиеся на Богоявление, во время освящения полей или по каким-либо общественным нуждам, сопровождалась пением польских песен из “кантычек.” Эти песнопения звучали не только в церквах и во время крестных ходов, но и в быту: на свадьбах, крестинах, похоронах и в др. случаях. Все это указывает на степень ополяченности нашего народа при посредстве Униатской Церкви.

Митрополит Иосиф после присоединения униатов к Православной Церкви предписывал духовенству обучать народ молитвам на славянском языке, прекратить песнопения на польском языке в церквах, произносить проповеди на белорусском или русском языках, а не по-польски.

Русские власти боролись с польским влиянием на народ, запрещая белорусам пользоваться польским языком. Вместо польского языка повсеместно вводился русский государственный язык. Русский язык вводился и в церковной жизни Беларуси: в проповеди и письмоводстве. Униатское, а потом православное духовенство Беларуси постепенно перешло с польского языка на русский. Белорусский язык остался достоянием простых деревенских жителей.

Уничтожение Брестской унии.

Вскоре после присоединения Беларуси и Волыни к Российской империи униатское население этих областей начало массово переходить в православную веру без всякого внешнего принуждения. По свидетельству современников, с августа 1794 года по март 1795 года, то есть за полгода, присоединились к Православной Церкви 1 483 111 униатов, 2 603 церкви и 1 552 священника. Особенно много униатов перешло в епархии православного слуцкого епископа Виктора Садковского. Историк Костомаров указывает, что при обозрении епископом Виктором южных областей своей епархии в 1787-1788 годах возникло сильное стремление народа к возвращению из унии в православие. В короткий срок вместо 94 приходоу, находившихся в этой епархии при вступлении им в 1784 году, возникло 300 приходоу,²¹⁸ в Киевской Украине перешли в православие почти все униаты. В северо-западной части Беларуси (Виленина, Гродненщина), под влиянием латинской пропаганды, в конце XVIII века более 200 тысяч униатов обратилось в латинство.²¹⁹ Православный епископ полоцкий Смарагд, прибыв в Полоцк 9 июля 1833 года, в течение одного месяца принял в Православную Церковь свыше 4 000 униатов, а к концу 1835 года присоединил еще 124 130 униатов, 91 церковь с прихожанами и 9 приписных церквей.²²⁰ 29 июля 1833 года он сообщал в рапорте обер-прокурору Синода Нецаеву: “Напрасно полагают, будто бы униаты могут чинить беспокойства при обращении их в православие; по крайней мере по Витебской губернии я нашел униатов совершенно приготовленных к тому и слышал, что если бы скорей последовало воззвание от Синода, то все оставили бы унию, которая поддерживается только вредными для отечества ксендзами.”²²¹

Были присоединения униатов в Могилевской епархии. Архиепископ могилевский Гавриил Городков писал архимандриту Платону Рудинскому 6 июня 1836 года: “Здесь (в

²¹⁷ Там же, стр. 421.

²¹⁸ Там же, стр.33; Арсений “Летопись,” стр. 752; там же и пр.

²¹⁹ Киприанович, стр. 35.

²²⁰ Там же, стр. 135-136.

²²¹ Там же, стр. 107-108.

Могилевской губернии) обращение иноверцев, особенно униатов, при помощи Божией, совершается довольно успешно, хотя в меньшем количестве, нежели в Полоцкой епархии. В нынешнем году присоединено более десяти тысяч да в предшествовавшем сему году — около двадцати пяти тысяч. Поляки стараются препятствовать и вредить сему святому и общеплезному делу, выдумывают разныя клеветы и жалуются якобы на насильственные меры; но клеветы останутся с ними, а дело Божие будет расти и торжествовать над противящимися ему.”²²² Архиепископ минский Евгений Бажанов писал архимандриту Виленского Свято-Духова монастыря Платону Рудинскому, что в течение 1833 года он присоединил к православию в Минской епархии до 14 000 душ обоого пола и 14 целых приходов. Позднее он писал: “По Минской губернии в 1834 году, по 1-ое сентября, я успел, с помощью Божией, обратить униатов к нашей Церкви до 15 000 душ обоого пола... Впрочем, надобно сказать, что в Минской епархии униаты гораздо упорнее, нежели в Витебской и Могилевской губерниях, где гораздо ближе они к русскому.”²²³

Приведенные факты характеризуют общее настроение белорусов-униатов и их отношение к православию. Нужна была осмысленная и осторожная миссионерская работа. Неумелое возобновление православия среди униатов могло нанести огромный вред. Этого сильно опасались церковные деятели по воссоединению униатов — униатские епископы Иосиф Семашко и Василий Лужинский. Особенно их беспокоило вмешательство властей. Так, 18 декабря 1834 года в Вилейку из Минска приехали православные священники для обращения более 2000 униатов. Миссия не имела успеха. После этого, по приказу минского вице-губернатора, русские солдаты в сопровождении полицейских чинов пригнали в Вилейку всех униатов из окрестных деревень и заставили их присоединиться к Православной Церкви, а униатский священник был вывезен из Вилейки солдатами. Униатские епископы запротестовали против насильственного обращения униатов, после чего подобные случаи не повторялись.

Униатский епископ Литовской епархии разработал целый план приготовления униатов к принятию православия, который был одобрен правительством. План включал проведение в Униатской Церкви следующих мероприятий: введение русского языка в духовных униатских школах, ознакомление семинаристов с чином православного богослужения, упразднение из униатской богослужебной практики латинских обрядов и молитвословий: суппликаций, литаний; облачков, музыкальных органов и употребления колокольчиков при литургии; удаление проповедальниц или амбон; замена боковых и главного продолговатых престолов одним главным престолом в алтаре по чину Православной Церкви; устройство иконостасов, которых не было в униатских церквях; поставление в церквях православных крестов и дарохранительниц вместо латинских. Все эти мероприятия немедленно вводились в униатских церквях. Было большое сопротивление со стороны влиятельных униатских священников, но епископской властью их отстраняли от церковных должностей, запрещали в священнослужении, низводили на степень чтецов. Некоторые покорились распоряжениям епископа. Особенно большое сопротивление было при изъятии униатских служебников и замене их православными московского издания. Епископ Иосиф был непреклонен при проведении своих мероприятий и решительно запрещал священникам служить в латинских облачениях, требовал служения в православных ризах. Сопротивление этим мероприятиям постепенно уменьшилось, когда униатское духовенство убедилось, что нововведения не затрагивают католического униатского вероиспове-

²²² Там же, стр. 135.

²²³ Там же, стр. 134-135.

дания. При более упорном сопротивлении Иосифу приходилось обращаться за помощью к светским властям.

Открытое противодействие народа преобразованиям униатских храмов по православному обряду встречалось редко. Киприанович пишет: “Народ, неизменно называвший себя и свои церкви русскими, а католиков — поляками, слепо следовал своему духовенству и, ясно не понимая сущности реформ, объяснял их по-своему — тем, что прежние униатские храмы, хотя и были русские, но теперь делаются “правдивыми” русскими. Иные же, после устройства иконостаса, уже считали себя “благочестивыми” (православными), наконец, некоторые утверждали, что прежнее их богослужение было русское холмское, а теперь вводится русское панское и даже осуждали своих пастырей за незнание настоящего богослужения.”²²⁴

23 февраля 1838 года в Петербурге скончался униатский митрополит Иосафат Булгак и был похоронен в православной Сергиевой пустыни. Вскоре после него скончался униатский пинский епископ Иосафат Жарский. Они были главными противниками воссоединения с Православной Церковью. Епископом Белорусской (полоцкой) епархии стал епископ Василий Лужинский. В это время униатское дело быстро пошло к завершению, несмотря на противодействие сторонников унии из среды униатского духовенства и римокатоликов.

Униатский брестский епископ Антоний Зубко, викарий Литовской епархии, 25 февраля 1838 года сообщал православному архиепископу минскому Никанору, что в Литовской епархии уже дали подписи о присоединении к православию члены духовной консистории, все учителя семинарии, начальники уездных духовных училищ, все настоятели монастырей и некоторые монахи базилиане, все благочинные и вице-благочинные, большая часть духовных депутатов, почти все священники Слуцкого, Наваградского, Лидского, Волковыского, Полесского, Ротненского и Луцкого благочиний. Наименее расположенным к принятию православия оказалось духовенство Минского и Вилейского уездов, вследствие смежности их с Белорусской епархией, в которой производились частные обращения при епископе Смарагде.²²⁵

Бывали случаи, что священники отказывались дать епархиальному начальству письменное согласие на присоединение к православию и не являлись по вызову в Жировицы. К ним применялись суровые меры: их перемещали на другие, худшие и более отдаленные приходы. Впрочем, были и такие, которые, приняв православие, оставляли духовный сан и выходили в светское звание. Упорство многих священников поддерживали их жены, католички и униатки, фанатически настроенные против православия. Но наибольшее сопротивление воссоединению с православием, как и следовало ожидать, было со стороны базилиан. Но сила базилиан была ослаблена тем, что многие базилианские монастыри были закрыты, причем монахи ушли в латинский обряд. К концу 1835 года число монахов в Литовской епархии сократилось до 170 человек. Сильно упорствовал базилианский центральный монастырь Святой Троицы в Вильно. Несмотря на предписания епархиального начальства, здесь служили читанные обедни на боковых престолах, не имевших иконостасов, до 1837 г. Почти все 20 монахов Троицкого монастыря фанатично ненавидели православных и называли их схизматиками, отщепенцами, “потэмпенцами,” а православную веру ставили ниже еврейской и даже языческой. Они как духовники внушали подобные мысли простым людям, запрещая им, под угрозой анафемы, ходить в православ-

²²⁴ Там же, стр. 129.

²²⁵ Там же, стр. 155.

ные церкви. Надо отметить, что молодые монахи не были настроены столь фанатично. В то же время усиленно вели пропаганду против православия и Православной Церкви польско-латинские священники и монахи.

Более широкие масштабы имело движение против воссоединения в Белорусской епархии. 14 сентября 1838 года, в селе Церковне Дрисенского уезда, состоялось собрание униатских священников Витебской, Минской и Могилевской губерний, во главе с упорным противником воссоединения Иоанном Игнатовичем. Собравшиеся отслужили молебен, провели крестный ход вокруг церкви, пели религиозные песни на польском языке и увещевали многочисленную толпу молиться по католическому обряду. Игнатович и его сподвижник Томковид от имени 111 священников подали прошение императору с просьбой назначить им особого униатского архиерея. По совету епископа Иосифа Семашко оба зачинщика, Игнатович и Томковид, были высланы в Россию. Против воссоединения с Православной Церковью в Белорусской епархии в поддержку униатов выступали местные польские помещики. Над всеми виновными, противодействовавшими воссоединению, был произведен духовный суд, по которому 12 священников были низведены в причетники в Литовскую епархию, 8 отправлены в униатские монастыри и только 5 выслано в Россию.

В феврале 1839 года в Полоцк съехались униатские епископы на собор. 12 февраля того же года, в неделю Православия, в присутствии епископов: литовского Иосифа Семашко, белорусского Василия Лужинского и викарного епископа брестского Антония Зубко было составлено соборное постановление о воссоединении униатов с Православной Церковью. Акт гласил:

“Мы, благодтию Божию, епископы и священный собор Греко-Униатской Церкви в России, в неоднократных совещаниях, приняли в разсуждение нижеследующее: Церковь наша, от начала своего, была в единстве святых Апостольских Православно-Кафолических Церкви, которая Господом Богом и Спасом нашим Иисусом Христом на Востоке насаждена, от Востока возсияла миру и доселе цело и неизменно соблюла божественные догматы учения Христова, ничего к оному не прилагая от духа человеческого суемудрия. В сем блаженном и превозделенном вселенском союзе Церковь наша составляла нераздельную часть Греко-Российския Церкви, подобно как и предки наши, по языку и происхождению, всегда составляли нераздельную часть русскаго народа Но горестное отторжение обитаемых нами областей от матери нашей России отторгнуто и предков наших от истинного кафолическаго единения, и сила чуждаго преобладания подчинила их власти Римской Церкви под названием униатов.” В акте дальше описывается история бедственного положения православных под властью Польши. “Посему, — писалось в акте, — в теплых сердечных молениях, призвав на помощь благодать Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и Святаго и всесовершающаго Духа, мы положили твердо и неизменно:

1. Признать вновь единство наша Церкви с Православно-Кафолическою Восточною Церковью и посему пребывать отныне, купно с вверенными нам паствами, в единомыслии со святейшими восточными православными патриархами и в послушании Святейшаго Правительствующаго Всероссийскаго Синода.

2. Всеподданнейше просить благочестивейшаго Государя Императора настоящее намерение наше в свое Августейшее покровительство принять и исполнению онаго к миру и спасению душ Высочайшим своим благоусмотрением и державною волею споспешествовать, да и мы, под благодетельным его скипетром, со всем русским народом совершенно едиными и неразлучными устами и единым сердцем славим Трїедиаго Бога, по

древнему чину апостольскому, по правилам святых вселенских соборов и по преданию великих святителей и учителей Православно-Кафолическия Церкви.

В уверение чего мы, все епископы и начальствующее духовенство, сей Соборный акт утверждаем собственноручными нашими подписями и, в удостоверение общаго на сие согласия прочаго греко-униатскаго духовенства, прилагаем собственноручныя же объявления священников и монашествующей братии, всего тысячи трехсот пяти лиц.

Подлинный подписали:

Смиранный Иосиф, епископ литовский. Смиранный Василий, епископ оршанский, управляющий Белорусскою епархиєю. Смиранный Антоний, епископ брестский, викарий Литовской епархии. Дальше идут подписи разных должностных священных лиц. От Греко-униатской духовной коллегии, протоиереи: Игнатий Пульховский, Иоанн Конюшевский, Лев Паньковский; от Литовской консистории, протоиереи: Антоний Тупальский, Михаил Голубович, Плакид Янковский, Григорий Куцевич, ректор семинарии Ф. Гомолицкий, эконом семинарии игумен Иосаф Вышинский, инспектор семинарии иеромонах Игнатий Желязовский, секретарь при литовском епископе иеромонах Фауст Михневич; от Белорусской консистории протоиереи: ректор духовной семинарии Михаил Шелепин, Константин Игнатович, игумен Иосиф Новицкий, инспектор семинарии прот. Фома Малишевский, ключарь Полоцкого Софийскаго собора Михаил Копецкий, эконом семинарии прот. Иоанн Щенснович, прот. Иоанн Глыбовский, иерей Иоанн Сченснович, Фома Околович, секретарь при епископе Антонии иером. Петр Михалевич.”

В день окончательнаго подписания Соборнаго акта 12 февраля, в неделю Православия, епископ Иосиф совершил торжественно обедню в Полоцком Софийском соборе и причастил лично всех наставников и семинаристов, а также немало прихожан. Во время литургии Иосиф поминал вместо папы всех православных патриархов. После литургии все епископы отслужили благодарственный молебен с многолетием.

Святейший Синод, рассмотрев, по повелению государя, Соборный акт и прошение униатскаго духовенства, постановил 23 марта 1839 года следующее: “Епископов, священство и духовную паству так именовавшейся донныне греко-униатской церкви, по священным правилам и примерами святых отцев, принять в полное и совершенное общение Святыя Православно-Кафолическия Восточныя Церкви и в нераздельный состав Церкви Всероссийския; управление воссоединенных епархий и принадлежащих к ним духовных училищ оставить на прежнем основании.” На докладе Синода по сему делу император Николай I написал 25 марта 1839 года: “Благодарю Бога и принимаю.”²²⁶

По случаю воссоединения вычеканена была медаль. На одной стороне изображен нерукотворный образ Спасителя с надписью: “Такова имама первосвященника,” а внизу: “Отторгнутые насилеиом (1596) воссоединены любовью (1839).” На другой стороне медали изображен крест Господень с надписью по сторонам: “Торжество православия,” а внизу: “марта 1839 г.”

Так закончилось в Беларуси существование Брестской унии, причинившей много горя и бедствий белорусскому народу.

8. Протестантизм и социанство в Беларуси.

²²⁶ Там же, стр. 177-181.

Протестантизм.

Августинский католический монах и профессор богословия в Виттенбергском университете Мартин Лютер выступил с протестом против индульгенций и других злоупотреблений Католической Церкви и в 1517 году начал проповедовать новое учение, нашедшее последователей в Германии и отторгнувшее от католичества более половины немцев. Учение стало называться протестантизмом (лютеранством).

Лютеранские идеи пришли в Польшу из соседней Германии и быстро начали всеместно распространяться. При короле Сигизмунде I лютеранство в Польше было строго запрещено, но его сын, великий князь литовский и король польский Сигизмунд II Август, увлекся протестантизмом и покровительствовал ему. Новое учение захватило широкие круги польской шляхты, несмотря на противодействие польско-латинского духовенства.

В Великое Княжество Литовское лютеранство проникало не только из Польши, но и из Германии, Восточной Пруссии и Ливонии, с которыми Вильно и другие белорусские города находились в торговых сношениях. В Риге реформация водворилась в 1522 году. Это учение появилось одновременно в Ревеле, Дерпте и других городах Ливонии. Восставший против католичества народ сжигал латинские храмы и не щадил православных церквей. Восточные пруссы приняли протестантизм в 1525 году. В это же время протестантизм начал распространяться в Аукштоте и Жмуди, откуда перешел в Беларусь.

Первым проповедником лютеранства в Беларуси стал в 1539 году Аврам Кульва (по другим источникам — Авраам Кульма). Он был родом из Литвы, образование и ученую степень доктора богословия получил в Германии, где был посвящен в сан римско-католического священника. Возвратившись в Вильно, начал распространять не римское, а лютеранское учение. В Вильно он открыл школу и собрал в ней до 60 учеников, которых обратил в лютеранство. В 1542 году, по просьбе виленского католического епископа Павла Гольшанского, король выдал грамоту, чтобы Кульва был предан суду. Узнав об этом, Кульва тайно скрылся и приехал в Кенигсберг. По воле прусского магистра Альберта I он был назначен профессором богословия в новооткрытом кенигсбергском университете.

После отъезда Кульвы проповедником лютеранства в Вильно стал Ян Винклер или Виклер. Сперва он был римо-католическим проповедником в костеле Святой Анны в Вильно. Но когда открылось, что в своих проповедях он критиковал римско-католическое учение, епископ запретил ему проповедовать и служить, а позднее даже входить в костел. Винклер нашел себе богатого покровителя купца Морштина и в его доме открыл лютеранскую молельню, в которой еще смелее продолжал выступать против заблуждений Римско-Католической Церкви. Его слушателями были преимущественно немцы, для которых он проповедовал по-немецки, хорошо зная этот язык. Резкие нападки Винклера на Римскую Церковь ополчили против него виленских католических фанатиков. Он не прекращал лютеранской пропаганды до кончины своего покровителя, после чего уехал из Вильно. Образовавшаяся здесь лютеранская община около 1560 года построила кирху на Немецкой улице, которая просуществовала до 1944 года. Надо отметить, что лютеранство не имело много последователей в Беларуси: его принимали почти одни только немцы, и нет свидетельств тому, чтобы оно увлекло кого-либо из белорусской шляхты. Бóльшим успехом здесь пользовался кальвинизм.

Кальвинизм.

В 1533 году парижский богослов Кальвин, бежавший из Парижа от преследований за выступления против католичества, основал свои общины в Базеле и Женеве. Он проповедовал протестантское учение, несколько отличное от лютеранского. Его последователи получили название реформатов, а во Франции их называли гугенотами. Успехам Кальвина в Швейцарии способствовала предшествовавшая ему деятельность бывшего католического священника Цвинглия, посеявшего там первые семена реформации и умершего в 1531 году.

Великий князь литовский Сигизмунд Август вел переписку с Кальвином. Кальвин и Лютер считали Сигизмунда покровителем и посвящали ему свои произведения: Кальвин — толкование на послание апостола Павла к евреям, а Лютер — свой перевод Библии. Но главным насадителем и распространителем кальвинизма в Беларуси был князь Николай Радзивилл Черный, канцлер Великого Княжества Литовского и воевода виленский, двоюродный брат королевы польской Боны, супруги Сигизмунда II Августа. Приняв вместе с семьей кальвинизм в 1553 году, он использовал огромные материальные средства и влияние на распространение кальвинизма в своих многочисленных имениях, во всей Беларуси и Великом Княжестве Литовском. Прежде всего он открыл молельню для кальвинистов или збор в своем загородном доме, в предместьи Вильно на Лукишках, а потом выпросил у короля позволение поставить в самом Вильно на площади близ рынка обширную палатку, в которой собирались кальвинисты для молитв и слушания проповедей. В 1561 году князь Радзивилл построил на Бернардинской площади г. Вильно просторный каменный храм. В то же время князь Радзивилл открыл кальвинистские молельни в своих многочисленных владениях: Несвиже, Клецке, Девялтове, Орше, Ивье, Шилиянах, Кейданах, Бресте, Биржанах и других местах. Он вызывал и назначал в устроенные им кальвинистские молельни пасторов или проповедников, содержал их на свои средства и покровительствовал им. Известных своей ученостью кальвинистских пасторов Мартина Чеховича и Вендриховского он назначил в Вильно, Симона Будного в Клецк, Лаврентия Крыжковского в Несвиж, Симона Зациуса в Брест и проч. Пасторы и сами приезжали в Великое Княжество Литовское, целыми толпами, рассчитывая на верную добычу и милость всесильного вельможи Радзивилла.

Богатство Радзивиллов умножалось приобретением больших поместий. Около 1513 года князь Ян Радзивилл Бородатый присоединил к своим родовым имениям Ольку на Вольни, Несвиж и Лахву, принесенные в приданое его женой Анной, дочерью Станислава Кишки. Сын Радзивилла Бородатого Ян IV (ум. 1551) первый стал писаться “князем на Ольке,” он умер бездетным. Брат его Николай IV Черный был знаменитым распространителем кальвинизма в Беларуси. Польский король дал ему Клецкие имения и титул: “Князь на Несвеже, Ольке и Клецке.”

Радзивиллы были в родстве с Вишневецкими, Острожскими, Потоцкими, Сапегами, кн. Слуцкими, с владетельными домами курфюрстов прусских, баварских, герцогов курляндских, князей мазовецких, молдавских, магнатов венгерских, королей польских. Германские императоры называли их своими братьями, крестили у них детей, сватали их дочерей. Их аристократизм выделялся среди прочих аристократов в Великом Княжестве Литовском. Из фамилии Радзивиллов вышли польско-латинские епископы: Альберт, епископ луцкий, а потом виленский (ум. 1519); Николай, епископ самогитский (ум. 1546); Юрий, кардинал и архиепископ краковский (ум. 1600). Этот род всегда был связан с религией.

Князь Николай Радзивилл Черный увлекся кальвинизмом, в период получения образования за границей. У себя на родине он сделался ревностнейшим насадителем и покровителем кальвинизма. По его примеру и под его влиянием приняли кальвинизм православные фамилии Ходкевичей, Сапег, Горских, князей Вишневецких и другие, а также мелкая шляхта. Одни это делали по родственным или дружеским связям с Радзивиллами, другие из-за желания угодить ему и иметь его благосклонность. Все эти паны вводили в своих имениях кальвинизм, строили зборы или обращали латинские костелы в кальвинистские.

В середине XVI века кальвинизм был настолько модным среди шляхты Великого Княжества Литовского, что даже киевский римско-католический епископ Николай Пац принял это учение, сложил с себя сан, женился и стал каштеляном брестским и мстиславльским. В Наваградском воеводстве (Западная Беларусь) проживало свыше 600 шляхетских фамилий, римско-католических и православных, из которых в православной вере осталось только 16, а остальные ушли в кальвинизм. Кальвинистский пастор Симон Будный, при содействии местной принявшей кальвинизм шляхты, разорил 650 православных церквей в митрополичьей Наваградской епархии. Автор книги “Антикризис,” написанной против сочинения “Апокризис” Христофора Филарета, свидетельствует, что в Наваградском повете едва можно было найти сотый дом шляхетский, нечуждый ереси, и что, отступив от православия, кальвинисты обращали церкви в хлевы и конюшни. Из 700 римско-католических приходов в Жмуди и Беларуси, по свидетельству иезуита Циховия, к 1566 г. уцелела в католичестве только одна тысячная часть католиков. В одной Жмудской епархии насчитывалось всего шесть оставшихся в римско-католичестве ксендзов.²²⁷ Иностранные путешественники в 1555 году встречали в Жмуди и Западной Беларуси множество кальвинистских храмов.

Для распространения кальвинизма князь Радзивилл устроил типографии в Несвиже и Бресте, не жалея денег на издание книг кальвинистского содержания. В 1563 году на его средства была напечатана кальвинистская библия на польском языке, посвященная королю Сигизмунду II Августу. В несвижской типографии Симон Будный напечатал на белорусском языке в 1562 году кальвинистский катехизис и кальвинистскую книгу “О оправдании грешного человека пред Богом.”

Для подготовки юношества в кальвинистской вере были открыты кальвинистские школы в Вильно, Наваградке, Несвиже, Слуцке, Клецке, Заславле, Морече, Витебске, Орше, Ковне, Евье, Кейданах, Девельтоде, Шилянах, Биржанах. В этих школах обучались дети местной белорусской шляхты. Кальвинизм в Беларуси был силен своими школами.

Пропаганда кальвинизма сильно затормозила развитие римско-католичества в Беларуси, почти разрушив его. Православной Церкви она также причинила огромный вред. По мнению Карташева, такая склонность православных фамилий к кальвинизму объясняется инстинктом сопротивления католичеству, как орудию колонизации и латинизации. “Опро-тестантимся, чтобы не облатиниться и не ополячиться,” — говорит он.²²⁸

Антитринитаризм.

Вместе с кальвинизмом появилось в Польше и Великом Княжестве Литовском еще одно новое учение, которое получило здесь сразу несколько названий: унитаризм, антитринитаризм, новый арианизм и социанизм. Это учение отвергало Пресвятую Троицу, не

²²⁷ Макарий, IX, стр. 321-322, примечание 331.

²²⁸ Карташев, I, стр. 584.

признавало божественной природы Иисуса Христа, таинство воплощения и все другие христианские таинства, а признавало только единого Бога. Это еретическое учение проповедовал в начале IV века Арий, осужденный I Вселенским собором в 325 году. Впервые это учение возобновили итальянцы братья Фавст и Лелия Социни. От их имени оно получило название социане. Братья Социни проповедовали свою ересь в Польше, куда прибыли в 1551 году. Здесь их учение получило название унитаризм или антитринитаризм.

Его занесли в Беларусь итальянец Юрий Бландрат, венгр или итальянец Франциск Станкар и Петр из Гонендза, родом из Подлясья. Здесь оно встретило сильное сопротивление со стороны кальвинистов и их главного покровителя князя Николая Радзивилла. В декабре 1558 года в Вильно был кальвинистский собор, на котором Петр из Гонендза давал отчет о своем учении. Отвергая троичность Лиц в Боге, он не признавал также крещения младенцев. Для ограждения последователей кальвинизма от антитринитаризма Симон Зациус из Прошовиц, брестский пастор, издал в 1559 году “Исповедание веры збору виленского,” в котором, излагая учение кальвинизма, предостерегал от увлечения антитринитаризмом. Но вскоре некоторые кальвинистские пасторы все-таки увлеклись новым учением и стали его проповедовать среди прихожан, например виленские пасторы Чехович и Вендриховский, клецкий пастор Симон Будный.

Вскоре эта секта раскололась на множество мелких толков и партий, которые противоречили друг другу и вели непрерывные споры. Но самое важное для антитринитариев было то, что они приобрели в Беларуси сильного покровителя — Яна Кишку, старосту жмудского, потомка старинного белорусского знатного рода, получившего образование за границей. После смерти своего отца Стефана Кишки (ум. 1552), Ян Кишка получил громадное наследство, состоявшее из более 70 местечек и 400 сел. Он не жалел средств на поддержание и распространение этой ереси в Беларуси, собирал к себе учителей, основывал общины, заводил типографии для издания социанских книг: в Лозках (Ошмянского уезда), в Любче недалеко от Наваградка, в Заславле около Минска. После напрасных попыток прийти к соглашению с кальвинистами, — для чего устраивались несколько раз соборы, — антитринитарии вступили с ними в открытую борьбу, увлекая многих из них в свою секту и отнимая храмы и обращая в свои — в Бресте, Бяле, Лоске, Мордах. Сворачивали они также римо-католиков и православных. Более всего антитринитарии имели успех в воеводствах Наваградском и Брестском.

В помощь к проповедникам антитринитаризма в Беларусь прибыли из Москвы новые еретики, так называемые жидовствующие: Феодосий Косой и поп Фома, которые за распространение в России своей ереси были сосланы в Ферапонтов монастырь, но бежали оттуда. Прибыв в Беларусь, Феодосий и некий Вассиан с другими своими единомышленниками остановились сперва в каком-то “Усо-Чорт” и своей проповедью совратили многих православных, затем перебрались в Витебск. Но православные витебляне прогнали их за неслыханное еретическое антихристианское учение и те ушли “в глубь Литвы.” Фома устроился пастором в Полоцке. Когда Иван Грозный в 1563 году занял Полоцк, то Фому разыскали и утопили в р. Полоте. Феодосий Косой и его товарищи успели уйти на Волынь и там проповедовали свою ересь. По свидетельству князя Курбского, тоже беглеца из Москвы, жившего на Волыни, они заразили язвою своего еретического учения “мало не всю Волынь.” Потому-то отенский инок Зиновий и выразился: “восток развратил диавол Бахметом, запад Мартином немчином (Лютером), а Литву Косым.”²²⁹ В Беларуси они

²²⁹ Макарий, IX, стр. 327.

совратили в ересь многих людей. Их общины существовали одна в Полоцке, а другая — в Витебске.

В Беларусь прибыл еще один беглец из Москвы за вольнодумство — Артемий. Пробыв некоторое время в Витебске, где находились уже Феодосий Косой со своими товарищами, он не захотел разделять их образа мыслей и действий и уехал в Слуцк к князю Юрию. Проживая здесь, он имел случай познакомиться с разными важными лицами, православными и уклонившимися в ереси, и даже с Симоном Будным; переписывался с этими лицами, одних обличал, других вразумлял, третьих подкреплял и, при своей начитанности, своими сочинениями, устными беседами, сделал очень много для пользы православия. Захария Копыстенский писал об Артемие: “Преподобный инок, споспешествующу ему Господу, в Литве от ереси арианской (так наз. антитринитариев) и лютеранской многих отвернул, а чрез него Бог исправил же ся весь народ русский в Литве от ереси тьи не перевернул.”²³⁰

Прибывшие в 1569 году в Вильно иезуиты, расселившись по всей Беларуси, повели решительную борьбу с протестантами, кальвинистами и антитринитариями. Им удалось вернуть многих, уклонившихся в новые учения. Но ведя борьбу с еретиками, они не щадили православных, которых также совращали в латинство.

9. Церковная жизнь Беларуси под властью России.

Церковное правление.

До 1 раздела Польши в 1772 году в Беларуси существовала только одна православная епархия с епископской кафедрой в г. Могилеве. После присоединения Беларуси к России на основании второго и третьего раздела Польши в 1793 и 1795 годах православная церковная жизнь Белорусской епархии, разрушенная и обессиленная поляками и униатами в продолжение 300-летнего их господства, начала быстро укрепляться, восстанавливаться и развиваться. В 1778 году была открыта епископская кафедра в г. Слуцке для западной части Беларуси и Волыни. Число православных белорусов стало возрастать с каждым годом, благодаря переходу в православную веру униатов. Российские власти содействовали укреплению и развитию православия в Беларуси. Понадобилось увеличение числа епархий, и были учреждены новые и восстановлены старые епископские кафедры. До первой мировой войны 1914 года в Беларуси существовало уже пять епархий: Виленско-Литовская, Гродненско-Брестская, Минско-Туровская, Могилевско-Мстиславская и Полоцко-Витебская. Каждая из этих епархий имела кафедру викарного епископа: в Ковне, Белостоке, Слуцке, Гомеле и Двинске.

Все указанные епархии входили в состав Русской Православной Церкви. После упразднения в 1700 году патриаршества в России императором Петром I, во главе Русской Церкви стоял Святейший Правительствующий Синод. Синодальная система возглавления Русской Церковью признана и утверждена была в 1723 году Восточными православными патриархами. Константинопольский патриарх Иеремия в своем послании от 23 сентября 1723 года писал: “Мерность наша... узаконяет, утверждает и провозглашает... в Российском царстве учрежденный Синод. Есть и нарицается она нашим во Христе братом, святым и священным Синодом от всех благочестивых и православных христиан — священ-

²³⁰ Там же, стр. 328-329; прим. 337.

ных и мирских, начальствующих и подначальных и от всякого сановного лица. Он имеет право совершать и устанавливать то, что и четверо апостольских святейших патриарших престола.” Подобного содержания письма прислали патриархи Антиохийский, Александрийский и Иерусалимский.²³¹ За Синодом, как коллегиальным церковно-правительственным органом, была признана патриаршая власть. Положение для Русской Церкви создано не вполне каноническое, но всеми православными патриархами признанное и узаконенное.

Состав Синода определялся особым регламентом. Первоначально в него входили на правах членов 4 архиерея, 7 архимандритов и 2 протоиерея. Число протоиереев впоследствии почти не менялось, но вместо архимандритов, хотя и не всех, приглашались некоторые архипастыри. Указом от 1 октября 1763 года число членов Синода было ограничено 3 архипастырями, 2 архимандритами и 1 протоиереем.²³² Постоянными членами Синода были митрополиты: Санкт-Петербургский, Московский и Киевский, 2 протопресвитера: военного и придворного духовенства и, по вызову, в Синод приглашались два епархиальных архиерея. Первенствующим членом Синода был Петербургский митрополит, но председателя Синода не было.

Представителем императора в Синоде был обер-прокурор Синода. Он фактически распоряжался делами Церкви и Синода.²³³ “В отношении управления всей Русской Церковью, — писал митрополит Антоний (Храповицкий), — они (т.е. члены Синода) были только членами совещания, именовавшагося Святейшим Правительствующим Синодом, фактически же бывшего совещательным органом при полномочном правителе Церкви — обер-прокуроре Священного Синода, управлявшем ведомством православного исповедания на положении министра и в качестве такового входившем в состав совета министров... Во всех отношениях он подчинялся главе государства — императору и лишь только не подчинялся иерархам Церкви, которые, наоборот, ему сами подчинялись.”²³⁴

В Синодальный период Русская Православная Церковь была поставлена в зависимость от государства. Архимандрит Иларион Троицкий, талантливый богослов, в своей речи в пользу восстановления патриаршества в России на Всероссийском соборе 24 октября 1918 года говорил: “Во главе Русской Церкви стала неведомая всей Христовой Церкви коллегия (Синод), в которой скоро воцарился дух монарха, потому что приставленный к ней обер-прокурор какой-нибудь гусар сонмом архиерейским, как эскадроном на учении, командовал.”²³⁵ Зависимость Церкви от государства привела к тому, что император Павел I в 1797 году провозгласил всероссийского императора главой Русской Церкви. Это царское распоряжение не было отменено впоследствии, хотя им не пользовались.

В соответствии с такой системой управления Русской Церковью была выработана специальная формула при избрании и наречении новых епископов. Эта формула гласила: “По изволению Всепресветлейшаго и Самодержавнейшаго Великаго Государя Императора (имя рек), Самодержца Всероссийскаго, Святейший Правительствующий Всероссийский Синод благословляет вашу святыню быть епископом Богоспасаемаго града (следовало название города).”

Упразднение патриаршества в России было противно священным канонам, которые предусматривают возглавление Поместной Православной Церкви одним лицом: па-

²³¹ Филарет, стр. 676; Гальберг, стр. 551.

²³² _

²³³ Никон, III, стр. 43.

²³⁴ Там же, стр. 18.

²³⁵ Там же, IV, стр. 197.

триархом, митрополитом или архиепископом. По каноническому принципу соборного управления Церковью Священный Синод существовал при возглавителе Церкви и под его председательством, как вспомогательный орган управления церковными делами. Каждая епархия, как малая Церковь, возглавлялась на Руси епархиальным архиереем. Епархиальный управлял епархией при помощи духовной консистории. Консистория, вместе со своим архиереем, находилась в ведении Синода, от которого принимала указы и распоряжения. Консистория состояла из назначенных епархиальным архиереем и утвержденных Синодом наиболее заслуженных протоиереев и архимандритов, имевших служебные посты в епархиальном городе. Секретарь консистории был обычно в светском звании, назначался обер-прокурором и ему подчинялся. Число членов консистории определялось Синодом по штату, обычно четыре духовных лица. В консистории были светские служащие — столоначальники, заведовавшие отделом или “столом” определенного круга епархиальных дел, например: административным, судебным, хозяйственным, учебно-миссионерским. Все поступающие в консисторию дела решались на заседаниях членов консистории, о чем составлялся особый протокол, который представлялся епархиальному архиерею на утверждение. После утверждения постановление консистории проводилось в жизнь.

Помощниками епископов и консисторий по надзору за духовенством епархии были благочинные, назначаемые епархиальной властью из числа заслуживших уважение и доверие протоиереев данного благочиннического округа. В благочинническом округе числилось несколько десятков приходских церквей и приходских священников со всем церковным причтом.

Государственные власти относились к духовным лицам со вниманием и уважением, называли их “отцами” и оказывали им всякую поддержку. Прихожане называли священников обычно “батюшками,” а их жен — “матушками.” При каждой приходской церкви существовала должность псаломщика-регента. На эту должность назначались светские лица, хорошо знавшие церковное чтение и пение, а также богослужебный устав. Назначение на эту должность производилось по указу духовной консистории. В таком же порядке производились назначения настоятелей приходов и вторых священников при приходской церкви. Большие приходы имели по два и три священника и столько же псаломщиков. Духовная консистория имела право перемещать или увольнять с церковных должностей духовных лиц и церковнослужащих. При приходской церкви была должность пономаря, который одновременно исполнял обязанность сторожа церкви. Пономари назначались указом консистории, но подчинялись настоятелю церкви. По такой системе была организована церковная жизнь в Беларуси после присоединения ее к России.

Состояние белорусских православных епархий.

Полоцкая епархия. Эта епархия была самая древняя в Беларуси. Она основана в 992 году. В 1511 году польский король Сигизмунд I приказал именовать полоцких епископов архиепископами. После введения Брестской унии Полоцкой епархией овладели униаты. Указом Синода от 3 апреля 1833 года она была восстановлена из губерний Витебской и Виленской. Но в 1840 году с образованием Виленской губернии Полоцкая епархия оставлена в пределах Витебской губернии. С того времени епархиальными архиереями в ней были: Смарагд Крыжановский (1833-1837), Исидор Никольский (1837-1840); Василий Лушинский (1840-1866), бывший оршанский униатский епископ; Савва Тихомиров (1866-1874); Викторин Любимов (1874-1882); Маркелл Попель (1882-1889), главный деятель

воссоединения холмских униатов с Православной Церковью в 1874 году, посвященный во епископа Люблинского в том же году; Антонин Державин (1889-1893); Александр Заккис (1893-1902); Серафим Мещеряков (1902-1911); Никодим (1911-1917).

Епархиальные архиереи Полоцкой епархии носили титул: “Епископ Полоцкий и Витебский.” Со времени восстановления этой епархии в 1833 году епископская кафедра и резиденция епархиального архиерея находились в губернском городе Витебске. Кафедральным собором была Николаевская церковь, построенная в 1716 году униатами на месте православного монастыря святого Алексия, человека Божьего. В 1843 году эта церковь была перестроена в кафедральный собор, в 1872 году снова перестроена и сохранилась в таком виде до коммунистического режима в России.

В 1913 году было учреждено викариатство Полоцкой епархии. Местопребыванием викарного епископа был г. Полоцке, а его титул был: “Епископ Двинский.” Первым викарным епископом был Пантелеймон Рожновский, посвященный во епископы в 1913 году из настоятелей архимандритов Витебского Маркова монастыря. В годы второй мировой войны он был возведен в сан митрополита и возглавил Православную Белорусскую Церковь.

В Витебске существовала духовная семинария, которая помещалась при бывшем униатском Успенском соборе, в 1799 году обращенном в православный храм.

Приходских и приписных церквей в епархии было 546, из них приходских и соборных — 304, часовен — 235. В епархии существовали монастыри: мужские — Витебский Марков, Полоцкий Богоявленский, Невельский Преображенский и женские — Вербиловский Покровский, Спасо-Евфросиниевский с приписным Борисоглебским в Полоцке и Тадулинский Успенский.

Минская епархия. Эта епархия заменила древнюю Туровскую епархию. Кафедра Минской епархии была открыта в 1778 году в г. Слуцке. В состав этой епархии входили Западная Беларусь и Волынь с Подольем. Епископ ее носил титул: “Минский и Волынский, коадьютор на митрополии Киевской и архимандрит Слуцкого монастыря.” Первым епископом был Виктор Садковский. В 1796 году он был переведен в Черниговскую епархию, а в Слуцк назначен архиепископ Иов Потемкин. Постановлением Синода в том же году Волынь была выделена из Минской епархии и учреждена Волынская епархия вместо Житомирского викариатства Минской епархии. В 1798 году архиепископ Иов перенес епископскую кафедру из Слуцка в Минск. После этих перемен Минская епархия простиралась на Гродненщину и часть Виленщины, включая гор. Вильно. Указом Синода от 3 апреля 1833 года Минская епархия оставлена в составе двух губерний: Минской и Гродненской с присоединением к ней Курляндии. Минскому епархиальному архиерею был дан титул: “Епископ Минский и Гродненский.” На основании этого указа Минская архиепископия низведена в разряд епископий.

В это время Минско-Гродненская епархия разделялась на следующие благочиния: Антопольское, Брестское, Белостокское, Бельское, Виленское, Вилькомирское, Волковысское, Высоколитовское, Гродненское, Дрогичинское, Каменецкое, Коссовское, Кобринское, Ковенское, Колесницкое, Лидское, Любчанское, Новогрудское, Ошмянское, Пружанское, Полесское, Свенцянское, Слонимское, Скидельское.

Епархия имела монастыри мужские и женские, именно: мужские — Брестский Семеноуский, Виленский Свято-Духовский, Грозовский Иоанно-Предтеченский, Грозовский Николаевский, Дисненский Воскресенский, Друйский Благовещенский, Дятловский Преображенский, Евейский Успенский, Койданский Преображенский,

Кронский Троицкий, Минский Свято-Духовский, Морочинский Успенский, Пинский Богоявленский, Слуцкий Преображенский, Слуцкий Троицкий, Старицкий Петропавловский, Сурдегский Свято-Духовский, Якобштадтский Свято-Духовский; женские — Виленский Благовещенский, Слуцкий Ильинский. Во всех этих монастырях было очень мало монашествующих и впоследствии большинство из них были закрыты.

В 1840 году, после воссоединения белорусских униатов, было проведено разграничение епархий Минской и Виленской. Минская епархия оставлена в пределах Минской губернии. К Литовской епархии были присоединены Гродненщина и Виленщина. Минскому епископу присвоен титул: “Епископ Минский и Туровский.” Этот титул остался на все последующее время.

Резиденция епархиального архиерея сперва помещалась в Минском Свято-Духовом монастыре. Кафедральный собор во имя святых апостолов Петра и Павла был построен в 1850 году, во время советско-коммунистической власти был разрушен до основания. С конца XIX века минские епископы жили в специально построенном великолепном архиерейском доме, также разрушенном коммунистами в 30-х годах. (сноска о ВОССТАНОВЛЕНИИ КАФЕДРАЛЬНОГО МИНСКОГО СОБОРА).

В 1910 году в Минской епархии было учреждено Слуцкое викариатство. Епископская кафедра викария находилась в Слуцком Троицком монастыре. Викарным епископом был Иоанн Поммер, впоследствии архиепископ Рижский и Латвийский, злодейски убитый в 1934 году. Викарий имел титул: “Епископ Слуцкий.”

В Минском Козьмодемьяновском монастыре, основанном в 1870 году на синодальные средства в зданиях бывшего Бернардинского монастыря на том месте, где раньше существовал православный монастырь, помещалась Минская духовная семинария.

Со времени открытия Минской епархии епископами в ней были: Виктор Садковский (1793-1796); Иов Потемкин (1796-1812); Серафим Гласылевский (1812-1814); Анатолий Максимович (1816-1832); Евгений Бажанов (1832-1834); Никанор Климентьевский (1834-1840); Антоний Зубко (1840-1848), бывший униатский епископ брестский, викарий униатской Литовской епархии; Михаил Голубович (1848-1868), бывший униатский протоиерей и деятель по воссоединению униатов, с 1839 года православный епископ пинский; Александр Добрынин (1868-1877); Евгений Шершилов (1877-1880); Варлаам Чернявский (1880-1889); Симеон Линьков (1889-1912); Георгий Ярошевский (1912-1920), после I мировой войны бывший митрополитом Варшавским и всей Православной Церкви в Польше и убитый в феврале 1923 году архимандритом Смарагдом Латышенком.

До 1919 года в епархии было 4 мужских и один женский монастырь, именно: Минский Свято-Духов, Пинский Богоявленский, Слуцкий Троицкий, Ляданский Благовещенский и Минский Преображенский женский. Соборных, приходских, приписных и домовых церквей в епархии насчитывалось 1 230, из которых приходских было 566; часовен — 101.

Могилевская епархия. Могилевская епархия существовала с 1633 года. До присоединения Беларуси к России в 1772 г. эта епархия называлась Белорусской, а ее епископы носили титул: “Епископ Оршанский, Мстиславльский и Могилевский.” В 1795 году она была переименована Святейшим Синодом в “Могилевскую и Полоцкую.” Такое название долго не удержалось, и в 1797 году она уже именовалась “Белорусской и Могилевской.” Но название “белорусский” почему-то не удовлетворяло власти, и в 1803 году епархию переименовали в “Могилевскую и Витебскую.” Это название продержалось до 1833 года. С восстановлением Полоцкой епархии Могилевскую епархию переименовали в “Могилев-

скую и Мстиславльскую.” Это название епархия имела до последнего времени ее существования, то есть до разрушения церковной жизни советскими коммунистическими властями в России и Беларуси.

При архиерейском доме в Могилеве существовал небольшой Преображенский монастырь. До 1920 года в городе имелось 29 церквей и кафедральный собор.

Незадолго до войны 1914 года была открыта кафедра викарного епископа в г. Гомеле. Викарный епископ именовался “Гомельским.” (Архиепископ Тихон (Шарапов)).

После присоединения к России г. Могилева епархиальными архиереями здесь были: Георгий Конисский (1755-1795); Афанасий Вольховский (1795-1797); Анастасий Братановский (1797-1805); Варлаам Шишацкий (1805-1813); Даниил Мирдамский (1813-1821); Иоасаф Сретенский (1821-1827); Павел Морев (1827-1831); Гавриил Городков (1831-1837); Смарагд Крыжановский (1837-1840); Исидор Никольский (1840-1844); Анатолий Мартыновский (1844-1860); Евсевий Орлинский (1860-1882); Виталий Гречулевич (1882-1885); Сергей Спасский (1885-1892); Павел Вильчинский (1892); Ириной Орда (1892-1893); Евгений Шершилов (1893-1896); Мисаил (1896-1904); Стефан (1904-1911); Константин (1911-1919).

В епархии было 13 монастырей, 8 мужских и 6 женских.

Монастыри мужские: Могилевский Преображенский, Могилевский Братский, Бельничский Рождественско-Богородичный, Пустынский Успенский, Оршанский Богоявленский, Неклюдовский Борисоглебский, Охорский Преображенский; Покровский Оршанский;

Женские: Оршанский Успенский, Буйничский Свято-Духов, Барколабовский Иоанно-Предтеченский, Мазолевский Вознесенский, Тупичевский Свято-Духов, Чонско-Макарьев недалеко от Гомеля.

Соборных, приходских и приписных церквей в епархии было 764, из них приходских 541, часовен — 34.

Виленская епархия. Виленская епархия известна из истории, как епархия литовско-наваградских и киевских митрополитов. В 1608 году ее захватили униаты и установили кафедру своих митрополитов в Вильно. Униатский епископ литовский Иосиф Семашко воссоединил униатов с Православной Церковью в 1839 году. В начале 1840 года в Вильно была учреждена архиерейская кафедра православного епископа и епархиальным архиереем Виленской епархии был назначен Иосиф Семашко, возведенный в сан архиепископа. Полный его титул был: “Архиепископ Литовский и Виленский и Священно-Архимандрит Виленского Свято-Троицкого монастыря.” В дальнейшем все епископы этой епархии именовались “Литовскими и Виленскими.” Кафедральный собор был устроен в Казимировском римо-католическом костеле, переделанном под православный храм и освященном архиепископом Иосифом в 1845 году в честь святителя Николая. Этот величественный собор был украшением города.

Вслед за учреждением епископской кафедры Литовской епархии в Вильно в 1845 году было открыто Ковенское викариатство. Первым ковенским епископом был архимандрит Платон Городецкий, настоятель Виленского Свято-Духова монастыря в Вильно, посвященный в сан епископа в 1843 году. Он устроил кафедральный собор в Ковне в честь святого Александра Невского.

В 1845 году, по ходатайству архиепископа Иосифа Семашко, из Жировицкого монастыря в Вильно была переведена духовная семинария, с оставлением названия

Литовской. Семинария разместилась в особых, предназначенных для нее зданиях в городе и оставалась в Вильно до первой мировой войны, когда в 1915 году, по причине приближения немецко-русского фронта, она была перемещена вглубь России.

Литовско-Виленскую епархию возглавляли следующие архипастыри: Иосиф Семашко (1840-1868); Макарий Булгаков (1868-1879); Александр Добрынин (1879-1885); Алексей Лавров-Платонов (1885-1890); Донат Бабинский (1890-1894); Иероним (1894-1898); Ювеналий (1898-1904); Никандр (1904-1910); Агафангел (1910-1915).

В епархии было 4 мужских и 3 женских монастыря. Монастыри мужские: Виленский Свято-Духов, Виленский Троицкий, Пожайский Успенский около Ковна, Сурдегский Свято-Духов; женские: Виленский Мариинский, Антолептский Рождества-Богородичный и Березвечский Рождества-Богородичный. По статистике 1910 года приходских и других церквей в епархии насчитывалось 399, из них приходских — 205, часовен — 58.

Гродненская епархия учреждена в 1900 году, до этого времени ее территория входила в состав Литовско-Виленской епархии. В открытии самостоятельной епархии давно чувствовалась необходимость, так как Гродненская губерния по площади, населению и по числу церквей и монастырей вполне могла ее иметь. В Гродно имел епископскую кафедру и постоянное местопребывание викарий Литовско-Виленской епархии епископ Брестский еще с 1848 года. В Гродно был приобретен большой архиерейский дом, представлявший целую усадьбу с помещениями для духовенства и консистории. Дом был куплен за 17 000 рублей епископом Брестским Игнатием Железовским в 1852 году у пана Леопольда Валицкого. Вся архиерейская усадьба занимала площадь в 7 048 кв. саженей.

Постановлением синода Брестское викариатство в 1900 году было переименовано в самостоятельную епархию с присвоением епархиальному архиерею титула: “Епископ Гродненский и Брестский.” Первый епископ этой епархии был Иоаким Левитский (1900-1905). После него на кафедру был назначен Михаил Ермаков (1905-1915). Во время германско-русской войны в 1915 году все жители епархии были эвакуированы вглубь России и епархия временно не существовала.

В 1907 г. было открыто викариатство Гродненской епархии с кафедрой в Белостоке. На кафедру викария был назначен архимандрит Владимир Тихоницкий, после второй мировой войны митрополит западно-европейский, умерший в Париже в 1959 году. Местопребывание викарного епископа находилось в Супрасльском Благовещенском монастыре, которого он был настоятелем. Его титул: “Епископ Белостокский.”

В Гродненской епархии до 1915 года были следующие монастыри: Гродненский Борисоглебский, Супрасльский Благовещенский, Жировицкий Успенский и женский Красностокский Введенский.

Соборных, приходских и приписных церквей в епархии было 612, из них приходских — 356, часовен — 42.

В епархии существовали церковные братства, которые вели религиозно-просветительную деятельность, именно: Гродненское Софийское, Слонимское Преображенское и Брестское Николаевское.

В общем итоге до 1914 г. во всей Беларуси существовало 3 552 церкви, 470 часовен, мужских монастырей 21 и 14 женских. Для подготовки кандидатов в священнический сан было 3 духовных семинарии: Виленская или Литовская, Минская и Витебская.

10. Римско-католическая церковь в Беларуси под властью России.

Общее положение.

В обзоре государственной и вероисповедной жизни белорусского народа мы видели многовековую борьбу двух народных стихий — польско-латинской и белорусско-православной. В течение длительного периода времени придумывалось много разных систем, теорий и мероприятий для примирения двух взаимно борющихся народных сил, но все системы и теории оказались несостоятельными. Между польской и белорусской или русской народной силой непрерывно сводились счета, нередко жестокие и кровавые. Сведение счетов не закончилось даже после падения Польши, как главной и мощной силы, а еще более усилилось и ожесточилось.

Основная и единственная причина столкновения двух соседних народностей состояла в том, что польская нация с давнего времени начала продвигаться к Востоку, вторгаясь в пределы нынешних Беларуси и Украины. Польская экспансия на православный Восток сопровождалась не только полонизацией, но и латинизацией коренного местного православного белорусского или украинского народов. Польский народ исповедовал латинскую римо-католическую веру и нес ее православным в Беларусь, на Украину, Галичину, Холмщину, Волынь. Поскольку там не хотели принимать латинскую веру, придумали унию в восточной форме.

Беларусь не оставили в покое даже тогда, когда почти весь православный народ ее привели в послушание Римскому папе при помощи церковной унии. “Латино-польская партия, — говорит Киприанович, — всеми силами стала истреблять самую унию, искажать ее богослужение, обряды и обращать униатов в латинство.”²³⁶ Обращение продолжалось в течение XIX и начала XX века. Вскоре после третьего раздела Польши в 1795 году под влиянием сильной польско-латинской пропаганды около 200 000 белорусов униатов перешло в латинство. Напрасно в это время издавались правительственные указы запрещающие пропаганду и совращение униатов в латинский обряд. Миссионерской деятельностью обращения униатов и православных в латинство занимались местные помещики римо-католики и поляки. Они устраивали в своих поместьях каплицы (часовни), в которых собирались на богослужения их крестьяне. Для примера такой деятельности помещиков можно указать на совращение в латинский обряд Диарновицких и Прозоровицких крестьян Витебской губернии в 1858 году. Такие же случаи происходили и в других местностях Беларуси. Особенно благоприятствовал польско-латинской пропаганде в Беларуси указ императора Николая II в апреле 1905 года о веротерпимости. В довольно короткое время после этого перешло в римо-католичество около 40 000 белорусов и около 400 000 бывших униатов на Холмщине.²³⁷ Цифры приблизительные, потому что точных данных об этом не имеется. Пребывая под властью России, польское духовенство отличалось религиозным фанатизмом и польским патриотизмом. Движимые этими чувствами, польские римо-католические священники и монахи будоражили умы верующего народа проповедями и увлекали в свою веру многих людей, не знавших вероисповедных расхождений между католичеством и православием.

²³⁶ Киприанович, стр. 33.

²³⁷ Кс. Umicki, str. 485.

Административное положение.

После третьего раздела Польши Римско-Католическая Церковь в Беларуси имела только одну архиепископию в Вильно, основанную королем Ягайло в 1387 году. Императрица Екатерина II учредила в 1773 году Могилевскую белорусскую римо-католическую архиепископию, что было совершено без всякого согласования с Римским папой. Епископом этой епархии она назначила коадьютора (викария) Виленской епархии Станислава Богуша-Сестшенцевича, в чье ведение передала всех римо-католиков, проживавших в Российской империи. Рим не признал этого законным и не утвердил Сестшенцевича епископом могилевским. Однако в 1783 году в Россию прибыл папский нунций Арчетти и, по поручению папы Пия VI, в 1784 году совершил открытие Могилевской архиепископии, одновременно утвердив епископа Сестшенцевича на кафедре.²³⁸ Могилевские архиепископы имели постоянное местопребывание в Санкт-Петербурге, Могилев же являлся для них лишь титулярным городом.

Таким образом, Латинская Церковь под властью России была разделена на две отдельные церковные провинции: 1) Варшавскую митрополию, учрежденную в 1818 году, охватывавшую Польское королевство с епархиями: Калишской, Люблинской, Сейненской, Сандомерской и Келецкой и 2) Могилевскую или иначе Петербургскую с епархиями: Каменецкой, Луцкой, Минской и Жмудской. Минская епархия преобразована из Пинской епархии.

Император Александр I учредил в 1801 году Римо-Католическую Духовную Коллегию для управления церковными делами Латинской Церкви в России. Это учреждение было создано по воле императора и без согласия Рима. В состав этого учреждения входили представители епископата и клира во главе с архиепископом Могилевским. В числе членов Коллегии находился только один представитель мирских государственных властей. Коллегия была для Римо-Католической Церкви органом церковной власти, аналогичным тому, чем был для Православной Церкви Святейший Синод. Коллегия была высшей административной и судебной инстанцией Римо-Католической Церкви в России и впоследствии была признана папой. Деятельность ее проводилась под контролем и под влиянием российских властей.

В 1831 году вспыхнуло польское восстание. Многие римо-католические монастыри и священники принимали активное участие в этом восстании. Русский посол в Риме жаловался Папской курии, что “духовенство разных степеней, забывшее святость своей миссии, принимало участие в кровавых действиях и почти повсеместно стояло во главе революционных бунтов.”²³⁹ Русское правительство указывало папе, что положение Католической Церкви в России во многом будет зависеть от дальнейшего поведения духовенства. В результате переговоров папа Григорий XVI, желая ослабить преследование римо-католиков в Беларуси и Польше за участие в восстании, издал буллу от 9 июня 1832 года “Кум примум,” обращенную к епископам Польши и Беларуси, требуя от них решительного выступления против польских революционеров и призвания их к послушанию государственной русской власти на том основании, что власть установлена от Бога. Папская булла произвела весьма неблагоприятное впечатление на поляков, которые восприняли ее как поддержку поработителям их отечества.

В Беларуси польское восстание не имело успеха. За участие в мятеже были арестованы многие поляки, в том числе и католические священники и монахи. Усмирителем

²³⁸ Ten ĩe, str. 314.

²³⁹ Ten ĩe, str. 470.

польского мятежа в Беларуси был виленский генерал-губернатор М. Н. Муравьев, который жестоко расправился с мятежниками. Были предприняты карательные меры против Католической Церкви: в Беларуси в 1840 году было закрыто более 30 монастырей, а их земельные угодья конфискованы. В компенсацию за отнятое у монастырей имущество духовенству выплачивалось из казны жалование. Чтобы оградить кандидатов в духовный сан от польского влияния, Виленская духовная Академия в 1842 году была переведена в Петербург и поставлена под надзор Римско-Католической коллегии и правительственных органов.

Император Николай I заключил в 1847 году конкордат с Римской папской курией, на основании которого римо-католики получили право на развитие своей религиозной жизни. Им только запрещалось заниматься обращением православных. В год подписания конкордата по повелению императора в Бесарабии была открыта Херсонская римско-католическая епархия, позднее переименованная в Тираспольскую, с епископской кафедрой в Саратове на Волге.

Ввиду того, что католические священники в Беларуси пользовались церковными амвонами для проповеди политического характера и разжигания ненависти к православию, царское правительство в 1852 году издало распоряжение католическому духовенству произносить только те проповеди, которые напечатаны в сборниках проповедей и прошли цензуру. Исполнявший обязанности архиепископа могилевского ксендз Головински (ум. 1855) послал в Рим донесение, в котором перечислил все незаконные действия правительства по отношению к Костелу. Папа Пий IX ходатайствовал перед императором об упразднении ограничений деятельности Католического Костела, но Рим вел себя в высшей степени недипломатично в отношении России. В 1853 году, вопреки воле и просьбе русского правительства, папа провозгласил святым иезуита Андрея Боболу, убитого казаками в 1657 году за издевательства над православными в Янове-Полесском. Православные белорусы и волынцы, а также русское правительство были возмущены этим актом папы Пия IX. Когда в 1855 году на престол вступил император Александр II Освободитель, папа поспешил обратить его внимание на несоблюдение русским правительством конкордата. При этом императоре на все вакантные латинские епископии в России были поставлены епископы.

В 1863 году началось второе польское восстание против России. Вскоре оно было подавлено военной силой. После этого прокатилась волна арестов и высылки участников восстания, среди которых оказались многие духовные лица. За сочувствие повстанцам был выслан из Вильно епископ Адам Красинский, а в 1864 году — епископ минский Войткевич. В 1865 году русское правительство разорвало конкордат с Папской курией, упразднило Каменецкую латинскую епископию, в 1867 году закрыло духовную академию в Петербурге и Подлясскую епархию. Пий IX пытался воздействовать на российское правительство при посредстве императоров французского Наполеона III и австро-венгерского Франца Иосифа, чтобы были прекращены репрессии против повстанцев в Польше и Беларуси, но это еще более озлобило русское правительство против поляков.

В 1866 году российское правительство задумало ввести русский язык в дополнительные богослужения Католической Церкви в России, особенно в Беларуси. По распоряжению властей был переведен на русский язык ряд польских богослужебных песнопений и издан под названием “Требник,” а также изданы отдельные богослужебные книжечки: “Римско-католический олтарик,” русские переводы Евангелия “Для римских католиков воскресное и праздничное чтение из евангелистов,” “кантички” или богогласники — “На-

родные духовные песни.” Ксендзы и поляки возмутились этим мероприятием правительства. Первым выступил против этого луцко-житомирский епископ Кацпер Боровский, но был сослан в Пермь в 1870 году. В последующие годы за сопротивления властям были сосланы епископы: суфраган жмудский Бересьневич в 1885 году, виленский Гриневецкий в 1897 году, суфраган могилевский Симон и виленский Зверович в 1902 году.

Однако в епархиях Виленской и Минской нашлось несколько ксендзов во главе с администратором этих епархий прелатом Петром Жилинским, которые приняли богослужебные книжки на русском языке и осторожно пользовались ими. Они переводили на русский язык учебники Закона Божия и вводили их в школах для католических учеников. Рим запретил их в священнослужении и отнял у них духовные должности. Лишившись авторитета среди католиков поляков, кто-то уехал в другие города, а кто поступил на гражданскую службу. Вот фамилии некоторых из них: Немекша, Тупальски, Сенчиновски, Юргевич и другие. Во всяком случае, правительственная попытка введения русского языка в римо-католических костелах в Беларуси не имела успеха.

В 1880 году папа Лев XIII снова возобновил конкордат с Россией. На основании этого папа получил возможность посвятить на вакантные епископии новых епископов, таковых в 1882 году было 12. Епископы получили большие возможности влиять на воспитание учащихся духовных семинарий. В Петербургской духовной академии были произведены реформы, после чего она была передана исключительно в юрисдикцию могилевских (петербургских) архиепископов, власть которых распространялась на всю Россию, кроме Польши.

Во время царствования императора Николая II (1894-1917) самым важным событием для Римско-Католической Церкви в России было издание в апреле 1905 года указа о веротерпимости. После этого католическая жизнь стала быстро развиваться. В европейской части России и Сибири в городах возникло много католических храмов, появилось много богословски образованного духовенства. По сообщениям польской исторической литературы в России, включая Сибирь и исключая Польшу, насчитывалось до 500 храмов.

До первой мировой войны 1914 года в Беларуси было римско-католических храмов и каплиц: в Витебской губернии — 229, в Гродненской — 150 и 2 монастыря в Гродно: францисканский и бригиток; в Могилевской губернии — 30, в Минской губернии — 135, в Виленской губернии — 172.

Литература.

1. Арсений, епископ: “Летопись церковных событий и гражданских, поясняющих церковные, от Рождества Христова до 1898 года,” издание третье, исправленное и дополненное. Санкт-Петербург, 1900.

2. Амвросий, иеромонах, Новгородской епархии префект и философии учитель: “История Русской иерархии,” часть III, Москва, 1807.

3. Батюшков П. Н.: “Памятники русской старины в западных губерниях. Выпуск VIII. Холмская Русь. Санкт-Петербург, 1885. См. статью: “Краткий очерк состояния Холмской Руси в религиозном отношении со времени введения христианства до церковной унии на Брестском соборе.”

4. Барсов Т., проф. Санкт-Петербургской духовной академии: “Константинопольский патриарх и его власть над Русской Церковью,” Санкт-Петербург, 1878.

5. Бердников И. С., проф. Казанской духовной академии: “Краткий курс церковного права Православной Церкви,” изд. 2-ое, Казань, 1913.

6. Большая Энциклопедия, т. VI: “Гедеон Четвертинский, киевский.”
7. Баричевский И.: “Православие и русская народность в Литве,” Вильно, 1851.
8. Голубинский Е., проф. Московской духовной академии: “История Русской Церкви. Период второй, московский,” т. II, Москва, 1900.
9. Святой Димитрий митрополит Ростовский: “Жития Святых,” май: “Святая Евфросиния Полоцкая.” Москва, 1912.
10. Знаменский Петр, проф. Казанской духовной академии: “Учебное руководство по истории Русской Церкви,” Санкт-Петербург, 1896.
11. Іларіон, митрополит: “Поділ Єдиної Христової Церкви і перші спроби поєднання її. Історично-канонічна монографія,” Вінніпег, 1953.
12. Извеков Н. Д., священник Благовещенского собора в Москве, магистр богословия: “Исторический очерк состояния Православной Церкви в Литовской епархии за время с 1839-1889,” Москва, 1889.
13. Карташев А. В., проф. духовной академии в Париже: “Очерки по истории Русской Церкви,” т.т. I и II, Париж, 1959.
14. Киприанович Г. А.: “Жизнь Иосифа Семашки, митрополита Литовского и виленского и воссоединение западнорусских униатов с Православною Церковию в 1839 году,” издание второе, исправленное и дополненное, Вильно, 1897.
15. Ластоўскі В.: “Гісторыя беларускай (крыўскай) кнігі. Спроба паясьніцельная кнігапісі ад X да XIX стагодзьдзя,” Коўна, 1926.
16. Леонид, архимандрит “Святая Русь или сведения о всех святых и подвижниках благочестия на Руси (до XVIII века) обще и местно чтимых, изложены вь таблицах с картою России и планов Киевскихъ пещер.” Санкт-Петербург, 1891.
17. Макарий, архиепископ Литовский и виленский: “История Русской Церкви. Период разделения Русской Церкви на две митрополии.” Книга IV, том IX. “История Западно-Русской или Литовской митрополии.” Санкт-Петербург, 1879.
18. Его же: “История Русской Церкви в до монгольский период,” том IV, книга 1, Санкт-Петербург, 1886.
19. Его же: “История Русской Церкви в период монгольский. Книга 2-ая, Санкт-Петербург, 1886.
20. Никон (Рклицкий), епископ: “Жизнеописание Блаженнейшаго Антония, митрополита Киевского и галицкого,” том II и том III, Нью-Йорк, 1957.
21. Николай, архимандрит: “Историко-статистическое описание Туровской епархии,” Санкт-Петербург, 1864.
22. Полный Православный Богословский Энциклопедический словарь.
23. Ратшин А.: “Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквах в России.” Москва, 1852.
24. Павловский А. А.: “Всеобщий Иллюстрированный Путеводитель по монастырям и святым местам Российской империи и Афону.” Нижний Новгород, 1907.
25. Сапунов А.: “Исторические судьбы Полоцкой епархии с древнейших времен до половины XIX века.” Эта монография напечатана в “Витебской Старине,” том V.
26. Соловьев С. М.: “История России с древнейших времен.” Тт. 3-4, 5-6, 7-8. Москва, 1960. Переизданы в СССР.
27. Тальберг Н., проф. духовной семинарии: “История Русской Церкви.” Свято-Троицкий монастырь. Джорданвилль, Нью-Йорк. 1959.

28. Рункевич Стефан: “История Минской Архиепископии (1793-1832).” Санкт-Петербург, 1893.
29. Чистович И.: “Очерк истории Западно-Русской Церкви,” часть 1 и часть II. Санкт-Петербург, 1882 и 1884.
30. Филарет Гумилевский, архиепископ Черниговский: “История Русской Церкви” в пяти периодах (988-1826), издание шестое. Санкт-Петербург, 1894.
31. Jotocki Aleksander, prof. prawoslawnego teologicznego wydziaiu uniwersytetu Warszawskiego: “Autokefalia. Zasady autokefalii,” Warszawa, 1932.
32. Chodynicky, prof.: “Kosciol Prawoslawny a Rzeczpospolita Polska. Zarys historyczny 1370-1632,” Warszawa, 1934.
33. Ks. Dr. Jyzef Umicki, prof. uniwersytetu: “Historia Kosciola,” том II, wydanie czwarte. Opole, 1960.
34. Prof. Dr. Henryk Paszkiewicz: “Polska i jej dorobek dziejowy w ciogu tysioca lat istnienia. Zarys i Encyklopedia spraw polskich.” Том I. Londyn, 1956. Praca zbiorowa.

Документы

1. Полное собрание русских летописей, т. II, Москва, 1962. “Ипатьевская летопись.”
2. Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до конца XV века. Москва, 1960.
3. Полн. Собр. Рус. Лет., II-VIII. Виленский Археогр. Сборник, Архив Запад. России. Супрасльская рукопись, Архив Синода 1733 г., на которые ссылаются авторы указанных мною трудов, хранятся в разных архивах и нам недоступны.

Киевские митрополиты в Киеве	
Леонтий	0988-1008
Иона или Иоанн	1008-1035
Феопемпт	1035-1048
Иларион русин	1051-1054
Ефрем	1055-1071
Георгий	1072-1079
Иоанн II	1080-1089
Иоанн III	1089-1090
Ефрем II	1090-1096
Николай	1097-1104
Никифор	1104-1121
Никита	1122-1126
Михаил	1127-1145
Климент Смолятич	1147-1155
Константин I	1155-1158
Феодор	1159-1163
Иоанн IV	1164-1166
Константин II	1167-1174

Никифор II	1182-1197
Матфей	1200-1221
Кирилл	1223-1233
Кирилл II	1233-1236
Иосиф	1236-1240

Во Владимире-на-Клязьме	
Кирилл III, русин	1250-1281
Максим, грек	1283-1305
В Москве	
Святитель Петр, галичанин	1308-1326
Феогност, грек	1328-1353
Святитель Алексей, москвич	1354-1378
Киприан, болгарин	1381-1382
	1389-1406
Фотий, грек	1408-1431

Литовско-наваградские митрополиты	
Феофил, грек	1315-1330
Роман, белорус	1354-1362
Киприан, болгарин	1375-1389
Григорий Цамблак	1415-1420
Герасим смоленский	1433-1437
Григорий Болгарин, униат	1458-1473 (униат)
	1473-1478 (православный)
Мисаил Пестручей	1475-1480
Симеон полоцкий	1481-1488
Иона I Глезна	1489-1499
Макарий Черт	1495-1497
Иосиф Булгаринович	1498-1501
Иона II	1503-1506
Иосиф Солтан	1508-1522
Иосиф III	1522-1534
Макарий	1535-1556

Сильвестр Белькевич	1556-1567
Иона Протасевич	1567-1576
Илья Куча, галичанин	1577-1579
Онисифор Девочка	1579-1588
Михаил Рогоза	1589-1595

Митрополиты киевские в Киеве	
Иов Березкий	1620-1631
Исайя Копинский	1631-1633
Петр Могила	1633-1647
Сильвестр Коссов	1647-1657
Дионисий Балабан	1657-1663
Иосиф Нелюбович-Тукальский	1664-1675

Гедеон князь Святополк-Четвертинский, посвященный в Москве в 1685 г. Был первым митрополитом Московской юрисдикции.

Епископы белорусские	
Мелетий Смотрицкий, полоцкий	1620-1623
Иосиф Бобрикович-Анехожский, могилевский	1633-1635
Сильвестр Коссов	1635-1647
Иосиф Кононович-Горбацкий	1647-1653
Иоаким Дьяконов, полоцкий	1654-1656
Каллист Риторайский, полоцкий	1657-1661
Мефодий Филимонович, мстиславский	1661
Иосиф Нелюбович-Тукальский, могилевский	1662-1669
Феодосий Василевич	1669-1678

20 лет не было епископов; управляли епархией наместники-администраторы, которыми были архимандриты: Климент Тризна 1680-1684, Игнатий Жигмонтович в Полоцке с 1680 года.

Епископы белорусские (продолжение)	
Сильвестр Волчанский	1680-1688
Петр Пашкевич-Толоконский	1688-1692
Серапион Пальховский	1692-1697
Он же епископ могилевский	1697-1704

Сильвестр, кн. Святополк-Четвертинский	1707-1728
Арсений Берло	1728-1732
Иосиф Волчанский	1732-1742
Иероним Волчанский	1744-1754
Георгий Кониский	1755-1795

Часть 3.

1. Беларусь между двух мировых войн.

Беларусь под властью Советов.

Коммунистическая советская власть, укрепившаяся в 1918 году в восточных губерниях Беларуси: Могилевской, Смоленской, Витебской и в значительной части Минской, установила свой режим и свои порядки. Вся жизнь страны была поставлена под строгий надзор органов коммунистических властей. Малейшее уклонение от советских порядков или подозрение в нелояльности к режиму считалось контрреволюцией и строго каралось: смертью, тюрьмой или долгосрочным заключением в концентрационные лагеря на тяжелые работы, где многие погибали. О советском режиме существует обширная литература на разных языках, особенно на русском, потому не будем распространяться на эту тему.

Советско-коммунистическая власть с первых же дней своего существования повела открытую борьбу с религией, особенно с православной верой. Борьба велась всевозможными методами: закрытием монастырей и церквей, обращением их в склады, театры, клубы; высмеиванием и оскорблением веры в Бога и церковных богослужений; устройством антирелигиозных лекций и докладов; печатанием и распространением литературы против православного духовенства, христианской веры и религиозной жизни; поруганием святых мощей, икон и богослужебных предметов; уничтожением священных книг и богословской литературы; закрытием всех духовных школ и академий; запрещением религиозного воспитания детей и молодежи; запрещением печатания и распространения всякой литературы религиозного содержания; арестом, расстрелом, ссылкой в концентрационные лагеря православных епископов, священников, монахов и верующих мирян.

Борьба с религией имела разный накал в разное время, но никогда не прекращалась в Беларуси в период между двух мировых войн (1918-1941). Религия была объявлена “опиумом для народа” и уничтожалась жестокими мерами, как опасная и вредная для советско-коммунистической государственной системы. Вместо веры в Бога усиленно пропагандировались и официально поддерживались властями атеизм и вера в материализм.

В разгар расправы с духовенством московский патриарх Тихон, избранный Всероссийским собором 5 ноября 1917 года в Москве, в предвидении печальной участи Православной Церкви в России, 7/20 ноября 1920 года издал совместно со Священным Синодом и Высшим Церковным советом постановление за № 362, в котором говорилось:

“В случае, если епархия окажется вне всякого общения с Высшим Церковным управлением или само Высшее Церковное управление во главе с патриархом почему-либо прекратит свою деятельность, епархиальный архиерей немедленно входит в сношение с архиереями соседних епархий на предмет организации высшей инстанции церковной вла-

сти для нескольких епархий, находящихся в одинаковых условиях (в виде временного высшего церковного правительства, митрополичьего округа или иначе). В случае невозможности для архиерея пользоваться содействием органов епархиального управления, наиболее целесообразной мерой представляется разделение епархий, для чего епархиальный архиерей: а) предоставляет преосвященным своим викариям... все права епархиальных архиереев, б) учреждает по соборному суждению с прочими архиереями епархий новые архиерейские кафедры с правами полусамостоятельных или самостоятельных.”

Это патриаршее постановление давало большие права и полномочия епархиальным архиереям в деле организации церковной жизни в тяжелые годы жизни Православной Церкви в Советской России.

9 мая 1922 года патриарх Тихон был арестован. Русскую Церковь временно возглавил его заместитель ярославский митрополит Агафангел. Власти не разрешили ему жить в Москве. Имея большие препятствия в управлении Русской Церковью. 5/18 июня 1922 года он издал окружное послание к епископам №14, в котором писал: “Лишенные на время высшего руководства, вы управляйтесь теперь своими епархиями самостоятельно, сообразуясь с писанием, священными канонами.” Этот документ свидетельствует о тяжелом положении Русской Церкви, в котором она находилась уже в то время.

Церковная жизнь еще более осложнилась с появлением обновленцев и живоцерковников. Обновленцы вводили новые обряды в богослужение, отвергали священные каноны Православной Церкви, возводили в сан епископов женатых и семейных лиц, которые продолжали жить семейной жизнью; посвящали в священники двоеженцев и т. д. В мае 1923 года, с разрешения советских властей, обновленцы составили свой собор, избрали на нем себе высшую церковную власть во главе с протоиереем Александром Введенским, которого возвели в сан митрополита, а патриарха Тихона лишили священного сана и даже монашества. Все действия обновленцев были незаконны, противоканоничны, и русский верующий народ за ними не пошел, оставаясь верным патриарху Тихону. Обновленцы внесли большую смуту и раскол в Русскую Православную Церковь, что было на руку ее врагам. Патриарх Тихон предал их анафеме, но они продолжали свою разрушительную работу, пользуясь покровительством властей.

Белорусская митрополия.

Постановление патриарха Тихона и Священного Синода в Москве от 7/20 ноября 1920 года № 362 о предоставлении епархиальным архиереям больших полномочий и прав в деле устройства церковной жизни в их епархиях, включая создание митрополичьего округа, послужило основанием для объявления 23 июля 1922 года Белорусской православной митрополии. Во главе этой митрополии стал епископ минский Мельхиседек (Паевский). Отсутствие документальных данных не позволяет нам изложить подробности этого важного церковного события в Беларуси. Все акты и документы, относящиеся к этому делу, погибли в процессе страшного антирелигиозного террора. Однако, есть основание предполагать, что объявление Белорусской митрополии было сделано на съезде представителей духовенства и мирян Минской епархии. На этом же съезде Мельхиседек был избран митрополитом минским и белорусским. Некоторую ясность вносит окружное послание к “Возлюбленным о Христе пастырям и верующим чадам Православной Церкви Белорусской” за подписью викария Минской епархии епископа бобруйского Филарета, протопресвитера В. Очаповского, протоиереев: С. Кульчицкого, Д. Павского, М. Новицкого, А. Киркевича, А. Пигулевского, псаломщика Я. Барановского, изданное в первой половине

августа 1927 г. и напечатанное в государственной типографии “Главлитбел” в Минске. В послании говорится:

“До вашего сведения, надо полагать, уже дошло известие о том, что в г. Минске 9 и 10 августа с. г. состоялся Съезд представителей Минской епархии, староцерковников — духовенства и мирян, на котором были приняты важные решения, касающиеся не только местной Минской Церкви, но и граничащих непосредственно с нею соседних белорусских епархий. Так как деятельность съезда и в самом деле имеет непосредственное отношение к жизненным интересам всей Белорусской Церкви, взятой в ее нераздельности, с другой стороны, в глазах верующих масс она может получить превратное толкование, то Епархиальное собрание, справедливо именуяющее себя по идейному охвату своих работ белорусским, закончив эти последние, считает своим священным долгом поставить в известность всех православных пастырей и мирян староцерковнической ориентации о результатах своей деятельности, для чего и обращается к ним с нижеследующим посланием.

Ровно пять лет тому назад, в один из самых острых моментов разрухи церковной, в пору происшедшего тогда безвластия в Церкви и нарождения обновленческой смуты, в Минске, в среде церковных людей возникла мысль оградить свою местную Церковь от тяжких потрясений, выдвинув в качестве спасательного якоря идею самобытности Белорусской Церкви и ее права на национальное самоопределение. Здоровый церковный инстинкт самосохранения и прогрессивное течение религиозной мысли гармонически сочетались в этом идейном движении, тем не менее акт провозглашения Белорусской митрополии 23 июля 1922 года, радостно встреченный всем православным населением Минского края, был подорван в своем истинном значении засилием обновленчества и потому не дал всех своих благодетельных для Церкви результатов. Дальнейшая полоса церковной жизни Минской епархии, хотя и вернула староцерковничеству его настоящее место, также мало благоприятствовала законному стремлению православной Белоруссии к устройению своей церковной жизни на началах полной независимости (автокефалии). Отношение правящих церковных сфер в Москве по данному вопросу носило характер переменчивый и непостоянный, принимая то форму благожелательства (при покойном патриархе), то форму явной неприязни (при его местоблюстителях). Прошло печальное пятилетие, в течение коего вопрос о Белорусской митрополии не только не двинулся к желанному концу, но и осложнился разными привходящими обстоятельствами церковной жизни, пока, наконец, события последних годов не повергли Белорусскую Церковь в состояние паралича. И тогда-то жизнь снова выдвинула ту идею автокефалии, которую до сих пор подавляли церковные веяния и течения, ничего общего не имеющие с истинным интересом Церкви. Только что закончившийся Белорусский съезд воочию показал, как глубоко проникла эта идея в сознание епархии и с каким единодушием санкционирована она была соборным разумом ее — съездом. Иначе и быть не может. Когда изжиты связи, соединявшие прежде церковную область с высшим административным центром, когда эти связи приносят ей не пользу, а вред, эта область должна искать точки опоры у себя, в свободной концентрации своих живых сил, в организации своего административного строя.

Эти неотложные задачи ставит Белорусский съезд в Минске перед сознанием других белорусских епархий, подчеркивая исключительную важность настоящего момента и крайнюю необходимость для них подобного же выхода из создавшегося положения. Ибо и для них должно быть ясным то, что тот путь, на который их зовут, есть путь канонически закономерный и исторически необходимый. Ибо кому же неизвестно, что принцип церковного самоуправления и федерации составляли душу древнейшего церковного зако-

нодательства и практики (34 и 37 ап. прав., 9 Антиох. собора)? Кто не знает, что областное митрополичье управление всегда мыслилось как наилучшая, идеальная форма церковного благоустройства и порядка, что о восстановлении этой формы мечтали древнерусские соборы XVII в. (1667 и 1681 г.г.), что ее пыталась воскресить у себя даже дореволюционная Синодальная Церковь? Кто не помнит, что вся история православных народов, независимо от их удельного веса в смысле государственного и культурного значения, была процессом сложного и болезненного, но всегда неизбежного и плодотворного вынашивания идеи церковной самостоятельности и независимости? Кому, наконец, неведомы некоторые выразительные факты нашей местной западно-русской истории, свидетельствующие о наличии этой идеи в сознании белорусов, предков наших (история митрополита Григория Цамблака в XV в.), не взирая на весь вековой и религиозный гнет, под которым они жили.

Нет, при свете этих истин и бесспорных исторических фактов, ничья беспристрастная рука не посмеет бросить камень осуждения в то дело, которое совершено на съезде 9 и 10 августа, не отважится наложить на него клеймо обновленчества или церковного раскола. В ответ на возможную в наши дни клевету и поношение, Белорусский съезд смело вышает свой голос и заявляет: мы — убежденные и стойкие в своих православных взглядах и верованиях староцерковники. Мы помним вечное спасение своей души и желаем блага своей родной Церкви. Но в то же время мы верим, что нет ни одного народа, который мог бы расцениваться, как пустой и безразличный материал церковной жизни, и которому могло бы быть отказано в праве на свободное развитие в качестве живого и деятельного члена вселенского тела Христова.

Пусть эта вера не обманет участников съезда и пусть укрепится надежда на то, что голос их найдет живой отклик в душе пастырей и мирян Белорусской Церкви и что другие белорусские епархии последуют примеру Минской, организовав у себя правильное церковное представительство и управление, дабы на грядущем всебелорусском областном соборе воссияла любовь Христова и, связуемая этой любовью Православная Белорусская Церковь едиными устами и сердцем восхвалила Единого в Троице славимого Бога. Аминь.”

Как отнеслись к этому призыву другие белорусские епархии, нет сведений. Но аресты, расстрелы и ссылки в концентрационные лагеря епископов и священников разрушали церковную жизнь и не давали возможности не только что-то делать для пользы Церкви, но даже и думать об этом. Из документа ясно, что среди уцелевшего белорусского духовенства было сильно стремление иметь независимую от Москвы Белорусскую митрополию и своего митрополита. Советский погром духовенства это стремление разрушил.

В 1922 году по всей России прокатилась волна судебных процессов над православными епископами и выдающимися священнослужителями. Главным обвинением было мнимое сопротивление духовных лиц распоряжениям советских властей о конфискации драгоценных церковных предметов: чаш, риз на иконах, окладов на Евангелиях и других священных предметов, отбирившихся в пользу голодавших. Обвинения были необоснованные, но имели целью унижить и подорвать авторитет православного духовенства в глазах народа, а вместе с тем вооружить против него органы государственной власти. К такому судебному процессу был привлечен в 1923 году митрополит белорусский Мельхиседек с несколькими священниками. Суд над ними продолжался пять дней. Во время суда огромные массы верующего народа собирались возле здания суда, свидетельствуя этим свою преданность и любовь к митрополиту. Опасаясь народного бунта, суд оправдал митрополита, освободил его из-под ареста, но власти не оставили его в покое.

Где-то во второй половине 1925 года митрополит Мельхиседек был вызван в Москву по какому-то делу и оттуда больше не возвратился в Минск. Там он был арестован, посажен в тюрьму, а затем отправлен в ссылку в Красноярск (Сибирь). После подписания им декларации о признании митрополита Сергия, признавшего советскую власть в 1927 году, Мельхиседек получил назначение на епископскую кафедру в Красноярске с титулом архиепископа. Он скончался скоропостижно во время служения литургии в Москве, где временно находился. Сведения эти получены в Минске от частных лиц, помнивших эти события.

После митрополита Мельхиседека Белорусская митрополия осталась без возглавления. Минской епархией управляли викарные епископы: мозырский Иоанн Пашин, умерший в концлагере в 1927 году; бобруйский Филарет Раменский, умерший в тюрьме в 1939 году, где отсидел несколько лет; слуцкий Николай Шеметилло, умерший в тюрьме в 1931 году. Кроме них погибли в тюрьмах и лагерях почти все православные священники и епископы Советской Беларуси.

Места арестованных епископов и священников заняли обновленцы. Они пользовались свободой, и советские власти их не трогали. В Минске и Витебске поселились обновленческие епископы со своими женами. В Минске был некий обновленческий епископ Сергей. На приходах появились священники двоеженцы и троюженцы. Верующий народ смотрел на обновленческое духовенство, как на агентов советской власти, и никакого уважения к нему не имел. Это были пастыри без паствы. Вскоре они исчезли с церковного горизонта: одни из них были арестованы и сосланы, другие устроились на гражданскую службу, отрекшись от сана. Они были последними разрушителями православной церковной жизни в Беларуси.

Волна жестокой расправы с православным духовенством захватила также католическое духовенство, хотя не в такой сильной степени, как православное. Минский католический епископ Сигизмунд Лозинский, как поляк, репатриировался в Польшу в 1925 году и основал кафедру в г. Пинске. Администратором Минской епархии на свое место он назначил одного из прелатов капитула. Вслед за епископом уехали из Советской Беларуси в Польшу многие католические священники — поляки. Церковно-религиозная жизнь в этой епархии вскоре замерла.

Западная Беларусь в границах Польской республики.

В конце первой части настоящей книги было сказано о присоединении западно-белорусских земель к новообразовавшейся Польской республике. Государственная система ее была построена на демократических началах западно-европейского образца. Польская конституция гарантировала полную свободу всем гражданам Польского государства без различия их национальности и вероисповедания. Одну треть населения этого государства составляли так называемые национальные меньшинства: русские, белорусы, украинцы, немцы, евреи, литовцы, татары. Государственные власти называли украинцев русинами. Белорусской национальности вообще не признавали. При выдаче документов белорусам графа “национальность” не заполнялась. То же самое делали с анкетами во время народной переписи, производившейся каждые десять лет. По программе польского правительства белорусы являлись объектом колонизации, а Западная Беларусь называлась “Крэсамі Выходнімі” т.е. восточными окраинами Польши. Другие национальности признавались.

На присоединенных к Польскому государству Волыни, Полесье, Холмщине, Подлясье и Беларуси, а также в городах Польши проживало до пяти миллионов православного коренного населения. Жители этих областей говорили: “к нам пришла Польша, но не мы в Польшу.” Для обслуживания духовных нужд православного населения на этой территории было создано пять епархий: Варшавско-Холмская, Волынская, Полеская, Гродненская и Виленская. Каждую епархию возглавлял епархиальный архиерей: Варшавско-Холмскую — митрополит Варшавский и всей Польши, Волынскую — архиепископ Волынский и кременецкий, Полескую — архиепископ Полесский и пинский, Гродненскую — епископ Гродненский и новогрудский, Виленскую — архиепископ Виленский и лидский. Волынская епархия была самая большая и имела двух викарных епископов: Луцкого и Острожского. Первый проживал в Луцке, второй — в Дерманском монастыре. В Варшавско-Холмской митрополичьей епархии был викарный епископ с титулом “Люблинский.” Полеская епархия имела викарного епископа с титулом “Камень-Каширский.” Епархии делились на благочиннические округа или благочиния, в которых было по два-три десятка приходов, возглавлявшихся настоятелями.

На территории Западной Беларуси были епархии: Виленская, Гродненская и Полеская. В Виленской епархии были следующие благочиния: Браславское, Виленское, Вилейское, Воложинское. Глубокское, Дисненское, Докшицкое, Долгиновское, Друйское, Лидское, Мирское, Молодечненское, Мядельское, Ошмянское, Поставское, Раковское, Столпецкое, Щучинское. Всех приходских и приписных церквей в епархии находилось не более 200. В епархии было два монастыря: мужской Свято-Духов и женский Свято-Мариинский, оба в Вильно. В Гродненской епархии были благочиния: Барановичское, Бытенское, Белостокское, Бельское, Велико-Берестовицкое, Волковыское, Городейское, Городыщенское, Гродненское, Дятловское, Корелицкое, Клецкое, Несвижское, Новогрудское, Подоросское, Почаповское, Семятичское, Скидельское, Слонимское, Сокольское. В епархии было около 250 церквей и два монастыря: Успенский Жировицкий и женский Рождества-Богородичный в Гродно. В Полеской епархии были следующие благочиния: Антопольское, Брестское, Береза-Картузское, Высоко-Литовское, Дрогичинское, Давид-Городокское, Ивацевичское, Каменец-Литовское, Кобринское, Коссовское, Лунинецкое, Малоритское, Новоселковское, Пинское 1-ое, Пинское 2-ое, Пинское- 3-е, Пружанское, Столинское, Яновское и несколько благочиний на Волыни. В епархии было около 300 приходских церквей и мужской Николаевский монастырь в Мельцах. Во всех трех названных епархиях насчитывалось до 500 приходских церквей и 5 мужских и женских монастырей. Указанное число наполовину меньше, чем было на этой же территории до войны 1914 года. Разница объясняется тем, что польские власти закрыли все церкви в учебных заведениях, госпиталях и тюрьмах; отняли у православных более 100 приходских церквей, некоторые отдали католикам, а часть оставили закрытыми; более десятка церквей разрушили. Из 13 мужских и женских монастырей довоенного времени осталось 5. Остальные 8 монастырей (6 мужских и 2 женских) переданы католикам или использованы на государственные нужды. Особенно пострадали в этом отношении Подлясье и Холмщина. Земли и многие дома монастырские и церковные были конфискованы. На приходскую церковь выделялось только 33 гектара земли, около того оставлялось и за монастырем.

Юридическое положение Православной Церкви в Польской республике не было нормировано государственным законом. Единственным документом юридического значения были так называемые “Временные правила об отношении правительства к Православной Церкви в Польше,” подписанные министром просвещения и вероисповеданий в 1922

году. Эти “Временные правила” несколько не служили для пользы Православной Церкви, но давали большие возможности польским властям вмешиваться в церковные дела православных. Только 18 ноября 1938 года президент Польской республики, председатель министров и министр вероисповеданий подписали “Внутренний устав Святой Польской Автокефальной Православной Церкви.” 30 декабря того же года декрет президента о легальном существовании Православной Церкви в государстве и “Внутренний устав” этой Церкви были опубликованы в правительственном органе “Дзеннік,” что придавало полную законную силу новому положению Православной Церкви в Польской республике.

Православная Церковь в Польше была автокефальной. Автокефалия ей была дана Константинопольским патриархом Григорием III в ноябре 1924 года по ходатайству епископата и польского правительства. Патриарх Григорий III, предоставляя автокефалию, в своем “Томосе” от 13 ноября 1924 года писал: “Первое отделение от Нашего Престола Киевской митрополии и Православных митрополий Литвы и Польши, зависящих от нее, а также присоединение их к Святой Московской Церкви произошло отнюдь не по предписанию канонических правил, а также не было соблюдено всего того, что было установлено относительно полной церковной автономии Киевского митрополита, носящего титул экзарха Вселенского Престола.” Московская патриархия не признала законным этот акт Константинопольского патриарха, считая автокефальное существование Православной Церкви в Польше неканоничным.

Во главе Православной Церкви в Польше стоял митрополит Дионисий Валединский с титулом: “Блаженнейший митрополит Варшавский и всея Польши, Священноархимандрит Почаевской Успенской лавры.” По положению главы автокефальной Церкви он носил две панагии и крест, во время его торжественного шествия пред ним носили большой крест.

Церковь состояла из пяти епархий: Варшавско-Холмской, Волынской, Виленской, Гродненской и Полесской, в которых насчитывалось более 2000 приходских и приписных церквей, 15 монастырей (10 мужских и 5 женских) во главе с знаменитой Почаевской лаврой на Волыни.

Для подготовки кандидатов в духовный сан существовали две духовные семинарии в Кременце на Волыни и в Вильно, иноческая школа (семинария) в Почаевской лавре, псаломщицко-диаконская школа в Яблочинском монастыре на Подлясьи и богословский факультет при университете в Варшаве. В последние годы перед второй мировой войной духовные семинарии постепенно ликвидировались и заменялись гимназией и богословским лицеем в Варшаве. Это изменение производилось в рамках общегосударственной школьной реформы. Богословский факультет имел 4 курса обучения, по окончании которого студенты, написавшие письменную магистерскую работу и сдавшие положенные экзамены, получали диплом магистра богословия. Студенты факультета, ученики лицея и гимназии обязаны были жить в интернатах, в которых получали духовное воспитание и подготовку, необходимую для будущих пастырей Православной Церкви. Все эти учебно-воспитательные заведения содержались на государственные средства. Официальным языком в них был польский, но воспитанники и студенты могли разговаривать между собой на родном языке. Полонизация проводилась министерством упорно, но малоэффективно.

Православное духовенство в Западной Беларуси в частной жизни, церковном письмоводстве, проповеди и преподавании Закона Божия в школах пользовалось только русским языком. Польские власти возмущались, обвиняя духовенство в русификации польских граждан-белорусов. С 1934 года началась полонизация белорусов и вместо Закона

Божия на русском языке в школах ввели польский язык. В 1938 году потребовали от священников произносить проповеди по-польски. Приходские старые священники польского языка не знали и перестали вообще проповедовать в храмах. Власти заставили также вести церковное письмоводство на польском языке. Этими мероприятиями поляки изгоняли русский язык из употребления в Православной Церкви и насаждали свой польский язык. Консервативно настроенные священники, особенно из старых российских школ не смогли правильно оценить обстановку. Если бы с самого начала пребывания под властью Польши они перешли на язык своих прихожан — белорусский, то спасли бы церковную жизнь от полонизации. На Волыни, где украинский язык занял главное место в церковной жизни, полонизация не проводилась. Характерно, что молодое поколение духовенства, получившее образование уже в польское время, охотно говорило по-польски, но совершенно игнорировало белорусский язык своих прихожан.

Церковная жизнь белорусов-католиков протекала в чисто польском духе, под влиянием патриотически настроенного польского духовенства. Оно проповедовало, вело приходскую канцелярию, разговаривало со своими прихожанами белорусами по-польски. Закон Божий в школах преподавался только на польском языке. Процесс полонизации белорусов-католиков совершался без всякого замедления и с большим успехом по существовавшей издавна традиции.

Католическая Церковь в Польской республике занимала главенствующее и привилегированное положение. Конкордат польского правительства с папской курией гарантировал права и преимущества Церкви.

В Западной Беларуси существовали две римско-католические епархии: Виленская архиепископия — митрополия и пинская епископия. Каждая из этих епархий имела свою духовную семинарию, а в Вильно — богословский факультет при университете. Католическое духовенство, вышедшее из этих школ, отличалось религиозным фанатизмом, польским шовинизмом и ненавистью к православию. Среди них были миссионеры, прилагавшие большие усилия для обращения православных в римо-католичество, но успехи их были ничтожны.

С 1925 года создавались миссионерские пункты католиков восточного обряда. Для этой деятельности специально подготавливались кадры миссионеров в Восточном Институте в Люблине и в специально открытой для этой цели папской духовной семинарии в Дубне на Волыни. Учеников и студентов для этих школ вербовали из среды православных и униатов галичан, а главным образом из среды поляков римо-католиков. В Альбертине около Слонима был открыт монастырь и школа восточного обряда. Все миссионерское дело вели иезуиты. Настоятелем монастыря был иезуит француз Филипп де Режи, а после его отъезда — ксендз А. Неманцевич. Для распространения унии среди белорусов альбертинские иезуиты издавали на белорусском языке журнал “Да Злучэння.” С целью заслужить доверие к себе православных они носили длинные бороды и одеяние православного священника. Богослужения совершали на церковно-славянском языке, проповедовали по-белорусски и по-русски. Миссионеры восточного обряда открывали и содержали детские приюты со школами, в которые набирали детей православных родителей. Такие приюты были в Альбертине, Вильно, Росах и в имении в Наваградчине. После десятилетней энергичной миссионерской работы униаты имели в 1935 году: в Виленской архиепископии — 4 прихода, 7 священников и около 3 000 прихожан; в Пинской епархии — 12 священников и около 6 000 прихожан; в Подлясьи — 9 священников и около 3 200 прихожан; в Альбертине — 50 миссионеров и около 300 прихожан из окрестных деревень. Ре-

зультаты очень незначительны по сравнению с затраченными огромными усилиями и материальными средствами. Православные белорусы оставались верными сынами Православной Церкви и унии не принимали.

2. Белорусская православная церковь.

Советская оккупация Западной Беларуси.

1 сентября 1939 года началась война Германии с Польшей. Наступление немецкой армии было настолько подготовленным и сильным, что в течение одной недели военных действий польская армия была разбита, и немцы заняли всю Польшу до реки Буг, где установили границу. Холмщина и Подлясье оказались под властью Германии.

На основании тайного советско-германского договора 17 сентября того же года, когда Польша уже была оккупирована немецкими войсками, советские войска перешли польскую границу и без сопротивления заняли Западную Беларусь, Вольню и Галичину. Западная Беларусь была присоединена к Советской Беларуси. На место польской власти пришла советская коммунистическая власть, которая немедленно установила свой режим. Начались массовые аресты и депортации в лагеря Советского Союза неугодных советским властям польских граждан разных национальностей. Среди депортированных были православные и католические священники.

Советские власти застали в Западной Беларуси церковную жизнь, православную и католическую, хорошо организованной. Православные архиепископы: виленский Феодосий Федосьев и пинский Александр Иноземцев остались на своих местах. Спешно выехали за границу до прихода советских войск епископ гродненский Савва Советов и викарий епископ Виленской епархии Матфей Семашко. Остались на своих местах и католические иерархи: виленский архиепископ Ялбжиковский, пинский епископ Букраба.

В Жировицком монастыре проживал много лет на покое архиепископ Пантелеймон Рожновский, не признавший автокефалии Православной Церкви в Польше. Узнав, что епископ Савва гродненский оставил епархию и выехал за границу, архиепископ Пантелеймон немедленно, по своей воле, сообщил духовенству Гродненской епархии о том, что он принимает на себя управление епархией. Никакого протеста не последовало. Гродненская консистория во главе с протоиереем Георгием Боришкевичем ожидала прибытия на гродненскую кафедру епископа острожского Симона Ивановского, но тот отказался от поездки в Гродно. После этого консистория и духовенство Гродненской епархии подчинились архиепископу Пантелеймону.

В начале октября он написал в Москву к митрополиту Сергию, прося утвердить его на кафедре архиепископа Пинско-Новогрудской епархии, в которую входила епархия Гродненская. Митрополит Сергей ответил письмом от 22 декабря 1939 года следующее: “Митрополит Елевферий пишет мне, что Вы не получили ни моего письма, ни нашего указа от 17 октября за № 613. Мы Вас утвердили архиепископом Пинско-Новогрудским с присвоением Вам ношения на клобуке бриллиантового креста, а также звание экзарха Патриархии в виду поручения Вам принять в общение с Патриархией и в свое ведение всех тех областей вновь присоединенной территории, кто пожелает от автокефалии войти в сношение с Патриархией.” Заканчивается письмо приглашением прибыть в Москву. Архиепископ Пантелеймон приехал только в начале июня 1940 года: 10 числа он служил в Москве с митрополитом Сергием.

Вскоре после оккупации Западной Беларуси советское правительство отдало Вильно Литовской республике. Образовалась государственная граница между Литовской республикой и Советским Союзом. Вследствие такого положения Виленская епархия лишилась своего епархиального центра, который остался за границей. Архиепископ Пантелеймон принял в свое ведение приходы и духовенство этой епархии. Митрополит Сергей указом от 24 июня 1940 г. утвердил его архиепископом “Гродненским и Вилейским.” Таким образом, архиепископ Пантелеймон объединил две епархии Западной Беларуси в одну, включая гор. Вильно.

С 1922 года небольшое число православных приходов в Литовской республике возглавлял митрополит Елевферий Богоявленский, живший в Ковне и носивший титул “Митрополит Литовский и Виленский,” находившийся в юрисдикции Московской патриархии. С присоединением Вильно к Литве митрополит Елевферий прибыл в этот город и принял в подчинение местное духовенство. Архиепископ виленский и лидский Феодосий, принадлежавший к автокефальной Православной Церкви в Польше, был отстранен и оставлен в Свято-Духовом монастыре в Вильно на покое без права совершения богослужений и вмешательства в церковные дела. В конце 1940 года Елевферий умер, а на его место был назначен митрополит Сергей Воскресенский, прибывший из Москвы. Сергей имел титул “Митрополит Виленский и Литовский, Экзарх Прибалтики.” Он поселился в Вильно, но часто ездил в г. Ригу.

В июле 1940 г. из Москвы в Луцк приехал митрополит Николай Ярошевич, назначенный митрополитом Сергием московским на кафедру Волынской епархии. Он поселился в Луцке со званием экзарха Западных Украины и Беларуси. Архиепископ Пантелеймон был освобожден от этого звания.

Вновь созданная Гродненско-Вилейская епархия территориально была обширна и имела 307 приходов. Старому 73-летнему архиепископу Пантелеймону было не по силам справиться со всеми епархиальными делами при советской власти. По его просьбе и по докладу экзарха митрополита Николая в Москве решено было рукоположить во епископа брестского, викария Гродненско-Вилейской епархии архимандрита Венедикта Бобковско-го, настоятеля Жировицкого монастыря. Посвящение во епископа состоялось в Москве 30 марта 1941 года при участии 10 иерархов, присутствовавших в то время в Московской патриархии, из коих 8 было из оккупированных Советами областей Волыни, Западной Беларуси и Прибалтики. Епископ Венедикт остался жить вместе с архиепископом Пантелеймоном в Жировицком монастыре.

Архиепископ полесский и пинский Александр не поехал в Москву по приглашению и этим уклонился от формального присоединения его к Московской патриархии, за что был митрополитом Сергием уволен на покой. На его кафедру в Пинск был посвящен архимандрит Почаевской лавры Вениамин Новицкий. Посвящение состоялось в Луцке в первой половине июня 1941 года и было совершено экзархом митрополитом Николаем и епископом Поликарпом Сикорским, викарием экзарха.

Германско-советская война.

22 июня 1941 года Германия начала военные действия против Советского Союза. Неожиданные сильные атаки немецких аэропланов и танков по всей линии фронта парализовали сопротивляемость советских войск и заставили их отступать в глубь страны. Советская армия теряла десятки тысяч убитых, раненых и попавших в плен. В течение месяца ведения войны немецкие войска заняли всю Беларусь, большую часть Украины с Ки-

евом и Балтийские страны. Белорусские города сильно пострадали от немецких налетов с воздуха. Железнодорожное сообщение было разрушено и бездействовало, вследствие чего городское население голодало. Беларусь представляла печальную картину разрушения.

Немецкие войска застали церковно-религиозную жизнь в Восточной Беларуси и в Украине в разрушенном состоянии. Епископов и священников не было, церкви были закрыты, переделаны в склады, театры, а многие разрушены. Монастырей не существовало, монахи разбрелись кто куда, многие умерли в ссылках и в тюрьмах. Но верующих было очень много.

В Минске, столице Беларуси, из 9 церквей уцелела только одна на военном кладбище за городом. Остальные переделаны и приспособлены для разных хозяйственных нужд. Три церкви: кафедральный собор, архиерейская церковь и собор возле железнодорожной станции были снесены. Католические храмы сохранились, но в кафедральном был архив, а в другом — кино. Богослужений в городе не совершалось уже много лет.

Начало организации Церкви в Восточной Беларуси.

С приходом немецких войск верующие принялись за восстановление разрушенной церковной жизни. Немецкие военные власти помогали в этом с расчетом на приобретение народной симпатии. Находились священники, которые многие годы скрывали свой сан, опасаясь преследования. Немцы выдавали им удостоверения, дающие право беспрепятственно совершать богослужения и исполнять пастырские обязанности в условиях военной оккупации. Верующие принимали священников с любовью, отстраивали полуразрушенные церкви, украшали их иконами, приносили церковно-богослужебные предметы и книги, которые бережно хранили у себя дома от взора безбожников и гонителей веры. Богослужения начали совершаться в переполненных храмах. Священников было весьма мало, а нужда в них была велика. Нива Божия созрела, но делателей на ней не хватало. Священникам приходилось совершать таинство крещения детей и взрослых десятками в один раз. Это было второе крещение Руси, как бы новое возрождение православной веры на всех просторах Восточной Беларуси.

Во второй половине сентября 1941 года в Минск приехал епископ Венедикт из Жировицкого монастыря для организации церковной жизни. Ему было необходимо получить разрешение немецких властей, в чем ему помог начальник Минского округа Радыслав Островский. Епископ Венедикт обсудил с Островским все вопросы, касавшиеся организации церковной жизни в Беларуси, которая по требованию Островского должна была проводиться в национальном белорусском духе, а новые епископы должны были быть белорусской национальности.

При посредстве Р. Островского епископ Венедикт получил из Генерального комиссариата Беларуси (военно-гражданская немецкая оккупационная власть) письмо на имя митрополита Пантелеймона Рожновского от 3 октября 1941 года, в котором были указаны следующие условия: а) Православная Церковь в Беларуси руководствуется святыми канонами, а немецкая власть не вмешивается в ее внутреннюю жизнь; б) Православная Церковь в Беларуси должна называться: “Белорусская Автокефальная Православная Национальная Церковь”; в) проповедь, обучение Закона Божия и церковное писмоводство должны вестись на белорусском языке; г) назначение епископов, благочинных и священников не должно производиться без ведома немецкой власти; д) должен быть представлен статут “Белорусской Православной Автокефальной Национальной Церкви”; е) богослужения должны совершаться на церковно-славянском языке.

Митрополит Пантелеймон и епископ Венедикт устроили официальное заседание, на котором постановили: а) принять к руководству и исполнению условия, представленные в письме Генерального комиссариата Беларуси; б) перенести резиденцию митрополита из Жировицкого монастыря в столицу Беларуси — гор. Минск; в) открыть духовную семинарию для обучения кандидатов в священный сан; г) присвоить митрополиту Пантелеймону титул: “Митрополит Минский и всяя Беларуси.” Протокол заседания озаглавлен “Акт № 1 деяния Собора Епископов Белорусской Православной Церкви от 6 октября 1941 года.” Протокол подписали: митрополит Пантелеймон и епископ брестский Венедикт. Впервые в истории Беларуси Православная Церковь в этом крае официально в акте православной иерархии названа “Белорусской.” По содержанию этого протокола было послано ответное письмо Генеральному комиссариату.

Закрепив свое легальное положение, митрополит Пантелеймон командировал епископа Венедикта в Гродно для управления приходами Гродненщины, присоединенной германским правительством к Восточной Пруссии, а в Минск назначил с западных областей Беларуси священников: Иосифа Балая настоятелем Екатерининской церкви и Иоанна Кушнира настоятелем кладбищенской церкви. Последний был магистром богословия. Им было поручено заняться организацией церковной жизни и приготовлениями к переезду митрополита в Минск. Иеромонах Владимир, привезенный немцами, уже служил здесь. Они начали налаживать церковную жизнь в Минске, но в этом отношении в других городах Восточной Беларуси дело обстояло плохо, так как там не было духовенства.

Хиротония новых епископов.

Митрополит Пантелеймон и епископ Венедикт отлично понимали, что им двоим тяжело обслуживать иерархически всю Беларусь. По рекомендации белорусских деятелей из Варшавы и по своему разумению они решили посвятить в сан несколько епископов для Восточной Беларуси. Кандидаты были указаны, но они находились за пределами Беларуси. Митрополит Пантелеймон послал им приглашения прибыть в Беларусь для служения Церкви в епископском сане.

Первым кандидатом был архимандрит Филофей Нарко, проходивший церковное служение в Варшаве в юрисдикции митрополита Варшавского Дионисия. Митрополит Дионисий отпустил архимандрита Филофея. Епископскую хиротонию совершили в Жировицком монастыре 23 ноября 1941 года митрополит Пантелеймон и епископ Венедикт. При наречении Филофею дали титул епископа слуцкого, викария Минской митрополичьей епархии. После этого торжества 30 ноября состоялся отъезд митрополита Пантелеймона и епископа Филофея в г. Минск на постоянное жительство. В Минске открывалось пред ними широкое поле деятельности, но вместе с тем их ожидали и большие скорби.

Политическим белорусским деятелям было известно, что митрополит Пантелеймон придерживается строго русских и монархических убеждений, поэтому к нему не было большого доверия. У них были свои взгляды на Церковь и на церковные дела, чисто политические, которые они хотели проводить в Церкви. Церковные интересы или религиозно-богослужебная сторона их не интересовали. При таком настроении конфликты с церковной властью были неизбежны, и они скоро возникли. Началось с того, что группа таких деятелей подала митрополиту меморандум, в котором изложила ряд требований для проведения их в жизнь. Митрополит принял меморандум, но выполнить его не мог без ущерба для Церкви. Тогда эти лица начали действовать через немецкие власти и добились того, что в начале февраля 1942 года Генеральный комиссариат Беларуси отстранил митрополи-

та Пантелеймона от церковной власти и заставил его все дела передать своему викарию, епископу слуцкому Филофею, жившему с ним в Минске. Повод для недовольства дал сам митрополит, допустив некоторые ошибки в своих действиях и высказываниях. Этот печальный факт положил начало борьбе белорусских политических деятелей с православной белорусской иерархией, которая продолжалась и в последующее время.

С отстранением митрополита от власти церковные дела зашли в тупик. Необходим был созыв собора епископов для решения церковных вопросов, и митрополит его созвал. Из Гродно был вызван епископ Венедикт. Заседания собора начались 3 марта 1942 года. Участниками его были епископы Венедикт и Филофей под председательством митрополита Пантелеймона. С правом совещательного голоса приглашен архимандрит Афанасий, прибывший к этому времени из Холмщины по приглашению митрополита Пантелеймона на епископство. Первым было рассмотрение и утверждение проекта устава для Белорусской Православной Церкви, составленный архимандритом Афанасием по поручению митрополита Пантелеймона. Уставом предусмотрено было деление Беларуси на епархии. Собор постановил открыть шесть епархий: Витебскую, Гродненскую, Минскую, Могилевскую, Наваградскую и Смоленскую. На каждую из этих епархий постановлено назначить епископа, а именно: на Витебскую — архимандрита Афанасия с возведением в сан епископа с титулом “Витебского и Полоцкого,” на Гродненскую — епископа Венедикта с присвоением титула “Гродненского и Белостокского,” на Могилевскую — епископа Филофея с титулом “Могилевского и Мстиславльского,” на Наваградскую — епископа Вениамина Новицкого, жившего на покое в Почаевской лавре на Волыни, с титулом “Наваградского и Барановичского,” на Смоленскую — протоиерея Семена Севбо с пострижением его в монашество и посвящением в сан епископа с титулом “Смоленского и Брянского,” Минскую епархию возглавил митрополит Пантелеймон, которому дан титул: “Митрополит Минский и всея Беларуси, священно-архимандрит Жировицкой Свято-Успенской обители.” Заместителем митрополита избран епископ Филофей, как живший в Минске.

Для решения неотложных текущих дел был избран Синод в составе двух епископов: Венедикта и Филофея под председательством митрополита. Кандидатом в Синод назначен Афанасий, епископская хиротония которого состоялась в воскресенье 8 марта. Ему было поручено собором управление Наваградской епархией до времени прибытия избранного на эту кафедру епископа Вениамина. Кроме того, были сделаны постановления о необходимости открытия духовных семинарий в епархиях, об издании религиозной литературы и церковного журнала, о церковных печатях для приходов и проч. Вопрос об автокефалии церкви отложен до окончания войны и определения политического положения Беларуси. Этот собор имел большое значение для организации Белорусской Православной Церкви.

В конце соборных заседаний митрополит Пантелеймон возвел в сан архиепископа Венедикта и Филофея. Первого возвел по своему личному желанию, а второго — по требованию белорусских политических деятелей.

В течение собора был вызван в Минск и пострижен в монашество с именем Стефана вдовый протоиерей Симеон Севбо, избранный на кафедру епископа смоленского. Епископская хиротония его должна была состояться в воскресенье 15 марта, но неожиданная болезнь митрополита помешала этому. В виду неотложности этой хиротонии хотели совершить ее архиепископ Филофей и епископ Афанасий, но митрополит не дал своего согласия. Возведенный в сан архимандрита Стефан Севбо уехал в свой приход для продолжения пастырского служения.

Своим отказом в рукоположении архимандрита Стефана в сан епископа митрополит Пантелеймон показал, что имеет какие-то планы. Это обнаружилось, когда митрополит потребовал от Филофея и Афанасия выезда в свои епархии. Его требования были против постановления недавно состоявшегося собора епископов, но он с этим не считался. Митрополит надеялся, что после отъезда Филофея в Могилев и Афанасия в Витебск он сам возглавит Минскую и Наваградскую епархии и будет управлять ими при помощи Стефана, посвятив его в сан епископа слуцкого, викария Минской епархии. Такие мероприятия митрополита сильно встревожили белорусских деятелей. Они сообщили об этом немецким властям. Генеральный комиссариат приказал митрополиту Пантелеймону неотложно посвятить Стефана в сан епископа смоленского. При помощи немецких чинов военной полиции архимандрит Стефан был привезен в Минск и в воскресенье 17 мая 1942 года посвящен в сан епископа митрополитом Пантелеймоном и архиепископом Филофеем. На следующий день епископ Стефан уехал в свой приход в Раков для приготовления к отъезду в Смоленск.

Заточение митрополита Пантелеймона в монастырь.

Конфликт между митрополитом Пантелеймоном и белорусскими деятелями сильно углубился и принял нежелательные формы. Распоряжения митрополита относительно архиепископа Филофея показались им опасными для белорусского национального дела, поэтому решено было удалить митрополита из Минска и тем развязать руки архиепископу Филофею. За содействием они обратились к немецким властям. В конце мая митрополит был вызван в Генеральный комиссариат, где начальник отдела Юрда объявил об увольнении его на покой, а управление делами Церкви следовало передать архиепископу Филофею. Протест митрополита против такого решения не имел силы. Ему было приказано готовиться к отъезду в Ляды. Возвратясь из комиссариата, митрополит написал на имя архиепископа Филофея следующий декрет: “Вследствие своего отъезда из Минска на время моего отсутствия поручаю Вам все дела Белорусской митрополии.” Документ этот был подписан митрополитом 1 июня 1942 года. После этого оба владыки пошли в храм, где Архиепископ Филофей отслужил напутственный молебен и сказал прощальную речь, выразив глубокую скорбь по поводу его вынужденного отъезда. В ответ митрополит произнес следующие слова: “Поручаю вас всех покрову Царицы Небесной.” Утром на следующий день, 2 июня, подъехал автомобиль с немецкими чинами СД и увезли митрополита с его келейником о. Юлианом в Ляды и поместили в бывшем монастыре, в котором сохранилась церковь. Здесь он оставался до поздней осени. На зиму немцы перевезли его в г. Вилейку, где он жил под надзором немецкой военной полиции.

Белорусские деятели и архиепископ Филофей.

Через несколько дней после высылки митрополита в Ляды белорусские деятели представили архиепископу Филофею два меморандума, в которых изложили ряд своих требований. Для характеристики приведем некоторые из этих требований: произвести регистрацию всех благочинных в митрополии с целью перемещения их, уволив русских и назначив белорусов; организовать при архиереях “рады” из лиц духовных и светских, известных белорусских националистов; переменить состав городского духовенства в Минске и в Минской консистории, назначив сюда белорусов, при этом назывались фамилии кандидатов.

Архиепископ Филофей столкнулся непосредственно с белорусскими деятелями. Раньше они осаждали митрополита Пантелеймона, а теперь повели свою атаку на него. Из представленных требований он выполнил только одно, назначив священника Н. Лапицкого в Минск, а от остальных отказался, мотивируя тем, что он не митрополит и не может их выполнить. Это разгневало белорусских деятелей, которые начали помышлять о том, чтобы удалить из Минска архиепископа Филофея и на его место назначить более удобного им. Но они сознавали, что это не в их власти.

Когда в середине июля в Минске собрались епископы для обсуждения церковных дел в связи с высылкой митрополита в Ляды, белорусские деятели решили воздействовать на них через немецкие власти. Начальник отдела генерального комиссариата Беларуси г. Юрда вызвал архиепископа Филофея и епископов Афанасия и Стефана и потребовал от них объявления автокефалии Белорусской Церкви и выполнения ряда других пунктов, указанных белорусскими деятелями, при этом высказывал свои требования в грубой форме. Владыки ответили, что не компетентны это провести без митрополита и Всебелорусского церковного собора. Увидев неуступчивость епископов, Юрда согласился на созыв Церковного собора, а в возвращении митрополита отказал, ссылаясь на то, что архиепископ Филофей уполномочен вести дела вместо митрополита.

Общий церковный собор.

После неприятного разговора в генеральном комиссариате епископы решили начать подготовительные работы для созыва Всебелорусского церковного собора под руководством архиепископа Филофея. Епископы Афанасий и Стефан уехали в свои епархии. Архиепископ Филофей учредил Предсоборную комиссию под своим председательством, задачей которой было составление программы собора и подготовка материалов для рассмотрения. Комиссия немедленно приступила к работе.

Оставался открытым вопрос, кто будет председательствовать на соборе. На основании устава, утвержденного собором епископов, это право принадлежало митрополиту, как главе поместной Церкви. Но он был немецкими властями насильно отстранен от церковной власти и сослан в Ляды. Выяснение этого вопроса было поручено архиепископу Филофею. Он написал письмо к митрополиту и послал его через эконома архиерейского дома С. Менгеля. Митрополит ответил письмом следующего содержания: “Дня 1 августа 1942 года. Заместителю митрополита всей Беларуси архиепископу Филофею. Желая, чтобы фактически проведенная мною автокефалия получила надлежащее оформление, я поручаю архиепископу Филофею созыв собора белорусской православной иерархии совместно с выборными представителями духовенства и верующих мирян. Митрополит Пантелеймон.”

Получив такие полномочия, архиепископ Филофей назначил открытие Всебелорусского собора на 28 августа, о чем немедленно разослал циркулярные распоряжения с предписанием произвести выборы делегатов. В распоряжении указал, чтобы делегаты от мирян избирались из среды известных своим благочестием прихожан, живущих в приходе в течение 3 лет и не моложе 30 лет. На рассмотрение собора предлагались два пункта: объявление автокефалии Церкви и утверждение ее статута.

Белорусские деятели имели свои соображения и планы относительно предстоящего собора. Они старались провести на собор молодых, послушных делегатов, чтобы использовать их в своих целях, поэтому были недовольны указанными архиепископом Филофеем условиями избрания делегатов. Они обжаловали это распоряжение перед немецкими вла-

стями. 14 августа начальник отдела генерального комиссариата Юрда послал архиепископу Филофею письмо, в котором выражал недовольство по поводу распоряжения о созыве собора без его согласия и потребовал представить ему статут Церкви для одобрения. По вопросу выборов делегатов на собор он потребовал заменить 30-летний возраст 21 годом и отменить трехлетний срок пребывания избираемого кандидата в приходе. Письмо заканчивалось угрозой: “Невыполнение моих предписаний может повлечь запрещение общего церковного собора. Я обязываю Вас немедленно исполнить мои предписания и ожидаю письменного подтверждения и извещения об исполнении предписанных мною изменений.”

По требованию Юрды архиепископ Филофей представил ему статут Церкви, утвержденный собором епископов в марте 1942 года, а в ответ получил 18 августа письмо следующего содержания: “Представленные мне на одобрение статуты не могли получить моего одобрения. Они не только в своих постановлениях несовместимы с требованиями государства о правовом положении Церкви, но вообще непригодны во всем своем содержании.” Далее в письме он указал §§ статута, которые подлежали отмене, например, запрещал крестить евреев, открывать мастерские при монастырях, открывать духовные семинарии и академию без разрешения немецких властей, преподавать Закон Божий в школах; отменял юридическую силу церковных браков, поставил под вопрос православные церковные праздники и др. Стало ясно, что немецкие власти не намерены давать какие-либо права Православной Церкви в Беларуси. Юрда был высшим немецким чиновником, дававший направление немецкой политике в оккупированной немцами Беларуси. Его письмо представляло программу отношения гитлеровской Германии к Православной Церкви в Беларуси и вообще к белорусскому населению, как к покоренной нации.

К назначенному сроку прибыли на собор делегаты только из двух епархий: Минской и Наваградской. В епархиях Витебской, Могилевской и Смоленской церковная жизнь не была налажена, там было весьма мало церковных приходов, поэтому выборы делегатов вообще не производились. Гродненская епархия находилась за границей вследствие того, что вся Гродненщина была присоединена к Восточной Пруссии. Архиепископ Венедикт, как епархиальный архиерей, мало интересовался течением жизни в остальной части Беларуси. Он на собор не приехал и делегатов от своей епархии не прислал. Таким образом, собор состоялся из делегатов двух западно-белорусских епархий: Минской и Наваградской. По этой причине его нельзя назвать Всебелорусским Церковным собором.

Число делегатов от двух епархий представлялось в следующих цифрах: от Минской епархии — 26 духовных и 42 светских, всего 68 человек; от Наваградской епархии — от духовенства 17 и от мирян 22, всего 39 делегатов. На соборе присутствовало 107 человек и три иерарха: архиепископ Филофей и епископы Афанасий и Стефан. Минская епархия представляла засилие светского элемента на соборе, хотя мирян и священников должно было быть одинаковое количество.

Избранными делегатами от мирян оказались лица достойные и церковно настроенные. Молодых было мало. Требование немецкой власти избирать молодых не было выполнено.

Открытие заседаний затормозилось вследствие ходатайства епископов перед немецкими властями о возвращении митрополита Пантелеймона из ссылки для возглавления собора. Генеральный комиссариат отказал епископам. Решено было послать делегацию к митрополиту Пантелеймону с просьбой выдать архиепископу Филофею полномочие на ведение собора, необходимое на том основании, что митрополит Пантелеймон был главою

Белорусской Православной Церкви и без его согласия постановления собора не могли иметь законной силы. Посланные делегаты — протоиерей И. Балай и С. Менгель — возвратились от митрополита с грамотой на имя архиепископа Филофея следующего содержания: “Вследствие моей невозможности по независящим от меня обстоятельствам прибыть на собор, на созыв которого, по Вашему желанию, я дал свое согласие, я поручаю Вам довести все дело до конца и председательствовать на соборе, если он состоится, как Вы меня об этом просите. Полагаюсь на Вашу епископскую совесть и мудрость, которые, надеюсь, дадут мне возможность утвердить постановления, выработанные на собрании духовенства и мирян под Вашим председательством. Митрополит Пантелеймон, 29 августа 1942 года, м. Ляды, Смолевицкого района.”

30 августа после молебна в Преображенском храме бывшего женского монастыря открылись заседания собора под председательством архиепископа Филофея. На повестке стояли два пункта: объявление автокефалии и утверждение статута. По первому пункту ограничились чтением докладов об основах введения автокефалии и составлением писем к православным восточным патриархам по этому поводу. Всем было ясно, что в тяжелое военное время немецкой оккупации Беларуси не было канонических оснований делать объявление автокефалии своей Церкви. В дальнейшем процессе заседаний был рассмотрен и утвержден статут “Святой Православной Беларускай Аўтакефальной Царквы.” В нем заключалось 114 параграфов. В §113 было сказано: “Каноническое объявление автокефалии последует после признания ее всеми автокефальными Православными Церквами.” Собор закончился 2 сентября 1942 года без формального объявления автокефалии.

Возвращение митрополита и посвящение новых епископов.

После Минского церковного собора наступило некоторое затишье в митрополии. Белорусские деятели, удовлетворившись составленными на соборе письмами к восточным патриархам, больше не беспокоили немецкий генеральный комиссариат Беларуси своими требованиями объявления церковной автокефалии. Но через полгода вспомнили про письма к патриархам и, узнав, что они еще не отосланы по назначению, пожаловались немецкой власти. Архиепископ Филофей был вызван в генеральный комиссариат. Он объяснил, что письма не посланы, потому что некому было их подписать. На основании утвержденного Минским собором в 1942 году статута Белорусской Православной Церкви это право принадлежало только митрополиту, как главе Поместной Церкви.

Архиепископ Филофей созвал Синод в начале апреля 1943 года для решения этого вопроса. В Минск прибыл только епископ Афанасий, архиепископ Венедикт и епископ Стефан не явились. Тогда Филофей и Афанасий обратились в генеральный комиссариат с просьбой вернуть из ссылки митрополита Пантелеймона для возглавления Синода и подписания писем. Это ходатайство было удовлетворено. Немедленно митрополит Пантелеймон был освобожден и 16 апреля привезен чинами немецкой военной полиции в Минск, где поселился в митрополичьих покоях.

Начались заседания Синода под его председательством. Первым пунктом было рассмотрение и подписание писем к патриархам. Владыки понимали, что письма не имели большого значения в военное время, но во избежание неприятностей с немецкими властями их подписали и отдали в генеральный комиссариат. Дальнейшая судьба их неизвестна. После этого были решены другие важные церковные дела. От имени православного белорусского епископата было послано письмо в генеральный комиссариат с просьбой наделения 33 гектарами земли каждой приходской церкви. Это ходатайство было предпринято в

связи с ликвидацией колхозной советской системы и наделением земель всех бывших колхозников.

В начале мая смоленский епископ Стефан обратился с просьбой к митрополиту Пантелеймону о рукоположении ему в помощь викарного епископа архимандрита Павла Мелетьева, настоятеля церкви в г. Брянске. Митрополит запросил согласия на это всех епископов. Архиепископ Венедикт и епископ Афанасий ответили, что кандидата не знают и потому предоставляют решение вопроса митрополиту совместно с владыками Филофеем и Стефаном. Последний не замедлил прибыть в Минск в сопровождении архимандрита Павла. 17 июня 1943 года состоялось заседание Синода в составе митрополита, архиепископа Филофея и епископа Стефана. Постановили рукоположить архимандрита Павла в сан епископа Рославльского, викария Смоленской епархии. Неизвестный кандидат был оставлен в Минске на испытание. Рукоположение его совершили 11 июля митрополит Пантелеймон и архиепископ Филофей в Преображенской кафедральной церкви в Минске. Новорукоположенный не был доволен ни своим титулом, ни положением викарного епископа: он хотел быть самостоятельным епархиальным архиереем и иметь титул епископа брянского. Местоительство его оставалось в Брянске. Вскоре выяснилось, что он был неподходящий кандидат в епископы. В июле 1945 года, эмигрировав в Германию, он перешел в католичество восточного обряда, спасаясь от насильственной репатриации на родину. Умер в католическом монастыре в Бельгии.

Посвящением Павла Мелетьева в сан епископа были возмущены белорусские деятели в Минске. Они заявили свой протест в форме новых меморандумов в генеральный комиссариат, обвинив весь белорусский епископат в антибелорусской деятельности. Немцы не придали этому большого значения.

Несмотря на тяжелое военное положение, церковная жизнь в Беларуси развивалась и укреплялась: на востоке создавались церковные общины, открывались храмы, епископы рукополагали священников из кандидатов, представленных церковными общинами. Конечно, кандидаты были мало подготовлены для пастырского служения, но жаждущий духовной пищи верующий народ и этими был доволен. Пастырская деятельность расширялась, охватывая все большее и большее число людей.

В процессе развития церковной жизни появилась необходимость назначить епископа в Гомель. Синод учредил Гомельско-Мозырскую епархию. Бывшее Гомельское викариатство Могилевской епархии стало самостоятельной епархией. На кафедру епископа этой епархии был избран вдовый протоиерей Георгий Боришкевич, настоятель кафедрального собора и член духовной консистории в Гродно, уроженец Волыни. Хиротония его должна была состояться в конце сентября 1943 г. в Минске, но затруднения с путешествием не позволили ему выехать из Гродно, где он постоянно жил со своей матерью и сыном. Архиепископ Венедикт постриг его в монашество с именем Григорий и 18 сентября возвел в сан архимандрита.

В середине октября архиепископ Венедикт поехал в г. Вену (Австрия) на епископскую конференцию иерархов Русской Православной Церкви За границей, созванную берлинским и германским епархиальным архиереем митрополитом Серафимом Лядэ по делу избрания в Москве патриарха Сергия. Его сопровождал на эту конференцию архимандрит Григорий Боришкевич. По просьбе архиепископа Венедикта епископат этой Церкви, во главе с митрополитом Анастасием, посвятил в сан епископа гомельского архимандрита Григория. Посвящение состоялось 24 октября в русской церкви в Вене. Возвратившись в Гродно, епископ Григорий просил митрополита Пантелеймона принять его в состав епи-

скопата Белорусской Православной Церкви, что и было сделано синодальным постановлением. В Гомельскую епархию ему не довелось отправиться по причине приближения фронта.

Епископский собор.

Военное положение ухудшилось не в пользу немцев. Немецкая армия отступала. Однако немцы не признавались в своем поражении и называли это отступление сокращением фронта. Вся Украина уже была занята советской армией и фронт находился у границ Беларуси. После ликвидации Рейхскомиссариата Украины немцы присоединили Полесье к Генеральному комиссариату Беларуси. В Пинске епископствовал в это время митрополит Александр Иноземцев, а в Бресте — архиепископ Иоанн Лавриненко, который подал заявление с просьбой принять его в состав белорусской иерархии. В начале апреля 1944 года синодальным постановлением его ходатайство было исполнено с сохранением за ним титула: “Архиепископ Полесский и Брестский.” Митрополит Александр, считавший себя принадлежащим к юрисдикции варшавского митрополита Дионисия, воздержался от подчинения белорусскому епископату.

В середине мая 1944 года митрополит Пантелеймон созвал собор епископов в Минске. Прибыли все иерархи: из Гродно архиепископ Венедикт и епископ Григорий, из Наваградка епископ Афанасий, из Бреста архиепископ Иоанн, из Борисова епископ Стефан, из Могилева епископ Павел и на месте были митрополит Пантелеймон и архиепископ Филофей. В Минск прибыл в это время митрополит Александр в качестве гостя президента Белорусской Центральной Рады Островского. Собор созвали по требованию немецких властей, хотевших, чтобы белорусские епископы высказались против возведения в Москве митрополита Сергия в патриархи. Хотя вопрос был чисто церковный, но носил политический пропагандистский характер, и по нему сделали свои заявления православные епископы Польши и Германии.

Заседания собора епископов в Минске проходили под председательством митрополита Пантелеймона. В них приняли участие все прибывшие иерархи, в том числе и митрополит Александр. По вопросу возведения Сергия в патриархи немцы прислали готовый текст декларации для подписи, но собор епископов составил свой текст. Вокруг этого вопроса долго продолжались дебаты, пока не был выработан текст, удовлетворивший обе стороны. Подписанный собором епископов текст постановления был передан немецкому чиновнику.

Следующим весьма важным пунктом заседания собора было рассмотрение письменных распоряжений президента Белорусской Центральной Рады, созданной немецкими властями в начале 1944 года, касавшихся церковной жизни и ограничивавших ее свободное развитие. Собор высказался в категорической форме против вмешательства этой “Рады” во внутренние дела Церкви, подлежащие компетенции церковной иерархии.

Кроме того, были решены другие важные церковные вопросы, из которых для примера укажем следующие: присвоение митрополиту Пантелеймону титула “Его Блаженство,” права ношения им двух панагий и предношения креста; утверждение и подписание статута Белорусской Православной Церкви с изменением некоторых параграфов в нем; присоединение к Белорусской митрополии двух полесских епархий: Пинской и Брестской с епархиальными архиереями и духовенством.

Собор епископов закончился в спешном порядке, потому что близость немецко-советского фронта беспокоила всех. Во второй половине мая советские войска прорвали

линию фронта между Витебском и Оршей и быстро двинулись на запад Беларуси. Белорусские иерархи во главе с митрополитом в спешном порядке выехали в Гродно и оттуда 7 июля 1944 года эмигрировали в Германию. Бежали за границу все белорусские деятели, причинившие много вреда православному духовенству и Церкви в Беларуси. Своими несвоевременными действиями они способствовали гибели многих тысяч человеческих жизней. Белорусское духовенство осталось на своих приходах и до конца разделило судьбу своих прихожан. Все постановления и труды белорусского епископата в деле создания Белорусской Православной Церкви обратились в ничто и перешли в область истории.

3. Положение Беларуси под немецкой оккупацией.

Бедствия населения.

Немецкая военная оккупация Беларуси продолжалась более трех лет (июнь 1941 — июль 1944). За это время немецкая власть проявила себя достаточно, чтобы о ней можно было что-то определенное сказать.

Немцы пришли в Беларусь с уже готовой программой, которую начали проводить, лишь только твердо стали на белорусской земле. Они разделили Беларусь на три зоны. Первая зона — Гродненщина — была присоединена к Восточной Пруссии и подчинена общегерманским законам и предназначалась для колонизации и германизации в первую очередь. Вторая зона создана из округов Наваградчины, Виленщины и Минщины под названием Генеральный комиссариат Беларуси с центром в Минске. Управлял этой зоной генеральный комиссар со штатом немецких партийных (гитлеровских) чиновников, задачей которых было подготовить область для колонизации и обращения ее в провинцию Германской империи — Третьего Рейха. Витебщина, Могилевщина и Смоленщина с Брянским округом находились в военной полосе, которая составляла военную зону Беларуси, где управление было в руках военного командования. Полесье с Пинском и Брестом были присоединены к Рейхскомиссариату Украины. Между зонами немцы установили искусственные границы, которые местные жители не смели пересекать без особого разрешения немецких властей. Эти границы сильно препятствовали течению церковной и гражданской жизни.

Хотя фронт военных действий между немецкой и советской армиями находился на востоке далеко от границ Беларуси, но в стране не было спокойствия. Мирные жители тяжело страдали от немцев и от советских партизан, которые обычно скрывались в лесах, а ночью нападали на немецкие сторожевые и административные пункты, взрывали поезда и железнодорожные линии, убивали неугодных им лиц, грабили сельских жителей, забирая у них скот, лучшую одежду и продукты. Белорусские деревни обнищали и не могли прокормить голодавшее городское население. Еврейское население, составлявшее большой процент населения белорусских городов и местечек, было немцами зверски уничтожено, а дома сожжены. Беларусь представляла печальную картину нищеты и разрушения.

Небольшие немецкие отряды и местная белорусская полиция боролись с партизанами, но от этой борьбы страдало мирное население. Преследуя партизан, немцы жгли деревни и убивали жителей, подозревая их в симпатии к партизанам, которые фактически были хозяевами в провинциях. Полная беззащитность сельского населения, весьма тяжелые условия жизни привели к гибели десятков православных священников и многих тысяч крестьян и городских жителей.

Кроме советской партизанщины в 1942-1943 годах буйствовали в западно-белорусских районах и польские партизаны. Они замучили насмерть несколько православных священников, убили их семьи и многих православных белорусов. Эти жертвы безвременья заслуживают особого исследования историков.

Средние и высшие учебные заведения были закрыты. Немцы разрешали иметь только ремесленные школы для юношества и начальные для детей. В начале школьного 1943/44 года была открыта учительская семинария в Наваградке с сокращенной программой. Преподавание Закона Божия во всех школах было запрещено. Воспитание детей и юношества проводилось в национал-социалистическом немецком духе: без Бога, без христианской религии. Вместо христианских понятий прививалось нео-язычество гитлеровско-германского типа. Взрослая молодежь насильственно вывозилась в Германию на работы, где ей нашивали ярлык “ост-арбейтеры” — “восточные рабочие.”

Верующие люди ожидали помощи от Бога. В надежде на избавление от бед и несчастий жители западно-белорусских деревень сооружали большие деревянные кресты, украшали их цветами и полотенцами и ставили по окраинам своих селений. Все это делали по обету в течение одной ночи. Затем призывали священников, которые освящали эти кресты и служили всенародные молебны. Эти кресты символизировали страдание народа.

Вмешательство светского белорусского актива в церковные дела.

В программу колониальной немецкой политики входило благосклонное отношение к местной церковной жизни. Немецкие военные власти в восточных областях Беларуси содействовали восстановлению церковной жизни, оказывали помощь в открытии церквей и помещений для совершения богослужений, выдавали священникам удостоверения, позволявшие им беспрепятственно исполнять душепастьерские обязанности среди верующих. С разрешения генерального комиссариата Беларуси митрополит Пантелеймон получил возможность возглавить Белорусскую Православную Церковь и учредить митрополичью кафедру в Минске. Однако, предоставляя все эти возможности, немецкие власти строго контролировали деятельность духовенства.

Зависимостью Православной Церкви от немецкой власти воспользовалась небольшая группа белорусских активистов, состоявшая из 5-6 молодых людей, атеистически настроенных, которые хотели проводить в Церкви свои тенденции политического характера. О них уже говорилось выше. Состоя на немецкой службе в Минске и пользуясь некоторым доверием немецкой власти, они вмешивались в дела церковного управления и навязывали свою волю белорусской православной иерархии. Не имея возможности непосредственно воздействовать на епископат, они писали доклады и меморандумы в генеральный комиссариат, излагая в них свои требования по церковным делам и настаивая, чтобы немецкая власть приказала митрополиту исполнить изложенное в их меморандумах. Они добились отстранения митрополита Пантелеймона от церковной власти и ссылки его в бывший монастырь Ляды. По их требованию немецкий генеральный комиссариат передал власть в Минской митрополии архиепископу Филофею и этим обезглавил Белорусскую Православную Церковь. Когда архиепископ Филофей не стал исполнять их требования, они выступили против него и потребовали его удаления из Минска, чтобы на его место пригласить другого епископа. Произвол политических факторов свидетельствует о тяжелых условиях, в которых находилась Православная Церковь в Беларуси во время немецкой оккупации.

Белорусские активисты и генеральный комиссариат домогались объявления церковной автокефалии, не понимая канонического значения этого слова. Положение Белорусской Православной Церкви было самостоятельное в том смысле, что она не подчинялась в это время никакой высшей церковной власти, находившейся за границами Беларуси. Она управлялась Собором и Синодом своих епископов и возглавлялась митрополитом, которому собор в Минске 15 мая 1944 года дал титул “Его Блаженство,” присваиваемый обычно только главам некоторых автокефальных Церквей. Православная Церковь в Беларуси находилась на пути к полной самостоятельности, но до канонической автокефалии ей было еще далеко. Прежде всего Беларусь не была самостоятельным государством и судьба ее зависела от исхода войны. Государственная независимость была одним из важных условий объявления автокефалии Церкви. При таком положении требование провозглашения автокефалии Белорусской Церкви было демагогическим приемом безответственных лиц, руководствовавшихся политическими соображениями.

Второе требование — белорусизация Церкви. Трудно понять, что подразумевалось под этим понятием. В церковной жизни белорусизация была проведена. Церковная канцелярия велась на белорусском языке. Священники произносили проповеди в церкви и с прихожанами разговаривали на белорусском языке. Богослужения совершали по-церковнославянски. Это было признано немецкой властью и узаконено статутом Белорусской Православной Церкви. Закон Божий в школах был запрещен немцами. Таким образом требование белорусизации Церкви сводилось к нулю, оставаясь фразеологией, рассчитанной на внешний эффект для немцев, не знавших белорусской действительности.

Во второй половине 1943 года активисты изменили свою тактику и повели атаку на всю белорусскую православную иерархию и на приходское духовенство. В меморандуме от 5 июля 1943 года они писали:

“Белорусская Православная Церковь сегодня по своему составу административно-иерархического аппарата, по его национальной настроенности установилась как российская с сильным антибелорусским характером, и как таковая проявляет свою деятельность.” Спустя месяц те же лица писали: “Через Церковь в Беларуси действуют различной окраски факторы с целью через российский характер Церкви и церковной работы удержать Беларусь в неотделимости от великого конгломерата “единой-неделимой” с одной стороны или от Советского Союза с другой стороны. Архиепископ Филофей, пользуясь доверием властей, без сомнения проводит издевательство над белорускостью и через Церковь укрепляет российскость Беларуси. Является необходимым создание белорусского управления с компетенцией надзора над духовно-национальными делами Беларуси.”

Согласно этим обвинениям, посредством Церкви проводилась политическая работа, вредная белорусским национальным интересам. Но в действительности так не было. Церковь жила своей обычной жизнью, высшее и низшее духовенство занималось религиозно-пастырской деятельностью и в политику не вмешивалось. Поэтому оно не заслужило таких обвинений со стороны белорусских активистов, старавшихся набросить тень на белорусскую церковную иерархию и приходское духовенство, обвинив их в симпатиях к советской власти. Ни одно обвинение не было подтверждено фактом, что доказывало их полную несостоятельность.

Немецкие власти решили проверить национальность белорусского православного духовенства. Они разослали анкеты и потребовали представить их к назначенному сроку. Анкеты были заполнены и сданы немецким властям. Из них выяснилось, что 90% православного духовенства объявило себя белорусами и только незначительное число записа-

лись русскими или украинцами. Немецкие власти поняли, что все обвинения против духовенства необоснованы.

Осенью 1943 года положение на немецко-советском фронте сильно ухудшилось. Немцы отступали под напором Красной Армии. Не имея достаточно сил удержать власть в Беларуси, они решили разделить ее с белорусами. В октябре 1943 года они создали Белорусскую Центральную Раду, видимость белорусского правительства с ограниченными правами. В компетенцию БЦР были переданы: организация белорусской армии (БКА), дела культуры и народного образования, социальное обеспечение. Президентом БЦР был назначен Радослав (Роман) Казимирович Островский. БЦР назначила своих уездных начальников, которые действовали совместно с немецкими гэбитс-комиссарами.

При БЦР был создан отдел по церковным делам. Этот отдел включился в деструктивную работу против Белорусской Православной Церкви. Президент Островский, не сговорившись с архиепископом Филофеем, решил удалить его из Минска и пригласить на его место епископа смоленского Стефана. Митрополит Пантелеймон на это не согласился. Тогда Островский начал действовать своей властью. Но из этого ничего не вышло, ибо епископ Стефан решительно отказался от предложенной ему чести. После неудавшейся попытки Островский задумал устранить от руководства церковью неуступчивого старика митрополита Пантелеймона и возвести на его место пинского митрополита Александра Иноземцева. В это время Пинск и Брест были присоединены немцами к Генеральному комиссариату Беларуси. Для переговоров Островский пригласил к себе митрополита Александра. Было это перед Собором епископов, назначенным митрополитом Пантелеймоном на 12 мая 1944 года в Минске. Прибывшие епископы в частных разговорах высказались против митрополита Александра. Об этом сообщили Островскому. Приближение фронта не позволяло Островскому заниматься церковными делами. Через две недели после Собора, в конце мая, все бежали из Минска на запад от советских войск, а в августе ими была занята вся Беларусь.

Характерным документом, свидетельствующим о произволе БЦР в делах Православной Церкви в Беларуси, является распоряжение президента Островского с требованием, чтобы все назначения, перемещения и увольнения лиц духовного сана проводились епархиальной властью после согласования с отделом вероисповедания БЦР и чтобы все кандидаты в духовный сан представлялись в тот же отдел БЦР за две недели до рукоположения. Это распоряжение ставило Православную Белорусскую Церковь и ее иерархию в полную зависимость от светской власти.

Из этого краткого обзора видно, что православная церковная жизнь в Беларуси во время немецкой оккупации находилась в весьма тяжелых условиях. Свободу Церкви ограничивали не только немцы-победители, но еще больше побежденные белорусы, так как к власти пришли безбожники и люди мало способные к государственному управлению.

Положение католиков и Католической Церкви.

Немцы застали Католическую Церковь в Беларуси сильно ослабленной. Число римо-католиков в западно-белорусских областях значительно уменьшилось по сравнению с довоенным временем. Советские власти вывезли в концлагеря тысячи поляков из Беларуси, главным образом польских осадников, помещиков и государственных чиновников. В ссылку попали также некоторые католические священники. Многие храмы стояли закрытыми без настоятелей.

Немецкие власти знали, что белорусы римо-католики сильно ополячены, поэтому отнеслись к ним недружелюбно, как к своим врагам. Тем не менее молодые польки, знавшие немецкий язык, устроились при немцах в качестве переводчиц.

Молодые поляки поступили на службу в полицию и в разные немецкие учреждения. Немцы принимали их на службу как белорусов. Эти молодые люди вскоре образовали тайные польские легионы, которые действовали, как польские партизаны. И. Касяк в своей книге: “3 гісторыі Праваслаўнай Царквы беларускага народу” (стр. 119) поместил протокол № 5 от 3 мая 1943 года совещания представителей тайной польской организации гренадеров, в котором говорилось следующее:

“1) Все немецкие учреждения в поветах должны быть переполнены только нашими людьми, чтобы вся практическая власть была в наших руках. Таким образом все полицейские и коменданты смогут оказать помощь оружием и амуницией нашим вооруженным легионам, проводить разведку и делать соответствующее влияние на немцев и на все их окружение.

2) Каждый поляк должен помнить, что... никогда и ни за что белорус не захочет дать нам помощь, потому мы должны стремиться выжить белорусов из всех учреждений... стремиться найти всякие материалы, обвиняющие белорусов за связь с партизанами для того, чтобы их расстреливали. Таким образом мы сможем не только выжить белорусов, но и настроить белорусское население против немцев. Затем, при помощи умелой пропаганды перетянем белорусов на свою сторону и достигнем, как минимум, их нейтралитет.

3) Через своих людей просить полицию и немцев сжигать белорусские деревни под предлогом, что они помогают партизанам.”

“В инструкции №7 от 14 мая 1943 года руководящий центр гренадеров указывает, что цель польских легионов — освобождение Заходней Беларусі от большевизма, но каждый поляк должен помнить, что белорусы — это враги польского народа... поляки должны всеми способами компрометировать белорусов перед немцами, добиваясь арестов белорусов с тем, чтобы потери в белорусах были наибольшими.”

Немцы, однако, разобрались в действительном положении дел и начали расправу с поляками, при помощи тайных агентов раскрывали польские организации, арестовывали и расстреливали их участников. Во многих городах Западной Беларусі были тайные польские начальники уездов (старосты) с целым штабом служащих.

Некоторая часть ополяченной белорусской интеллигенции примкнула к белорусским национальным деятелям. Белорусскими патриотами они не были. Некоторые из них были редакторами белорусских газет, которые издавались с разрешения немецкой власти. В Минске издавалась “Раніца,” а в Барановичах — “Барановіцкая газета.” В этих газетах, если что писали о православном духовенстве, то только плохое, зато восхваляли католическое духовенство, особенно их мнимые заслуги для белорусского национального дела. Вместе с белорусскими активистами они вмешивались в дела Православной Церкви, но совершенно молчали о своей Римо-Католической Церкви, в которой все богослужения совершались на латинском и польском языках. Кс. Годлевский Викентий, занимая в 1942 году высокое служебное положение главного школьного инспектора, составил школьную программу обучения, в которой упоминалось православие только с конца XVIII века, и то как орудие царской политики. По этой программе должны были учиться православные дети.

Католическая миссия восточного обряда в Альбертине около Слонима, молчавшая при Советах, с приходом немцев оживила свою деятельность. Начальник этой миссии кс.

А. Неманцевич получил из Рима в начале апреля 1942 года звание папского экзарха для католиков восточного обряда в Беларуси и был признан немецкой властью. Свою миссионерскую работу он начал с того, что объявил себя “щырым беларусам,” хотя был поляком. Местные белорусы-католики выдвигали его, как великого белорусского деятеля и патриота. Кс. Неманцевич убеждал белорусов, что национальной белорусской религией должна быть уния. Ему вторили белорусские деятели из среды католиков. В Барановичах в том же направлении работал кс. Горошка. Однако деятельность кс. Неманцевича показалась немцам подозрительной. В августе 1942 года его арестовали и расстреляли. После ареста кс. Неманцевича разбежались все его помощники монахи из Альбертина. Таким образом закрылась католическая миссия восточного обряда в Альбертине, существовавшая с 1924 года и причинившая православным много несчастий. В Альбертин был назначен православный монах священник, который не нашел там ни одного униата. Многолетняя миссионерская деятельность альбертинских монахов иезуитов ничего не сделала для католицизма.

На востоке Беларуси пытались миссионерствовать католические священники, командированные виленским архиепископом Яблжиковским. В Минском и Смоленском округах они начали организовывать приходы. Среди них были ксендзы: Малец, Гляковский, Татариневич; в Минск прибыл кс. Годлевский. Но им не суждено было долго служить. В начале 1942 года были арестованы немцами Малец и Гляковский, и дальнейшая судьба их неизвестна. Годлевский был арестован в конце декабря того же года и расстрелян. Успели вовремя уехать на запад Горошка и Татариневич. В течение 1942-1944 годов немцы расстреляли много католических священников, заподозрив их в польской конспиративной работе. В Наваградке в марте 1944 года были расстреляны католические монахини, жившие при приходском храме. Польская конспиративная работа против немцев отразилась на судьбе католического духовенства в Беларуси.